СЛАВЯНСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

Александръ Введенскій.

Религіозныя сомнѣнія нашихъ дней.

19815

Инв. 4882.

Томъ I.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ДИТЕРАТУРНО-МУЗЕЙНЫЙ
МУЗЕЙ

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ Одесскомъ Отдѣленіи книжнаго магазина А. С. Суворина „Новое Время".
1914.

Н.

Типографія Л. Нитче, Одесса, улица Кондратенко, № 30.

ВТ
1220
Вне
Библиотека ООН
Академии Наук СССР
233
49

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашей богословской литературѣ нѣтъ спеціальныхъ изданій, гдѣ рѣшались бы всѣ религіозныя сомнѣнія текущаго времени.

А надобность въ нихъ большая. Потому что томимые „тревожными“ вопросами никогда не обратятся за помощью къ другимъ. Ложный стыдъ не позволитъ имъ этого сдѣлать. Да, пожалуй, и другіе станутъ смѣяться и издѣваться надъ ними, какъ это, къ сожалѣнію, принято у насъ.

Вотъ почему „ищущіе Бога“ предпочитаютъ собственными силами бороться съ нахлынувшими сомнѣніями, чѣмъ впустить другихъ въ свое святая святыхъ.

Для нихъ и предназначается эта книга, которая является первымъ томомъ того обширнаго труда, который задуманъ нами съ цѣлью облегчить тяжесть религіозныхъ переживаній всѣмъ искренно ищущимъ Бога своего.

Авторъ.

Одесса.
Іюнь, 1914 г.

Оскудѣніе вѣры.

(Психологическій этюдъ).

Невѣріе растетъ. Растетъ быстро, не по днямъ, а по часамъ. Развивается съ молніеносною быстротою. Крѣпнетъ съ поразительною силою. Захватываетъ все большее и большее пространство.

Какъ злое чудовище, оно постоянно врывается все въ новыя и новыя села, города, деревни, семьи и человѣческія души. Врывается со страшной силою, совсѣмъ неожиданно, со всѣми ужасами своего тлетворнаго и леденящаго дыханія. Оно губитъ и давитъ рѣшительно все, что встрѣчаетъ на пути своего тріумфальнаго шествія. Губитъ душу, губитъ совѣсть, губитъ правду и добро, губитъ все чистое и святое въ человѣкѣ, чѣмъ онъ жилъ, чѣмъ дорожилъ, чѣмъ вдохновлялся и утѣшался.

Его останавливаютъ. Ему полагаютъ на пути всевозможныя препоны. Съ нимъ борется цѣлая армія христіанскихъ апологетовъ и огромная рать „ревнителей благочестія". Но ничего не помогаетъ. Невѣріе всюду проникаетъ. Всюду несетъ съ собою великое и страшное зло. Зло для Церкви, для государства, для семьи, для всякой отдѣльной души.

Спрашивается, чѣмъ же объяснить такой непомѣрный ростъ безбожія и невѣрія? Какими причинами вызывается и обусловливается столь печальное явленіе нашихъ дней? Чѣмъ питается и поддерживается оно? Въ чемъ находитъ свою опору и успѣхъ?

Вотъ всѣ эти вопросы мы и попытаемся освѣтить въ предлагаемой статьѣ.

* * *

Мы спрашиваемъ: отчего такъ быстро развивается невѣріе въ наши дни?

А люди, считающіеся учеными, называющіе себя матеріалистами, позитивистами и другими подобными именами, такъ отвѣчаютъ на предложенный вопросъ:

Невѣріе потому такою широкою волною разлилось по лицу всей земли, что для него настала пора.

Человѣческое познаніе, говорятъ, въ своемъ естественномъ ростѣ неминуемо должно пройти три стадіи: Первая стадія—теологическая, вторая—метафизическая и третья—позитивная [1]).

На теологической стадіи находятся народы, стоящіе на самой низкой ступени умственнаго развитія. На этой стадіи человѣкъ старается объяснить себѣ многія явленія природы при помощи предположенія, что позади каждаго явленія находится какое-либо живое существо, которое создаетъ это явленіе. Затѣмъ, пытается уяснить себѣ причины происхожденія міра, опредѣлить и объяснить все то, что относится къ области сверхчувственнаго.

Теологическая стадія уступаетъ мѣсто второй стадіи — метафизической. На этой стадіи развитія человѣкъ задается вопросами о внутренней природѣ вещей.

Наконецъ, на третьей ступени развитія человѣкъ начинаетъ понимать, что все существующее внѣ нашего чувственнаго опыта не можетъ быть воспринято. Ибо познаніе сверхчувственнаго недостижимо. Изучать можно только то, что представляется нашимъ чувствамъ. Посему, всѣ вопросы о внутренней сущности вещей, о началѣ міра нужно отбросить. Равнымъ образомъ, такъ надо поступить и со всѣми вопросами относительно того, что находится внѣ сферы чувственнаго воспріятія.

Таковъ необходимый процессъ человѣческаго развитія, говорятъ намъ. Посему и нечего удивляться тому, что невѣріе растетъ, а вѣра глохнетъ и на убыль идетъ. Человѣчеству пришла пора перейти отъ одной стадіи къ другой, и оно перешло, сдѣлало шагъ впередъ, отрѣшилось отъ всѣхъ теологическихъ и метафизическихъ понятій и представленій, вошло въ сферу позитивнаго мышленія, которое отрицаетъ всѣ истины и символы въ области духа.

Такъ объясняютъ намъ причину невѣрія современные премьеры науки.

Но мы при всемъ своемъ безпристрастіи никакъ не мо-

---

[1]) Подробно объ этихъ трехъ стадіяхъ развитія см. Челпанова: „Введеніе въ философію". Изд. 3-е Кіевъ, 1907 г. стр. 240.

жемъ согласиться съ такою точкою зрѣнія. Мы протестуемъ противъ нея всѣми фибрами своей души. Мы заявляемъ, что она ложна, имѣетъ невѣрныя посылки въ своей первоосновѣ и противорѣчитъ всѣмъ историко-культурнымъ даннымъ.

Мы не отрицаемъ естественнаго развитія человѣческаго сознанія и всѣхъ зарегистрированныхъ исторіей этаповъ. Мы только оспариваемъ самый распорядокъ указанныхъ стадій. Ученые говорятъ, что теологическая стадія—удѣлъ первобытныхъ и малокультурныхъ народовъ. Мы же стоимъ за то, что она свойственна только просвѣщенному человѣчеству.

Чтобы не быть голословнымъ, предпримемъ маленькую экскурсію въ область исторіи философіи [1]).

Послѣдняя говоритъ намъ, что философскій геній человѣка изслѣдуетъ сначала сущность внѣшняго міра, сущность окружающей насъ природы; затѣмъ переходитъ къ вопросу о человѣкѣ и, наконецъ, останавливается на Томъ, Кто выше міра и человѣка, именно на Божествѣ.

Пробудившись впервые, философскій геній мудреца, какъ человѣкъ, попавшій въ невѣдомый ему край, задается прежде всего вопросомъ, гдѣ онъ, что его окружаетъ. Длинный рядъ философовъ пытливо рѣшаетъ вопросъ исключительно о внѣшней, матеріальной природѣ, почему работа ихъ мысли, обычно, и называется философіей природы или натуръ-философіей.

Отецъ философіи, Ѳалесъ, отыскиваетъ начало всѣхъ началъ въ природѣ, первичный элементъ, изъ котораго путемъ видоизмѣненія произошло все разнообразіе видимыхъ предметовъ. Онъ знаетъ, что все, что существуетъ въ природѣ, существуетъ или какъ твердое тѣло, или какъ жидкость, или какъ газъ, и дѣлаетъ геніальную догадку, что всѣ твердые тѣла, жидкости и газы произошли изъ воды. Вода сама по себѣ—жидкость; охлаждаясь и замерзая, она превращается въ ледъ, становится твердымъ тѣломъ; подъ дѣйствіемъ огня она испаряется, дѣлается газомъ.

Слѣдующій философъ, Анаксименъ, продолжаетъ Ѳалеса. Онъ учитъ, что самая вода берется изъ воздуха и видоизмѣняется воздухомъ. Нагрѣтый воздухъ впитываетъ въ себя

---

[1]) Историко-философскій процессъ развитія человѣческаго сознанія мы излагаемъ по статьѣ Петрова: „Языкъ вѣчной правды".

частицы воды, охлажденный—выдѣляетъ. Слѣдовательно, сущность всего, въ томъ числѣ и Ѳалесовской первичной воды—воздухъ.

Гераклитъ вводитъ новую стихію. „Жизнь есть движеніе“—учитъ онъ.—„Все, что живетъ и существуетъ, движется. Движется матерія, движется мысль. Причина всеобщаго движенія, жизни всего—огонь, вѣрнѣе, процессъ горѣнія. Огонь нагрѣваетъ и воду, и воздухъ, и заставляетъ ихъ перемѣщаться, принимать то бо́льшую, то меньшую плотность. Огонь есть, стало быть, причина всеобщаго разнообразія, основа — вселенной.

Эмпедоклъ видитъ недостаточность одной стихіи для уясненія всего разнообразія сущаго и беретъ въ основу своего ученія соединеніе всѣхъ стихій — и воздухъ, и воду, и огонь, а Анаксимандръ сущностью бытія признаетъ нѣчто высшее, чѣмъ всѣ стихіи вмѣстѣ или каждая порознь.

Новый философъ, Анаксагоръ, воздвигаетъ новое начало. Онъ учитъ, что все существующее существуетъ не хаотически, а въ разумномъ строѣ, порядкѣ. Значитъ, въ основѣ матеріи лежитъ разумъ, проникающій всю матерію.

Великій математикъ и философъ Пиѳагоръ намѣченную Анаксагоромъ разумность міровой матеріи дѣлаетъ основной задачей своей философіи. Онъ старается уяснить міровую гармонію.

— Въ мірѣ все гармонично, — училъ онъ; все соединено въ одно стройное законченное цѣлое. Если бы мы имѣли особо утонченный слухъ, мы бы могли въ міровомъ пространствѣ внимать необычайной гармоніи планетныхъ сферъ, какъ внимаемъ на землѣ привычнымъ ухомъ музыкальную гармонію.

Уясненіе этой міровой гармоніи, точное опредѣленіе ея законовъ, вычисленіе ея математическимъ путемъ и составляетъ сущность философскаго ученія Пиѳагора.

Послѣ Пиѳагора и его великихъ предшественниковъ, вселенная, міровая природа для пытливости философскаго генія не представляетъ больше ничего достойнаго, и философія природы уступаетъ свое мѣсто философіи человѣка. Вмѣсто основного принципа древней греческой философіи: „познай вселенную“, Сократъ провозглашаетъ: познай самого себя“.

Въ ряду другихъ греческихъ мудрецовъ Сократъ—новое

и исключительное явленіе. Насколько тѣ жили внѣшней природой, старались разгадать тайну ея бытія, настолько Сократъ не любилъ и не интересовался внѣшней природой. Когда однажды ученики, чуднымъ весеннимъ днемъ, стали звать Сократа на прогулку за городъ, онъ отказался и спросилъ:

— Чему меня можетъ научить эта глупая, хотя можетъ быть, и красивая природа?

Въ Сократѣ философская мысль шагнула далеко впередъ. Она отъ стихійной природы перешла къ разумному человѣку. Мало того, она намѣтила и послѣдній, важнѣйшій шагъ. Сократъ говорилъ, что онъ самъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ, и другихъ ничему не можетъ научить, а если въ его рѣчахъ есть что доброе и высоко цѣнное, то это отъ „даймона", отъ Божества, голосъ котораго онъ слышитъ въ себѣ.

Философія геніальнаго сократовскаго ученика, Платона, и есть, по преимуществу, философія „даймона", философія Божества. Великій преемникъ Платона, Аристотель, новыхъ горизонтовъ для полетовъ философской мысли открыть уже не могъ. До него философскимъ геніемъ были охвачены всѣ сферы познанія, и ему оставалось заняться законами самого познанія, что главнымъ образомъ, и дѣлаетъ послѣдній великій греческій философъ и первый авторъ логики, Аристотель.

Такимъ образомъ, философская мысль человѣчества въ своемъ естественномъ развитіи прошла три стадіи: познаніе природы, познаніе человѣка и, наконецъ, познаніе Божества. Это—альфа и омега, начало и конецъ, предѣльныя границы духовной жизни, роста и развитія человѣка. Сначала стихійность (природа), потомъ разумность (человѣкъ) и завершеніе всего—святость (Божество).

Тутъ вершины философской мысли сливаются съ религіей, и религіозное пониманіе міровой жизни является высшей философіей.

Пояснимъ эту мысль простыми примѣрами.

Возьмите различныя отношенія человѣка къ природѣ. Для человѣка, стоящаго на низшей стихійной точкѣ пониманія міра, природа представляется громадной кладовой, складомъ провизіи, доставшимся ему въ добычу. Для человѣка, поднявшагося на вторую ступень пониманія міробытія, смотрящаго на все сквозь призму разума, природа предста-

вляется безпредѣльнымъ научнымъ кабинетомъ, богатѣйшей лабораторіей, полной глубокихъ научныхъ тайнъ. Для человѣка же религіознаго—пониманіе природы, какъ куска добычи, какъ жирной кости, доставшейся голодной собакѣ, кажется бѣднымъ, убогимъ по внутреннему содержанію, унизительнымъ и оскорбительнымъ для его собственнаго достоинства.

Не удовлетворяется онъ и взглядомъ на природу, какъ на богатый научный кабинетъ. Онъ смотритъ на міръ, какъ на дивный и необъятный Божій храмъ, гдѣ всѣ голоса природы: и раскаты грома, и трель соловья, и шелестъ лѣсной листвы, и ревъ водопада сливаются въ одинъ общій гармоничный гимнъ.

Другой примѣръ.

Возьмите взаимныя отношенія людей. При стихійномъ пониманіи, человѣкъ для человѣка—волкъ. Одинъ смотритъ на другого, какъ на вѣрнаго соперника, какъ на врага въ общей схваткѣ за существованіе, какъ на опаснаго конкурента за жизненнымъ столомъ, гдѣ видится больше голодныхъ ртовъ, чѣмъ накрытыхъ приборовъ.

При научномъ пониманіи вопроса, человѣкъ разсматривается, какъ отдѣльный общественный атомъ, какъ клѣточка общественнаго организма, и взаимныя отношенія людей, какъ отношенія труда и капитала, опредѣляются законами политической экономіи и другихъ соціальныхъ наукъ. Для религіознаго же человѣка всякій другой человѣкъ, независимо отъ его работоспособности, отъ его положенія, взглядовъ и убѣжденій, есть ближній братъ, котораго слѣдуетъ окружать самою нѣжною любовью и за котораго въ нуждѣ обязательно надо душу отдать.

Отсюда ясно, что высшее пониманіе всей міровой жизни и различныхъ отдѣльныхъ ея проявленій—есть пониманіе религіозное. Всякое иное пониманіе неизбѣжно будетъ пониманіемъ идейно-бѣднымъ, не охватывающимъ всей глубины предмета или вопроса.

Если же религіозное пониманіе міровой жизни является высшей философіей, что доказывается и исторіей философіи и исторіей культуры, то говорить послѣ этого, что теологическая стадія есть удѣлъ первобытныхъ людей, по крайней мѣрѣ недобросовѣстно.

А если вѣрно то, что религіозное пониманіе есть высшая философія, послѣдній этапъ въ развитіи человѣческаго сознанія,

значитъ невѣрно то, будто послѣдняя стадія нашего мышленія исключаетъ возможность христіанской вѣры, значитъ, есть какая-то другая причина современнаго невѣрія.

Какая же именно?

* * *

Намъ кажется, что главная причина современнаго невѣрія кроется въ томъ, что люди отрѣшились отъ думъ о горнемъ мірѣ, приникли къ землѣ и живутъ, и дышатъ только ею. Апостолъ говорилъ христіанамъ: „горняя мудрствуйте, а не земная". Люди же мало по-малу забыли этотъ спасительный глаголъ, осуетились своими помышленіями, перенесли все свое вниманіе съ божественныхъ высотъ на грѣшную землю и прониклись ея думами, интересами и заботами. Они, какъ говорится, съ головою ушли въ заботы о благахъ внѣшняго, матеріальнаго міра. У нихъ и минутки свободной не осталось, чтобы побыть наединѣ съ самими собою, подумать о Богѣ, о загробномъ мірѣ, о душѣ.

У Панкратова [1]), въ его интересной книжицѣ „Ищущіе Бога" мы находимъ такой любопытный примѣръ.

Одинъ бывшій московскій купецъ, окончательно разорившійся, въ бесѣдѣ съ другимъ, тоже, кажется, разорившимся купцомъ говорилъ:

„Цѣлый вѣкъ мечемся, а для чего—сами не знаемъ. Родятся, растутъ дѣти,—мы не видимъ... Ангелокъ радость свою показываетъ, улыбается свѣту, а намъ некогда посмотрѣть, нужно ѣхать по дѣлу. Проживемъ въ такой бѣлой горячкѣ жизнь и какъ станемъ подводить балансы, анъ и не знаемъ—зачѣмъ жили? Неужели затѣмъ, чтобы дома́ строить? Да пропади они пропадомъ. Я стою вотъ у фонтана, думаю... и хочется мнѣ иногда влѣзть на Ивана Великаго, ударить въ Царь-Колоколъ, выстрѣлить въ Царь-Пушку, чтобы земля задрожала, и совѣсть людская проснулась. Хочется крикнуть съ Ивана Великаго всей торговой Москвѣ: „остановитесь! Христомъ Богомъ молю, остановитесь, пока еще не поздно. Бросьте наживу, посмотрите въ душу, чѣмъ живетъ она. Верните къ себѣ радость простой Божьей жизни. Не гонитесь за грошами,

[1]) Москва. 1911 г. стр. 6.

вы упускаете „тысячи"... Но знаю, никто меня не послушаетъ... Скажутъ: когда былъ богатъ, такъ не разсуждалъ, а голытьбѣ мало ли что въ голову придетъ...

— А ты, дѣйствительно, когда былъ богатъ, такъ не думалъ?—спрашивалъ Морозова Сычуговъ.

— Не думалъ. Некогда было думать. Вставалъ въ шесть часовъ утра и до поздней ночи бѣгалъ, колотился, вносилъ деньги въ банкъ, бралъ изъ банка, учитывалъ векселя, думалъ, гдѣ бы занять денегъ. Когда же тутъ думать о другомъ?

— Съ какой же минуты ты сталъ думать иначе?

— Какъ сталъ нищимъ. Я какъ будто проснулся, а вокругъ меня черепки отъ моей прежней жизни. Весь въ нутро ушелъ я и чувствую, что какъ будто только начинаю жить: во все всматриваюсь, все оцѣниваю"...

И такъ, вотъ, всѣ люди. Каждый человѣкъ „малодушно погруженъ въ заботы суетнаго міра". Гдѣ ужъ тутъ думать о Богѣ? Духовные интересы отходятъ на задній планъ. Они подавляются, приносятся въ жертву матеріальнымъ, вслѣдствіе чего, мало по-малу глохнутъ и, наконецъ, атрофируются совсѣмъ.

„Бога нужно искать внутри самого себя, говоритъ св. Левъ Великій. Онъ лучше всего распознается, такъ сказать, духовнымъ осязаніемъ. Мы должны стремиться видѣть Его своими глазами, слышать своими ушами, и наши руки должны осязать Слово жизни. Вѣдь душа наша, какъ и тѣло, имѣетъ свое чувство: вкусите и видите, какъ благъ Господь" [1]).

И это чувство должно развиваться, совершенствоваться, находить для себя пищу. Но для этого его надо поставить въ благопріятныя условія. Послѣднія таковы:

„Кто хочетъ прійти къ Господу, сподобиться вѣчной жизни, стать жилищемъ Божіимъ и удостоиться св. Духа", — читаемъ мы въ 1-мъ словѣ святаго Макарія „О сохраненіи сердца", — „тотъ, чтобы ему быть въ состояніи неукоризненнаго и чисто творить плоды по заповѣдямъ Господнимъ, долженъ положить такое начало. Во-первыхъ, должно ему твердо увѣровать въ Господа, всецѣло посвятить себя словесамъ заповѣдей Его, во всемъ отречься отъ міра, чтобы умъ совер-

---

[1]) М. Новоселовъ: „Забытый путь опытнаго Богопознанія". Изд. 3-е. Москва 1912 г. стр. 11.

шенно не былъ занятъ ничѣмъ видимымъ; всегда надлежитъ ему пребывать въ молитвѣ и не отчаяваться, ожидая непрестанно посѣщенія и помощи отъ Господа и во всякое время имѣть сіе цѣлью ума своего. Потомъ надобно ему всегда принуждать себя ко всему доброму, къ соблюденію всѣхъ заповѣдей Господнихъ, хотя бы и не желало того сердце по причинѣ пребывающаго въ немъ грѣха. Да принуждаетъ себя постоянно пребывать въ молитвахъ, во всякое время прося съ вѣрою, чтобы Господь пришелъ и вселился въ немъ, усовершилъ и укрѣпилъ его во всѣхъ заповѣдяхъ Своихъ, и чтобы душа его сдѣлалась обителью Іисуса Христа... И Господь, видя такое доброе раченіе, сотворитъ съ нимъ милость Свою, избавитъ его отъ живущаго въ немъ грѣха, исполняя его Духомъ Святымъ“ [1]).

Итакъ, вотъ что по совѣту великаго христіанскаго подвижника мы должны дѣлать, чтобы притти къ Богу, ощутить Его въ своемъ сердцѣ и чрезъ то увѣровать въ Него, сподобиться вѣчной жизни, стать жилищемъ Творца и удостоиться св. Духа.

Но развѣ современные люди близки къ такому состоянію? Стремятся къ осуществленію святоотеческихъ наставленій? Познали путь опытнаго Богопознанія?

Нисколько.

Многіе милліоны людей до такой степени поглощены теперь заботами о матеріальномъ благополучіи, что они теряютъ даже вкусъ къ высшимъ вопросамъ человѣческаго духа и заниматься ими считаютъ поэтому дѣломъ пустымъ, совершенно несвойственнымъ дѣловому человѣку.

Другіе при полной матеріальной обезпеченности и при совершенной свободѣ отъ всякихъ дѣловыхъ занятій увлечены цѣликомъ погоней за удовольствіями и внѣшними радостями жизни.

Словомъ, люди цѣликомъ ушли въ земное и даже не мечтаютъ о небесномъ. Голосъ Христа Спасителя не находитъ доступа къ ихъ сердцу, не призываетъ ихъ къ внутренней работѣ, не влечетъ ихъ мыслей къ горнему міру. Они духовно

---

[1]) Тамъ же стр. 21.

не растутъ. А если организмы не растутъ, они неизбѣжно должны ухудшаться.

Въ природѣ (физической, равно и духовной) существуетъ законъ, по которому всякій органъ, не развиваемый, не упражняемый, постепенно ослабѣваетъ и, наконецъ, совершенно атрофируется, парализуется и даже вымираетъ.

Въ интересной книжкѣ Витковскаго „За океанъ“ [1]) мы находимъ великолѣпные иллюстраціи къ развиваемому нами положенію.

Авторъ сообщаетъ намъ, что въ огромныхъ пещерахъ австрійской провинціи Карнеоліи и американскаго штата Кентукки живутъ цѣлыя особенныя породы крысъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, раковъ и даже рыбъ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ находятся подземныя озера и рѣки. Всѣ эти животныя, принадлежащія къ различнымъ отдѣламъ и классамъ, сходятся между собою въ томъ отношеніи, что всѣ они совершенно слѣпы. У тѣхъ, которыя живутъ поближе къ самому входу въ пещеру, глаза существуютъ, но ничего не видятъ; а у многихъ другихъ, живущихъ въ самой глубинѣ пещеръ, нѣтъ даже признаковъ органа зрѣнія, не существуетъ глазныхъ впадинъ. Очевидно, туда, подъ своды пещеръ, цѣлые вѣка не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта. Рыбы и крысы никогда не пользовались органомъ зрѣнія, и онъ сначала ослабѣлъ у нихъ, парализовался, а потомъ и совсѣмъ исчезъ.

Такъ и съ духовнымъ зрѣніемъ. Просвѣтленное, нравственное чувство даетъ человѣку возможность слышать въ себѣ голосъ Божества. „Блаженны чистые сердцемъ: они Бога узрятъ“ [2]). Нерадѣніе же о нравственномъ самоусовершенствованіи приводитъ къ духовной слѣпотѣ, къ полному притупленію чувства реальности [3]), т. е., чувства присутствія вблизи себя или же въ себѣ той высшей Силы, которую мы называемъ Богомъ. О людяхъ подобнаго рода Христосъ Спаситель говорилъ: „и сбывается надъ ними пророчество Исаіи, которое говоритъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и глазами смо-

---

[1]) Стр. 252.

[2]) Матѳ. 5 гл. 8 ст.

[3]) Пространно объ этомъ см. у Джемса: „Многообразіе религіознаго опыта“ стр. 46—69.

трѣть будете, и не увидите; ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами съ трудомъ слышатъ, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ“ [1]). Послѣ этого становятся вполнѣ понятны и слова притчи о талантахъ [2]): „всякому имѣющему дастся и пріумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что онъ имѣетъ“ [3]).

Вотъ это то самое съ буквальной точностью исполнилось и на современномъ человѣчествѣ. Духовныя потребности совершенно заглохли у него. Оно не росло духовно, не совершенствовалось морально, не занималось вопросами о Богѣ и о душѣ. Вотъ почему оно и лишилось способности чувствовать Божество, сообщаться съ Нимъ, понимать все относящееся къ Нему, все говорящее о Немъ.

Лучше всего эту мысль иллюстрировать такою притчей:

„Въ глубокомъ, постоянно шумѣвшемъ бору, росла сосенка, маленькая и тонкая: красноватыя вѣточки ея всегда трепетали отъ вѣтра, залетавшаго въ глубь лѣса съ безконечныхъ жаркихъ полей. Кругомъ поднимались старыя, толстыя сосны и шумѣли своими колючими вершинами. Сосенка росла, какъ росли всѣ, и уже скоро она должна была уйти высоко-высоко, стать надъ темнымъ вѣковымъ боромъ, окинуть смѣлымъ взглядомъ вокругъ и тихо, и благоговѣйно взглянуть въ бездну синяго неба, съ его вѣчными звѣздными огнями.

Но пришелъ въ глубокій вѣчно шумѣвшій боръ человѣкъ. Онъ повалилъ на черную, сырую землю много сосновыхъ вершинъ, гордо озиравшихся вокругъ и тихо, и благоговѣйно смотрѣвшихъ въ синее небо, на вѣчные переливающіеся огни его... Маленькая тоненькая сосенка была не нужна ему. И онъ, проходя мимо, только надрубилъ ее шаловливымъ взмахомъ топора и, напѣвая, прошелъ дальше.

А маленькая сосенка начала клониться на одну сторону. По свѣжей ранѣ ея текли слезы, и она склонялась ниже и ниже. И согнулась такъ, что молодая вершина ея начала расти не ввысь, а въ сторону.

---

[1]) Матѳ. 13 гл. 14—15.

[2]) Матѳ. 25 гл. 29 ст.

[3]) Петрова „Евангеліе какъ основа жизни“. изд. 15 стр. 60.

Прошли года... Окрѣпла сосенка, отъ раны остался только глубокій желтый рубецъ. Но сосенка росла не въ высь, а въ сторону.

Ея подруги давно поднялись вверхъ и качались тамъ стройными, круглыми вершинами, оглядывая все вокругъ и тихо, и благоговѣйно взирая на небо и на вѣчные огни его.

И говорили онѣ сосенкѣ, оставшейся далеко у земли: у насъ здѣсь синее небо и солнце. Въ ночи намъ свѣтятъ лучистыя звѣзды и далеко намъ виденъ зеленый кругозоръ.

А сосенка ползла вдоль земли и видѣла только лѣсныя тѣни, длинную жесткую траву, сырую землю. И отвѣчала она далекимъ, гордо шумящимъ сестрамъ:

— У меня тѣни, трава и земля. И только... О какомъ синемъ небѣ говорите вы? О какомъ солнцѣ? О какихъ лучистыхъ звѣздахъ?... И далей никакихъ не знаю я: здѣсь только стволы и вьющаяся поветель, и тѣни.

А сестры опять шумѣли сверху:

— Повѣрь: здѣсь солнце, какъ множество веснъ, собравшихся вмѣстѣ. Здѣсь свѣтлыя звѣзды горятъ и переливаются. Въ ночахъ — только смотрѣть бы на нихъ и тихо шевелить одеждою, привѣтствуя ихъ. И стоитъ надъ нами небо, и одѣваетъ наши вершины синею и прозрачною дымкою... И окутанныя—мы засыпаемъ, какъ въ колыбели...

А сосенка стонала внизу у земли, среди тѣней и цѣпкихъ травъ:

— Не вѣрю! Не вѣрю!

Но въ томъ стонѣ были не однѣ земля, тѣни и цѣпкія травы: въ немъ была тоска по синему небу и солнцу, и звѣздамъ, навсегда скрытымъ отъ маленькой искалѣченной сосенки".

Конечно, это сказка [1]).

Но въ ней слышна какая-то другая тоска, какое-то другое глубокое горе. То горе бѣдныхъ людей, ползущихъ по землѣ, въ вѣчныхъ тѣняхъ и цѣпкихъ травахъ. То тоска по Невѣдомому Богу, по бѣлымъ кроткимъ ангеламъ, по широкому горизонту, среди постоянныхъ потемокъ.

---

[1]) Она принадлежитъ современному талантливому беллетристу Кумову, автору прекрасныхъ очерковъ, изданныхъ подъ заглавіемъ „Безсмертники", откуда мы и позаимствовали вышеприведенную притчу см. стр. 210.

Вотъ эта-то бѣдная сосенка и есть символъ современнаго человѣчества, которое, прильнуло къ землѣ и не желая оторваться отъ нея, не видитъ неба, не имѣетъ никакого понятія о немъ и потому естественно отрицаетъ существованіе его, когда рѣчь заходитъ о немъ.

Объ этомъ и апостолъ Павелъ говоритъ:

„Душевный человѣкъ, писалъ онъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, не принимаетъ того, что̀ отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетѣ это безумiемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно“ [1]).

Итакъ, подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны сказать вотъ что:

Человѣчество не вѣритъ теперь главнымъ образомъ потому, что оно потеряло способность Богопознанія. А потеряло оно ее потому, что никогда не употребляло ее, вслѣдствіе чего она заглохла и атрофировалась.

* * *

Другою весьма важною и существенною причиною современнаго невѣрія является, по нашему глубокому убѣжденію, настоящая постановка религіознаго воспитанія и образованія.

Въ доброе старое время родители прежде всего заботились о томъ, чтобы воспитать своихъ дѣтей въ духѣ и истинѣ христіанской вѣры. Съ этою цѣлью ихъ зачастую водили въ храмъ, читали имъ книги религіозно-нравственнаго содержанія, разсказывали житія святыхъ. Заставляли молиться Богу, исполнять всѣ обряды и установленія православной Церкви, внушали уваженіе и любовь ко всему священному, церковному, христіанскому. И благодаря такой постановкѣ семейнаго воспитанія, религіозное чувство въ молодомъ поколѣніи крѣпло, расло, развивалось и приносило плодъ многъ. О невѣріи рѣдко и слышно было. О сомнѣніяхъ никто и не заикался.

Теперь же совсѣмъ не то. Теперь мало того, что не обращаютъ никакого вниманія на религіозное воспитаніе, но еще протестуютъ противъ него, находятъ его несвоевременнымъ, вреднымъ и опаснымъ для дѣтей.

---

[1]) 2 гл. 14.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

„Какъ-то разъ постомъ, — говоритъ дѣйствующее лицо разсказа современной писательницы З. Гиппіусъ „Сумасшедшая“,—сидимъ мы въ гостиной послѣ чая. Клавдія за книжкой. Входитъ Вѣра,—Андрюшку спать укладывала. Беретъ что-то со стола и говоритъ мнѣ довольно небрежно: „завтра я думаю итти къ обѣднѣ съ Андрюшей. Буду его причащать».

„А у меня, знаете, относительно этого давно уже было свое незыблемое и весьма обоснованное рѣшеніе.

— Причащать? Нѣтъ, душа моя. Совершенно лишнее.

„Она подошла, спокойно сѣла возлѣ меня и глаза прищурила.

— Почему? Я, напротивъ, нахожу, что для ребенка необходимо.

— Напрасно находишь. Помнится, мы даже съ тобой объ этомъ какъ-то разсуждали. Во-первыхъ, Андрюшино здоровье мнѣ дорого; не говоря уже о тѣснотѣ и духотѣ, вспомни, что тутъ приносятъ цѣлую кучу неизвѣстныхъ ребятъ, а ложка одна...

„Вѣра еще болѣе прищурила глаза.

— Великолѣпно! Далѣе?

— А далѣе — я нахожу, что никакихъ обрядовъ надъ нимъ исполнять, ни говорить съ нимъ о подобныхъ вещахъ теперь, пока онъ не можетъ сознательно ихъ принять или отвергнуть, не слѣдуетъ. Это, если хочешь,— недобросовѣстное насиліе. Вырастетъ онъ,—разумъ ему подскажетъ, что дѣлать. Его будетъ воля.

„Вѣра ни слова. Смотритъ на меня въ упоръ и молчитъ.

„Няньку, которая развивала ребенка религіозно, ты отпустила—и хорошо сдѣлала. И тебя прошу,—прибавилъ я твердо, ни о чемъ такомъ ребенку не говорить, а довольствоваться при необходимости самими крайними объясненіями... Причащать не нужно...“

Возьмемъ еще повѣсть англійской писательницы Корелли: „Исторія дѣтской души“. Здѣсь говорится, что отецъ одного мальчика, Ліонеля, профессоръ, давно потерявшій вѣру въ Бога, тщательно разъяснялъ мальчику, что въ настоящее время лишь одно грубое невѣжество еще вѣритъ въ Божественное Начало, что интеллигентные люди давно пришли къ заключенію,

что нѣтъ Бога, что „первая причина“ есть атомъ, порождающій другіе атомы, которые, вращаясь непрестанно, безсознательно, одной силой матеріи создаютъ міръ, что въ Божество Іисуса Христа могутъ вѣрить только люди простые, слабоумные и т. д.

О подобнаго рода воспитаніи и воззрѣніяхъ на религіозное обученіе дѣтей см. еще повѣсть Мамина-Сибиряка: „Профессоръ Спирька“, разсказъ М. Криницкаго: „Наслѣдственность“ и др.

Формулировать всѣ возраженія противъ религіознаго воспитанія дѣтей можно такими словами Кузьмина-Вьюгова, ожесточеннаго противника религіи въ семьѣ и автора тенденціозно написанной брошюрки: „О религіозномъ воспитаніи дѣтей“.

„Учить дѣтей религіи—рано: они мало развиты. Учить дѣтей безплодно,—не поймутъ. Учить дѣтей вѣрѣ даже несправедливо: это значитъ насиловать ихъ совѣсть. Когда вырастутъ, тогда и облюбуютъ вѣру, тогда и усвоятъ ее сознательно. Учить дѣтей даже вредно: это можетъ помѣшать ихъ свѣтлому физическому воспитанію, можетъ удручающимъ образомъ подѣйствовать на развитіе мозга, положить печать меланхоліи, заложить сѣмена будущаго религіознаго ригоризма, фанатизма, даже умопомѣшательства“.

Вотъ что говорятъ и пишутъ теперь по поводу религіи въ семьѣ и школѣ.

Конечно, такого рода родители и воспитатели никогда не смогутъ пробудить въ душѣ своихъ питомцевъ чувства вѣры. Если вопреки всякимъ предосторожностямъ и карантинамъ религіозное чувство и пробьется въ комъ-нибудь изъ дѣтей, то они убьютъ, погубятъ его и приложатъ все свое стараніе къ тому, чтобы съ корнемъ вырвать его изъ души богобоязненнаго дитяти.

Какъ это они дѣлаютъ—намъ показываетъ повѣсть Марка Криницкаго „Наслѣдственность“.

Въ семьѣ Сережи Трунина атмосфера искренняя, любящая, но какая-то испуганная. Здѣсь боятся всякой „прекрасной лжи, потому что рано или поздно она разобьетъ сердце“. И люди готовы были сжечь всю дѣтскую литературу, сказки и фантастическія повѣсти.

Факты.., Факты... Естественно-научное образованіе —дис-

Библиотека Центрального Антирелигиозного Музея
Библиотека Академии Наук СССР

циплина ума. И мальчика засаживали за книжки, гдѣ говорилось о землѣ, водѣ, воздухѣ... И холодно было не только Сережѣ, но и матери, пожалуй, и отцу.

Хотѣлось чего-то, какихъ-то независимыхъ отъ „фактовъ“ основъ жизни,—„сказки“,—хотѣлось—даже и... отцу.

— Папа, о чемъ ты пишешь?—разъ спросилъ Сережа.

— Я, дружокъ, спрашиваю жизнь.

— Какъ?

— Я заставляю ее отвѣчать мнѣ цифрами.

— Это „факты“?..

Отецъ задумался и вдругъ привлекъ къ себѣ голову ребенка—точно хотѣлъ заглушить острую боль.

Онъ плакалъ...

— Да, мой другъ,—наконецъ, сказалъ онъ съ усиліемъ.— Это-то́ самое, что называютъ фактами.

„И это—все, что есть у мыслящаго человѣка. Когда ты подрастешь, я разскажу тебѣ все, что самъ узналъ изъ фактовъ, изъ цифръ“.

Но Сережѣ казалось, что этотъ большой и несчастный человѣкъ говоритъ неправду, и онъ почувствовалъ въ груди острую жалость къ отцу.

А ему часто хотѣлось спросить: „отчего мама захотѣла причаститься передъ смертью, зачѣмъ другіе люди ходятъ въ церковь?“

Чуткимъ сердцемъ онъ чувствовалъ зловѣщую тайну. Онъ завидовалъ боннѣ, которая по воскресеньямъ приходила изъ кирхи—строгая, важная, чѣмъ-то обрадованная.

Часы стучали—факты... факты...

И было страшно...

А когда позже Сережа совсѣмъ потерялъ своего Бога, онъ мечется въ пустой „тьмѣ“ и все сильнѣе возрастаетъ его его безыменный ужасъ...

„Папа, опусти шторы! Мнѣ страшно!“ . . . . . .

. . . . . .

Вотъ какъ губятъ въ отрокахъ и юношахъ вѣру въ Бога.

Конечно, это ужасно, безбожно, безчеловѣчно, возмутительно, но это такъ.

Да, губятъ душу теперь съ младенческихъ лѣтъ. Сушатъ

ее. Убиваютъ зародыши вѣры. Подавляютъ первые проблески религіознаго чувства.

Естественно поэтому, что вѣра оскудѣваетъ, а невѣріе крѣпнетъ и растетъ.

Говорятъ, когда дѣти выростутъ, тогда они сознательно все усвоятъ.

Но позвольте, разъ у нихъ будетъ атрофировано религіозное чувство, неужели они смогутъ повѣрить? Неужели парализованное чувство вновь воспримет свою прежнюю силу и будетъ такъ же свободно функціонировать, какъ и раньше?

Никогда и ни за что. То, что умерло, то вновь не возродится.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ вполнѣ справедливо замѣтилъ великій философъ Кантъ:

„Если говорить ребенку о Богѣ только послѣ, то въ первые годы, слыша постоянно Его имя, видя внѣшніе знаки богопочитанія и не испытывая самъ ничего къ Невидимому Богу, онъ или привыкнетъ быть къ Нему равнодушнымъ, или получитъ превратныя понятія о Немъ“.

Интересными въ этомъ отношеніи являются дѣтскія воспоминанія Жоржъ-Зандъ. Ея религіознымъ воспитаніемъ занимались мало. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда вмѣстѣ съ ней жила мать, ее заставляли время отъ времени заучивать молитвы. Когда матери подлѣ нея не стало, ей, по словамъ біографа, „предоставляли по собственному усмотрѣнію вѣрить во всѣхъ боговъ или не вѣрить ни въ одного, и она не вѣрила, а между тѣмъ, разсказываетъ она въ своей автобіографіи, „мнѣ нуженъ былъ идеалъ, нуженъ былъ Богъ, котораго я могла бы поставить во главѣ вселенной“. И она десятилѣтней дѣвочкой приступаетъ къ созданію своей собственной религіи. Она создаетъ себѣ идею Бога, который „не имѣлъ пола и являлся мнѣ то въ образѣ женщины, то въ образѣ мужчины. Я надѣляла его всѣми аттрибутами физической и нравственной красоты, даромъ краснорѣчія, въ особенности силой музыкальной импровизаціи“. Юная Жоржъ-Зандъ создала и нѣчто въ родѣ культа своему Богу. Она, говоритъ біографъ, „отыскала въ паркѣ маленькую лужайку, окруженную чащей большихъ деревьевъ и густыхъ кустарниковъ; тамъ она устроила изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, моху и раковинъ нѣчто въ родѣ жер-

твенника, украсила его гирляндами и букетами цвѣтовъ и приносила на немъ своему Богу жертвы, которыя состояли въ томъ, что она ловила птичекъ, маленькихъ звѣрковъ, насѣкомыхъ, запирала ихъ въ ящичекъ и потомъ выпускала на волю въ честь бога любви и свободы.“ [1])

Другой примѣръ. Одинъ нѣмецкій ученый, желая воспитать своего сына въ полномъ незнаніи религіи, никогда не разсказывалъ ему о Богѣ и принялъ строгія мѣры къ тому, чтобы мальчикъ ничего не узналъ про Него. И вотъ мальчикъ самъ создалъ себѣ Бога. Это было солнце. Рано утромъ онъ тайкомъ ходилъ въ садъ, чтобы сноситься со своимъ божествомъ. Когда мальчику было десять лѣтъ, отецъ случайно открылъ это. Однажды утромъ онъ вошелъ въ садъ и увидѣлъ, какъ мальчикъ воздѣвалъ въ молитвѣ руки къ своему богу, къ солнцу. [2])

Вотъ какъ опасно предоставлять дѣтей самимъ себѣ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія. Правъ, сто разъ былъ правъ Кантъ, когда говорилъ, что если будемъ медлить сообщать дѣтямъ элементарныя свѣдѣнія о Богѣ, то они создадутъ свои собственныя представленія о Немъ, которыя будутъ ложными, превратными.

Говорятъ, не надо дѣтямъ разсказывать никакихъ легендъ, потому что „суевѣрія“ только развращаютъ и умъ, и сердце, и волю.

Мать барчонка, въ разсказѣ „Профессоръ Спирька“ Мамина-Сибиряка, ужаснулась, узнавъ, что ея кучеръ разсказываетъ мальчику объ угодникѣ „Паисіи“, мощи котораго покоятся въ Городищенскомъ монастырѣ, на Волгѣ.

„Ему-то, разсказывалъ кучеръ—Спирька, преподобному Паисію-то, каждый годъ новые башмаки шьютъ, потому какъ онъ, угодникъ Божій, всю округу за годъ-то обойдетъ. Гдѣ люди хорошіе живутъ, гдѣ бѣдные, больные, несчастные, у каждаго побываетъ. Его никто не видитъ, а онъ каждому поможетъ. Ну, на годъ еле-еле башмаковъ-то и хватаетъ“.

Мать-то, повторяемъ мы, ужасается, слыша подобные разсказы, недовольна на Спирьку за „суевѣрія“, а писатель совершенно иначе относится ко всему этому.

---

[1]) Лозинскій: „Новыя проблемы воспитанія“. СПБ. 1912 г. 25 стр.
[2]) Д-ръ Е. Деннертъ: „Умеръ ли Богъ?“ стр. 133. Одесса. 1914 г.

„Вѣдь это еще вопросъ,—говоритъ онъ,—что лучше: громъ, какъ результатъ разрѣженія атмосфернаго электричества, или какъ поэтическій образъ пророка, несущагося на огненной колесницѣ. Конечно, кучеръ Спирька говорилъ много лишняго, но *за вычетомъ этого явились такія представленія, образы и слова, которыя падали на дѣтскую душу весеннимъ дождемъ, вызывающимъ первую травку, нѣжную, хрупкую и благоуханную.* Въ дѣтской душѣ, окропляемой этими новыми словами, просвѣчивалась та святая русская тоска, которая спасаетъ русскаго человѣка".

Говорятъ: «не надо насиловать ребенка..."

„А развѣ не насиліе мѣшать ребенку жить?—восклицаетъ „Сумасшедшая" у Гиппіусъ. Почему, по какому праву, мы откажемъ ребенку въ томъ, къ чему онъ въ силу внутренняго порыва тянется? Зарони въ него искру,—она, можетъ быть, и разгорится. А насильственная темнота, на которую ты обрекаешь моего мальчика..."

„Вы... вы...—говорила, задыхаясь Вѣра,—мало вамъ, что меня погубили. Вы и ребенка моего хотите обездолить... Все, что въ дѣтствѣ дорого... отчего потомъ и человѣкомъ живымъ можно остаться... Заранѣе ему жилы перегрызаете... О, безбожники, безбожники!" [1])

Да, это вѣрно. Если заронить въ ребенка искорку, она можетъ быть, и разгорится. А если нѣтъ, если не будетъ этой искорки, то и огонь въ его душѣ не возгорится никогда.

Посему, отсюда выводъ таковъ: дѣтямъ можно и должно говорить о Богѣ и Божьей правдѣ.

Но у насъ не говорятъ. И потому религіозное чувство у нашихъ дѣтей постепенно глохнетъ и замираетъ. Потому вѣра оскудѣваетъ, а невѣріе множится и растетъ. Потому много въ нашъ вѣкъ званыхъ, но мало избранныхъ.

* * *

Есть еще одна довольно существенная причина, способствующая прогрессивному росту современнаго невѣрія.

Это—отсутствіе живыхъ примѣровъ вѣры. Полный разладъ между словомъ и дѣломъ, между вѣрой и жизнью, между идеаломъ и дѣйствительностью.

---

[1]) З. Гиппіусъ: „Алый мечъ" 4-я книга разсказовъ Спб. 1906 г. стр. 189—189

Такъ какъ этотъ факторъ обыкновенно оспаривается людьми, то мы постараемся затронутую нами мысль подтвердить соотвѣтствующими примѣрами.

Начнемъ съ дѣтей.

Дѣти, какъ извѣстно, живутъ подражаніемъ. Они инстинктивно повторяютъ своихъ родителей. Посему, если послѣдніе не являютъ собою примѣра истинно-христіанской жизни, не исполняютъ всѣхъ предписаній православной церкви, то можно быть увѣреннымъ, что дѣти, сколько бы имъ ни твердили о Богѣ, не будутъ вѣрующими людьми.

Доказательства сему можно найти у Франциска Манъ, въ его произведеніи: „Воспитаніе Гюнтера".

Картина почти всѣмъ знакомая.

„Гюнтеръ, едва началъ говорить „папа" и „мама", какъ уже зналъ Бога... Богъ жилъ на небѣ, все видѣлъ. Нянька знала безчисленное множество разсказовъ, въ которыхъ говорилось о добротѣ и любви Бога. Однако, при малѣйшей попыткѣ со стороны мальчика ослушаться, она неизмѣнно застращивала его тѣмъ же Богомъ. Мальчикъ боялся Бога, И крѣпко любилъ Его. Его юную душу радовали райскія картины, подсказанныя ему пылкой дѣтской фантазіей. И, ложась спать, онъ каждый вечеръ устремлялъ свои мысли къ небу".

Но религіозность мальчика тянулась недолго. Скоро жизнь разбила ее.

Однажды Гюнтеръ спросилъ у отца: одинаково ли зорко слѣдатъ Богъ за взрослыми, какъ и за дѣтьми?" Ему почему-то казалось, что въ отношеніи взрослыхъ „Богъ какъ будто немного близорукъ"...

Вскорѣ послѣ этого Гюнтера сталъ интересовать другой вопросъ:

„Почему взрослые находили возможность не бояться Бога?"

Ребенокъ, съ того времени, какъ начинаетъ понимать, съ недоумѣніемъ замѣчаетъ, что Бога „обижаютъ, игнорируютъ".

И эти наблюденія ослабляли силу няниныхъ словъ: „Богъ накажетъ".

Въ то же время холодность и равнодушіе семьи постепенно заражаютъ Гюнтера и подтачиваютъ его вѣру.

Наконецъ, онъ и совсѣмъ ликвидируетъ свою вѣру. Богъ теряетъ для него авторитетъ, которымъ ранѣе его пугали. И

все рушится у него, потому что пониманіе его, какое было, оказалось не поддержаннымъ наблюденіемъ. Богъ остается для прислуги. Въ девять лѣтъ Гюнтеръ, въ сущности, ликвидировалъ своего Бога.

И то, что случилось съ Гюнтеромъ, то наблюдается теперь почти во всѣхъ семьяхъ. Потому что рѣдко теперь кто учитъ не только словомъ, но и дѣломъ. И вотъ гдѣ причина того, что вѣра оскудѣваетъ не только среди взрослыхъ, но и среди дѣтей.

Взрослые тоже теряютъ вѣру свою оттого, что нѣтъ жизни по вѣрѣ, нѣтъ исповѣданія Бога, нѣтъ живыхъ душъ.

Это происходитъ, главнымъ образомъ, потому, что люди, не видя рядомъ съ собою другого человѣка, котораго они могли бы считать своимъ единомышленникомъ, на котораго они могли бы опереться, въ концѣ концовъ приходятъ къ мысли, что они совершенно одни со своей вѣрой, что нѣтъ никого другого, кто бы вѣрилъ, какъ они. А это и ведетъ къ крушенію вѣры. Здѣсь особенно ярко проявляетъ себя опасность одиночества. Эти „заброшенные“ необходимо должны итти подъ уклонъ и прійти къ отчаянію, къ боязни вѣрить, а потомъ и окончательно потерять эту вѣру.

Человѣкъ не знаетъ, есть ли у него единомышленники, братья среди этой, какъ ему кажется, сплошь сомнѣвающейся толпы, и онъ, „вѣруя“, въ отчаяніи готовъ отказаться отъ вѣры. „Опустѣвшія“ (по выраженію Поля Фурньера) души ищутъ къ кому „прижаться“ и прижимаются къ другимъ опустѣвшимъ душамъ, зачастую невѣрующимъ, отъ которыхъ заражаются и индиферентизмомъ, и невѣріемъ, и сомнѣніями.

Что вѣра сама по себѣ, безъ ея исповѣданія и проведенія въ жизнь, вызываетъ сомнѣнія въ наличности вѣры, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдущіе примѣры.

Муррей пишетъ:

„Послѣ вѣнчанія одного приказчика, я, зная его невѣріе, звалъ его къ вѣрѣ.

„Не говорите мнѣ объ этомъ, отвѣтилъ онъ. Я работаю въ домѣ NN. Эти господа имѣютъ большое значеніе въ дѣлѣ Церкви, но мы, приказчики, знаемъ, какъ они ведутъ свое торговое дѣло... Нѣтъ, я не имѣю никакого желанія сдѣлаться христіаниномъ.

„Посмотрите вы на мнимаго благочестивца, какъ онъ копитъ свои милліоны и живетъ съ расточительною роскошью, въ то время, какъ бѣдные голодаютъ у порога его богатаго жилища.

„Вы скажете мнѣ, что подобные образцы христіанства не являются поводомъ къ невѣрію. Люди должны учиться различать истинность христіанства отъ жалкаго его подобія.

„Я съ этимъ согласенъ.

„Естественно, что разумный человѣкъ никогда не откажется взять не фальшивыя деньги; потому что вращаются въ обиходѣ фальшивыя. Но много существуетъ такихъ людей, которые не обладаютъ даромъ распознавать.

„Большинство не знакомо съ христіанствомъ по первоисточникамъ, а свои представленія о немъ составляетъ соотвѣтственно тому, что оно видитъ и слышитъ въ ежедневной жизни отъ тѣхъ, которые считаютъ себя христіанами.

„Если это—христіанство,—можете вы услышать отъ такихъ искателей истиннаго пути,—то я ничего не хочу отъ него".

И они предпочитаютъ невѣріе.

Другой примѣръ.

Въ городѣ N умиралъ одинъ образованный и очень извѣстный городу богатый человѣкъ.

Онъ считался безбожникомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ давно пересталъ вѣрить въ живого Бога.

Когда къ нему пришелъ священникъ, умирающій не захотѣлъ послѣдняго уѣшенія.

— Поздно!..—сказалъ онъ.—Нѣтъ во мнѣ вѣры.

— Какъ же вы пришли къ такому состоянію невѣрія?—спросилъ его священникъ.

— А объ этомъ я напишу вамъ на бумагѣ, если вы обѣщаете въ своей проповѣди огласить мое письмо.

Священникъ обѣщался.

Когда кончилось при большомъ стеченіи народа отпѣваніе, священнику, вышедшему на амвонъ для бесѣды, подали письмо, и онъ, по обѣщанію, прочиталъ его.

„Я не вѣрю,—писалъ безбожникъ, — потому что видѣлъ васъ, вѣрующихъ. Я не вѣрилъ, сомнѣвался; вы говорили о себѣ, какъ хранителяхъ вѣры.

Но чѣмъ отличается ваша жизнь отъ моей? Вы жили. какъ и я, какъ будто у васъ не было и мысли о судѣ Божіемъ, Вы жили, какъ и я, — такъ, какъ можно жить, не думая о жизни будущей... Какъ и вездѣ, у васъ вражда. Какъ и вездѣ, нѣтъ любви.

Я и подумалъ, какое преимущество быть вѣрующимъ, если эта вѣра идетъ мимо жизни? Подумалъ еще и рѣшилъ, что и вы тоже не вѣрите. Не могутъ жить такъ люди, которые вѣрятъ въ Бога всевѣдущаго и праведнаго.

И я пересталъ вѣрить совсѣмъ, наблюдая жизнь вѣрующихъ“ [1]).

Можно было бы еще и еще привести примѣровъ, но, думаемъ, и этихъ вполнѣ достаточно. И эти примѣры наглядно показываютъ намъ, что невѣріе растетъ, а вѣра глохнетъ потому, что въ нашей жизни нѣтъ свѣтильниковъ вѣры, нѣтъ живыхъ примѣровъ истиннаго благочестія, нѣтъ соотвѣтствія между словомъ и дѣломъ, между идеаломъ и дѣйствительностью.

* * *

Много значенія въ дѣлѣ утраты религіознаго чувства въ современномъ обществѣ имѣетъ еще такъ называемый „научный фетишизмъ“, т. е. всеобщее преклоненіе предъ наукой, признаніе ея верховнаго авторитета, вѣра въ ея могущество и непогрѣшимость, и, въ частности, довольно широко распространенное суевѣріе, будто бы наука не согласуема съ религіей, противорѣчитъ ей и даже отрицаетъ ея разумность и необходимость.

Это прекрасно понимаютъ вѣчные враги Христова ученія и потому употребляютъ всевозможныя усилія, лишь бы раздуть кажущуюся и мнимую вражду между наукой и религіей и черезъ то раздразнить и привлечь къ невѣрію незрѣлые и несамостоятельные умы, податливые на лесть и падкіе на все модное, современное.

Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ того, какими средствами и словами отбиваютъ у людей вѣру въ Бога.

---

[1]) Церковь. 1913 г. № 21, стр. 498.

„Религія будущаго, т. е. научное міровоззрѣніе, читаемъ въ одной изъ брошюръ „Нѣмецкаго Союза Монистовъ", не нуждается въ Творцѣ... Старая вѣра въ Него несостоятельна; она противорѣчитъ и наукѣ, и разумному мышленію... Признавать, что природа имѣла начало—немыслимо, хотя въ настоящее время нѣкоторые натурфилософы и считаютъ нужнымъ признавать его, но это—не логично... Наука и разумъ требуютъ вѣры въ вѣчность всеобъемлющей природы" [1]).

Въ соціалистическихъ агитаціонныхъ брошюрахъ сплошь да рядомъ повторяютъ, что всѣ „естествоиспытатели, почти безъ исключеній,—невѣрующіе". [2])

Такъ, напримѣръ, въ „Азбукѣ Знанія" Дуэ читаемъ: „наши величайшіе натуралисты—невѣрующіе... вы же, господа набожные, еще никогда не разрѣшили ни одной загадки бытія, не придвинули насъ ни на одинъ шагъ къ сущности вещей, а всегда вели насъ только къ заблужденіямъ воображенія". [3])

Въ другой книжкѣ, сходнаго типа, говорится: „почти безъ исключенія, всѣ естествоиспытатели и астрономы—радикально невѣрующіе: они столь же мало, какъ и мы, понимаютъ вселенную, однако единогласно заявляютъ, что въ ней нѣтъ ни мѣста, ни дѣла для Бога". [4])

Точно также въ наиболѣе распространяемой англійской Ассоціаціей Раціоналистической прессы вольнодумной книжкѣ Вивіана Филипса считается „въ высшей степени сомнительнымъ, чтобы нашелся хотя бы одинъ ученый или философъ, который дѣйствительно придерживался бы доктрины личнаго Бога" [5]).

Англійскій переводчикъ и панегиристъ Геккеловыхъ „Міровыхъ Загадокъ" Макъ-Кэбъ утверждаетъ, что „современные представители науки—матеріалисты, атеисты, агностики и противники христіанства, и по необходимости должны быть таковыми". [6])

---

[1]) Kramer-Magdeburg. Die Religion der Zukunft. Hamburg. 1908 . p. 6—7.

[2]) Foerster. Das Christenthum unserer Zeitgenossen. 4—5.

[3]) См. В. Кожевникова: „Современное научное невѣріе." Сергіевъ Посадъ. 1912 г. стр. 40, откуда мы позаимствовали и первыя двѣ цитаты.

[4]) Dennert. Die Religion der Naturforscher. 7 изд. Berlin 1908 г. стр. 12

[5]) Tabrum. Religious Beliefs of Scientists. London. 1910 г. p. XI.

[6]) idem. p. I.

„Невѣріе царитъ всюду, пишетъ Чарльзъ Уатсъ, оно заполнило наши научные центры". [1])

„Ни одинъ образованный человѣкъ, увѣрялъ Бюхнеръ, ни одинъ даже поверхностно знакомый съ успѣхами естествознанія не можетъ вѣрить ни въ чудеса, ни въ откровеніе"...[2])

„Теперь, восклицаетъ онъ, необходимъ новый натискъ для окончательнаго устраненія того понятія (Бога), которое стоитъ поперекъ дороги всему нашему умственному, соціальному и политическому развитію, понятія, несогласимаго съ современнымъ научнымъ развитіемъ... Надо покончить съ этимъ худшимъ врагомъ всеобщаго прогресса! Невѣріе—единственный путь къ свободѣ, къ разуму, прогрессу, къ истинной человѣчности"! [3])

„Невѣріе, добавляетъ Уатсъ, наша обязанность, какъ дѣлателей прогресса". [4])

„Атеистъ, восклицала Анни Безантъ, когда еще была сотрудницей извѣстнаго вольнодумца Брадло́, — одинъ изъ самыхъ славныхъ титуловъ человѣчества, знакъ отличія мировыхъ героевъ... мучениковъ, спасителей міра. Никакая философія, никакое богословіе не несли міру ничего достойнаго быть сравниваемымъ съ благою вѣстью атеизма" [5]).—„Честь же и слава заключаетъ она, этимъ передовымъ бойцамъ прогресса, этому почетному авангарду арміи Свободы! честь и слава тому, кто для исправленія земли забылъ о небѣ, тѣмъ, что, въ своемъ усердіи о человѣкѣ, забыли Бога". [6])

Вотъ этими и подобными рѣчами, бьющими на эффектъ и разжигающими мелочное тщеславіе, смущаютъ вѣрующихъ людей, расшатываютъ ихъ религіозные устои и влекутъ на путь сомнѣній, отрицанія и полнаго индиферентизма.

Влекутъ властно, неотразимо.

„Ибо изъ всѣхъ аргументовъ, которыми теперь стараются поколебать религіозныя вѣрованія, пишетъ извѣстный геологъ

---

[1]) Ch. Watts. The Glory of Unbelief. 2.

[2]) Der Gottesbegriff, V.

[3]) idem. 50.

[4]) Watts. 1—2, 4, 7, 12.

[5]) The Gospel of Atheism. London 1882 г. 7; 3. См. эти цитаты у Кожевникова, стр. 40—42.

[6]) Besant Gospel of Atheism. 7.

А. Лаппаранъ, нѣтъ ни одного, чей кредитъ былъ бы лучше обезпеченъ среди широкаго круга общества, чѣмъ утвержденія во имя науки. Достаточно произнесть это магическое слово, чтобы пробудить почтеніе, почти соприкасающееся съ суевѣріемъ, и это почтеніе становится уже совсѣмъ безграничнымъ, когда къ слову „наука“ можно добавить эпитетъ „математическая“...—„Если какимъ либо возраженіямъ, продолжаетъ далѣе извѣстный ученый, удается облечься или будто бы облечься въ эту сакраментальную формулу, большинство склонно уже считать ихъ неподлежащими оспариванію, и законы этого рода, въ умахъ вѣрующихъ въ нихъ, должны съ одинаковою силою, быть обязательными настолько же для самого всемогущаго Творца, насколько и для смиренѣйшаго изъ смертныхъ. Отсюда до мысли о ненужности и безполезности этого всемогущества — всего одинъ шагъ, и многіе не колеблясь, дѣлаютъ его“ [1]).

Теперь отъ словъ перейдемъ къ фактамъ. Примѣрами подтвердимъ, что повсемѣстно раздающіеся голоса о невѣріи ученыхъ, о разрушающемъ дѣйствіи науки, о позорномъ оскудѣніи вѣры,—все это пагубнымъ образомъ отражается на религіозныхъ убѣжденіяхъ вѣрующихъ людей и убиваетъ въ нихъ вѣру.

10 Сентября 1910 года одинъ духовный писатель, нашъ однофамилецъ, предпринялъ религіозную анкету. Обратившись къ людямъ, соприкасающимся съ наукой, такъ сказать, ex officio: къ г. г. членамъ академіи, преподавателямъ высшей и средней школы, а также къ г. г. курсисткамъ и студентамъ, онъ просилъ ихъ дать отвѣтъ на нижеслѣдующіе вопросы: а) вѣрите ли въ личнаго Бога; б) если нѣтъ, то въ какого; в) признаете ли божество Христа; г) какъ относитесь къ существующимъ церквамъ; д) съ какого времени стали такимъ образомъ относиться къ религіи; е) причины вашей вѣры или невѣрія; ж) что думаете о значеніи религіи для современной жизни; з) какова, по вашему мнѣнію, будущность религіи“.

На эту анкету откликнулось около 800 человѣкъ. И большинство изъ нихъ писало, что въ дѣтствѣ они были вѣрую-

---

[1]) А. Лаппаранъ: „Наука и Апологетика“. Пер. Цвѣтковой. 1911 г. Сергіевъ Посадъ. Изд. Елова. стр. 4—5.

щіе, даже глубоковѣрущіе, но, ознакомившись съ наукой, они увидали, что одно изъ двухъ: или вѣра или наука. Другіе дальше пошли, они говорили: Наука непререкаемо установила, что и выбора такого вовсе дѣлать нельзя. Наука есть отрицаніе религіи. Религія есть плодъ невѣжества, недомыслія и умственнаго убожества.

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ по вопросу объ оскудѣніи вѣры одинъ студентъ—юристъ московскаго университета:

„Невѣріе мое основывается на томъ, что Богъ съ наукой не уживается. Подъ вліяніемъ науки я вижу, что старый личный Богъ, выражаясь словами Штрауса, остался безъ мѣста и пристанища. Я вижу, какъ подъ натискомъ науки, Богъ принужденъ былъ сдавать одну позицію за другой, какъ Его защитники принуждены были пускаться на всевозможныя штуки, чтобы спасти расползающееся по всѣмъ швамъ дѣло“ [1]).

Далѣе иниціаторъ анкеты, по поводу присланныхъ ему писемъ, замѣчаетъ:

„Въ особенности естествознаніе подорвало вѣру у многихъ. Въ частности, нужно отмѣтить вліяніе натуръ-философіи Геккеля и, какъ это можетъ быть, не странно, — астрономіи. Изъ гуманитарныхъ наукъ необходимо отмѣтить вліяніе политической экономіи и сравнительной исторіи религіи. Чрезвычайно важно еще и вліяніе философіи (особенно философіи Вундта), хотя она приводила и къ вѣрѣ. Въ частности, кантіанство, эмпиріокритицизмъ и матеріализмъ оказываютъ сильное вліяніе на умы. И т. д.“ [2])

Итакъ, мало по-малу выясняется, что громадное значеніе въ пониженіи уровня религіознаго чувства въ современномъ обществѣ имѣетъ гордая своими успѣхами наука и верховные ея жрецы.

Но такъ ли это? Дѣйствительно ли наука враждебна религіи и противорѣчитъ ей въ основныхъ, такъ сказать кардинальныхъ пунктахъ? Дѣйствительно ли ученые совсѣмъ безрелигіозны и смѣются надъ дѣтской вѣрой всѣхъ христіанъ, любящихъ Бога своего? И правда ли тому, будто религія до-

---

[1]) „Странникъ“. 1911 г. Май. стр. 673.

[2]) „Странникъ“. 1911 г. Май. стр. 674.

живаетъ свои послѣдніе дни и сдаетъ наукѣ одну за другой свои боевыя позиціи?

О, нѣтъ! Ничего подобнаго! Ни слова правды! Наука и не думала враждовать съ религіей. По существу своихъ задачъ она даже и цѣлью такой задаваться не могла. Потому что задачи науки одни, а задачи религіи совершенно другія. Наука опредѣляетъ вѣчные незыблемые законы, по которымъ течетъ міровая жизнь. Открываетъ и подчиняетъ человѣческому разуму все новыя и новыя силы природы, устанавливаетъ степень внѣшней, физической зависимости человѣка отъ окружающей его среды. Короче говоря, наука задается цѣлью дать возможно полный отвѣтъ на вопросъ: *какъ міръ живетъ?* У религіи же другая задача. Она отвѣчаетъ на вопросъ: *какъ человѣку въ мірѣ жить?* въ какія отношенія онъ долженъ стать къ міру и къ Тому, Кто выше міра?

При такомъ пониманіи задачъ религіи и науки и при разграниченіи сферъ ихъ дѣятельности не можетъ быть и рѣчи о взаимномъ противорѣчіи между ними. Это прекрасно сознаютъ и сами ученые и потому въ послѣднее время все чаще и чаще, все громче и настойчивѣе слышатся изъ ихъ устъ такія признанія:

„Слава науки—въ ея прогрессѣ, въ томъ, что она мѣняется, что она постоянно пересоздается, непрерывно требуетъ переизслѣдованія... Наука имѣетъ дѣло съ фактами временнаго характера, религія же съ вѣчной истиной. Ибо объектъ науки—вещи мѣняющіяся и самые процессы измѣненія, такъ что и сама она есть мѣняющаяся человѣческая мысль о нихъ. Религія же, наоборотъ, занята вѣчнымъ и доступнымъ для всѣхъ, не исключая неимущихъ, невѣжественныхъ и несовершеннолѣтнихъ“ [1]).

Такъ говоритъ членъ королевскаго Астрономическаго Общества д-ръ Маундеръ. И съ нимъ вполнѣ согласны: Токійскій проф. Юнгъ, проф. Оксфордскаго Университета геологъ В. Солласъ, проф. Дублинскаго Университета Вилльямъ Е. Трифтъ и мн. др. [2]).

---

[1]) См. Табрума: „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“ М. 1912 г., 2-е изд. стр. 119.

[2]) См. тамъ же.

Итакъ, еще разъ повторяемъ: наука ничего общаго съ религіей не имѣетъ и потому бороться съ нею не входитъ въ ея задачу.

Теперь другой вопросъ: правда ли, будто ученые, профессора и всѣ вообще люди великаго ума и большихъ знаній не религіозны?

Тоже не правда. Доказательства тому въ изобиліи собраны въ работахъ Кнеллера: „Христіанство и представители новѣйшаго естествознанія", Деннерта: „Религія естествоиспытателей", Табрума: „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ", В. Кожевникова: „Современное научное невѣріе".

Мы приведемъ здѣсь чистосердечныя признанія нѣкоторыхъ ученыхъ, чтобы видѣть, какъ не правы тѣ, кто думаетъ, пишетъ, учитъ и говоритъ, будто жрецы науки безрелигіозны.

Выдающійся натуралистъ XX вѣка, Вилльямъ Джонъ Голландъ, докторъ наукъ, философіи и правъ, авторъ не менѣе 225 ученыхъ работъ писалъ Табруму, производившему религіозную анкету среди англійскихъ ученыхъ:

„На мою долю выпало счастье имѣть широкое знакомство съ учеными всѣхъ странъ, и мнѣ хорошо извѣстно, что огромное большинство моихъ знакомыхъ научнаго круга—люди благоговѣйные и благочестивые, не усматривающіе въ фактахъ науки ничего сталкивающагося съ ихъ вѣрою въ наличность Высшей Силы, ведущей насъ къ праведности, Силы, въ которой мы живемъ, движемся и существуемъ... Толки о конфликтѣ между наукой и религіей—пустая болтовня. Когда человѣкъ передается подобной болтовнѣ, я увѣренъ—онъ или не понимаетъ, что̀ такое наука, или же лишенъ пониманія основныхъ ученій истинной религіи". [1])

Другой выдающійся ученый, Джорджъ Стоксъ, котораго Гёкели, лордъ Кельвинъ и Гладстонъ назвали „Ньютономъ нашего времени, царившимъ полноправно надъ всею областью современнаго естествознанія", писалъ Табруму:

„Что касается утвержденія, будто недавнія научныя изысканія обнаружили ложность и несостоятельность Библіи и религіи, то на это я, не колеблясь ни минуты, отвѣчаю: „этотъ взглядъ совершенно ложенъ! Я не знаю никакихъ здравыхъ

[1]) Тамъ же стр. 146.

выводовъ науки, которые противорѣчили бы христіанской религіи... Истинная наука и истинная религія согласны другъ съ другомъ... Что же касается другого вопроса: далъ ли мнѣ жизненный опытъ основаніе считать величайшихъ ученыхъ людьми иррелигіозными? — то отвѣчаю: мой опытъ не только не привелъ меня къ этому выводу, но онъ привелъ меня какъ разъ къ обратному заключенію. Ограничиваясь одной близкой мнѣ областью математической и физической науки и только тѣми людьми, которыхъ, хотя и недавно, уже не стало въ живыхъ, я не могъ бы указать на болѣе выдающихся, всѣмъ міромъ прославленныхъ ученыхъ, чѣмъ Фарадей, К. Максуэлль и Адамсъ, открывшій Нептуна. Всѣхъ троихъ я зналъ отлично, въ особенности же Максуэлля и Адамса, съ которыми былъ очень близокъ. Мнѣ положительно извѣстно, что всѣ они были глубоко религіозными христіанами". [1])

Проф. Э. Дж. Джемсъ, д-ръ философіи, ректоръ университета штата Иллинойса пишетъ:

„Могу сказать, что мнѣ не приходилось встрѣчать ученыхъ нерелигіозныхъ или враждебныхъ христіанству. Я состою ректоромъ правительственнаго университета, насчитывающаго до 5 тысячъ студентовъ и около 500 человѣкъ членовъ ученаго и преподавательскаго персонала. Въ этомъ учрежденіи мы не предъявляемъ никакихъ религіозныхъ требованій ни къ членамъ факультета, ни къ студентамъ. Мы не имѣемъ и оффиціальныхъ освѣдомленій о религіозномъ и нерелигіозномъ настроеніи студентовъ или профессоровъ. Но я съ полною достовѣрностью могу сказать, что рѣшительное большинство членовъ факультета состоитъ членами христіанскихъ церквей и принимаетъ самое дѣятельное участіе въ разнообразной церковной работѣ". [2])

И такихъ свидѣтельствъ можно привести изъ вышепоименованныхъ книгъ свыше сотни. И всѣ они весьма краснорѣчиво и убѣдительно говорятъ о томъ, что между религіей и наукой никакого конфликта на самомъ дѣлѣ нѣтъ и что всѣ толки и слухи о повальномъ невѣріи ученыхъ и профессоровъ — сплошная ложь.

---

[1]) Тамъ же, стр. 8—10.

[2]) Тамъ же, стр. 44.

Пора, давнымъ давно пора проникнуться сознаніемъ, что истинно просвѣщенный разумъ не врагъ вѣры, а ея опора и свѣтильникъ!

Вѣру въ Бога можетъ отрицать только поверхностное образованіе, которое лишь пригубило съ края чашу знанія и самоувѣренно полагаетъ, что ему все ясно, все доступно, все вѣдомо. Истинное же просвѣщеніе, которое основано на познаніи тайнъ неба и земли, на уясненіи законовъ природы, неизбѣжно приводитъ человѣка къ Богу. Изученіе необъятной книги Божьей, имя которой—вселенная, заставляетъ величайшихъ ученыхъ въ каждой страницѣ, въ каждой строкѣ этой книги, въ движеніи небесныхъ міровъ и въ жизни самой ничтожной букашки видѣть ясно начертанное имя Творца.

Пусть же лживые слухи о невѣріи ученыхъ перестанутъ смущать и волновать современное общество. Пусть всѣ, легко принимающіе ихъ за истину, тщательно провѣрятъ ихъ и воочію убѣдятся въ томъ, что они ложны, что ученые въ громадномъ большинствѣ вѣрующіе люди, и что изъ за пустыхъ, непровѣренныхъ слуховъ смѣшно и грѣшно терять свою вѣру въ Бога!

Итакъ, еще разъ повторяемъ, если вѣра наша оскудѣваетъ „въ родѣ семъ грѣшномъ“, то причина сего кроется не въ слабости, не въ безжизненности самой вѣры, какъ утверждаютъ теперь иные, а въ нашемъ легкомыслiи и невѣжествѣ.

* * *

Мы отмѣтили только самыя главныя, основныя, такъ сказать кардинальныя причины, въ рамки которыхъ легко укладывается масса другихъ, мелкихъ, не заслуживающихъ нашего вниманія причинъ, такъ или иначе, въ той или иной степени вліяющихъ на пониженіе уровня религіознаго сознанія въ современномъ обществѣ.

Сихъ послѣднихъ мы не будемъ касаться здѣсь. Главнымъ образомъ потому, что они имѣютъ второстепенное значеніе и непосредственно вытекаютъ изъ вышеуказанныхъ и нами обслѣдованныхъ причинъ.

Теперь пора подвести итогъ всему.

Вѣра оскудѣваетъ. Да. Но оскудѣваетъ не потому, что ей пришло время тлѣть, а наукѣ цвѣсти. А потому, что люди недобросовѣстно и легкомысленно относятся къ вопросамъ вѣры; потому, что не заботятся о развитіи въ себѣ религіознаго чувства; потому, что не видятъ кругомъ себя свѣтильниковъ вѣры, и наконецъ, потому, что они возгородились величіемъ ими самими созданной науки, обоготворили ее, чтутъ и вѣрятъ только ея жрецамъ и презираютъ, ненавидятъ жрецовъ единаго, истиннаго и вѣчнаго Бога, который создалъ и міръ, и человѣка, и науку о нихъ.

Воскресеніе Христово,

какъ торжество вѣры, правды, смысла жизни, прогресса и безсмертія.

Когда настаетъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, вся Русь оживаетъ, воскресаетъ духомъ. Настроеніе у всѣхъ бодрое, веселое. Всѣ радуются, торжествуютъ, сіяютъ отъ счастья, наперерывъ поздравляютъ другъ друга. Нѣтъ ни вражды, ни ненависти, не слышно ни убійствъ, ни другихъ жестокихъ проявленій злой человѣческой воли. Въ этотъ великій день все забывается: и обиды, и оскорбленія, и ненависть и вражда. Душа какъ бы обновляется въ своемъ существѣ, черствое сердце какъ бы смягчается подъ звуками побѣдной христіанской пѣсни, спавшая годами совѣсть какъ бы пробуждается отъ сильнаго и радостнаго звона пасхальныхъ колоколовъ. Такъ свѣтло, такъ хорошо становится на душѣ; хочется жить, всѣхъ любить, крѣпко вѣрить и молиться.

Да, великія и святыя эти минуты!

Вотъ только смущаютъ „совопросники вѣка сего“, огромная рать такъ называемыхъ раціоналистовъ, которые, какъ „сердцемъ хладныя скопцы“, стоятъ вдали отъ общецерковнаго торжества и не могутъ слиться съ нами въ одномъ свѣтломъ радостномъ чувствѣ. Напротивъ, они стараются ослабить нашъ религіозный порывъ, охладить наше восторженное чувство, омрачить сомнѣніями радость Воскресенія Христова. Своими возраженіями, своими критическими замѣчаніями они стараются и въ нашей душѣ заронить искру сомнѣнія и толкнуть насъ на путь отрицанія, на путь не созидательной, а разрушительной работы.

Посмотримъ, какъ сильно укрѣплены ихъ боевыя позиціи, какъ твердо стоятъ они на полѣ сраженія, насколько основательны и убѣдительны приводимые ими аргументы. Посмотримъ, смогутъ ли они сломить нашу вѣру въ воскресшаго Христа, смогутъ ли убѣдить насъ въ правотѣ своихъ сомнѣній и отрицаній и тѣмъ самымъ омрачить радость нашего религіознаго торжества?

Одни говорятъ:

Нельзя понимать Воскресенія Христова въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимаете вы. Такое пониманіе должно предполагать собою смерть. Между тѣмъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что Іисусъ Христосъ на крестѣ не умеръ. Онъ только впалъ въ глубокій обморокъ, отъ котораго потомъ очнулся въ прохладной пещерѣ. Что такіе случаи вполнѣ возможны были среди казненныхъ и распятыхъ на крестѣ, въ этомъ убѣждаетъ насъ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій. Онъ говоритъ, что возвращаясь однажды съ похода, онъ замѣтилъ среди многихъ распятыхъ евреевъ трехъ своихъ близкихъ друзей, которыхъ снялъ съ креста и даровалъ одному изъ нихъ жизнь, не смотря на то, что тотъ довольно долго висѣлъ на крестѣ. Если возможно было вернуть къ жизни человѣка, довольно долго висѣвшаго на крестѣ, то неужели же Христосъ, бывшій на крестѣ, всего какой-нибудь день, не могъ очнуться въ свободной прохладной пещерѣ? Конечно могъ.

Мы не раздѣляемъ такого рода мыслей. Мы не можемъ принять теоріи мнимой смерти Христа. Несостоятельность ея очевидна сама собою и бросается въ глаза не только намъ, людямъ вѣры, но даже противникамъ христіанства.

Давидъ Штраусъ, напримѣръ, насмѣшливо доказываетъ несостоятельность вышеупомянутой гипотезы слѣдующимъ разсужденіемъ: „если изъ трехъ распятыхъ, подававшихъ еще кое-какія признаки жизни, удалось Іосифу Флавію, при самомъ тщательномъ уходѣ за нимъ, спасти лишь одного, то мало вѣроятно, чтобы очнулся и ожилъ безъ ухода за нимъ одинъ, не подававшій никакихъ признаковъ жизни“. А Христосъ дѣйствительно не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Напротивъ, по нѣкоторымъ даннымъ можно было догадываться даже о его смерти. Такъ, изъ прободеннаго ребра потекла кровь и вода. Кровь же въ соединеніи съ водою течетъ изъ ранъ только мертваго человѣка, а не живого. Затѣмъ, „человѣкъ съ пробитыми ногами, пишетъ профессоръ, докторъ мед. А. Шилтовъ („Мысли о Богечеловѣкѣ“), не только не могъ бы пройти на третій день три версты въ Эммаусъ, но съ медицинской точки зрѣнія не могъ бы стоять на ногахъ раньше мѣсяца послѣ снятія его со креста [1]).“ Наконецъ, какъ спра-

[1]) Проф. Шилтовъ: „Гдѣ и какъ надо искать живого Бога“? Харьковъ. 1910 г. стр. 24.

ведливо замѣчаютъ сами раціоналисты, „несчастный страдалецъ, полуживой, съ трудомъ выползшій изъ гробницы, нуждающійся нъ самомъ внимательномъ уходѣ, и затѣмъ все таки скончавшійся, не могъ бы произвести на учениковъ впечатлѣнія торжествующаго побѣдителя надъ смертью и могилою".

Ну, хорошо. На время мы допустимъ, что Христосъ не умиралъ, что Онъ только впалъ въ глубокій обморокъ, отъ котораго послѣ очнулся въ холодной пещерѣ. Въ такомъ случаѣ Христосъ, какъ чистая и святая душа, долженъ былъ бы разсѣять ходячіе предразсудки, пріостановить учениковъ въ распространеніи подобнаго рода слуховъ, разъяснить впавшимъ въ заблужденіе происшедшее недоразумѣніе, сказать въ слухъ всѣхъ людей того времени, что Онъ не воскресъ, а только лишь очнулся отъ глубокаго обморока. Однако ничего этого Христосъ не сдѣлалъ. Напротивъ, Онъ благословилъ апостоловъ на проповѣдь о воскресшемъ Христѣ. Значитъ, Онъ дѣйствительно воскресъ. Въ противномъ же случаѣ Онъ никогда не посмѣлъ бы прибѣгать для увеличенія своей славы къ нечистоплотнымъ пріемамъ. Это было не въ Его духѣ. Противъ этого всегда горячо протестовала его чистая и святая душа.

Нѣтъ, раздающіеся голоса о мнимой смерти Спасителя на крестѣ не могутъ насъ смутить. Мы видимъ всю неосновательность, всю лживость подобнаго рода рѣчей. Мы твердо знаемъ, мы право вѣруемъ, что Іисусъ Христосъ умеръ на крестѣ.

Слышны другіе голоса:

Да, Христосъ умеръ на крестѣ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но можно думать, что Онъ не воскресъ, но что вскорѣ послѣ Его Смерти похитили тѣло Его и затѣмъ были распущены ложные слухи объ Его воскресеніи. Вѣдь не даромъ первосвященники заботились о распространеніи такихъ слуховъ (Матѳ. 28 гл. 13—15 ст.).

Но кто же могъ похитить тѣло Спасителя Христа? Книжники? Первосвященники? Фарисеи? Не можетъ быть, потому что при первомъ извѣстіи о мнимомъ воскресеніи Христа, они, какъ заинтересованные въ подавленіи подобнаго рода слуховъ, показали бы всѣмъ его трупъ и этимъ, безспорно, положили бы конецъ всякимъ толкамъ, всякимъ слухамъ и предположеніямъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, изъ Евангеліи Матѳея

видно, что первосвященники и книжники даже боялись подозрѣнія на свой счетъ въ этомъ дѣлѣ.

„И сіи, собравшись со старѣйшинами и сдѣлавши совѣщаніе, говорится въ Евангеліи, довольно денегъ дали воинамъ и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали; и если слухъ объ этомъ дойдетъ до правителя, мы убѣдимъ его и васъ отъ непріятности избавимъ“ (23 гл. 12—14.). Если-же первосвященники не только не были заинтересованы въ разглашеніи подобной вѣсти о Христѣ, но даже сильно опасались ея, то ясно, что они взять тѣла Христа не могли.

Можетъ быть воины римской стражи похитили Спасителя? Нѣтъ, и этого нельзя сказать. Они, прежде всего, совсѣмъ не были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. А затѣмъ, при той желѣзной дисциплинѣ, какая царила въ римскомъ войскѣ, при той страшной отвѣтственности, какой подвергались воины въ данномъ случаѣ, они никогда бы не рѣшились на столь опасное и рискованное предпріятіе.

Остается, слѣдовательно, признать, что сами ученики Христа похитили тѣло своего Учителя и потомъ распространили слухъ о Его Воскресеніи.

Но если этого не могли сдѣлать ни книжники, ни первосвященники, ни воины, то апостолы тѣмъ болѣе и не могли отважиться на это. Люди, объятые страхомъ и ужасомъ, трусливо скрывшіеся изъ Геѳсиманіи, ни въ какомъ случаѣ не могли черезъ нѣсколько часовъ, среди ночи, на глазахъ римской стражи, проникнуть въ глубь пещеры, и похитить пречистое Тѣло Христа Спасителя, да еще находясь въ состояніи душевнаго и тѣлеснаго изнеможенія.

Далѣе, за проповѣдь о воскресеніи Христа апостоловъ преслѣдовали, мучили, сожигали на кострахъ, распинали на крестахъ. Спрашивается, какой же былъ для учениковъ разсчетъ прибѣгать къ такому гнусному обману? Затѣмъ, какъ эта ложь могла продержаться? „Поневолѣ спрашиваешь себя, говоритъ баронъ Николаи,[1]) неужели эти простодушные рыбаки могли быть такими превосходными актерами, чтобы съ величайшимъ апломбомъ

---

[1]) „Можетъ ли современный, образованный, мыслящій человѣкъ вѣрить въ Божество І. Христа“ стр. 41. СПБ. 1909 г.

провозгласить завѣдомую ложь и затѣмъ до самаго конца своей жизни ни разу не выходитъ изъ своей роли? Неужели ни одинъ изъ нихъ не протестовалъ бы противъ такого обмана? Нѣтъ, ложь рано или поздно обнаружится и такой грубый обманъ не могъ бы долго оставаться скрытымъ".

Допустимъ на время, что апостолы дѣйствительно распространяли ложные слухи о воскресеніи Христа. Какъ же, спрашивается, имъ могли вѣрить? Какъ этому повѣрили матерь Христа и Его братья? Послѣдніе при жизни Его не вѣрили въ Него. Неужели теперь ложь убѣдила ихъ (Дѣян. ап. I гл. 14 ст.)? Какъ еще могъ повѣрить этой лжи такой умный, самостоятельный мыслитель, какъ апостолъ Павелъ и многіе другіе? Совсѣмъ непонятно. Наконецъ, подобнаго рода предположеніе можно было бы допустить только въ томъ случаѣ, когда бы апостолы ожидали воскресенія своего Учителя. Но въ томъ то и дѣло, что они о воскресеніи Христа даже и не помышляли. Проф. В. Несмѣловъ [1]) говоритъ, что „когда Христосъ ходилъ съ ними до своего страданія и предвозвѣщалъ имъ о своемъ предстоящемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, ученики недоумѣвали и даже не понимали значенія этого слова (Марк. 9 гл. 10; 31, 32 ст.)". Неужели же они на третій день послѣ смерти Христа прибѣгали къ такой безсовѣстной, непонятной и невѣроятной для еврея выдумкѣ о воскресеніи Спасителя съ разсчетомъ, что имъ повѣрятъ? Такъ или иначе, но въ томъ и въ другомъ случаѣ придется допустить мысль, что нѣкоторые изъ учениковъ были сознательными лжецами и обманщиками.

А эта мысль совершенно ложная. Ее никто не раздѣляетъ. Къ ней всѣ относятся съ большимъ недовѣріемъ.

Если даже допустимъ, что ученики и апостолы похитили останки своего Учителя, то можно съ увѣренностью сказать, что такой ихъ планъ оказался бы вполнѣ безплоднымъ.

Міръ не можетъ быть обращенъ въ новую вѣру подобными обманами и фокусами, продѣланными къ тому же такими людьми. Чтобы убѣдить другихъ, надо чтобы проповѣдникъ прежде всего самъ былъ бы глубоко убѣжденъ въ истинности проповѣдуемой имъ идеи. Если же въ немъ самомъ нѣтъ этого

---

[1]) Наука о человѣкѣ т. 2-й. Казань. Изд. 2-е 1906 г. стр. 1—19.

убѣжденія, то другихъ увлечь за собою онъ никогда не сможетъ. [1])

Итакъ, и эти разсужденія нашихъ религіозныхъ противниковъ нисколько не колеблютъ нашей вѣры въ воскресшаго Христа. Какъ прежде, такъ и теперь мы твердо, ничуть не сомнѣваясь, можемъ сказать каждому встрѣчному: Христосъ воскресе! и въ отвѣтъ на это привѣтствіе услышать такое же радостное, полное вѣры и надежды: „Воистину воскресе"!

Третье возраженіе. Оно самое распространенное и, нужно замѣтить, самое ложное. Разсмотримъ и его, чтобы вѣра наша не смущалась подъ напоромъ современныхъ раціоналистическихъ идей и стояла всегда твердо, незыблемо.

Говорятъ: Іисусъ Христосъ умеръ и не воскресъ. Но нѣкоторые ученики Его, „благодаря своему возбужденному состоянію", увидѣли призракъ Христа и вообразили, что видѣли самого Учителя. Съ тѣхъ поръ пошли слухи о воскресеніи Христа. Иные же писатели, какъ напримѣръ Ренанъ, придаютъ больше значеніе „истеричной" природѣ Маріи Магдалины, высказывая предположеніе, что легенда о воскресеніи исходитъ отъ нея.

Разберемъ по частямъ это возраженіе.

„Благодаря своему возбужденному состоянію"... Но вѣдь апостолы совсѣмъ не были въ возбужденномъ состояніи. Напротивъ, послѣ погребенія Христа Спасителя они находились въ подавленномъ состояніи, были убиты горемъ и ожидали чего угодно, только не воскресенія своего любимаго Учителя. Спрашивается, чѣмъ же объяснить такую перемѣну отъ глубочайшей горести къ радости и увѣренности, которая не покидала ихъ до самой смерти, передавалась тысячамъ другихъ лицъ и подкрѣпляла ихъ въ страданіяхъ и мученической смерти. Неужели однимъ призракомъ?—Быть не можетъ.

„Апостолы и ученики Христа были слабонервны, истеричны"... Напротивъ, это были коренастые, здоровые, здравомыслящіе рыбаки, которые не были расположены ни къ нервному разстройству, ни къ тому, чтобы повѣрить видѣніямъ другихъ людей.

---

[1]) Nobody: „Древнія вѣрованія и новое знаніе". СПБ. 1909 г. стр. 161.

„Они видѣли призракъ Христа“... посмотримъ. Въ евангеліи читаемъ: „Христосъ явился ученикамъ своимъ и сказалъ: посмотрите на руки Мои и на ноги Мои: это Я самъ; осяжите Меня и разсмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня. И сказавъ это, показалъ имъ руки и ноги. Когда же они отъ радости еще не вѣрили и дивились, Онъ сказалъ имъ: есть ли у васъ здѣсь какая пища? Они подали ему часть печеной рыбы и сотоваго меда. И взявъ, ѣлъ предъ ними“. (Лук. 24 гл. 39 — 43 ст.) Развѣ духъ можетъ ѣсть и пить? Развѣ привидѣніе можно осязать руками? Конечно нѣтъ.

Слѣдующее возраженіе. Оно самое слабое изъ всѣхъ доселѣ разбиравшихся возраженій. Тѣмъ не менѣе и его подвергнемъ критической оцѣнкѣ, чтобы у насъ не возникало никакихъ сомнѣній и недоумѣній насчетъ основной христіанской истины.

Говорятъ, что въ воскресеніи Христа было только воскресеніе его души, а тѣлеснаго воскресенія вовсе не было.

Но вѣдь это абсурдъ. Евангеліе говоритъ о воскресеніи тѣла, а не духа. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, душа наша и при смерти и при убійствѣ тѣла не умираетъ; слѣдовательно, о воскресеніи духомъ и рѣчи не можетъ быть. Душа не воскресаетъ, потому что она не умираетъ.

И потому, если Христосъ воскресъ, то плотію только.

Остается послѣднее возраженіе.

Гордость современныхъ нѣмецкихъ богослововъ и крупный авторитетъ церковно-исторической науки А. Гарнакъ такъ объясняетъ фактъ воскресенія Христа.

„Пустого гроба не было. Нѣсколько женщинъ и учениковъ заглянули во гробъ и ошибочно подумали, что онъ пустъ. Хотя никто хорошенько не видѣлъ, чтобы тѣло Христа сдвинулось съ мѣста своего успокоенія. Эта ошибка естественно повела къ вѣрѣ, что Іисусъ Христосъ воскресъ, и эта вѣра стала вскорѣ проявляться въ видѣніяхъ, которые въ свою очередь воздѣйствовали на вѣру, дѣлая ее все болѣе сильной и несомнѣнной и давая ей кажущееся обоснованіе. Отсюда о пустотѣ гроба постепенно забывали ученики, да она и потеряла для нихъ свое значеніе: важнѣе всего для нихъ, и особенно для ап. Павла, было не состояніе, въ которомъ найденъ былъ гробъ, а „явленія“ Христа.

Т. е. сущность теоріи Гарнака[1]) можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ. Нѣсколько женщинъ увидѣли пустой гробъ. Рѣшили, что Христосъ воскресъ, разсказали о чудѣ и потомъ не догадались и не сочли нужнымъ еще разъ прійти къ опустѣвшему гробу.

Но и эта модная теорія не сможетъ поколебать нашей вѣры въ воскресеніе Христа. Слишкомъ ужъ она проста, груба и ошибочна.

Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ, что Симонъ Петръ „*вошелъ во гробъ*“, и самъ онъ послѣ „*вошелъ во гробъ*“, но никого и ничего кромѣ плата не было тамъ.

Какъ же послѣ этого можно говорить, что „нѣсколько женщинъ и учениковъ заглянули во гробъ и ошибочно подумали, что Онъ пустъ?“

Вѣдь такого рода рѣчи и разсужденія идутъ противъ показаній главныхъ очевидцевъ.

Нѣтъ, такими натяжками насъ не смутятъ. Воскресъ, воскресъ Христосъ! Воистину воскресъ!

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны признать, что ни обманъ, ни самообманъ учениковъ никогда не могъ привести къ такимъ дивнымъ и долговѣчнымъ послѣдствіямъ. По неволѣ приходишь къ выводу, что такъ называемые естественныя объясненія факта воскресенія Христа требуютъ больше вѣры, чѣмъ евангельское изложеніе этого событія.

Братъ христіанинъ! Ты видишь, что истина воскресенія Христа стоитъ твердо, незыблемо, посему не смущайся огромной толпой совопросниковъ вѣка сего, вѣруй твердо, и всѣмъ встрѣчающимъ тебя въ эти великіе и святые дни говори твердо и убѣжденно: „Христосъ Воскресъ“!

* * *

Доселѣ мы говорили, что враги нашей вѣры заблуждаются, что всѣ ихъ объясненія ложны, натянуты, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики и т. д.

---

[1]) См. статью еп. Михаила: „Свидѣтели воскресенія“, ж. „Церковь“ 1909 г. стр. 434, № 13.

Ну, а мы сами не ошибаемся ли мы? Каково оправданіе нашей вѣры? Какова проба всѣхъ нашихъ доказательствъ воскресенія Іисуса Христа? Другими словами: почему мы думаемъ и вѣримъ, что Христосъ воскресъ?

А вотъ почему.

Прежде всего, Самъ Спаситель говорилъ о своемъ воскресеніи. Говорилъ не одинъ разъ, а нѣсколько разъ. Говорилъ не прикровенно, не притчами, а прямо, ясно, вразумительно.

Такъ, во время пребыванія въ Галилеѣ, Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Сынъ человѣческій преданъ будетъ въ руки человѣковъ, и убютъ Его, и въ третій день воскреснетъ“. [1])

Послѣ исповѣданія Петра Іисусъ Христосъ „началъ открывать ученикамъ своимъ, что Ему должно идти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убитымъ и въ третій день воскреснуть.[2])

Послѣ Преображенія, „когда ученики сходили съ горы, Іисусъ запретилъ имъ, говоря: „никому не сказывайте о семъ видѣніи, доколѣ Сынъ человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ“. [3])

Объ этихъ словахъ напоминали ученикамъ и ангелы, когда явившись имъ по воскресеніи Христа, сказали: Его нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ; вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ, когда былъ еще въ Галилеѣ, сказывая, что Сыну человѣческому надлежитъ быть преданну въ руки человѣковъ грѣшниковъ, и быть распяту и въ третій день воскреснуть“...[4])

Итакъ, Христосъ неоднократно говорилъ о Своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ. Какъ же не довѣрять Ему? Какое мы имѣемъ право подвергать сомнѣнію Его пречистыя слова? Развѣ Онъ когда нибудь неправду говорилъ? Развѣ обѣтованія Его не сбылись? Пророчества не исполнились? Развѣ не оправдалъ Онъ когда-нибудь своихъ словъ?

Ничего подобнаго. Напротивъ, свершилось все, глаголан-

---

[1]) Матѳ. 17 гл. 22—23 ст.

[2]) Матѳ. 16 гл. 21 ст. Лук. 9 гл. 22 ст. Марк. 9 гл. 31 ст.

[3]) Матѳ. 17 гл. 9 ст.

[4]) Лук. 24 гл. 6—7 ст.

ное Имъ. Ни одна буква, ни одна іота не остались неоправданными на дѣлѣ.

Значитъ, мы не въ правѣ сомнѣваться и въ данномъ случаѣ. Мы должны вѣрить, что Христосъ воскресъ, ибо Онъ объ этомъ говорилъ, а слова Его всегда исполнялись.

Далѣе, мы вѣруемъ въ воскресеніе Христа потому, что послѣ дѣйствительной смерти Его видѣли воскресшимъ. Видѣли нѣсколько сотъ учениковъ, видѣли жены-мироносицы, видѣлъ сомнѣвавшійся въ Его воскресеніи, а послѣ встрѣчи со Христомъ увѣровавшій апостолъ Ѳома, видѣли многіе другіе. Видѣли и свидѣтельствовали.. Какъ же намъ не внять ихъ благовѣстію? Какъ не повѣрить имъ, когда все заставляетъ насъ вѣрить? И преданія, и писанія и плоды воскресенія?

Напримѣръ, безъ факта воскресенія не имѣлъ бы достаточнаго основанія необычайный энтузіазмъ апостольской общины, и вообще вся первоначальная исторія христіанства представляла бы собою рядъ невозможностей. Воскресеніе Христово, говоритъ Пфеннигсдорфъ[1]) образуетъ исходный пунктъ для новой жизни въ сердцахъ учениковъ. Оно превращаетъ ихъ печаль въ необычайную радость. Павшимъ духомъ внушаетъ мужественную рѣшимость и изъ бѣдныхъ рыбарей дѣлаетъ міровыхъ учителей и проповѣдниковъ. Ни одинъ фактъ не оставилъ столь глубокихъ слѣдовъ въ исторіи, какъ этотъ. Безъ него мы не имѣли бы никакого христіанства и никакой христіанской культуры. Исторія запада приняли бы совершенно другое направленіе. Безъ живыхъ силъ христіанской вѣры древній міръ разложился бы и безъ дисциплины церкви христіанско-германское образованіе никогда не было бы возможно. Мы не можемъ вѣрить, чтобы мнимое воскресеніе могло принести съ собою столь великое и доброе. Вѣра въ Божественное управленіе требуетъ того, чтобы воскресеніе Христа не было чѣмъ либо кажущимся только, но было истиною. Міровая исторія иначе не была бы болѣе судомъ надъ міромъ.

Затѣмъ, безъ воскресенія Христова немыслимо объяснить того перелома, какой произошелъ въ душѣ апостоловъ. Вѣдь апостолы и ученики Христа до послѣдняго момента не знали,

---

[1]) „Іисусъ Христосъ въ современной духовной жизни“ Пер. Никитскаго. Харьковъ. 1907 г. стр. 297.

зачѣмъ приходилъ Божественный Учитель, не понимали Его ученія, предостерегали Его отъ ожидающихъ Его страданій. И всѣ слова Христа истолковывали въ земномъ, матеріальномъ смыслѣ. Даже предъ самыми Своими страданіями, когда Господь заговорилъ о томъ, что Сынъ человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и оскорбятъ Его, и оплюютъ Его, и будутъ бить Его, и убьютъ Его, то ученикамъ, говорится въ евангеліи, трудно было отказаться отъ своей мысли о земной славѣ Христа, и потому они ничего не поняли изъ сказаннаго.[1]) И вдругъ черезъ какіе-нибудь три дня, не болѣе, они все поняли, все уразумѣли, постигли ученіе Христа такъ глубоко, какъ можетъ быть никому изъ нашихъ современниковъ не удавалось такъ постичь. Стоитъ только отвергнуть воскресеніе Христово и этотъ переломъ будетъ своершенно непонятенъ и необъяснимъ. Съ признаніемъ же этого чудеснаго факта все для насъ будетъ просто, ясно и доступно.

Наконецъ, психологическія данныя требуютъ и оправдываютъ это чудо изъ чудесъ.

Хорошо объ этомъ говоритъ Вл. Соловьевъ.

Смерть, по его мысли, есть распадъ тѣла въ результатѣ того, что слабый, мертвый духъ не можетъ поддержать распадающуюся связь элементовъ организма.

Но если взять сильный духъ, управляющій всецѣло тѣломъ то распадъ будетъ невозможенъ. Живая сила духа, который въ сущности и творитъ самое тѣло, будетъ вѣчно обновлять жизненныя ткани.

Потому и смерть Іисуса Христа невозможна.

Онъ не могъ не воскреснуть.

Если сила физическая неизбѣжно побѣждается смертью, если умственная недостаточна, чтобы побѣдить смерть, то безпредѣльность нравственной силы даетъ жизни абсолютную полноту, исключаетъ всякое раздвоеніе и, слѣдовательно, не допускаетъ окончательнаго распаденія живого человѣка на двѣ отдѣльныя части: безплотный духъ и разлагающееся вещество. Распятый Сынъ Человѣческій не имѣлъ предѣловъ для своей

---

[1]) Лук. 18 гл. 31—34 ст.

духовной силы и никакая часть Его существа не могла остаться добычею смерти".

—„Я лично, заключаетъ Вл. Соловьевъ, съ тѣхъ поръ, какъ признаю, что исторія міра и человѣчества имѣетъ смыслъ, не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ воскресеніи Христа, и всѣ возраженія противъ этой истины своею слабостью только подтверждаютъ мою вѣру"... [1])

То же самое можетъ сказать и всякій христіанинъ, вѣрующій въ воскресеніе Христа. Для него всѣ раціоналистическіе гипотезы и теоріи только проба вѣры. Они не столько разрушаютъ нашу вѣру, сколько подтверждаютъ ее.

* * *

Но почему же такъ пріятно, такъ отрадно бываетъ намъ въ свѣтлые дни Христова Воскресенія? Что собственно сообщаетъ намъ эту радость? что придаетъ нашей душѣ столько бодрости, столько свѣта, столько счастья? Почему такихъ восторженныхъ минутъ мы не переживаемъ ни въ одинъ изъ другихъ двунадесятыхъ праздниковъ, а только въ дни св. Пасхи?

Потому, вѣроятно, что ни одинъ изъ христіанскихъ праздниковъ не имѣетъ для нашей вѣры и для нашей жизни такой огромной силы, такого великаго значенія, какъ св. Пасха. Воскресеніе Христово есть прежде всего торжество вѣры, торжество правды, торжество жизни, торжество прогресса, торжество безсмертія. Если Христосъ не воскресъ, пишетъ проф. Булгаковъ, то тщетна вѣра наша, тщетна исторія, тщетенъ прогрессъ, тщетна культура,—все тщетно, тлѣнъ, безсмыслица".

Почему же Воскресеніе Христа есть торжество нашей вѣры?

Потому, что христіанство основано, главнымъ образомъ, не на любви къ ближнему, какъ обыкновенно думаютъ. Эта любовь есть въ законѣ Моисеевомъ и у всѣхъ древнихъ учителей мудрости, отъ Сократа до Марка Аврелія, отъ Конфуція до Бодизатвы,—а на фактѣ воскресенія Христа. Если Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, то онъ не такой смертный, какъ

---

[1]) „Вопросы философіи и психологіи". 1905 г. кн. 79, Сентябрь—Октябрь.

мы. Если же Онъ не воскресъ, то Онъ, конечно, только человѣкъ, а не воплощеніе Божества. Если Онъ не воскресъ, то мы въ правѣ подвергнуть сильнѣйшему сомнѣнію всѣ Его чудеса, все то, что Онъ говорилъ о Самомъ Себѣ, все то, что обѣщалъ послать людямъ. Если же Онъ воскресъ, то это есть чудо изъ чудесъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ другія евангельскія чудеса, къ принятію которыхъ не представится тогда уже никакихъ затрудненій. Такое значеніе придавалъ воскресенію Спасителя Христа и ап. Павелъ. Онъ писалъ въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ: „если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша“ (I Кор. 15 гл. 14 ст.). Такое же значеніе придаютъ разсматриваемому нами евангельскому факту и раціоналисты. Давидъ Штраусъ, напримѣръ, пишетъ въ своемъ сочиненіи „Старая и новая вѣра“: „Сколько бы Іисусъ не училъ и не осуществлялъ въ своей жизни все истинное и доброе,—все Его ученіе разсѣялось бы какъ листки бумаги по вѣтру, если бы слѣпая вѣра въ воскресеніе Христа не сохраняла и не связывала эти листы грубымъ и прочнымъ переплетомъ“ [1]).

Если-же Воскресеніе Христа есть основаніе нашей вѣры, то какъ не радоваться, какъ не ликовать въ день св. Пасхи, когда чувствуешь сердцемъ, всей душой, что вѣра наша истинная, что основа ея непреложная, что мы не будемъ посрамлены въ нашемъ упованіи? Какъ не радоваться тому, что мы владѣемъ истиной? Какъ не торжествовать въ дни полнаго расцвѣта нашей вѣры? Почему не сіять намъ отъ счастья, когда Христосъ воскресъ? Нѣтъ, „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь“.

Воскресеніе Христа есть торжество не только вѣры, но и правды вообще.

Если Христосъ не воскресъ, то мы вынуждаемся признать нѣчто ужасное, не натуральное; именно, что фарисеи, книжники и іудейскіе первосвященники были правы, Сынъ же Человѣческій былъ не правъ. Почему? Потому что право на свое Божеское достоинство Христосъ основывалъ передъ ними на томъ, что Онъ воскреснетъ въ третій день. Если, посему, Христосъ воскресъ, то Его свидѣтельство истинно, если же нѣтъ, то

---

[1]) „Старая и новая вѣра“ СПБ. 1907 г. стр. 49.

Онъ—обманщикъ. Болѣе того, мы должны признать, что мучительное чувство богооставленности, которое на мгновеніе коснулось души висѣвшаго на крестѣ, было не справедливо, а слѣдующій за нимъ свѣтлый, радостный взоръ къ верху, былъ глупостью. На Его молитвенное воззваніе: „Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой," Богъ долженъ былъ бы отвѣтить: „Погибни". Ему, посвятившему всю Свою жизнь на исполненіе воли Божіей, на служеніе Богу, въ качествѣ воздаянія былъ бы ниспосланъ тотъ-же жребій, какъ и хулившему злодѣю. Возвышенное упованіе должно было бы быть съ жестокостью отвергнуто. Фарисеи побѣдили, и Богъ былъ при семъ и скрѣпилъ эту побѣду. Стоитъ только отвергнуть воскресеніе, нужно будетъ отвергнуть и праведнаго, святого Бога, нельзя болѣе вѣрить въ побѣду правды и добра въ этомъ мірѣ, если Іисусъ Христосъ также погибъ, какъ и Іуда. [1])

Одинъ нѣмецкій мыслитель, Гильбертъ,[2]) со свойственной ему живостью ума и съ большимъ подъемомъ вѣры и чувства такъ писалъ по данному вопросу:

Какая можетъ быть рѣчь о побѣдѣ вообще надъ зломъ, надъ неправдой, когда Христосъ не воскресъ?

Если эта всесовершенная нравственная Личность безъ всякаго пятна и порока, чистая и безконечно великая и сильная по своей безкорыстнѣйшей любви—побѣждена ненавистью, подавлена грѣшными и недостойными людьми, потерпѣла самую жалкую неудачу въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ; если этого чистѣйшаго и боголюбиваго сверхчеловѣка, находившагося въ такомъ искреннемъ общеніи съ Владыкою міра, какъ сынъ съ своимъ отцомъ, и Ему одному служившаго—осудили неправеднымъ судомъ, замучили, опозорили, распяли и умертвили на крестѣ, и Богъ не обнаружилъ никакого состраданія къ нему, не уничтожилъ преступниковъ за пречистую кровь, то, значитъ, нѣтъ правды на землѣ, нѣтъ ничего чистаго и святого въ этомъ грѣшномъ, грязномъ и пошломъ нашемъ мірѣ.

Если побѣдили Каіафа и Іуда, то уничтоженъ самый принципъ правды. Тогда добро безсильно и никогда не сможетъ

---

[1]) Пфеннигсдорфъ: „Іисусъ Христосъ въ современной духовной жизни". стр, 298.

[2]) См. у еп. Михаила: „Старообрядческая мысль" 1913г. № 4, стр. 328.

неправды одолѣть. Тогда зло—законный царь жизни. Если крестъ есть конецъ жизненнаго пути Христа, то не имѣемъ ли мы права обратиться къ Распятому съ вопросомъ: „гдѣ же твой Богъ“?

На крестѣ торжествуетъ зло надъ воплощеннымъ Добромъ, ложь надъ Истиною, пошлость надъ Величіемъ, низость надъ Чистотою, самолюбіе и ненависть надъ Любовью и Безкорыстіемъ. Величайшая нравственная сила сокрушена, нравственный идеалъ уничтоженъ. Кто же послѣ всего этого можетъ еще искренно вѣрить въ послѣднюю побѣду добра и правды? На крестѣ, если за нимъ нѣтъ воскресенія, превращенъ въ ничто весь нравственный міропорядокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вѣра въ любовь и правду Божію. Если Господь не спасъ Христа—эту недосягаемую высокую Личность, Святѣйшаго изъ святыхъ,—то кто же еще можетъ ожидать отъ Бога спасенія своей нравственной личности? Кто еще можетъ вѣрить въ Бога? —Никто. Рѣшительно никто.

Если Христосъ не воскресъ, пишетъ одинъ свѣтскій писатель, Мережковскій, то тщетна вѣра наша. И не только вѣра, но и надежда и любовь. Если Христосъ не воскресъ, то Онъ достойно распятъ, ибо Онъ обманулъ человѣчество величайшимъ изъ всѣхъ обмановъ, утверждая что Богъ есть Отецъ Небесный: Богъ, допустившій уничтоженіе такой личности, Которой весь міръ не стоитъ,—не Отецъ, не Богъ; и весь міръ—насмѣшка дьявола надъ человѣкомъ, вся природа — безуміе, проклятіе и хаосъ“. [1])

Если Христосъ воскресъ, значитъ правда и добро оказались могущественнѣе зла. Тогда Его воскресеніе есть твердое ручательство какъ за спасеніе своей нравственной личности, такъ и за окончательную побѣду правды на землѣ. Тогда можно вѣрить, что есть Богъ, есть правда, есть добро!

Воскресеніе Христово является еще торжествомъ общечеловѣческой идеи безсмертія, которая присуща христіанскому ученію въ большей степени, чѣмъ какой-нибудь другой религіи.

Мы знаемъ, что еслибы кто-нибудь, хотя бы одинъ изъ всѣхъ людей, жившихъ на землѣ, не умеръ или вернулся бы изъ смерти въ жизнь, то законъ смерти былъ бы навѣки

---

[1]) „Не миръ, но мечъ“. СПБ. 1908 г. стр. 15.

упраздненъ въ своей непобѣдимости. Упраздненъ не только для Того единственнаго, Кто побѣдилъ смерть, но рѣшительно для всѣхъ людей, подверженныхъ смерти: для Него эта побѣда совершилась бы въ дѣйствительности, для остальныхъ въ возможности. Но одна возможность иного порядка навѣки уничтожаетъ абсолютную реальность существующаго порядка. Какъ утвержденіе небытія возможно лишь въ томъ случаѣ, если законъ смерти непобѣдимъ, такъ отрицаніе бытія невозможно, если этотъ законъ побѣжденъ, хотя бы жизнью одного существа изъ всѣхъ, когда либо жившихъ въ мірѣ. Какъ безсмертіе всѣхъ упразднилось бы смертію одного, такъ смерть всѣхъ упраздняется безсмертіемъ одного". Если бы люди знали, что одинъ изъ нихъ умеръ и воскресъ, такъ же точно и неотразимо, какъ они знаютъ, что всѣ жившіе умерли, то это знаніе преобразило бы весь человѣческій міръ—внѣшній и внутренній, созерцательный и дѣятельный—науку, искусство, нравственность, полъ, общественность — все до послѣдней клѣточки нашего организма, до послѣдней отвлеченности нашего мышленія".

Мы вѣримъ, что Христосъ воскресъ. Мы вѣримъ, что Его воскресеніемъ упразднена смерть, а безсмертіе восторжествовало. И вѣра эта наполняетъ наши души въ день св. Пасхи невыразимой радостью и восторгомъ. Мы чувствуемъ въ себѣ какую-то бодрость, какой-то неизсякаемый родникъ духовной силы. Посему у насъ на лицѣ столько счастья, а въ душѣ столько блаженства.

Если Христосъ воскресъ, если безсмертіе восторжествовало, то вмѣстѣ съ симъ человѣчеству открывается смыслъ жизни, проясняется великая міровая проблема, указывается давно искомая цѣль, сообщаются новыя силы и „радости бытія".

Если же Христосъ не воскресъ, если конецъ всему — непобѣдимая смерть, тогда нѣтъ смысла въ жизни, тогда все пустота, ничему нѣтъ оправданія. Тогда вполнѣ справедливы слѣдующія разсужденія одного автора, написавшаго въ духѣ Бодлера статейку, подъ заглавіемъ „Мысли моего труда":

— Я въ гробу. Черви гложутъ мое тѣло, а кротъ тихо

---

[1]) Д. Мережковскій: „Мечъ", стр. 14. См. сборникъ: „Не миръ, а мечъ" СПБ. 1908 г.

роетъ свой тоннель надъ моей могилой. Страшная, безсмысленная тишина...

Стоило ли столько лѣтъ мыкаться по бѣлу свѣту для того, чтобы въ концѣ концовъ попасть въ это ужасное мѣсто?

Стоило ли затрачивать ту массу энергіи, которую пришлось затратить въ жизни мнѣ, чтобы въ концѣ концовъ лежать неподвижной, разлагающейся фигурой подъ тяжестью толстаго слоя холодной земли?

Стоило ли испытывать то огромное количество нравственныхъ и физическихъ мукъ, которыя пришлось переиспытать мнѣ на протяженіи моей жизни, чтобы въ результатѣ попасть въ безпощадныя руки Смерти—этого единственнаго реальнаго божества,—которая злорадно опустила меня въ безпросвѣтную тьму могилы?

Какой смыслъ въ этихъ нестерпимыхъ, чисто физическихъ страданіяхъ, непосредственно предшествующихъ моменту Смерти? Кому и какая отъ этого польза?

Какую непонятную намъ цѣль преслѣдуетъ природа въ этомъ дикомъ процессѣ разложенія?

Для чего я и многіе другіе смертные старались скоплять въ своемъ мозгу на протяженіи всей своей жизни этотъ запасъ свѣдѣній, это богатство знаній?

Неужто для того, чтобы безвозвратно все погибло? А еще говорятъ, что ни одинъ видъ энергіи не пропадаетъ въ природѣ. Повидимому, это большое заблужденіе. Я изучилъ десять языковъ, я прошелъ высшую школу, я работалъ надъ многими вопросами человѣческаго знанія, затративши на все это соотвѣтственное количество нервной энергіи. Теперь мой трупъ въ гробу. Куда же дѣлась и во что обратилась вся эта масса затраченнаго мною труда?

Она пропала, безвозвратно погибла. Развѣ это не обидно? Развѣ не больно человѣку сознавать, что весь его умственный багажъ, накопленный столькими трудами во время жизни, всѣ его мысли, чувства, желанія, все его „я“ безслѣдно исчезаетъ, безвозвратно погибаетъ, попадаетъ въ какое-то небытіе, въ какую-то нирвану?..

И вотъ теперь мой трупъ лежитъ въ холодномъ смрадѣ собственнаго разложенія. Страшная тишина этой постоянной

ночи иной разъ нарушается работой червей, подтачивающихъ гробъ и мой трупъ. Несчастный трупъ!

Прошло нѣкоторое время. Громадный червякъ вползъ въ мою лѣвую ноздрю и, съ трудомъ пробираясь сквозь набухшую, полуразложившуюся слизистую ткань, достигъ нервнаго вещества головного мозга. Достигъ и началъ все глубже и глубже внѣдряться въ него, выѣдая постепенно и тѣ божественные участки моего мозга, въ которыхъ хранились драгоцѣнности накопленнаго мною при жизни знанія. Классическое мѣсто моего организма, сѣдалище моей души, которымъ я думалъ, которымъ желалъ, которымъ чувствовалъ—это мѣсто, эта драгоцѣнная нервная ткань—оно наконецъ стало добычей ужасныхъ червей.

Стоитъ ли рождаться на свѣтъ, стоитъ ли жить, стоитъ ли работать послѣ всего этого?“ [1])

Эти мысли особенно рѣзко предносятся нашему сознанію при видѣ смерти Спасителя на крестѣ.

„Слушай,—говоритъ въ своемъ пророческомъ изступленіи предъ самоубійствомъ Кирилловъ своему „черту“, Петру Верховенскому,—слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумашествіе. Не было ни прежде, ни послѣ ему подобнаго, и никогда, даже до чуда. Въ томъ-то и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *этого*, даже чудо свое не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволовъ водевиль. Для чего же жить тогда, отвѣчай, если ты человѣкъ?“ [2])

Или какъ говоритъ отечественный философъ Вл. Соловьевъ: „Если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каіафа ока-

---

[1]) И. Л. Смоленскій: „Этюды“. Одесса. 1914 г., стр. 1—3.

[2]) Слова Достоевскаго.

зался правымъ, а Иродъ и Пилатъ мудрыми, то міръ оказался бы *безсмыслицей*, царствомъ зла, обмана и смерти. Дѣло шло не о прекращеніи чьей то жизни, а о томъ, прекратилась ли истинная жизнь, жизнь совершеннаго праведника". [1])

Вотъ въ какіе тупики попадаетъ человѣческая мысль при отрицаніи воскресенія Христова. Вотъ къ какимъ печальнымъ выводамъ должны придти люди, отвергающіе этотъ кардинальный догматъ нашей вѣры.

Итакъ, если Христосъ не воскресъ, тогда, какъ говоритъ Достоевскій, антропофагія, людоѣдство.

Если же Христосъ воскресъ, съ Нимъ все воскресаетъ, все исполняется свѣта, смысла, добра и надежды.

Если Христосъ воскресъ, тогда, значитъ, мы всѣ воскреснемъ, ибо слово Божіе говоритъ: „Нынѣ Христосъ возста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть" (I Кор. 15 гл. 20 ст.). Если же мы воскреснемъ, значитъ есть загробная жизнь, есть воздаяніе, есть праведный Судія, есть потусторонній міръ, къ которому мы должны приготовиться здѣсь, на землѣ, и гдѣ „Господь коемуждо воздастъ по дѣломъ его."

Тогда и земная жизнь получаетъ свой смыслъ и свое значеніе. Тогда и смерть не страшна, ибо она есть переходъ къ другому, новому, высшему міру. Тогда и добродѣтель имѣетъ свой конецъ. И порокъ—возмездіе. И преступленіе—наказаніе. Вѣра и надежда—оправданіе.

Мы, христіане, твердо вѣримъ въ воскресеніе Христа и потому въ день св. Пасхи у насъ такъ свѣтло, такъ радостно на душѣ.

„И все полно торжественной хвалою—
И Солнце льетъ лучи свои съ небесъ,
И носится тогда надъ радостной землею
Побѣдный кликъ": Христосъ, Христосъ Воскресъ!
(Н. П. Аксаковъ).

Наконецъ, Воскресеніе Христово есть торжество человѣческаго прогресса, человѣческой культуры.

Вѣдь если Христосъ не воскресъ, то нѣтъ никакого смысла въ прогрессѣ. Прогрессъ обезцѣнивается, теряетъ

---

[1]) В. Соловьевъ: „Пасхальныя письма". Письмо 1-е „Христосъ воскресъ"! т. VIII, стр. 107.

свою силу, становится пустымъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему тогда вся эта лихорадочная, непрерывно текущая мировая работа? Какой толкъ въ ней? Какому Богу приносится въ жертву и жизнь, и здоровье, и покой, и свобода? И во имя чего всѣ эти скорби, униженія, паденія, слезы, плачъ и скрежетъ зубовъ?

Говорятъ, во имя спасенія человѣчества, во имя будущаго, когда наступитъ рай земной, когда не будетъ на землѣ ни страданій, ни мученій, когда будетъ одно сплошное „благоденственное и мирное житіе".

Но позвольте, какъ справедливо замѣтилъ въ „Подросткѣ„ Ѳ. М. Достоевскій:

...„Зачѣмъ я непремѣннно долженъ любить моего ближняго или ваше тамъ будущее человѣчество, которое я никогда не увижу, которое обо мнѣ знать не будетъ, и которое въ свою очередь, истлѣетъ безъ всякаго слѣда и воспоминанія, время тутъ ничего не значитъ, когда земля обратится въ свою очередь въ ледяной камень и будетъ летать въ безвоздушномъ пространствѣ съ безконечнымъ множествомъ такихъ же ледяныхъ камней, т. е. безмысленнѣе чего нельзя себѣ представить. Вотъ ваше ученіе. Скажите, затѣмъ я непремѣнно долженъ быть благороденъ, тѣмъ болѣе, если все продолжается одну минуту?

Одинъ чрезвычайно умный человѣкъ говорилъ, между прочимъ, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ отвѣтить на вопросъ: „Зачѣмъ непремѣнно надо быть благороднымъ". Видите ли-съ, есть три рода подлецовъ на свѣтѣ: подлецы наивные,—т. е. убѣжденные, что ихъ подлость есть величайшее благородство, подлецы стыдящіеся,—т. е., стыдящіеся собственно подлости, но при непремѣнномъ намѣреніи все таки ее докончить, и, наконецъ, просто подлецы, чистокровные подлецы. Позвольте-съ: у меня былъ товарищъ Ламбертъ, который говорилъ мнѣ еще шестнадцати лѣтъ, что когда онъ будетъ богатъ, то самое большое наслажденіе его будетъ кормить хлѣбомъ и мясомъ собакъ, когда дѣти бѣдныхъ будутъ умирать съ голоду; а когда имъ топить будетъ нечѣмъ, то онъ купитъ цѣлый дровяной дворъ, сложитъ въ полѣ и вытопитъ поле, а бѣднымъ ни полѣна не дасть. Вотъ его чувства! Скажите, что я отвѣчу этому чистокровному подлецу на вопросъ: почему онъ непре-

мѣнно долженъ быть благороднымъ? И особенно теперь, въ наше время, которое такъ передѣлали, потому что, хуже того, что теперь никогда не бывало. Въ нашемъ обществѣ совсѣмъ не ясно, господа. Вѣдь вы Бога отрицаете, подвигъ отрицаете, какая же косность, глухая, слѣпая, тупая можетъ заставить меня дѣйствовать такъ, если мнѣ выгоднѣе иначе. Вы говорите: „разумное" отношеніе къ человѣчеству есть тоже моя выгода; а если я нахожу всѣ эти разумности неразумными. Да чортъ съ ними и до будущаго, когда я одинъ только разъ на свѣтѣ живу. Позвольте мнѣ самому знать мою выгоду; оно веселѣе; что мнѣ за дѣло до того, что́ будетъ черезъ тысячу лѣтъ съ вашимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это, по вашему кодексу,—ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига. Нѣтъ-съ, если такъ, то я самымъ преневѣжливымъ образомъ буду жить для себя, а тамъ хоть бы всѣ провалились".[1])

И это не единичные голоса. Такого рода рѣчи и разсужденія раздаются вездѣ. Вотъ, напримѣръ, у одного индусскаго подвижника *Суоми Вивеконанда* мы находимъ такія же точно мысли.

„Если жизнь есть только нѣчто маленькое, пяти-минутное, говоритъ онъ, если вселенная есть только случайное соединеніе атомовъ, то почему я долженъ дѣлать добро другимъ? Зачѣмъ нужно милосердіе, справедливость, сочувствіе? Самое лучшее, къ чему надо было бы стремиться въ этомъ мірѣ— было-бы „убирать сѣно каждому для себя, пока солнце свѣтитъ". Если нѣтъ надежды на будущее, зачѣмъ я стану любить моего брата, а не перерѣжу ему горло? Если нѣтъ ничего дальше, а есть только неумолимые, бездушные законы, я долженъ бы стараться только сдѣлать себя счастливымъ здѣсь. Вы встрѣтите людей, которые говорятъ въ настоящее время, что для нихъ основаніемъ всей нравственности служатъ соображенія о пользѣ. Что это за основаніе? Доставить наибольшее количество счастья наибольшему числу? Но зачѣмъ я стану это дѣлать? Почему бы мнѣ не причинить самое большее несчастье наибольшему числу, если это служитъ моимъ цѣлямъ? Если пользой считается наибольшее количество счастья, то моя польза за-

[1]) Изд. А Ф. Маркса. СПБ. 1895 г. т. 8, ч. I, стр. 56—57.

ключается въ томъ, чтобы быть эгоистомъ. Я могу достигнуть наибольшаго счастья, обманывая и губя другихъ".[1])

И дѣйствительно, если наша жизнь прекращается смертью навсегда, тогда одинъ исходъ остается для всѣхъ. Именно: жить для себя, въ свое полное удовольствіе, жить на счетъ другихъ, на счетъ ихъ радостей, здоровья, счастья, покоя и свободы.

Такъ именно теперь невѣрующіе и живутъ.

„По крови и трупамъ, другъ друга давя,
Куда-то стремится людская семья"...

Ну хорошо. На время согласимся съ тѣмъ, что всѣ свои труды, заботы, страданія мы должны принести въ жертву будущему человѣчеству. Но вѣдь будущіе люди не смогутъ принять отъ насъ этого драгоцѣннаго подарка. Будущіе люди съ болѣе чуткой совѣстью, съ болѣе развитымъ чувствомъ общечеловѣческой солидарности и любви будутъ терзаться отъ сознанія, что ихъ благополучіе куплено такою дорогою цѣною, и тогда они въ тысячу разъ жалче насъ и несчастнѣе, и ужъ совершенно не годятся для роли увѣнчивающихъ міровую исторію счастливцевъ будущаго. Потому что всякій долженъ былъ бы тогда сказать, какъ Ив. Карамазовъ: „Зачѣмъ эта гармонія, когда въ ней не примутъ участіе тѣ, кто ее создалъ, когда имъ никогда не дадутъ бѣлыхъ одеждъ и вѣтокъ пальмовыхъ. Говорятъ, что всѣ должны страдать, чтобы купить вѣчную гармонію. Но зачѣмъ тутъ дѣти и ихъ страданія? Отказываюсь отъ всякой гармоніи, если она стоитъ такъ дорого. Не стоитъ она слезинки, хотя бы одной только той дѣвочки съ Гай-Маркета. Не стоитъ, потому что слезинки остались неискупленными, невознагражденными. Не хочу гармоніи, изъ любви къ человѣчеству не хочу. Слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману. Я не могу столько платить за гармонію. И потому я свой билетъ на входъ спѣшу возвратить Ему обратно. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ почтительнѣйше Ему возвращаю".

Возможенъ, правда, другой отвѣтъ и другой исходъ изъ этихъ противорѣчій. Возможно, что будущее поколѣніе обо всемъ позабудетъ, все припишетъ себѣ самому. Но тогда мы

---

[1]) „Философія Іога", стр. 102–104.

имѣемъ просто свинство, отталкивающее безобразіе, при одной мысли о которомъ тошнитъ и мутитъ, при мысли, что ради мѣщанскаго довольства и благополучія этихъ господъ была заплачена такая цѣна, пролита была мученическая кровь.

Нѣтъ, идея прогреса, пишетъ профессоръ политической экономіи С. Булгаковъ, не даетъ и не можетъ дать исхода изъ трагическихъ противорѣчій жизни, человѣкъ не можетъ спастись отъ нихъ въ прогрессѣ. [1])

Только въ признаніи истины, что за крестомъ слѣдуетъ воскресеніе, что Христосъ воскресъ,—рѣшеніе всѣхъ „вѣчно тревожныхъ и страшныхъ“ вопросовъ. Христосъ побѣдилъ смерть, побѣдилъ страданіе. Если такъ, то наше служеніе ближнимъ не работа Сизифа или Данаидъ, наполняющихъ бездонную бочку безъ всякой надежды сдѣлать человѣка дѣйствительно счастливымъ, а соучастіе въ работѣ Христовой, которая должна окончиться въ царствѣ любви и славы Божіей. Съ этой точки зрѣнія страдать съ ближними и для ближнихъ, сострадая, отдавая имъ жизнь,—значитъ залагать камни дѣйствительнаго и вѣчнаго счастья на землѣ.[2])

Только та увѣренность, что страданія на землѣ готовятъ насъ и ближнихъ нашихъ къ блаженной жизни съ Богомъ, что будущее не только заставитъ страдальцевъ забыть прошедшее, нв и заставитъ благословлять это прошедшее, какъ путь къ радости и счастью, только эта увѣренность окончательно примиритъ нашу мысль съ видомъ страданій на землѣ.

Итакъ, въ воскресеніи Христа рѣшался вопросъ о смыслѣ міра, жизни, исторіи, о правдѣ міра. Въ немъ все бы умерло, и съ Нимъ все воскресаетъ, исполняется свѣта и смысла, становится свѣтоноснымъ, даже теорія прогресса, которою теперь человѣчество отгораживается отъ религіи, получаетъ высшій смыслъ и значеніе.

Вотъ почему такъ легко, такъ отрадно и свѣтло бываетъ на душѣ въ день св. Пасхи. Вотъ почему пасхальный звонъ всегда звучитъ такъ торжественно и дивно. Вотъ почему въ этотъ великій и свѣтлый день больше, чѣмъ когда бы то ни было, хочется жить, вѣрить, всѣхъ любить и молиться.

Христосъ Воскресъ!

---

[1]) „Интеллигенція и религія“. Москва. 1908 г., стр. 43.

[2]) Еп. Михаилъ: „о вѣрѣ и невѣріи“ 1908 г. ч. I.

* * *

Но мы видимъ уже, какъ противъ насъ выдвигается главный логическій идолъ нашего времени — „научность", передъ которымъ пасуютъ, склоняютъ свои колѣни многіе, даже смѣлые умы. Мы слышимъ хриплый, скрипучій, мертвый голосъ ея оракуловъ, говорящій: какъ можно говорить о воскресеніи, о чудесахъ, вообще о такихъ вещахъ, которыя давно упразднены наукой и отнесены къ числу отжившихъ суевѣрій.

Въ отвѣтъ на это послѣднее возраженіе мы приведемъ слова г. Мейера, встрѣченныя нами въ Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія за 1909 годъ, слова какъ нельзя лучше и удачнѣе опровергающія несправедливость поставленнаго тезиса.

„Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ играетъ огромную роль идея чуда, которую нельзя истолковать, какъ попытку объяснить какое-либо явленіе природы. Чудо всегда понималось, какъ нѣчто необычное, возможное лишь для какихъ-то сверхчеловѣческихъ силъ. Поэтому, когда дѣло идетъ о вѣрованіи въ чудо, научная критика теряетъ свою силу. Говорятъ, будто наука доказала невозможность чудесъ. Но вѣдь всякій разъ, когда наука доказываетъ невозможность того или иного чуда, т. е. указываетъ на нарушеніе въ данномъ чудѣ такъ называемыхъ законовъ природы, она только подтверждаетъ, что данное чудо — дѣйствительно чудо. Но возможно ли вообще то, что невозможно съ точки зрѣнія законовъ природы — это уже особый вопросъ.

Научное описаніе явленій природы не мирится, конечно, съ чудомъ. Наука перестала бы быть наукой, если бы она отказалась отъ идеи закономѣрности. Это ея регулятивный принципъ. Но научное описаніе не охватываетъ всей реальности. Если бы это было такъ, чудо, конечно, было бы немыслимымъ. На самомъ же дѣлѣ наука не можетъ себѣ ставить такихъ задачъ и то, что не вмѣщается въ рамки научнаго описанія, строго говоря, не должно разсматриваться какъ абсолютно невозможное. Наука, такимъ образомъ, устраняетъ чудо не изъ реальности, а изъ своего описанія реальности". [1])

---

[1]) Журналъ М. Н. П. 1909 г. Іюнь, стр. 389—390.

Если, такимъ образомъ, наука не можетъ вообще отрицать чуда, то истины воскресенія она тѣмъ болѣе не можетъ отрицать, потому что это чудо изъ чудесъ.

* * *

Трезвонятъ... Христосъ Воскресъ!.. Христосъ воскресъ!.. Вы вѣрите? Нѣтъ?

А я вѣрю! Я вѣрю! Это такъ широко, такъ смѣло, такъ полно глубокаго таинственнаго смысла... Говорятъ: будетъ время и наша земля обледенѣетъ и, какъ могила, будетъ носиться въ пространствѣ... Но отчего такъ хочется жить? Отчего такъ хочется мечтать и вѣрить, что это вздоръ, призраки и только?...[1])

— Смерть не беретъ всего. Все разумное, свѣтлое, безсмертное остается... Оно все больше и больше осаждается на землѣ, какъ иней, и будетъ время, — вся земля проснется въ одно утро разумною, свѣтлою, безсмертною... Христосъ воскресъ—это запѣвъ къ той жизни.

— Такой звонкій, красивый, вдохновенный запѣвъ. Онъ поднялся надъ землею рано, еще вся земля спала и не мечтала объ иной жизни.

Онъ прозвенѣлъ неожиданно, смѣло, чарующе и поманилъ туда, въ даль, въ иные, края... Пусть люди не вѣрятъ, онъ звенитъ. Онъ будитъ тоску по иной жизни, онъ зоветъ... И если когда нибудь люди совсѣмъ перестанутъ вѣрить въ него и онъ не поднимется больше къ небу въ пасхальную ночь, это будетъ означать, что земля уже обледенѣла и безсмысленно носится въ пространствѣ...

— Пусть звонятъ колокола! Пусть шумятъ! Это — протестъ человѣчества противъ своего одиночества, смерти, безсмысленности... Это вѣра, милая, дѣтская, трогательная вѣра въ свою весну, въ свои солнце, цвѣты, ласки, когда человѣчество узнаетъ все, найдетъ счастье и отдохнетъ...

Христосъ воскресъ!

---

[1]) Р. П. Кумовъ. „Безсмертники". СПБ. 1909 г., стр. 329.

Сомнѣнія въ Божествѣ І. Христа.

„Се, лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Израилѣ и въ предметъ пререканій“ (Лук. 2 гл. 34 ст.).

Прошли вѣка, прошли тысячелѣтія, а пророчество Богопріимца Симеона еще не отжило своего времени, не потеряло своего значенія. Еще и теперь бываютъ паденія и возстанія, еще и теперь идутъ пререканія о Христѣ, теперь даже болѣе, чѣмъ когда либо. Теперь ополчились противъ Христа Богочеловѣка не только серьезные ученые, люди великаго ума и большихъ познаній, но и простые, необразованные, малопросвѣщенные люди. Теперь отрицаютъ Божество Іисуса Христа не только язычники, но и христіане, не только враги Христа, но и послѣдователи Его ученія, исполнители Его заповѣдей, не только взрослые, большіе, но даже молодежь.

Словомъ, сомнѣнія въ Божествѣ Христа все растутъ и растутъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ все быстрѣе и быстрѣе.

Въ такое бурное и тревожное для христіанъ время, въ періодъ оживленныхъ и безконечныхъ пререканій о Христѣ Іисусѣ не мѣшало бы намъ, православнымъ христіанамъ, лишній разъ осмотрѣть свои боевыя позиціи, критически оцѣнить аргументы своихъ религіозныхъ противниковъ и подвести итоги многолѣтней полемики по данному вопросу.

* * *

Кто былъ Іисусъ Христосъ? *Богъ, человѣкъ* или же *Богочеловѣкъ*? Вотъ вопросъ.

Многіе, если не всѣ, рѣшаютъ этотъ вопросъ чисто теоретическимъ путемъ. Берутъ въ руки Евангеліе или же другую какую-нибудь книгу, напримѣръ: „Жизнь Іисуса Христа “Ренана, перечитываютъ ее отъ начала до конца и выводятъ такое заключеніе, что Іисусъ Христосъ былъ простой, обыкновенный человѣкъ, не больше.

Намъ думается, что такъ рѣшать даннаго вопроса ни въ какомъ случаѣ нельзя. Мы не съ той стороны все подходимъ къ вопросу. Рѣшаемъ вопросъ съ конца. Споримъ о выводѣ, не имѣя посылокъ. Провѣряемъ сумму, итогъ, не зная слагаемыхъ, цифръ, данныхъ для сложенія. Въ дѣтствѣ мы принимаемъ отъ старшихъ на вѣру. Такъ говорятъ намъ и мы вѣримъ. И есть счастливцы, что сохраняютъ эту дѣтскую вѣру до конца жизни. Счастливцы: „Блаженны не видѣвшіе, но вѣровавшіе,"—сказалъ о нихъ Самъ Спаситель. Но не всѣмъ это удается. У многихъ, у большинства жизнь растрясаетъ эту вѣру, нарушаетъ ея цѣлость и спокойствіе. Душа, какъ Ѳома, хочетъ вложить персты въ язвы гвоздиныя, убѣдиться сама. И евангеліе даетъ тому всѣ средства. Что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, Богочеловѣкъ, это выводъ, сумма, итогъ нашей вѣры. Изъ чего? Вотъ тутъ и вопросъ. Тутъ же и рѣшеніе. Наѳанаилъ не вѣрилъ, что Филиппъ нашелъ Христа Мессію.

—Изъ Назарета можетъ ли что добро быти?—говоритъ онъ.

— Поди и посмотри,—отвѣтилъ Филиппъ.

Наѳанаилъ пошелъ къ Іисусу и дѣло кончилось тѣмъ, что Наѳанаилъ воскликнулъ:

„Равви, ты—Сынъ Божій, ты—Царь Израилевъ"!

Самарянка не знала, кто сидѣлъ предъ ней у колодца. Когда же Іисусъ сказалъ ей нѣсколько словъ, она, вникнувъ въ ихъ силу и смыслъ, поняла, что предъ ней больше чѣмъ обыкновенный человѣкъ. Пошла и сказала жителямъ своего селенія. Тѣ упросили Іисуса Христа остаться у нихъ. Іисусъ Христосъ пробылъ два дня, училъ самарянъ, и многіе изъ нихъ, сказано въ Евангеліи, увѣровали въ Него.

— Увѣровали не потому, что ты намъ сказала,— говорили они самарянкѣ,—а потому, что сами слышали.

Въ большихъ размѣрахъ это видно на апостолахъ. Іисусъ проповѣдуетъ имъ и при нихъ совершаетъ дѣла милосердія, творитъ чудеса. Ученики все это видятъ и слышатъ. У нихъ получаются впечатлѣнія, одно за другимъ. Впечатлѣнія эти копятся, слагаются вмѣстѣ, образуютъ одно цѣлое. Какое? Ученики опредѣляютъ ясно.

— За кого вы принимаете Меня? — спрашиваетъ ихъ Іисусъ послѣ долгаго общенія съ ними.

— Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго! — убѣжденно отъ лица всѣхъ учениковъ отвѣчаетъ Симонъ Петръ.

Вотъ выводъ, основанный на опытѣ. Конецъ долгаго пути. Если и люди хотятъ быть убѣжденными въ выводѣ, хотятъ рѣшить „тревожный и важный" вопросъ, они должны пройти всѣ посылки, продумать все, что говорилъ Іисусъ Христосъ, прочувствовать всю Его жизнь и тогда только спрашивать себя:

— Кто онъ?

Только вопросъ будетъ уже излишнимъ. Въ душѣ сложится самъ собою отвѣтъ,—отвѣтъ апостоловъ:

— Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго!

Еще разъ повторяемъ, не теоретическимъ, а практическимъ путемъ должно рѣшать вопросъ: человѣкъ или Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ? [1]).

Но современники наши рѣшаютъ означенный вопросъ, къ сожалѣнію, исключительно теоретически. Посему и мы, при критическомъ обзорѣ ихъ сомнѣній, должны вращаться только въ области теоретическихъ разсужденій, а не опытныхъ переживаній.

Но, переходя и на эту почву, мы все таки должны сказать, что и здѣсь можно найти достаточное количество вѣскихъ и прочно обоснованныхъ доказательствъ въ пользу Божественности Христа Спасителя.

Мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ, какъ только приступимъ къ критической оцѣнкѣ современныхъ сомнѣній.

Кто былъ Іисусъ Христосъ?

Многіе прямо, не задумываясь, но вполнѣ, по ихъ мнѣнію, убѣжденно, сознательно отвѣчаютъ, что Іисусъ Христосъ былъ простой, обыкновенный человѣкъ, но только высокихъ нравственныхъ качествъ, воплотившій въ Себѣ высшіе Божескія мотивы и цѣли, человѣкъ, который по выраженію Толстого, „далъ намъ истинный путь жизни взамѣнъ того ложнаго пути личной жизни, по которому мы шли прежде" [2]).

Такъ всѣ говорятъ, всѣ думаютъ, кто только усумнился въ Божественности І. Христа. Нѣтъ ни одного человѣка, ни од-

---

[1]) „Никодимъ" Б. С. П. СПБ. 1904 г. стр. 14—15.

[2]) „Въ чемъ моя вѣра"? изд. 1906 г. журн. „Всемірный Вѣстникъ" стр. 101.

ного еретика и безбожника, который посмѣлъ бы бросить тѣнь на чистую и непорочную душу великаго „галилеянина".

Мы сами преклоняемся предъ нравственнымъ величіемъ Христа Спасителя. Но мы не останавливаемся на полдорогѣ. Мы идемъ дальше. Мы утверждаемъ, что Іисусъ Христосъ былъ не только человѣкъ, но и Господь Богъ. Признавать же въ Немъ только одно естество, видѣть въ Немъ только человѣка, хотя бы и нравственнаго, невозможно. Это будетъ противорѣчіемъ, безуміемъ.

Если Христосъ былъ только человѣкъ, а не Богъ, то Онъ былъ,—да простятъ намъ такія выраженія,—дурной, безнравственный, безчестный человѣкъ. Онъ былъ лжецъ, обманщикъ, такъ какъ все человѣчество обманулъ величайшимъ изъ всѣхъ обмановъ, утверждая, что Онъ былъ Сынъ Божій, Богочеловѣкъ. Онъ былъ „дурной" человѣкъ, потому что Онъ мечталъ о Себѣ безконечно много и сознательно вводилъ другихъ въ заблужденіе, хладнокровно и безъ всякихъ иллюзій обрекая довѣрчивыхъ и простодушныхъ Своихъ учениковъ на мученіе и на смерть (Матѳ. 10 гл. 16—23 ст. Лук. 21 гл. 12 ст.).

Далѣе. Если Христосъ былъ только человѣкомъ и если Онъ выдавалъ Себя за Сына Божія не въ цѣляхъ обмана, а по Своему глубокому внутреннему убѣжденію, значитъ Онъ былъ *самообольщеннымъ мечтателемъ*, которому довѣряться ни въ коимъ случаѣ нельзя и идти за которымъ весьма рискованно и опасно, ибо „если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму" (Матѳ. 15 гл. 14 ст.).

Въ томъ и другомъ случаѣ какой глубокій и смертельный ударъ наносится нашей вѣрѣ! Спрашивается: въ кого мы вѣримъ? на кого возлагаемъ свои вѣковыя надежды? Въ комъ ищемъ своего спасенія? За кѣмъ идемъ? И куда идемъ? Неужели за самообольщеннымъ мечтателемъ, за міровымъ лгуномъ и обманщикомъ? Неужели самообольщенный мечтатель овладѣлъ нашими умами и держалъ насъ въ плѣну цѣлые вѣка и тысячелѣтія? И мы вѣрили въ него, почитали его, лжеца и обманщика, за Сына Божія, за Богочеловѣка? Въ немъ видѣли путь, истину и жизнь? Да?

Если считать І. Христа за человѣка, тогда дѣйствительно приходится сказать ужасное да.

Говорятъ, что Іисусъ Христосъ не говорилъ о Себѣ ни-

чего подобнаго, что Онъ не выдавалъ Себя за Богочеловѣка и потому свободенъ отъ всѣхъ возводимыхъ на Него въ этомъ родѣ обвиненій и подозрѣній.

„Іисусъ, говоритъ, напримѣръ, Толстой, считалъ Себя такимъ же человѣкомъ, какъ и другіе люди.—Никогда не отрицая сыновности Богу, Онъ никогда не приписываетъ ей никакого особеннаго значенія.—Что стоило Ему прямо сказать: Я—Богъ, хотя не прямо сказать, а по крайней мѣрѣ не иносказательно, не такъ, чтобы можно было безъ всякаго дурного желанія понять это иначе. А то Онъ сказалъ такъ, что нельзя понять иначе, какъ такъ, что Онъ прямо утверждалъ многимъ, что Онъ не Богъ.“ [1]).

„Почему Христосъ не прямо сказалъ: Я—Богъ“?

Да потому, что *это невозможно было.* Трудно представить себѣ, что случилось бы, если-бы Онъ выступилъ съ такимъ утвержденіемъ! Это было бы словомъ разящимъ, ослѣпляющимъ, подобно солнечному полуденному лучу для слабаго глаза, и всѣ слушатели должны были бы придать ему ложный смыслъ. Язычники, иногда слушавшіе бесѣду Христа, подумали бы, что Онъ считаетъ Себя за одного изъ многихъ боговъ. А Іудеи, признававшіе единаго Бога, рѣшили бы, что Онъ или отрицаетъ единство Божіе, или съ безумною дерзостью оскорбляетъ Высшее Существо, царящее на небесахъ. И потому всѣ отъ Него отвернулись бы, перестали бы внимать Его Божественнымъ глаголамъ, перестали-бы ходить по Его стопамъ. Вотъ почему съ несравнимою мудростью Христосъ излагаетъ истину постепенно, по частямъ.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, можно сказать въ отвѣтъ на данный вопросъ то, что и говоритъ архіепископъ Волынскій Антоній, т. е. Іисусъ Христосъ потому будто бы сначала ничего не говорилъ людямъ о своемъ Божествѣ, что это невозможно было.

Что было бы, восклицаетъ архіепископъ Антоній [2]), если бы Господь началъ проповѣдь Свою съ откровенія о Своемъ Божествѣ, если-бъ совершая чудеса исцѣленій, заключалъ ихъ испо-

---

[1]) Д. Мережковскій: „Левъ Толстой и Достоевскій, т. 2-й, изд. 2-е стр. 198.

[2]) Полное собраніе сочиненій, т. 4. Почаевъ. 1906 г. стр. 194—195.

вѣданіемъ той истины, что Онъ есть Богъ, воплотившійся, но не перестающій быть Богомъ, равнымъ Отцу?

— Было бы то, что люди отъ ужаса и изумленія умирали бы. „Не бо узритъ человѣкъ лице Мое, говоритъ Господь, и живъ будетъ“ (Исх. 33 гл. 20 ст.). Душа наша не можетъ перенести яснаго и неприкровеннаго обнаруженія безконечнаго существа Божія предъ собою. Никто да не подумаетъ, будто въ такихъ словахъ есть преувеличеніе. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда Спаситель открывалъ не всю истину Своего Божества, а только малую часть Его славы, люди лишались чувствъ отъ ужаса; такъ было и съ друзьями Его и съ врагами. „Выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный“, говорилъ Ап. Петръ, послѣ чудеснаго лова рыбы, а во время Преображенія Христа на горѣ, учениковъ Его объялъ такой страхъ, что они упали ницъ на землю и лежали такъ до тѣхъ поръ, пока не окончилось видѣніе славы Господней, и Онъ, подойдя къ нимъ въ смиренномъ Своемъ видѣ, сказалъ: „это Я, не бойтесь“. Но въ другой разъ подобныя же слова Его: „это Я“, соединенные какъ бы съ внутреннимъ утвержденіемъ Своего Божества, и сказанныя предъ цѣлымъ полчищемъ враговъ его, произвели то, что они „идоша вспять и падоша на земли“.

Итакъ, когда до ума людей доходила мысль хотя бы о нѣкоторой вѣроятности того, что учитель Іисусъ есть не простой пророкъ, а отъ Бога сошедшій на землю, то они приходили въ ужасъ и изумленіе и никакъ не смѣли коснуться Его (Лук. 4 гл. 30 ст., Іоан. 7 гл. 30 ст., 8 гл. 59 ст., 10 гл., 59 ст., Лук. 11 гл. 19 ст.).

Судите же теперь, могли бы люди переносить совершенно ясно выраженную и подтвержденную чудесами мысль, что постоянно обращающійся съ ними учитель есть Богъ? Вѣдь не только обыкновенные грѣшники, но и богопросвѣщенные пророки и апостолы обмирали отъ страха, когда являлся имъ лишь ангелъ. А видѣнія Бога не могутъ переносить даже ангелы, архангелы, херувимы и серафимы, со страхомъ закрывающіе лица свои предъ Его славой и не могущіе ни на одно мгновеніе успокоить свой духъ отъ трепетно восторженнаго славословія, какъ то открыто было пророку Исаіи (гл. 6).

Въ третьихъ, нельзя согласиться съ тѣмъ, будто „Христосъ прямо утверждалъ, что Онъ не Богъ„.

Если кому, то прежде всего Онъ долженъ бы былъ утверждать это Своимъ ученикамъ и апостоламъ, чтобы они правильно поняли Его и вѣрно усвоили Его ученіе. Но если Онъ утверждалъ это имъ, то ученики и апостолы должны бы смотрѣть на Христа, какъ на простого, въ нравственномъ отношеніи цѣлой головою выше другихъ стоявшаго человѣка. Въ дѣйствительности же мы видимъ совсѣмъ обратное. Мы видимъ, напримѣръ, что всѣ ученики Христа, всѣ Его апостолы, всѣ безъ исключенія, признавали своего Учителя Богомъ. Такъ, когда Христосъ спросилъ Своихъ учениковъ: „а вы за кого почитаете Меня?“ то Симонъ Петръ отъ лица всѣхъ апостоловъ сказалъ: „Ты — Христосъ, Сынъ Бога Живаго“ (Матѳ. 16 гл. 16—17 ст.), или, какъ повѣтствуетъ евангелистъ Лука: „за Христа Божія“ (9 гл. 20 ст.). Впрочемъ, ученики Христа еще ранѣе Петра называли Его Богомъ. Такъ, когда по укрощеніи бури на Галилейскомъ озерѣ—морѣ, повѣтствуетъ ев. Матѳей, „Іисусъ Христосъ вошелъ въ лодку, то бывшіе въ лодкѣ подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сынъ Божій“ (14 гл. 33 ст.). Затѣмъ, когда Спаситель, послѣ Своей бесѣды о хлѣбѣ животномъ, спросилъ Своихъ учениковъ: „не хотите ли и вы отойти? Симонъ Петръ отвѣчалъ Ему: Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни, и мы увѣровали и познали, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго“ (Іоан. 6 гл. 67—69 ст.). Даже Ѳома, раціоналистъ апостольскаго времени, и тотъ въ порывѣ вдохновенной вѣры, отъ радости и восторга воскликнулъ при видѣ Господа: Господь мой и Богъ мой“ (Іоан. 20 гл. 28 ст.).

Что еще мы замѣчаемъ. Не только ученики и апостолы, но и простые слушатели Христа, обыкновенные послѣдователи Его ученія и тѣ исповѣдуютъ Христа Богомъ своимъ, считаютъ Его за Сына Божія. Такъ, стоявшій напротивъ креста Господня сотникъ, увидѣвъ, что Христосъ испустилъ духъ, сказалъ: „истинно человѣкъ Сей былъ Сынъ Божій“ (Марк. 16 гл. 39 ст.). Гадаринскій бѣсноватый, увидѣвъ Іисуса издалеча, прибѣжалъ, поклонился Ему и, вскрикнувъ громкимъ голосомъ, сказалъ: „что Тебѣ до меня, Іисусъ, Сынъ Бога Всевышняго“ (Марк. 5 гл. 6—7 ст.)?

Итакъ, и апостолы и простые люди, и здоровые и больные, всѣ смотрѣли на Іисуса Христа, какъ на Сына Божія, всѣ считали Его Богомъ.

Теперь вопросъ вотъ въ чемъ. Откуда появился такой взглядъ на Христа? Подъ чьимъ вліяніемъ онъ сложился? Какъ это случилось, что и ученики и слушатели Христа провозгласили Его Богомъ?

Намъ говорятъ, что Христосъ тутъ не причемъ, что Онъ стоялъ въ сторонѣ, что вся вина въ данномъ случаѣ лежитъ на народѣ; что народъ, будучи будто бы обольщенъ проповѣдническимъ талантомъ Христа и Его изумительно чудодѣйственною силою, самъ дошелъ до мысли, что къ нимъ явился во образѣ человѣка Господь Богъ. Развѣ такого случая не было въ новозавѣтной священной исторіи?—спрашиваютъ насъ. Развѣ народъ, умиленный и изумленный проповѣдью апостоловъ Павла и Варнавы, не провозгласилъ ихъ богами? Не собирался ли принести имъ тучныя всесожженія? Не говорилъ, что „боги въ образѣ человѣческомъ сошли къ намъ?“ Наконецъ, развѣ Самого Іисуса Христа не хотѣлъ народъ провозгласить царемъ послѣ чудеснаго насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ человѣкъ? Развѣ не говорилъ Онъ, что „это истинно тотъ пророкъ, которому должно придти въ міръ“? (Іоан. 6 гл. 14 ст.). Почему же нельзя думать, что народъ и сдѣлалъ то, къ чему стремился, чего хотѣлъ, т. е. провозгласилъ Христа Богомъ?

Хорошо, мы на время допустимъ эту мысль, согласимся, что Христа провозгласилъ Богомъ народъ по своему самообольщенію. Но тогда нужно признать и то, что Іисусъ Христосъ, какъ въ высшей степени совершенный и нравственный человѣкъ, долженъ былъ образумить іудеевъ, поправить ихъ ошибку, обличить въ неправдѣ, вывести на истинную дорогу, сообщить имъ надлежащее понятіе о Себѣ, о Своей дѣятельности и о Своемъ назначеніи.

Однако мы ничего подобнаго не видимъ. Христосъ не только не колебалъ сложившагося о Немъ въ народѣ мнѣнія и взгляда, но еще *Самъ поддерживалъ, развивалъ его.* Такъ, Симонъ Петръ исповѣдуетъ Его Сыномъ Божіимъ, а Онъ въ отвѣтъ на это говоритъ ему: „Блаженъ ты, Симонъ, потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, а Отецъ Мой, сущій

на небесахъ". Ѳома восклицаетъ при видѣ Его: „Господь мой и Богъ мой", а Христосъ отвѣчаетъ ему: „ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня: блаженны не видѣвшіе, и увѣровавшіе" (Іоан. 20 гл. 29 ст.). Разбойникъ Его молитъ: „помяни меня, Господи, когда пріидешь въ Царствіе Твое!" И Христосъ внемлетъ его молитвѣ и говоритъ ему: „истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю" (Лук. 23 г. 42—43 ст.). И такъ далѣе.

Болѣе того, Христосъ не только подтверждаетъ вѣру народа и учениковъ въ Свою Божественность, но еще Самъ требуетъ ея отъ нихъ. Вотъ примѣръ. Іисусъ Христосъ исцѣлилъ слѣпорожденнаго. Исцѣлилъ въ субботу. Фарисеи отлучили слѣпорожденнаго отъ синагоги. Услышавъ объ этомъ, Христосъ, нашедши его, сказалъ: „ты вѣруешь ли въ Сына Божія? Онъ отвѣчалъ и сказалъ: а кто Онъ, Господи, чтобы мнѣ вѣровать въ Него? Іисусъ сказалъ ему: и видѣлъ ты Его, и Онъ говоритъ съ тобою. Онъ же сказалъ: вѣрую, Господи! И поклонился Ему" (Іоан. 9 гл. 35—38 ст.). Тутъ Спаситель явственно ставитъ вѣру въ Себя рядомъ съ вѣрой въ Бога.

Мы позволимъ себѣ прибавить, что Христосъ никогда не уклонялся отъ принятія молитвеннаго почитанія. Величайшіе святые съ ужасомъ отклоняли его отъ себя, какъ, напримѣръ, Павелъ и Варнава въ Листрѣ, а также ангелъ у Даніила и въ Апокалипсисѣ. Христосъ же, по свидѣтельству Евангелій, принимаетъ не разъ это поклоненіе и одобряетъ его. Онъ даже торжественно высказываетъ, что имѣетъ право на такое же почитаніе, какъ Богъ Отецъ: „чтобы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца", прибавляетъ Онъ.

Въ отвѣтъ на это Толстой и его единомышленники говорятъ: „всякій, читавшій Евангеліе, знаетъ, что Христосъ или ничего или очень сомнительно говоритъ о томъ, что Онъ есть Сынъ Бога Отца". [1])

Это—неправда, ошибка, заблужденіе. Въ Евангеліи есть положительныя, вполнѣ ясныя и опредѣленныя свидѣтельства Божественности Христа.

Такъ, что Христосъ выдавалъ Себя за Бога, видно изъ

---

[1]) „Въ чемъ моя вѣра"? изд. 1906 г. Всемірный Вѣстникъ стр. 38.

слѣдующихъ словъ іудеевъ: „не за добрыя дѣла мы побиваемъ Тебя камнями, а за богохульство, что Ты, будучи человѣкомъ, дѣлаешь себя Богомъ“ (Іоан. 10 гл. 33 ст.). Это ли не прямо и не ясно говоритъ о томъ, что Христосъ свидѣтельствовалъ о Себѣ, какъ о Богѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ, какъ о Богочеловѣкѣ? Да за что-же, наконецъ, распятъ Христосъ? „И вставъ, первосвященникъ сказалъ Ему: что-же ничего не отвѣчаешь? что они противъ Тебя свидѣтельствуютъ? Іисусъ молчалъ. И первосвященникъ сказалъ Ему: заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій? Іисусъ говоритъ ему: ты сказалъ, даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ. Тогда первосвященникъ разодралъ одежды свои и сказалъ: Онъ богохульствуетъ! на что еще намъ свидѣтелей? вотъ, теперь вы слышали богохульство Его! Какъ вамъ кажется? Они же сказали въ отвѣтъ: повиненъ смерти“ (Матѳ. 26 гл. 62—66 ст.).

Послѣ такихъ свидѣтельствъ утверждать, что во всемъ Евангеліи нѣтъ ни одного мѣста, изъ котораго слѣдовало бы заключить, что Христосъ считаетъ Себя „не человѣкомъ, какъ всѣ“, а Сыномъ Божіимъ,—едва ли возможно „безъ дурного желанія“. Чтобы этого свидѣтельства не слышать, надо заткнуть уши“ [1]).

Можетъ быть эти свидѣтельства не покажутся вполнѣ убѣдительными, тогда приведемъ другія.

Изъ Евангелій видно, что Христосъ приписывалъ Себѣ существеннѣйшія свойства Божества. Такъ, Онъ приписываетъ Себѣ вѣчность, говоря іудеямъ: „прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“ (Іоан. 8 гл. 38 ст.). „Я отъ начала Сущій“ (Іоан. 8 гл. 25 ст.). Предъ смертью Онъ говоритъ Отцу: „прославь Меня славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“ (Іоан. 17 гл.). Далѣе, Христосъ приписываетъ Себѣ всемогущество, когда говоритъ: „какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ„ (Іоан. 5 гл. 21 ст.). И въ другомъ мѣстѣ: „Сынъ ничего не можетъ творить Самъ отъ Себя, если не увидитъ Отца творящаго:

---

[1]) Мережковскій. „Левъ Толстой и Достоевскій.“ т. 2-й 2 изд. стр. 199.

ибо что творитъ Онъ, то и Сынъ творитъ также“ (Іоан. 5 гл. 10 ст.). Даже власть воскрешать мертвыхъ, это высшее проявленіе всемогущества, Онъ имѣетъ вмѣстѣ съ Отцомъ: „ибо какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ“ (Іоан. 5 гл. 21 ст.). Затѣмъ, Христосъ приписываетъ Себѣ все то, что принадлежитъ одному только Богу, какъ то: власть прощать грѣхи, давать вѣчную жизнь, жить въ душѣ праведника. Все это признаетъ за Собой Христосъ. Отъ собственной полноты власти, безо всякой просьбы, Онъ отпускаетъ грѣхи разслабленному и Маріи Магдалинѣ. Обѣщаетъ вѣчную жизнь своимъ избраннымъ овцамъ: „истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 5 гл. 24 ст.). Еще: обитаніе въ душахъ Онъ приписываетъ Себѣ и Отцу въ дивныхъ словахъ за тайной вечерей: „кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ“ (Іоан. 14 гл. 23 ст.). Наконецъ, Іисусъ Христосъ прямо и рѣшительно заявляетъ, что „Онъ и Отецъ—одно“ (Іоан. 10 гл. 30 ст.). Вотъ еще одно свидѣтельство. Послѣ повелѣнія о вѣрѣ Филиппъ говоритъ Христу: „Господи! покажи намъ Отца и довольно для насъ“. Христосъ отвѣчаетъ: „столько времени я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи Отца? развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ? слова, которыя Я говорю вамъ, говорю не отъ Себя: Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла; вѣрьте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ; а если не такъ, то вѣрьте Мнѣ по самымъ дѣламъ“ (Іоан. 14 гл. 8 — 12 ст.). Въ заключеніе Своей бесѣды Христосъ обѣщаетъ послать ученикамъ Духа Утѣшителя, Который исходитъ отъ Бога Отца и потому „отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ“, такъ какъ, говоритъ Онъ, „все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое“ (Іоан. 16 гл. 13—15 ст.).

Можно ли выразить единство съ Божеской природой яснѣе, точнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ какъ оно было выражено Христомъ здѣсь?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Какъ же послѣ этого „современники вѣка сего“ осмѣливаются утверждать, что, Христосъ или ничего или очень сомнительно говоритъ о томъ, что Онъ есть Сынъ Божій?“

Наши современники, сомнѣвающіеся въ Божествѣ Іисуса Христа, ссылаются на то, что Іисусъ Христосъ давалъ всегда уклончивый отвѣтъ на вопросъ: Онъ—Сынъ Божій или же нѣтъ? Напримѣръ: „ты сказалъ“, „ты говоришь, что я“ (Лук. 22 гл. 70 ст.) и такъ далѣе.

Мы сейчасъ скажемъ, въ чемъ тутъ дѣло. Мнимая уклончивость отвѣтовъ Христа, когда Онъ отвѣчалъ вопрошающимъ Его: „ты говоришь“, „ты сказалъ“, всецѣло объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ греческомъ языкѣ, на которомъ написаны наши Евангелія, нѣтъ спеціальныхъ словъ для выраженія утвердительнаго и отрицательнаго отвѣта. Нѣтъ русскихъ „да“ и „нѣтъ“. Обычною формою для выраженія положительнаго отвѣта всегда являются слова λέγεις и dicis (ты говоришь). Не всегда однако Спаситель отвѣчаетъ въ такой, повидимому, уклончивой формѣ. Въ четырнадцатой главѣ ев. Марка мы читаемъ, что когда первосвященникъ обратился къ Нему, съ торжественнымъ вопросомъ: „Ты ли Христосъ, Сынъ Благословеннаго“, Онъ отвѣтилъ: ἐγὼ εἰμι —„Я есмь“ и прибавилъ: „и вы узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“ (14 гл. 61—62 ст.). Опредѣленнѣе и яснѣе отвѣтить нельзя. Нужно только пожалѣть, что въ русскомъ переводѣ слова ἐγὼ εἰμι безцвѣтно и неудачно переведены словомъ „я“ [1]).

Итакъ, нѣтъ возможности отрицать того факта, что Самъ Христосъ заявлялъ о Своей Божественности въ смыслѣ воплощенія Божества, заявлялъ не одинъ разъ, не туманно, не прикровенно, а вполнѣ ясно и опредѣленно.

На это намъ говорятъ: Христосъ никогда не выдавалъ Себя за Сына Божьяго въ смыслѣ воплощенія Божества. Напротивъ, Онъ часто называетъ Себя Сыномъ человѣческимъ, чтобы этимъ подчеркнуть Свою человѣческую природу. Если же Онъ и называлъ Себя „Сыномъ Божіимъ“, то подъ этимъ наименованіемъ Онъ разумѣлъ человѣка, подобнаго намъ, въ которомъ Божье, духовное начало достигло своего наивысшаго развитія. Другими словами: на основаніи свидѣтельствъ

---

[1]) Баронъ Николаи. „Можетъ ли образованный, современный, мыслящій человѣкъ вѣрить въ Божество Іисуса Христа“?. СПБ. 1909 г. стр. 25.

Іисуса Христа о Самомъ Себѣ, раціоналисты, какъ-то: Толстой, Ренанъ, Штраусъ, Кеймъ и мн. др. стараются доказать, что Спаситель не только никогда не выдавалъ Себя за существенно отличнаго отъ людей Сына Божія, но и ни въ какомъ случаѣ, будто-бы, не могъ этого дѣлать, считая Себя совершенно равнымъ съ людьми во всѣхъ отношеніяхъ по Своей природѣ. Короче говоря: Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ въ общемъ значеніи, въ какомъ это названіе примѣняется въ Библіи и къ людямъ. т. е. въ смыслѣ нравственномъ. Сынами Божіими называются здѣсь всѣ вѣрующіе въ истиннаго Бога, родные, такъ сказать, Божеству по духу, по жизни; люди, находящіеся въ нравственной связи съ Божествомъ.

Мысль совершенно ложная. Есть всѣ основанія утверждать, что въ устахъ Христа названіе „Сынъ Божій“ имѣло не нравственный, а особый, спеціальный смыслъ, указывающій на особое отношеніе Его къ Богу Отцу, на единство существа. Указаніе на такой смыслъ названія мы находимъ прежде всего въ добавленіи къ нему эпитета „*единородный*“, т. е. рожденный изъ существа Бога Отца, единосущный Отцу, слѣдовательно—и равный Богу Отцу по Своему достоинству [1]). Затѣмъ, Іисусъ Христосъ и Самъ никогда въ этомъ отношеніи не сливалъ Себя съ людьми. Напротивъ, Онъ рѣзко различалъ Себя и другихъ въ ихъ сыновныхъ отношеніяхъ къ Богу. Онъ, напримѣръ, никогда не говоритъ о Богѣ, „нашъ Отецъ“ а „Мой Отецъ“ и „вашъ Отецъ“, чѣмъ указываетъ различіе между Собою и людьми [2]). Вотъ примѣры: „Іисусъ говоритъ Маріи: не прикасайся ко Мнѣ, ибо Я еще не восшелъ ко Отцу Моему, а иди къ братьямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему“ (Іоан. 20 гл. 7 ст.). „Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“ (Матѳ. 6 гл. 6 ст.); и „малому стаду“ Своихъ учениковъ Христосъ говоритъ то же самое: „не бойся, малое стадо, ибо Отецъ вашъ благословилъ вамъ царство“ (Лук. 12 гл. 32 ст.);

---

[1]) Проф. П. Свѣтловъ: „Курсъ богословія“. Кіевъ, 1899 г. стр. 234.

[2]) Проф. М. Тарѣевъ: „Основы христіанства“, т. II. 1908 г. стр. 176—177.

„смотрите, не презирайте ни одно изъ малыхъ сихъ, ибо говорю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго“ (Матѳ. 18 гл. 10 ст.) и мн. др. (Матѳ. 7 гл. 21 ст.; 10 гл. 32 ст.; 15 гл. 13 ст.; гл. 5, ст. 16; 45; 48; 6 гл, 1, 14 ст.).

Такъ, Іисусъ Христосъ называетъ Бога Своимъ Отцомъ въ особенномъ смыслѣ, а не въ томъ, въ какомъ Его могли называть люди. Только одинъ разъ Онъ употребилъ выраженіе „Отецъ нашъ“, но и то отъ имени людей въ молитвѣ, данной для людей.

Затѣмъ, усвояя Себѣ имя Сына Человѣческаго, Іисусъ Христосъ, однако, никогда не ставилъ Себя, такъ сказать, на одну доску съ людьми, но относился къ нимъ, какъ ихъ владыка, и со стороны ихъ *требовалъ такого отношенія къ Себѣ, какое подобаетъ только Богу.* Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ Св. Писанія: „Дабы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца; Кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца, пославшаго Его“ (Іоан. 5 гл.). „Ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ и далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ человѣческій“ (Іоан. 5 гл. 27 ст.). „Вотъ дѣло Божіе, чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ“ (Іоан. 6 гл. 29 ст.). „Жизнь вѣчную дастъ вамъ Сынъ Человѣческій; ибо на Немъ положилъ печать свою Отецъ Его, Богъ“ (Іоан. 6 гл. 27 ст.).

Что Спаситель, называя Себя Сыномъ Человѣческимъ, этимъ не приравнилъ Себя къ людямъ, но ставилъ Себя гораздо выше ихъ, сыновъ Божіихъ по благодати, видно еще изъ того, что Іисусъ Христосъ усвоялъ Себѣ, какъ мы видѣли, такія свойства, какія принадлежатъ одному только Богу и затѣмъ изъ такихъ евангельскихъ изреченій, въ которыхъ Іисусъ Христосъ ясно и прямо подчеркивалъ свое превосходство предъ всѣми остальными, кого іудеи считали выше, чище и совершеннѣе всѣхъ въ мірѣ.

Вотъ эти слова:

„Царица Южная, говорилъ Христосъ Спаситель, возстанетъ на судъ съ людьми рода сего и осудитъ ихъ, ибо она приходила отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой, и вотъ, *здѣсь больше Соломона.* Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, ибо они покаялись

отъ проповѣди Іониной, и вотъ, *здѣсь больше Іоны*". (Лук. II гл. 31—32 ст.). „Или не читали вы въ Законѣ, что въ субботы священники въ храмѣ нарушаютъ субботу, однако невиновны? Но говорю вамъ, что здѣсь тотъ, *Кто больше храма*». (Матѳ. 12 гл. 6 ст.).

Словомъ, во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ нѣтъ ни одного изреченія, которое благопріятствовало бы мысли, будто Іисусъ Христосъ признавалъ Себя только человѣкомъ, называя Себя Сыномъ Человѣческимъ [1]).

Если же Христосъ постоянно выдѣляетъ Себя изъ группы сыновъ Божіихъ по благодати, если Христосъ, называя Себя Сыномъ Человѣческимъ, приписываетъ Себѣ исключительно Божественныя свойства, и отъ другихъ требуетъ къ Себѣ такого же отношенія, какое подобаетъ одному только Богу, то отсюда ясно, какъ Божій день, что Іисусъ Христосъ былъ Сынъ Божій не по благодати, какъ прочіе люди, а по естеству, по природѣ. Значитъ, Христосъ былъ не простой человѣкъ, какъ мы, а Богочеловѣкъ, въ Которомъ два естества— Божеское и человѣческое—соединились, по выраженію Отцовъ Халкидонскаго Собора, „неслито, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно".

Въ пользу Божественности Христа Спасителя говоритъ еще одна черта, именно — *Его безгрѣшность*. „Нигдѣ мы не встрѣчаемъ у Него, говоритъ баронъ Николаи [2]), ни грѣшнаго слова, ни неодобрительнаго поступка, нигдѣ мы не видимъ въ Немъ и малѣйшаго сознанія собственной грѣховности и нужды въ прощеніи, — даже въ моментъ смерти, когда у человѣка обыкновенно падаютъ всѣ иллюзіи и просыпается совѣсть. Кто, кромѣ Него, могъ сказать: „кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ?" (Іоан. 8 гл. 46 ст.) Грѣшному человѣку не придумать безгрѣшной личности. Вспомнимъ, какими представлялись божества у языческихъ народовъ,—съ человѣческими страстями

---

[1]) Проф. И. Громогласовъ: „Наименованіе Іисуса Христа Сыномъ Человѣческимъ". См. „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія".1894 г. кн. 2—3.

[2]) Баронъ Николаи. „Можетъ ли образованный... человѣкъ вѣрить въ Божество Іисуса Христа? ст. 29.

и слабостями. Даже Буда никогда не выдавалъ себя за безгрѣшнаго. Магометъ предъ смертью смиренно каялся въ своихъ грѣхахъ предъ Богомъ и просилъ о помилованіи. У Христа мы ничего подобнаго не замѣчаемъ. Другіе люди, знакомясь съ Нимъ, получали впечатлѣніе о своей грѣховности (Лук. 5 гл. 8 ст.). Многіе и въ наше время испытываютъ то же самое отъ Его рѣчей. У Него же Самого, совѣсть Котораго была столь чутка, какъ ни у кого въ мірѣ, мы ни разу не замѣчаемъ ни сознанія Своихъ недостатковъ, ни нужды въ полученіи прощенія грѣховъ. „Идетъ князь міра Сего, говоритъ Спаситель предъ Своими страданіями, и во Мнѣ не имѣетъ ничего“ (Іоан. 14 гл. 30 ст.).

„Если-бы, говоритъ докторъ Бушнелль, Іисусъ Христосъ былъ грѣшникъ, то Онъ также, какъ и всякій грѣшникъ, сознавался бы во грѣхѣ, въ противномъ случаѣ Онъ былъ бы лицемѣръ, насквозь пропитанный притворствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ выказалъ бы Онъ такъ много божественной красоты въ своемъ характерѣ, сохранилъ бы блескъ ненарушенной гармоніи и небеснаго величія въ Себѣ, когда Ему пришлось бы дѣлать все съ смущеннымъ духомъ и съ сердцемъ, испорченнымъ постояннымъ обманомъ, призракомъ добродѣтели?! Такой примѣръ успѣшнаго лицемѣрія самъ по себѣ сдѣлался бы величайшимъ чудомъ, о которомъ когда-нибудь слышалъ міръ“ [1]).

Что еще бросается въ глаза, что еще говоритъ о божественности Христа, такъ это то, что *Христосъ не поддается никакому описанію,* никакой характеристикѣ. Многіе ученые, художники, литераторы пытались изобразить Его и охарактеризовать съ помощью своего геніальнаго таланта, но все было напрасно. Послѣ долгихъ и упорныхъ усилій всѣ, наконецъ, пришли къ тому заключенію, что Христосъ неизобразимъ въ литературѣ, что Его не можетъ передать кисть, что Онъ необъяснимъ съ психологической точки зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Іисусѣ Христѣ есть что-то такое, чему нельзя даже подыскать названія. Кому приходится изображать характеры, тотъ хорошо знаетъ, что каждый чело-

---

[1]) Д-ръ Шаффъ: Іисусъ Христосъ „чудо исторіи“ изд. 3-е, стр. 41.

вѣкъ носитъ особый отпечатокъ, имѣетъ индивидуальныя особенности, типичныя черты. Можно ли найти что-либо подобное у Христа? Можно ли сказать, что у Него разсудокъ перевѣшиваетъ чувство, или чувство перевѣшиваетъ разсудокъ? Одерживаетъ ли у Него верхъ энергія надъ благоразуміемъ или благоразуміе надъ энергіей? Отличается Онъ нѣжностью, грустью или простодушіемъ? Человѣкъ Онъ мысли или дѣла? Съ какой стороны мы ни взглянемъ на Него, мы готовы именно эту сторону признать за отличительный Его признакъ. Но когда мы всмотримся въ Него пристальнѣе и прислушаемся къ Нему дольше, то мы начинаемъ замѣчать, что всѣ остальныя стороны выдаются такъ же ярко. Мы не находимъ у Него даже специфическихъ признаковъ его племени и времени. [1]) Онъ всесовершенъ. А можно ли эту черту приложить къ простому, обыкновенному человѣку?—Нисколько. Ограниченность—неизгладимая печать твари. Каждый человѣкъ можетъ только до извѣстной мѣры и въ извѣстномъ направленіи осуществить возможности человѣческой природы, и потому въ каждомъ человѣкѣ однѣ духовныя черты должны непремѣнно выдаваться, другія—отступать. Въ этомъ лежитъ сущность индивидуальности. Каждый волей-неволей является человѣкомъ своего времени и народа, потому что личность складывается не изъ ничего, а изъ условій мѣста и времени. Подъ ихъ вліяніемъ наполняется умъ и образуется сердце. Поэтому ни одинъ человѣкъ не можетъ явиться выразителемъ всесторонняго идеала человѣчества. Для этого ему слѣдовало бы быть чѣмъ то бо̀льшимъ, чѣмъ простой единицей изъ людской суммы.

Когда же, напротивъ, Богъ, абсолютное совершенство, принимаетъ плоть и является въ человѣческомъ образѣ, то мы легко поймемъ, что въ такомъ человѣкѣ должно выступать все совершенство, доступное человѣческой природѣ вообще, что такой человѣкъ будетъ всестороннимъ, вѣчнымъ идеаломъ человѣчества. Мы можемъ разсматривать такого человѣка съ любой стороны и намъ всегда будетъ казаться, что именно эта сторона въ немъ выражена ярче всего, потому

---

[1]) М. Моравскій: „Религіозно-философскіе вечера. Изд. „Религіозно-философской Библіотеки". Изд. 2-е. 1913 г. стр. 92.

что онъ со всѣхъ сторонъ представляетъ изъ себя идеалъ. Такой человѣкъ не можетъ существенно двигаться впередъ и развиваться, — потому что полноту своего знанія онъ приноситъ съ высоты Божества, а не черпаетъ изъ окружающаго. Потому и мышленіе и чувствованіе его не носитъ той печати односторонности, которая отличаетъ народы и эпохи, и потому онъ одинаково близокъ людямъ всѣхъ временъ и народовъ. Каждый видитъ и чувствуетъ въ немъ свой идеалъ. Онъ всеміренъ, какъ полнота всѣхъ свойствъ, которыми въ раздробленномъ видѣ обладаетъ человѣчество. Бѣдное человѣческое искусство привыкло обрисовывать кистью и перомъ личности, пользуясь именно ихъ ограниченностью, т. е. тѣми частями идеала, которыя отражаются въ нихъ. Передъ самымъ идеаломъ, въ которомъ, по сильному и мѣткому выраженію ап. Павла, „обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно“, оно теряется и не умѣетъ себѣ помочь. Словомъ, еще разъ повторяемъ, *Христосъ совершенно необъяснимъ съ психологической точки зрѣнія.*

Христа не могли изобразить не только психологи, но даже художники.

Выраженіемъ православнаго вѣросознанія относительно этого можетъ служить извѣстное сказаніе объ Эдесскомъ правителѣ Авгарѣ, пожелавшемъ имѣть изображеніе Христа и для этой цѣли посылавшемъ своего художника въ Палестину. Тщетное желаніе! Геній человѣческаго художника не въ состояніи былъ уловить ни единой черты Богочеловѣческаго лика, которую онъ могъ бы запечатлѣть своими руками на полотнѣ, потому что для этого надо было бы умертвить эту черту, превратить ее въ мертвую окаменѣлость, а между тѣмъ во Христѣ все было жизнь, движеніе, и Онъ былъ Сама жизнь... Только Самъ Христосъ могъ создать Нерукотворенный образъ Своего безгрѣшнаго Лика,—т. е. отнюдь не реально художественную *картину*, а именно только образъ—икону, религіозно-символическое изображеніе, къ которому не прикоснулась нечистая рука грѣшнаго художника и не положила ни единой, не только грѣшной, а даже и какой-либо реально-человѣческой (т. е. мелочной) черты.

„Поучителенъ въ данномъ случаѣ, пишетъ проф. М. Му-

ретовъ [1]), примѣръ великаго русскаго художника Иванова, автора знаменитой картины „Явленіе Христа міру". Всмотритесь въ это великое созданіе великаго человѣка. Мощный, полный движенія и выразительности образъ Крестителя, „гласа вопіющаго въ пустынѣ", и пораженные то наивно-дѣтскимъ, то спокойно-торжественнымъ, то благоговѣйно-смиреннымъ ожиданіемъ провозглашаемаго Агнца Божія—слушатели и ученики пророка пустыни. Вся обстановка картины, всѣ ея мелочи, детали—все дышетъ жизнью, наглядно, реально,—все это какъ бы живымъ взято изъ-за дали вѣковъ, мѣстъ и народовъ и цѣликомъ перенесено на полотно великимъ русскимъ художникомъ кисти и красокъ. Но, владѣя даромъ открывать и изрекать языкомъ красокъ самыя глубочайшія тайны человѣческой души и сокровенная „святая святыхъ" нравственно-религіознаго генія человѣческаго, великій художникъ оказался немощнымъ въ изображеніи центральной фигуры своей картины—Христа. Истинно-православный геній громко говорилъ художнику, что изобразить Христа въ реально-художественномъ видѣ, хотя бы и съ привлекательнымъ, но все-же только типично-человѣческимъ лицомъ сирійца или даже іудея, значило бы все обратить въ Ренановскую каррикатуру. Религіозный геній подсказалъ Иванову, какъ нельзя изобразить Христа, но онъ не могъ дать ему отвѣта на вопросъ: какъ должно изобразить Христа въ этой реально-художественной обстановкѣ картины, потому что Христосъ, въ этомъ смыслѣ, не описуемъ и не изобразимъ. Въ виду этого и образъ Христа на оцѣниваемой нами картинѣ производитъ впечатлѣніе чего-то незаконченнаго, второстепеннаго, туманно-неопредѣленнаго".

То же наблюденіе сдѣлалъ и живописецъ La Sizeranne въ Revue des Deux Mondes, въ интересной статьѣ объ анахронизмѣ въ искусствѣ. Именно недостаткомъ типическихъ чертъ La Sizeranne объясняетъ невѣроятныя затрудненія художниковъ при изображеніи Христа. Одни выражаютъ извѣстныя черты, напримѣръ, непреклонность воли въ выдающейся нижней челюсти; проницательность ума въ маленькихъ, зорко

---

[1]) Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Іисуса". Сергіевъ Посадъ. 1892 г. стр. 104.

глядящихъ изъ подъ тяжелыхъ вѣкъ глазахъ, какъ сдѣлалъ это Мункачи въ своемъ Христѣ предъ Пилатомъ, и этимъ впадаютъ въ вопіющее противорѣчіе съ Евангеліемъ. Другіе избѣгаютъ всякаго рѣзкаго признака и впадаютъ въ общій шаблонъ человѣка безъ тепла и жизни. Этимъ они еще болѣе удаляются отъ евангельскаго образа, потому что есть ли что жизненнѣе и привлекательнѣе личности Христа? „И вотъ почему, прибавляетъ La Sizeranne, дрожала рука Леонардо, когда онъ писалъ ликъ Христа. Художника охватывалъ не только религіозный трепетъ, но и страхъ уловить то жизненно-правдивое, не ограниченное никакой особенностью выраженіе, какое онъ долженъ былъ дать Христу“ [1]).

Такъ это въ живописи, такъ это и въ словѣ. Художники пера тоже при всемъ своемъ стараніи, при всемъ своемъ искусствѣ никакъ не могли воспроизвести личность Христа Спасителя и воплотить ее въ буквахъ своихъ многочисленныхъ художественныхъ произведеній.

Возьмемъ, напримѣръ,—„Жизнь Іисуса“ Ренана. Что это за книга? Что представляетъ она собою? Какъ передаетъ она Христа?

Увы! Книга Ренана—романъ [2]), и романъ не историческій, потому что его соткала фантазія писателя. Онъ не имѣетъ даже литературнаго значенія, потому что такой, составленный изъ кусочковъ Христосъ, какимъ Его сдѣлалъ Ренанъ, не можетъ существовать. Это ходячее противорѣчіе. Отъ „наивнаго невѣжды“, расхаживающаго по праздничнымъ пирамъ на берегахъ Тиверіадскаго озера и сочиняющаго для своихъ сотрапезниковъ заманчивыя притчи, нѣтъ правдоподобнаго перехода къ тому „мрачному исполину“, который въ Іерусалимѣ ни съ того, ни съ сего беретъ на себя роль Мессіи, двусмысленными средствами поддерживаетъ ее и, раздраженный сопротивленіемъ, позволяетъ дурному своему настроенію довести себя до ни-

---

[1]) См. книгу проф М. Моравскаго: „Вечера надъ Леманомъ“. Лейпцигъ. 1899 г. Commissionverlag E. Kasprowicz· Изд. Рел.-фил. библ. ст. 92.

[2]) Обстоятельно развиваетъ эту мысль и подробно аргументируетъ ее проф. Муретовъ въ своей книгѣ: „Очерки изъ новѣйшей исторіи экзегеса и критики Новаго Завѣта“ ч. II. Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“, стр. 75—137. Сергіевъ Посадъ. 1892 г.

чѣмъ не оправдываемыхъ поступковъ". Первая изъ этихъ двухъ фигуръ не содержитъ въ себѣ матеріала для второй. А какъ согласить мнимыя чудеса, ложную ссылку на происхожденіе отъ Давида, присвоеніе еще при жизни апоѳеоза, приписываемые Христу Ренаномъ, съ абсолютной чистотой характера, которой дивится тотъ же Ренанъ, съ любовью къ справедливости и правдѣ, за которыя живетъ и умираетъ Христосъ? Несчастныя усилія автора смягчить и прикрыть эти разногласія только рѣзче выдвигаютъ ихъ непримиримое противорѣчіе. Однимъ словомъ, образъ, который хотѣлъ Ренанъ создать, не смотря на величайшій произволъ, допущенный имъ по отношенію къ текстамъ и источникамъ, совершенно не удался.

„Ренанъ, пишетъ проф. Муретовъ, создалъ только художественную обстановку для лика Христа, но онъ не смогъ, благодаря отсутствію необходимаго тутъ религіознаго генія, начертать самого Христа, какъ Богочеловѣка и Искупителя міра. Онъ нарисовалъ поэтому и могъ нарисовать только каррикатуру въ видѣ мѣстно-палестинскаго моралиста и реформатора" [1]).

Если же Христа не могутъ изобразить ни психологи, ни художники, ни ученые, то, значитъ, Іисусъ Христосъ былъ не человѣкомъ, а сверхчеловѣкомъ, потому что человѣческое всегда подвластно намъ, всегда постижимо и изобразимо, а божественное—никогда.

Выставляютъ еще одно довольно сильное и трудно для другихъ опровержимое возраженіе, которое мы сейчасъ разсмотримъ и критически разберемъ.

Говорятъ: „Евангелисты хотѣли сдѣлать Христа Богомъ и, какъ видимъ, дѣйствительно сдѣлали".

Но это уловка, притомъ такая, которая ничего не объясняетъ. Извѣстное выраженіе Руссо по этому поводу справедливо до сихъ поръ: „труднѣе представить себѣ, чтобы четверо людей сговорились сочинить четыре такихъ книги, какъ Евангелія, чѣмъ допустить, что одинъ человѣкъ былъ дѣйствительно героемъ этихъ книгъ" [2]). Въ наши дни, благодаря болѣе глу-

---

[1]) Стр. 87.

[2]) См. проф. М. Моравскій: „Вечера надъ Леманомъ". Лейпцигъ. 1899 г. Въ изд. „Рел.—фил. библ". стр. 97.

бокому изслѣдованію четвероевангелія, это стало очевиднѣе, чѣмъ когда-либо.

Если-бы евангелисты создали своего героя на основаніи предварительнаго соглашенія, то они столковались бы тщательнѣе. Они не впали бы въ десятки мелкихъ различій и противорѣчій, которыми ихъ злорадно попрекаетъ Штраусъ. Эти разногласія, конечно, приносятъ не мало хлопотъ экзегету, но историку и мыслителю ни мало не мѣшаютъ находить у всѣхъ четырехъ писателей одну и ту же превосходно нарисованную фигуру. И это относится не только къ главнымъ событіямъ, которыя они разсказываютъ единогласно, но и ко всѣмъ мелкимъ чертамъ, приводимымъ ими. „Мы, напримѣръ, не знаемъ, пишетъ проф. Моравскій [1]), какъ согласуются между собою подробности, съ какими Матѳей, Лука и Іоаннъ описываютъ утро воскресенія, но и это меня нисколько не заботитъ, но я знаю, что Матѳей не приписываетъ своему Христу ни одного слова и ни одной черты, которыя не подходили бы самымъ точнѣйшимъ образомъ къ тому Христу, котораго рисуютъ Лука и Іоаннъ. При этомъ, каждый изъ нихъ сохраняетъ свою авторитетную индивидуальность, и всѣ они обнаруживаютъ особый интересъ къ разнымъ сторонамъ своего предмета. Это высшее положительное единство идеи при различіи матеріала никакимъ образомъ не можетъ быть слѣдствіемъ соглашенія, а тѣмъ менѣе—произвольнаго вымысла".

Относительно подлинности Евангелій существуетъ больше критическихъ доказательствъ, чѣмъ относительно какого бы то ни было другого историческаго памятника, и доказательства эти въ рукахъ современной науки, какъ извѣстно, умножаются съ каждымъ днемъ.

Но и безъ нихъ ясно, что евангелисты не выдумали евангельскаго Христа. Всѣ *они—іудеи:* это ясно видно по ихъ стилю, даже по ихъ личному образу мыслей. Если-бы они должны были создавать Христа по собственному разумѣнію, они непремѣнно сдѣлали бы его или вождемъ іудеевъ, побѣждающимъ язычниковъ, или—если-бы это оказалось невозможнымъ

---

[1]) См. переводъ этой книги въ ж. „Богословскій Вѣстникъ" за 1911 г. Апрѣль, стр. 703 и сл. 703—706.

по историческимъ даннымъ—типичнымъ раввиномъ. Между тѣмъ, евангелисты этого не сдѣлали. И, вопреки нашимъ предположеніямъ и ожиданіямъ, изобразили Его полнымъ противникомъ религіознаго міровоззрѣнія іудейскихъ раввиновъ. Такъ, раввины, какъ и іудеи, съ самарянами не сообщались. Христосъ же бесѣдовалъ съ самарянкою, просилъ у нея воды напиться, ходилъ къ самарянамъ и училъ ихъ. Далѣе, раввины свято хранили субботу и ничего не позволяли совершать въ теченіе ея. Христосъ же нарушалъ субботній покой, училъ, исцѣлялъ, дѣлалъ добрыя дѣла въ седьмой день недѣли. Раввины учили, что въ Царствіе Небесное войдутъ только правовѣрные іудеи, дѣти Авраама, а Христосъ обѣщалъ язычникамъ востока и запада преимущество предъ сынами Авраама въ Своемъ Царствѣ. Раввины учили и говорили преимущественно о внѣшнемъ, чисто формальномъ исполненіи закона, Христосъ же проповѣдывалъ о поклоненіи Богу духомъ и истиною,—и такъ далѣе.

Затѣмъ, если взглянуть на дѣло съ другой стороны, то нужно сказать, что евангелисты, создавая своего Христа, сдѣлали бы Его чѣмъ нибудь въ родѣ стоика. Они придали бы своему герою, особенно въ виду намѣренія представить Его Богомъ, непреклонную стойкость, мужество и самообладаніе, непоклебимыя, какъ скала. Но чтобы наряду съ этимъ жила безконечно прекрасная чувствительность, раздѣляющая человѣческія несчастія, чтобы этотъ Христосъ, не спускаясь съ Своей высоты, могъ тронуться будущей гибелью города, плакать, плакать у гроба друга, ласкать и цѣловать дѣтей, сидѣть за столомъ съ мытарями, позволить Магдалинѣ оросить слезами Его ноги, простить ей грѣхи за то, что она возлюбила много, умыть ноги ученикамъ и глубоко скорбѣть передъ разлукой съ ними—всего этого ни въ какомъ случаѣ не могли сочинить евангелисты, потому что это просто не пришло бы имъ въ голову.

Но они идутъ дальше. Они не стыдятся разсказывать объ Его смерти на висѣлицѣ того времени. Можетъ быть, скажутъ, что ихъ принудила къ тому общеизвѣстность этого главнаго событія? Но кто заставлялъ ихъ говорить о Его заушеніи слугою и о столькихъ другихъ унизительныхъ подробностяхъ? Это въ самомъ дѣлѣ непонятно въ ученикахъ, стремящихся сдѣлать своего Учителя Богомъ. Но они отваживаются на боль-

шее: они безъ смущенія разсказываютъ, что этотъ герой томился скорбью предъ страданіями, просилъ у Отца пощады, что на Него напала тоска и... страхъ... Разсказы объ этихъ вещахъ должны казаться древнимъ христіанамъ объяснимыми. У гностиковъ они вызывали обидные упреки и насмѣшки. И дѣйствительно, объяснить ихъ можно только вѣрностью фактовъ и рабской правдивостью свидѣтелей. Конечно, такой Христосъ, всесторонній человѣкъ, исполинъ въ Своей слабости, полный чувства, но и величія, безконечно выше безсердечнаго стоика. Мы это чувствуемъ теперь. Но такого Христа не сочинишь!

Да и какъ такіе люди могли выдумать такой недосягаемый идеалъ любви, для котораго не находилось формы и содержанія во всей древности? Любовь въ древности никогда не выходила за стѣны родного города и даже эта любовь къ родинѣ была проложена гордостью, себялюбіемъ и ненавистью къ иноземцамъ. Христосъ являетъ міру Свое безконечно широкое сердце, и въ Отцѣ любитъ всѣхъ людей, близкихъ и дальнихъ, добрыхъ и злыхъ, учениковъ и враговъ. И какъ искренна Его любовь, какъ дѣятельна и готова на жертву, какъ всестороння! Она смягчаетъ всякую человѣческую скорбь, удовлетворяетъ всѣ душевныя и тѣлесныя стремленія. Чтобы выразить все, намъ пришлось бы пересказать все Евангеліе, всю жизнь Сына Человѣческаго, являющуюся однимъ непрерывнымъ рядомъ благодѣяній, которыя Онъ оказывалъ людямъ днемъ и ночью, въ трудахъ и голодѣ, Самъ не зная, гдѣ главу преклонить, до самой послѣдней жертвы, жертвы собственной жизнью. Когда читаешь, что Онъ на крестѣ молился за Своихъ враговъ, и потомъ, — что Онъ поручилъ Свою мать ученику, то право не знаешь, что больше восхищаетъ: тамъ Онъ стоитъ какъ небесно-высокій идеалъ, а здѣсь чувствуешь, что Онъ близокъ намъ, что мы касаемся Его. Онъ въ одно и то же время самый возвышенный и самый естественный человѣческій образъ, необъяснимое соединеніе идеала съ дѣйствительностью.

И такое чудо могло возникнуть въ головахъ нѣсколькихъ іудейскихъ писателей?

Не трудно доказать, что все, сказанное о любви Христовой, можно сказать и о Его мудрости. Она приводитъ въ изумленіе какъ учениковъ, такъ и враговъ. Въ ней нѣтъ признака

той ограниченности, которой отличается человѣческая мудрость. То же самое мы говорили о Его нравственной чистотѣ и святости. И такъ обстоитъ дѣло со всякимъ свойствомъ, которое разсматриваешь въ евангельскомъ Христѣ. Вездѣ—одно непостижимое, нигдѣ нѣтъ границъ, однимъ словомъ—вездѣ прорывается абсолютное. Поэтому евангелисты не могли создать этотъ образъ. Они были люди, а образъ этотъ Божественъ.

Но, можетъ быть, Самъ Христосъ обманывался? Можетъ быть Онъ Самъ искренно вѣрилъ тому, что говорилъ? Проще говоря, можетъ быть Христосъ увлекался Своими мечтаніями?

На всѣ эти вопросы даетъ прекрасный отвѣтъ докторъ Шаффъ, слова котораго мы приведемъ здѣсь полностью, чтобъ не ослабить ихъ силы и вліянія.

„Постоянная ясность, спокойствіе, самообладаніе, скромность, достоинство и терпѣніе Христа представляютъ радикальную противоположность тому, что составляетъ отличительный признакъ мечтателя. Неужели такой духъ, ясный какъ небо, живительный какъ воздухъ, проницательный какъ мечъ, здравый и мощный, всегда вѣрный самому себѣ,—неужели такой дивный духъ способенъ на такое глубокое, роковое самообольщеніе и ошибку насчетъ своего призванія? Считать Христа за „сумасшедшаго" человѣка или за „сознательнаго обманщика" никто, конечно, не станетъ, кто по Евангелію познакомился съ Нимъ".

Еще одно роковое сомнѣніе.

Толстой и многіе другіе „совопросники вѣка сего" говорятъ, что христіанскій догматъ воплощенія Сына Божія противорѣчитъ основнымъ законамъ человѣческаго разума. „Богъ не можетъ воплотиться, потому что человѣкъ ограниченъ опредѣленными условіями пространства и времени, а Богъ не подлежитъ имъ". „Утверждать, что Богъ содѣлался человѣкомъ, не значитъ ли утверждать, что безусловное сдѣлалось условнымъ?" „Мысль о воплощеніи Бога не можетъ вложиться въ рамки человѣческаго разума" [1]).

Итакъ, мало-по-малу выясняется, что многіе отрицаютъ Божество Іисуса Христа не потому, что есть вѣскія осно-

---

[1]) См. о такомъ возраженіи у проф. Гусева: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Толстого". Изд. 2-е стр. 164—165.

ванія къ тому, а потому, что истина воплощенія Сына Божія непонятна и непостижима для человѣческаго разума.

Но вѣдь это не доказательство, не возраженіе и не опроверженіе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ отрицать что-либо только потому, что оно непонятно и недоступно для слабаго и ограниченнаго человѣческаго разума. Это говоритъ только объ одномъ, именно—о томъ, что мы еще не доросли до его пониманія, а вовсе не о томъ, что этого быть не можетъ. Тепе́рь это непонятно и недоступно для насъ, но пройдутъ вѣка, человѣческій разумъ разовьется, обогатится опытомъ и будетъ въ состояніи усвоить то, что теперь не поддается его усвоенію. [1])

Вотъ нѣсколько историческихъ иллюстрацій къ нами развиваемой и доказываемой мысли.

Приблизительно лѣтъ сто тому назадъ одинъ французскій ученый заявилъ, что онъ напалъ на слѣдъ такого открытія, которое дастъ людямъ возможность въ теченіе одного получаса отправить запросъ въ Китай и получить оттуда отвѣтъ. И что-же? Этого ученаго подняли на смѣхъ и назвали сумасшедшимъ. Почему? Да потому, что въ то время еще не доросли до мысли объ электрическомъ телеграфѣ и разсуждали „по даннымъ того времени", т. е. разсуждали такъ: „если гонецъ будетъ скакать безостановочно, безъ сна и безъ отдыха, день и ночь въ Китай, или парусный корабль поплыветъ туда съ неизмѣнно попутнымъ вѣтромъ, то и въ такомъ случаѣ потребуется на это по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ".

Другой примѣръ. Стоитъ только вспомнить переворотъ, произведенный открытіемъ радія съ его поразительными, неслыханными дотолѣ свойствами. Съ какимъ недовѣріемъ вначалѣ отнесся научный міръ къ извѣстію объ этомъ грандіозномъ открытіи! Какъ великія свѣтила, многіе авторитетные и знаменитые ученые пожимали плечами, съ улыбкой встрѣчая заявленія г-жи Кюри. И все же оказалось, что невозможное и невѣроятное стало вполнѣ понятнымъ, возможнымъ и дѣйствительнымъ.

---

[1]) Эта мысль обстоятельно раскрыта нами въ статьѣ: „Смѣхъ науки надъ религіей", помѣщенной въ Душеполезномъ чтеніи за 1912 г. и въ статьяхъ: „Отбитыя у науки позиціи", помѣщенной въ „Странникѣ" за 1912 и 1913 годы.

И такихъ примѣровъ можно привести еще не одинъ и не два, а нѣсколько десятковъ. Желающіе ознакомиться съ ними могутъ обратиться къ интересной статьѣ Камилла Фламмаріона „Невѣрующіе“, которая вся состоитъ изъ подобнаго рода иллюстрацій. Всѣ они съ достаточною убѣдительностью говорятъ о томъ, что недоступное для нашего пониманія теперь, можетъ сдѣлаться доступнымъ послѣ, такъ что отрицать что-либо непонятное и непостижимое только потому, что оно непонятно и непостижимо, будетъ нарушеніемъ логическихъ правилъ и возвращеніемъ къ старымъ, средневѣковымъ пріемамъ мышленія.

Затѣмъ, намъ говорятъ, какъ это мы видѣли изъ послѣдняго возраженія, что понятіе о Богочеловѣкѣ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо безусловное не можетъ стать условнымъ.

Въ этомъ возраженіи кроется просто недоразумѣніе. Вѣдь Церковь никогда не учила и не учитъ, будто бы въ Богочеловѣкѣ божеская и человѣческая природы какъ-нибудь измѣнились или утратили принадлежащія каждой изъ нихъ отличительныя особенности. Напротивъ, христіанская Церковь еще въ эпоху вселенскихъ соборовъ разъ навсегда, ясно и опредѣленно заявила, что каждая изъ двухъ природъ, соединившихся въ Богочеловѣкѣ, остается вполнѣ неизмѣнною и безусловно сохраняетъ присущія ей особыя свойства. Такъ что соединеніе безусловной природы съ условной не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго противорѣчія. Противорѣчіе въ данномъ ученіи было бы только тогда, когда бы рѣчь шла не о соединеніи двухъ противоположныхъ естествъ, а о превращеніи одного въ другое. Но разъ Церковь учитъ о соединеніи, то, значитъ, о противорѣчіи не можетъ быть и рѣчи [1]).

Вотъ, приблизительно, всѣ возраженія противъ Божественности Христа Спасителя. Другихъ сомнѣній пока не имѣется.

---

[1]) Богочеловѣчество оправдываютъ съ философской точки зрѣнія такіе авторитетные мыслители, какъ Влад. Соловьевъ: „Чтенія о богочеловѣчествѣ“. Т. 3-й. 2 изд. стр. 3—186. Трубецкой С. „Ученіе о Логосѣ“ т. IV. 1906 г. стр. 377—454. В. Несмѣловъ. „Наука о человѣкѣ“ т. 1—2. Казань. 1906 г.

Подводя итогъ критической оцѣнкѣ всѣхъ приведенныхъ нами возраженій, сомнѣній и недоумѣній, мы должны сказать:

„Чѣмъ больше размышляемъ мы надъ личностью Іисуса изъ Назарета, тѣмъ загадочнѣе она становится. Поневолѣ приходишь къ заключенію, что если Онъ не Тотъ, за кого Онъ Себя выдавалъ, — не есть воплощеніе Божества, а только человѣкъ, то Онъ является невозможнѣйшимъ сочетаніемъ высочайшей нравственной высоты и глубочайшаго шарлатанства, величайшей геніальности и сумасбродства, глубочайшаго смиренія и невообразимой гордости, безподобной правдивости и гнуснѣйшаго обмана и лжи, удивительнѣйшей проницательности и невозможнѣйшаго самомнѣнія, высшей трезвости и разумности въ сужденіяхъ и поступкахъ и непостижимой экзальтаціи,—словомъ, онъ былъ бы невозможнымъ, неземнымъ чудовищемъ.

Если же то, что Онъ говорилъ о Себѣ и о Своей Божественности, — истина, то всѣ черты Его характера сливаются въ чудный гармоническій образъ неземной красоты и совершенства“. [1])

---

[1]) Баронъ Николаи.

Бѣсы и бѣсноватые.

Въ послѣднее время отношеніе христіанъ къ вопросу о существованіи злыхъ духовъ значительно измѣнилось къ худшему. Чистая, правая и святая вѣра стала осложняться примѣсью ложныхъ понятій и представленій, мало-по-малу искажаться, видоизмѣняться, терять свой первоначальный обликъ и настоящую цѣнность.

Такъ, въ добрыя, старыя времена искренно вѣрили въ существованіе злыхъ духовъ. Вѣрили въ то, что бѣсы вліяютъ на судьбу человѣка, совращаютъ его съ истиннаго пути, направляютъ ко злу, ко грѣху, ко всякой неправдѣ и беззаконію. Вѣрили во все это, ощущали въ себѣ дѣйствіе злой, разумной силы, противодѣйствовали ей, и просили Бога объ „отогнаніи всякаго супротивнаго“ и т. д. и т. д.

Теперь-же совсѣмъ не то. Теперь ни во что не вѣрятъ. Болѣе того, теперь даже иронизируютъ надъ тѣми, кто вѣритъ въ силы ада, кто убѣжденъ въ ихъ могучемъ, непосредственномъ вліяніи на человѣческія сердца.

— Вы до сихъ поръ въ чертей вѣрите? — смѣются надъ вѣрующими. Вѣдь это суевѣріе, предразсудокъ, пережитокъ глубокой, сѣдой старины, наслѣдіе темныхъ, непросвѣщенныхъ, грубыхъ и некультурныхъ языческихъ предковъ. Вѣра въ бѣсовъ то же, что вѣра въ колдуновъ, домовыхъ и русалокъ. Поддерживать эту вѣру,—значитъ „подмораживать“ религіозное сознаніе простыхъ людей!

Въ послѣднемъ романѣ Мережковскаго: „Александръ Первый“ находимъ такія строки:

— Неужели вы о чортѣ серьезно?—спросилъ Бестужевъ.

— Серьезно. А что?

— Вы въ чорта вѣрите?

— Вѣрю.

— Съ рогами и хвостомъ?

— Вотъ именно.

— Тутъ по вашему онъ и сидитъ?

— Пожалуй, что такъ.

— Ну, поздравляю, чорта за хвостъ поймали!

— Договорились до чертиковъ! [1]).

„Отрицаніе бытія злыхъ духовъ и вообще всего христіанскаго ученія о злыхъ духахъ, пишетъ отечественный богословъ, проф. П. Я. Свѣтловъ [2]) считается въ невѣрующей средѣ выпередовой образованности и однимъ изъ лучшихъ украшеній ума, а вѣра въ злыхъ духовъ—удѣломъ отсталыхъ невѣждъ, вѣрящихъ въ чертей, въ колдовство, русалокъ и т. п. нелѣпости наравнѣ съ необразованными".

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ изъ одинъ корифеевъ современной отрицательной критики:

„Вспомнимъ только о Лютерѣ, который такъ сжился съ этой вѣрой въ діавола. На каждомъ шагу представлялъ онъ себѣ, что имѣетъ дѣло съ врагомъ человѣческаго рода. Не только дурныя мысли и искушенія, но и внѣшнія бѣдствія, посѣщающія людей, болѣзни, внезапную смерть, пожары и градобитія считалъ онъ непосредственномъ дѣломъ діавола и его адскихъ приспѣшниковъ. Это указываетъ на низкій уровень, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что у великихъ людей и суевѣріе иногда выражается въ величественныхъ образахъ" [3]).

Въ другомъ мѣстѣ этотъ-же самый ученый (мы говоримъ о Штраусѣ) выражается нѣсколько сильнѣе. Онъ пишетъ:

„Если процессы вѣдьмъ составляютъ одну изъ ужаснѣйшихъ и позорнѣйшихъ страницъ христіанства, то вѣра въ діавола является одной изъ отвратительнѣйшихъ сторонъ старой христіанской вѣры, и то мѣсто, которое эта опасная фигура еще занимаетъ въ воображеніи людей, можетъ служить мѣриломъ культуры" [4]).

Въ виду такого критическаго отношенія къ одному изъ главныхъ христіанскихъ догматовъ, не мѣшало-бы намъ, пастырямъ Церкви, своевременно откликнуться на ходячія возраженія „совопросниковъ вѣка сего", лишній разъ осмотрѣть свои боевыя позиціи и возможно крѣпче, основательнѣе утвердить главные пункты затронутаго вопроса.

---

[1]) Изд. 2-ое. СПБ. 1913 г. т. I. стр. 131.

[2]) Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи Т. I, изд. 3-е, Кіевъ 1910 г., стр. 459.

[3]) Д. Штраусъ: „Старая и новая вѣра". Спб. пер. Шехтера, стр. 14.

[4]) Тамъ-же стр. 15.

I.

Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли бѣсы? Можетъ быть ихъ вовсе нѣтъ? Можетъ быть это суевѣріе, предразсудокъ?

Нѣтъ, бѣсы существуютъ. Это дѣйствительная, реальная сила. За ихъ бытіе – и религія, и наука, и исторія, и святоотеческое преданіе.

Чтобы не быть голословными, мы постараемся аргументировать свой отвѣтъ возможно полнѣе и обстоятельнѣе.

Разсмотримъ означенный вопросъ сперва съ чисто-религіозной стороны.

Христіане ни на одну минуту не должны сомнѣваться въ бытіи злыхъ духовъ, въ существованіи царства діавола. Иначе вѣра ихъ будетъ суетной, и проповѣдь о Христѣ будетъ напрасной. Почему такъ,—мы сейчасъ покажемъ.

По свидѣтельству св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова „Іисусъ Христосъ для того-то и явился, чтобы разрушить дѣла діавола“ [1]). Значитъ, если мы отвергнемъ ученіе о злыхъ духахъ, то спрашивается, зачѣмъ-же тогда приходилъ на землю Сынъ Божій? Неужели затѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Успенскій [2]), „чтобы разрушить дѣла пустой мечты“? Разъ нѣтъ злыхъ духовъ, то, значитъ, не было и нужды въ пришествіи Христа. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія послѣ авторитетныхъ глаголовъ св. Іоанна.

Итакъ, удаленіе такого важнаго камня угрожаетъ цѣлости всего зданія христіанской вѣры. Еще Гёте [3]) въ молодости замѣтилъ, возражая Бардту, что „если существуетъ хоть одно библейское понятіе, такъ это именно понятіе о діаволѣ. Потому что если Христосъ, какъ пишетъ Іоаннъ, пришелъ разрушить дѣла діавола, то не будь послѣдняго, и во Христѣ не было бы никакой нужды“.

Затѣмъ, христіане еще потому должны вѣровать въ существованіе злыхъ духовъ, что Самъ Іисусъ Христосъ признавалъ ихъ бытіе и силу. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдую-

---

[1]) Ев. Іоаннъ, 3 гл., 8 ст.

[2]) „Христіанское умозрѣніе и человѣческій разумъ“. Изд. 2, Москва, 1895 г., стр. 154, 1-е примѣчаніе.

[3]) Штраусъ „Старая и новая вѣра“, стр. 15.

щихъ Его словъ: „Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его“ [1]). Или: „Вашъ отецъ діаволъ, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; онъ былъ человѣкоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины; когда онъ говоритъ ложь, говоритъ свое, ибо онъ лжецъ и отецъ лжи“ [2]). Еще примѣръ: „нынѣ судъ міру сему; нынѣ князь міра сего будетъ изгнанъ вонъ“ [3]). „Немного Мнѣ говорить съ вами, ибо идетъ князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего“ [4]). Послѣдній примѣръ: „Сѣющій доброе сѣмя—Сынъ Человѣческій; поле есть міръ; доброе сѣмя, это—сыны царствія, а плевелы—сыны лукаваго; врагъ, посѣявшій ихъ, есть діаволъ; жатва есть кончина вѣка, а жнецы — суть ангелы“ [5]).

Если-же Спаситель міра признавалъ существованіе діавола и его лукавыхъ слугъ, то мы, христіане, ни въ какомъ случаѣ не должны сомнѣваться въ ихъ реальномъ бытіи.

Противъ такой постановки означеннаго вопроса враги христіанской вѣры дѣлаютъ обыкновенно такое возраженіе:

Да, Іисусъ Христосъ говорилъ о бѣсахъ, о діаволѣ, о князѣ міра сего. Этого нельзя отрицать. И въ этомъ никто не сомнѣвается. Но вотъ въ чемъ дѣло. Іисусъ Христосъ приспособлялся къ языку своего народа. Онъ хотѣлъ быть понятнымъ и доступнымъ для каждаго. Посему и допускалъ въ своихъ рѣчахъ такія чисто народныя слова и понятія, какъ: діаволъ, бѣсъ, духъ нечистый и лукавый и т. д.

Съ такимъ взглядомъ безусловно нельзя согласиться. Онъ, прежде всего, противорѣчитъ нравственному характеру абсолютно-правдивой личности Христа, а, затѣмъ, не оправдывается и евангельскими данными.

Невозможно допустить, чтобы Іисусъ Христосъ, воплощенная правда и воплощенная святость, приспособлялся къ суевѣріямъ своего народа. Вѣдь такимъ путемъ Онъ-бы потворствовалъ развитію народныхъ суевѣрій и предразсудковъ.

---

[1]) Матѳ. 25 гл., 41 ст.
[2]) Іоан. 8 гл., 44 ст.
[3]) Іоан. 12 гл., 31 ст.
[4]) Іоан. 14 гл., 30 ст.
[5]) Матѳ. 13 гл., 39 ст.

Между тѣмъ мы знаемъ, что Онъ и апостолы были заинтересованы совсѣмъ въ обратномъ, именно, въ томъ, чтобы разсѣять и искоренить существовавшіе въ средѣ іудейскаго народа ложныя понятія и представленія. Кромѣ того, система приспособленій, къ которой, должно полагать, неоднократно прибѣгалъ Спаситель, умаляетъ достоинство евангельскихъ повѣствованій. И вотъ почему. Всякій, принявшій эту теорію на вѣру, будетъ думать, что въ ученіи Христа есть примѣсь лжи, такъ какъ въ немъ умалчивается истина (т. е. дѣйствительныя мысли Учителя). И еще: такая система приспособленій приноситъ не столько пользу, сколько вредъ, потому что умъ слушателей вводится въ обманъ неточными изреченіями.

Нѣтъ, такимъ Христосъ неизвѣстенъ намъ даже въ раціоналистическомъ изображеніи, посему и мы, какъ наиболѣе вѣрующіе, не станемъ приписывать Ему сомнительныхъ свойствъ и качествъ.

Помимо всего этого должно еще сказать то, что теорія приспособленія совершенно не оправдывается многими евангельскими изреченіями.

Такъ, Спаситель міра не только говорилъ о бѣсахъ, но даже указывалъ средство избавиться отъ нихъ. „Сей же родъ, говорилъ Онъ, изгоняется только молитвою и постомъ“ [1]). Если бы злые духи представляли собою не что иное, какъ суевѣріе, предразсудокъ, то Господь ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы рекомендовать Своимъ ученикамъ и послѣдователямъ тѣхъ средствъ, путемъ которыхъ можно было избавиться отъ вліянія злой разумной силы. Это внѣ всякаго сомнѣнія. Теперь, если Онъ указываетъ разумныя и цѣлесообразныя средства къ избавленію отъ злыхъ духовъ, то, значитъ, можно быть увѣреннымъ, что Христосъ и Самъ признавалъ существованіе бѣсовъ. Противъ такого вывода и теорія аккомодаціи (приспособленій) ничего не можетъ возразить.

Замѣчательно еще то, что Спаситель означенныя слова (см. Матѳ. 17 гл. 21 ст.) говорилъ не народу, а апостоламъ. Ему не было никакой нужды приспособляться въ данномъ случаѣ. Апостолы прекрасно понимали Его. Они были чужды

---

[1]) Матѳ. 17 гл., 21 ст.

іудейскихъ суевѣрій и предразсудковъ [1]). Однако и съ ними Христосъ говорилъ о бѣсахъ. Значитъ, Спаситель смотрѣлъ на бѣсовъ не какъ на предметъ народнаго суевѣрія, а какъ на реальную силу.

Наконецъ, самая манера говорить о бѣсахъ ясно показываетъ, что и Господь и апостолы употребляютъ слово „бѣсъ“ не иноказательно. Взять хотя бы такія слова евангелиста Луки о Маріи Магдалинѣ: „изъ нея Господь изгналъ семь бѣсовъ“ [2]).

Вотъ приблизительно все, что можно сказать по вопросу о существованіи бѣсовъ съ чисто религіозной стороны. Но и изъ этого, сравнительно ничтожнаго матеріала, съ необходимостью вытекаетъ то заключеніе, что бѣсы существуютъ, что это реальная, а не призрачная сила.

II.

Теперь освѣтимъ настоящій вопросъ съ чисто-научной стороны.

Фактъ существованія злыхъ духовъ или бѣсовъ подтверждается живымъ человѣческимъ опытомъ.

Кто читалъ творенія св. отцовъ, тотъ знаетъ, какъ живо и близко ощущали они присутствіе вблизи себя злой силы. Эти „ощущенія“ для насъ очень важны. Они говорятъ намъ о томъ, что бѣсы дѣйствительно есть. Иначе святые подвижники и не ощущали бы ихъ присутствія.

Справедливость такого вывода подтверждаетъ такой крупный и авторитетный мыслитель, какъ американскій психологъ Вильямъ Джемсъ. Въ своемъ капитальномъ произведеніи: „Многообразіе религіознаго опыта“ [3]), переведенномъ и на русскій языкъ, онъ путемъ многочисленныхъ иллюстрацій и строго-провѣренныхъ научныхъ данныхъ устанавливаетъ слѣдующее положеніе: „человѣку присуще чувство реальности, т. е. чувство присутствія вблизи себя какой-нибудь невидимой силы. Это чувство принадлежитъ не только религіозной при-

---

[1]) Лук. 6 гл. 1—11 ст.; Марк. 2 гл. 13—22 ст.; Лук. 5 гл. 33 ст. и т. д.
[2]) Марк. 16 гл. 9 ст.
[3]) Изд. „Русской Мысли“, Москва, 1910 г., стр. 46—69.

родѣ человѣка, но, вообще, всему его существу, такъ что, если кто-нибудь неожиданно приблизится къ человѣку, то тотъ всегда почувствуетъ это. И если какая-нибудь сила будетъ находиться вблизи него, то онъ сразу ощутитъ ее. Таковъ законъ этого чувства".

Не будемъ приводить тутъ доказательствъ Джемса, потому что, думаемъ мы, каждый на себѣ самомъ испыталъ то, о чемъ онъ говоритъ.

Каждый, вѣроятно, знаетъ по себѣ, что чужой пристальный взглядъ, устремленный на насъ, даетъ намъ себя чувствовать. Мы сидимъ за книгой, заняты дѣломъ, ведемъ разговоръ, вдругъ чувствуется намъ не по себѣ. Мы невольно оборачиваемся, подымаемъ глаза и видимъ, что на насъ пристально смотрятъ, какъ бы заставляя взоромъ и насъ отвѣтить тѣмъ же.

Бываютъ случаи еще большей чувствительности и отзывчивости на стороннее присутствіе. Люди, случайно попавшіе въ громадное темное помѣщеніе, подъ вліяніемъ „чувства реальности" безошибочно угадываютъ, есть кто съ ними тутъ вмѣстѣ или нѣтъ, не смотря на полную тишину и темноту. Никого не видно и не слышно, а чувствуется, что кто-то есть.

Такъ и свв. подвижники. Они жили въ пустыняхъ, жили въ полномъ уединеніи, но сердцемъ чуяли, что они не одни, что съ ними кто-то есть, что на нихъ устремленъ чей-то пристальный взглядъ. Они озираются, ищутъ невидимое, но чувствуемое существо. И... находятъ. Бѣсы являются имъ не только духовно, но и видимо, вступая часто въ открытую съ ними борьбу.

Возможно ли для какого-нибудь сомнѣнія зачеркнуть это свидѣтельство людей духовной жизни о бытіи злыхъ духовъ?

Конечно нѣтъ. Это по крайней мѣрѣ, будетъ противонаучно.

Пойдемъ далѣе.

Мы уже говорили, что бѣсы видимо являлись святымъ подвижникамъ. А если такъ, то сомнѣваться, значитъ, въ ихъ реальномъ существованіи не приходится.

Противъ такой постановки вопроса вооружается докторъ Леманнъ. Въ своей обширной книгѣ: "Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней" онъ, вмѣстѣ съ многочисленными своими единомышленниками,

прямо заявляетъ, что такого рода явленія и видѣнія есть не что иное, какъ галлюцинаціи [1]).

Хорошо, но для галлюцинацій требуется всегда опредѣленная почва. Теперь спросимъ, на какой собственно почвѣ, по какимъ причинамъ и обстоятельствамъ подвергались свв. пустынножители галлюцинаціямъ?

Извѣстный галлюцинистъ Мейеръ такъ отвѣчаетъ на поставленный нами вопросъ:

„Неправильное питаніе мозга при извѣстныхъ условіяхъ естественно обусловливаетъ неправильность его функцій. Добровольное или вынужденное голоданіе, продолжительный постъ въ связи съ молитвою, возбужденіемъ фантазіи для приготовленія себя къ высшимъ вдохновеніямъ, еще другія причины, въ лицахъ, и безъ того впечатлительныхъ, ведутъ къ тому, что они начинаютъ, какъ имъ кажется, слышать голоса изъ „того міра“. Галлюцинаціи отъ неправильнаго питанія еще легче появляются въ связи съ другими, вредными здоровью, условіями, какъ-то: недостатокъ сна, усиленная душевная дѣятельность и т. п.“ [2])

Правда, на такой почвѣ галлюцинаціи бываютъ. Можетъ быть даже часто. Съ этимъ мы вполнѣ согласны. И въ этомъ никто не сомнѣвается.

Но вотъ въ чемъ дѣло. Демоническихъ явленій святымъ подвижникамъ никогда и ни въ какомъ случаѣ нельзя отождествить съ галлюцинаціями, потому что тѣ и другія совершенно противоположны.

Такъ, по свидѣтельству того же Мейера, [3]) галлюцинаціи, возникающія на почвѣ плохого питанія мозга, отличаются тихимъ, ровнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Напримѣръ, истощенному продолжительнымъ голодомъ кажется, что онъ видитъ хлѣбъ, желаемыя блюда. Изнуренному въ бояхъ воину часто являются, какъ на яву, его враги. Потрясенному смертью дорогихъ и близкихъ существъ иногда

---

[1]) Стр. 497 гл. „Предчувствія и галлюцинаціи“.

[2]) D-r med. A. Mayer: „Die Sinnestäuschungen, Hallucinationen und Illussionen“. Wien, стр. 151. Выдержку, приведенную нами, можно видѣть и въ книгѣ проф. Свѣтлова: „Христіанское вѣроученіе“. Изд. 3-е, стр. 466—467.

[3]) Ibid. стр. 119.

кажется, что онъ видитъ ихъ живыми, вблизи его находящимися. И т. д. и т. д.

Совсѣмъ другого рода бываютъ демоническія явленія нашимъ святымъ. Эти явленія, въ противоположность первымъ, отличаются буйнымъ и страшнымъ характеромъ.

Для иллюстраціи приведемъ два-три примѣра.

Весьма поучительно въ указанномъ отношеніи житіе подвижника XI в. Исаакія Печерскаго.

Исаакій Печерскій жилъ одиноко въ маленькой пещерѣ, одѣвался въ власяницу и козлиную кожу, черезъ день съѣдалъ просфору. Такой образъ жизни онъ велъ семь лѣтъ. Однажды, погасивъ свѣчу, онъ увидѣлъ двухъ „юношъ прекрасныхъ“, лица ихъ блистали „аки солнце“. Они ему сказали: „мы есмы ангелы, и се грядетъ къ тебѣ Христосъ съ прочими ангелы“. Дѣйствительно, Исаакій увидѣлъ „множество“. Одинъ изъ нихъ „паче всѣхъ сіяше“. Исаакію приказали поклониться этому „паче всѣхъ сіявшему“, какъ Христу, что подвижникъ и исполнилъ. Бѣсы „кличь велій сотвориша... нашъ еси Исаакіе“. Вся келія наполнилась бѣсами, которые играли „въ сопѣли, тумпаны и гусли“: Бѣдный Исаакій „начаша съ ними скакати и плясати на многъ часъ. Бѣсы, утрудивши его, оставили еле жива суща“. На другой день подвижникъ былъ еле живъ. Иноки „Исаакія мняше мертва быша“. Въ продолженіи двухъ лѣтъ Исаакій былъ разслабленъ, постоянно лежалъ и за нимъ ухаживали иноки. Только на третій годъ наступило улучшеніе. „Онъ же, помало взирая на другихъ, вкушаше хлѣба и такъ научишася ясти“ [1]).

Припомнимъ еще искушенія св. Антонія Великаго.

Въ первое время своихъ подвиговъ этотъ святой мужъ чувствовалъ себя бодро, хорошо. Но когда заглушенныя на время естественныя стремленія къ міру и плотскія пожеланія проявились снова, въ немъ началась внутренняя упорная и продолжительная борьба съ самимъ собою, борьба мучительная, доводившая его иногда до безпамятства. Оставаясь въ пустынѣ одинъ, безъ руководителя, Антоній вскорѣ подвергся искушеніямъ діавола, и эти искушенія были для него тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе отвѣчали возникавшимъ въ немъ чувственнымъ

[1]) См. Патерикъ Печерскій, стр. 136.

пожеланіямъ. Въ немъ возгорается буря помысловъ, которая и служитъ источникомъ нравственныхъ страданій и раздвоенности. Эта внутренняя борьба съ самимъ собою была настолько тяжелою, что сдѣлалась даже замѣтною для постороннихъ [1]).

Число такихъ примѣровъ при желаніи можно увеличить до какихъ угодно размѣровъ. Но, думаемъ, и этихъ достаточно. И эти вполнѣ ясно характеризуютъ намъ демоническія явленія святымъ подвижникамъ.

Теперь проведемъ параллель между явленіями перваго и второго порядка, т. е. между галлюцинаціями и демоническими видѣніями.

Первыя, какъ мы сказали, отличаются тихимъ, ровнымъ, спокойнымъ характеромъ. Вторыя же—буйнымъ, страшнымъ. Первыя, какъ чисто созерцательныя, не изнуряютъ, не истощаютъ человѣка. Вторыя же, какъ мы видѣли, доводятъ человѣка до „разслабленія“, до „безпамятства“, до „болѣзни“. Другими словами, первыя явленія не имѣютъ никакихъ послѣдствій, а вторыя—весьма печальныя и тяжелыя.

Затѣмъ, еще одно, довольно существенное различіе между галлюцинаціями и демоническими видѣніями. Именно: у здоровыхъ галлюцинаціи, особенно при частомъ ихъ повтореніи, обязательно замѣчаются и постепенно излѣчиваются или устраняются. Чаще всего—поливаніемъ головы холодною водою, прогулками по свѣжему воздуху, и т. д. Психически же больными они никогда не сознаются [2]).

Проф. психіатріи В. Ф. Чижъ прямо заявляетъ, что наши святые, видѣвшіе демоновъ, были большею частью людьми ненормальными, „психопатами“. Но тогда бы они не сознавали своихъ галлюцинацій, какъ это утверждаетъ знаменитый галлюцинистъ Мейеръ [3]). Между тѣмъ изъ житій святыхъ мы знаемъ, что рѣшительно всѣ наши подвижники великолѣпно сознавали все то, что происходило съ ними. Отсюда видно, что видѣній святыхъ угодниковъ Божіихъ нельзя счесть за галлюцинаціи.

---

[1]) „Святый Антоній Великій“. Маг. дис. Ст. Лобачевскго. Кіевъ 1906 г. стр. 38.

[2]) Вопросы Философіи и Психологіи. 1906 г. кн. 85, стр. 410—422. См. статью: „Психологія нашихъ праведниковъ“.

[3]) Мейеръ... стр. 123—124.

„Итакъ, для вожделѣннаго отождествленія демоническихъ явленій съ галлюцинаціями приходится, пишетъ одинъ русскій ученый, объявить ихъ субъектовъ за умопомѣшанныхъ; но за это дѣло никто не возьмется даже при той храбрости, которая у невѣрія всегда является въ борьбѣ съ вѣрою“ [1]).

Слышится еще другое, въ этомъ же родѣ, возраженіе.

Говорятъ, что при изолированномъ положеніи святыхъ подвижниковъ, видѣнія послѣдними духовъ становятся вполнѣ естественными. Отрѣшившись отъ міра, погрузившись въ самихъ себя и сосредоточивши свое сознаніе на борьбѣ съ возникавшими въ нихъ дурными мыслями, подвижники думали, что тѣ конкретные образы, въ которыхъ, подъ вліяніемъ фантазіи, воплощались ихъ субъективныя мысли и желанія, имѣютъ объективное значеніе, такъ какъ психологически извѣстно, что при углубленіи человѣка въ самого себя и при сосредоточіи его на какой-либо идеѣ становится невозможнымъ воспріятіе впечатлѣній и, слѣдовательно, теряется сознаніе, для возниковенія и поддержанія котораго требуется, какъ необходимое условіе, притокъ въ душу свѣжихъ и новыхъ впечатлѣній отвнѣ. Безъ этого же притока невозможенъ и процессъ сознанія, какъ это бываетъ, напримѣръ, во снѣ, когда наши представленія о предметахъ и лицахъ становятся какъ бы самыми дѣйствительными предметами и живыми личностями.

Такой, или подобный взглядъ, можно услышать въ современномъ обществѣ отъ весьма многихъ образованныхъ людей, либерально (въ худшемъ смыслѣ этого слова) относящихся къ христіанскому ученію.

Но прилагать такое объясненіе къ видѣніямъ духовъ нѣкоторыми людьми, значитъ предполагать этихъ людей находящимися въ какой-то спячкѣ, въ какомъ-то безсознательномъ состояніи. Проводить параллель между сновидѣніями и демоническами явленіями—значитъ признавать людей не умѣющими отличить своихъ собственныхъ сновидѣній отъ дѣйствій, происходящихъ на яву, въ дѣйствительности, значитъ — признавать ихъ находящимися въ безсознательномъ состояніи, или же въ состояніи умопомѣшательства. Между тѣмъ святые подвижники имѣли, такъ сказать, просвѣтленное сознаніе, потому

---

[1]) Свѣтловъ... стр. 467.

что они въ своихъ твореніяхъ высказываютъ здравыя и высокія мысли, что было-бы совершенно невозможнымъ, если бы они находились въ безсознательномъ состояніи. Видѣнія духовъ были и Спасителю [1]), высоту и глубину сознанія Котораго никто не отважится отрицать [2]).

Ну хорошо, возражаютъ намъ противники христіанскаго ученія, если бѣсы существуютъ, то почему они являются только святымъ и ощущаются только подвижниками? Почему, напримѣръ, не ощущаются они простыми, обыкновенными людьми? Почему они не являются намъ и другимъ? Если есть бѣсы, то они должны всѣмъ являться и всѣми ощущаться.

Мы не можемъ согласиться съ такими взглядами. Намъ кажется, что если бѣсы и являются, то только святымъ. И если ощущаются, то только ими. Вѣдь они являются со спеціальною цѣлью. Именно, совратить человѣка съ истиннаго пути, направить его на путь зла и погибели. Всѣ мы, т. е. простые, обыкновенные люди, давнымъ давно находимся во власти діавола и потому нѣтъ никакой нужды являться ему намъ и искушать насъ. Совсѣмъ другое—подвижники. Они добродѣтельны, они святы, стоятъ на истинномъ пути, противодѣйствуютъ кознямъ бѣсовскимъ и ведутъ постоянную, упорную и ожесточенную борьбу съ діаволомъ. Бѣсамъ интересно такихъ завлечь въ свои сѣти, соблазнить, искусить. А въ нашемъ паденіи, повторяемъ, они совсѣмъ не заинтересованы, потому что мы и безъ того идемъ по широкому пути, ведущему въ погибель. Вотъ почему праведникамъ бѣсы являются, а намъ не являются. Ими они ощущаются, а нами нѣтъ.

Впрочемъ, нельзя и того сказать, будто-бы злые духи ощущаются только подвижниками, святыми, а нами—никогда.

„Не приводитъ ли насъ собственный опытъ къ мысли о духовной силѣ зла?—пишетъ извѣстный апологетъ Лютардъ. Кто изъ насъ не испытывалъ, какъ ему въ святѣйшіе моменты, въ благоговѣйные часы его настроенія, приходили такія соблазнительныя мысли, отъ которыхъ онъ хотѣлъ бы отказаться и

---

[1]) Лук. 4 гл. 2—13 ст.

[2]) Успенскій: „Христіанское умозрѣніе и человѣческій разумъ“, стр. 171, изд. 2.

касательно которыхъ онъ ясно сознаетъ, что они не въ немъ имѣютъ свое послѣднее происхожденіе? Мы всѣ неоднократно испытываемъ, что намъ приходится бороться не просто съ плотью и кровью, но съ таинственнымъ міромъ темныхъ силъ, дѣйствія которыхъ проникаютъ въ наше внутреннее существо“ [1]).

То же самое почти, только въ другихъ выраженіяхъ, говоритъ проф. П. Я Свѣтловъ. Вотъ его слова:

„Кто не ощущалъ въ себѣ по временамъ, и даже въ моменты наивысшаго подъема духа къ добру, движеній въ душѣ, неизвѣстно откуда возникающихъ и какъ разъ противныхъ общему нравственному настроенію? Внезапное появленіе въ нашей душѣ злыхъ мыслей, чувствъ и желаній противъ воли, вопреки общему нравственоому настроенію въ тотъ или иной моментъ и нравственному характеру личности вообще—фактъ общеизвѣстный и не всегда объяснимый раздвоенностью нащей воли“ (Рим. 7 гл. 14—23 ст.) [2]).

Особенно часто такія явленія бываютъ среди чистыхъ, добрыхъ, неиспорченныхъ дѣтей.

Вотъ маленькая, но за то яркая иллюстрація, взятая нами изъ одного очень интереснаго психологическаго этюда „Васина вѣра“, приведеннаго бывшимъ арх. Михаиломъ въ статьѣ: „Религія въ семьѣ и школѣ“ [3]).

„Васѣ снился адъ, въ которомъ клокотали красныя волны огня и въ страшной пляскѣ крутились всевозможныя чудовища...

„Ой! — вскрикиваетъ Вася и дрожащій, весь въ поту, бѣжитъ къ отцу:

„Что ты, что ты?“ испуганно повторяетъ отецъ: „Господь съ тобой! Да ты перекрестись, сынокъ, помолись“...

На другой день Вася просыпался поздно и, прежде всего, думалъ о Богѣ:

— Какой Богъ страшный. Какъ Онъ больно наказываетъ“.

И Вася—изъ боязни Бога—еще строже начиналъ относиться къ своимъ религіознымъ обязанностямъ...

Но демонъ искуситель уже подкрадывается къ ребенку,

---

[1]) „Апологія христіанства“. Изд. Тузова 1829 г. стр. 236.

[2]) Христіанское вѣроученіе..., стр. 468.

[3]) См. журналъ „Звонарь“ 1910 г. стр 161—178.

и въ это время чѣмъ строже былъ Вася къ своей молитвѣ, тѣмъ чаще и чаще приходили къ нему грѣшныя мысли.

„А что если отвернуться отъ иконы? А если сѣсть на корточки?“

— „Господи, какой я грѣшный!—думалъ онъ и начиналъ молиться. И онъ молился, молился, но преступныя мысли и желанія обуревали его, окутывали его со всѣхъ сторонъ, ужасъ овладѣвалъ Васей и ему хотѣлось бѣжать куда-нибудь далеко-далеко, туда, гдѣ нѣтъ ни страшнаго Бога, ни выслѣживающихъ глазъ отца“.

А вотъ впечатлѣнія дѣтства извѣстнаго польскаго писателя Г. Сенкевича [1]).

„Когда я былъ ребенкомъ, на меня однажды нашло такое религіозное настроеніе, что я молился съ утра до вечера и вмѣстѣ съ тѣмъ въ минуты величайшаго религіознаго экстаза въ головѣ у меня мелькали такія богохульныя мысли, что какъ будто ихъ подсказывалъ мнѣ демонъ или вѣтеръ навѣвалъ извнѣ. Точно также я грѣшилъ противъ людей, которыхъ любилъ всей душою, за которыхъ безъ колебанія отдалъ бы всю жизнь. Эта трагедія сильно мучила меня. Но не въ томъ дѣло. Возвращаясь къ этимъ богохульнымъ мыслямъ, я думаю, что никто не долженъ отвѣчать за нихъ, такъ какъ онѣ являются извнѣ, а не служатъ признакомъ зла, вкоренившагося въ моральный организмъ“.

Такія, и подобныя имъ явленія всего лучше объяснять дѣйствіемъ злыхъ духовъ. Иначе если мы отвергнемъ въ данномъ случаѣ участіе бѣсовъ, то такія внезапныя, безнравственныя движенія мысли и души будутъ безпричинны, чего, конечно, ни въ коемъ случаѣ допустить нельзя.

Извѣстный мыслитель Паскаль въ своихъ „Мысляхъ“ только путемъ предположенія діавольскаго обольщенія считаетъ возможнымъ объяснить религіозный индифферентизмъ людей, ихъ равнодушіе къ вѣчности, увлеченіе пустяками и игнорированіе существенными вещами.

Да, многое бы въ нашей жизни осталось необъяснимой загадкой, еслибы мы посмѣли отвергнуть христіанское ученіе о существованіи злыхъ духовъ.

---

[1]) „Безъ догмата“.

III.

Доселѣ мы говорили объ ощущеніяхъ, о переживаніяхъ, о явленіяхъ повседневнаго опыта. Другими словами—объ экспериментальныхъ данныхъ въ пользу существованія злыхъ духовъ, называемыхъ бѣсами.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ и о томъ, что не только опытъ, но даже теоретическія построенія человѣческаго разума и тѣ приводятъ насъ къ необходимости признанія злой, разумной силы.

Вѣра въ бѣсовъ стоитъ въ тѣсной связи съ вѣрой въ ангеловъ. Вѣдь бѣсъ это, по ученію св. Церкви,— падшій ангелъ. Но вѣра въ ангеловъ, т. е. въ добрую, разумную, высшую, чѣмъ человѣкъ, силу требуется человѣческимъ разумомъ, какъ необходимый постулатъ.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели Богъ остановился въ Своей творческой дѣятельности на человѣкѣ, какъ на существѣ, выше котораго ничего и быть не можетъ. Неужели нѣтъ иныхъ существъ, которыя стояли бы между человѣкомъ и Богомъ?

Несомнѣнно есть. Это доказываютъ многія соображенія и наблюденія.

Вотъ первое основаніе. Совокупность земныхъ существъ и предметовъ представляетъ собою какъ бы лѣстницу, имѣющую разныя ступени, по которымъ рядами поднимаются разныя формы бытія, начиная съ самой низшей и простѣйшей и кончая самою высшею, сложнѣйшею. Между этими формами, стоящими не отрывочно и одиночно, но тѣсно связанными одна съ другою, нигдѣ нѣтъ скачковъ, или пустыхъ промежутковъ. Напротивъ, при переходѣ отъ одной формы къ другой, вездѣ замѣчается строгая постепенность и послѣдовательность. Самая низшая и первичная форма природы—минералы. Затѣмъ идетъ растительное царство, животное. Переходнымъ звеномъ отъ міра животныхъ къ человѣческому царству служатъ такъ называемыя антропоморфныя обезьяны, болѣе всѣхъ другихъ животныхъ приближающіяся къ человѣку и по своему внѣшнему виду и по физическому устройству.

Наконецъ, на высшей ступени бытія стоитъ человѣкъ.

Если мы признаемъ, что ангеловъ не существуетъ, что человѣкъ высшая форма творенія, то во вселенной, между Творцомъ и тварью образуется громаднѣйшій пробѣлъ, или

промежутокъ, скачекъ. А въ ней, какъ показываетъ наблюденіе надъ доступной намъ частью вселенной, пробѣловъ и скачковъ нѣтъ. Въ ней незамѣтно одна форма переходитъ въ другую. Безъ ангеловъ вселенная не была бы полна, а оставалась бы половинчатою и незавершенною, и, слѣдовательно, не была бы въ строгомъ смыслѣ вселенною. Идя постепенно, градація существъ, наполняющихъ ея, вдругъ обрывалась бы на человѣкѣ, такъ какъ высшій духовный міръ не имѣетъ въ послѣднемъ своего завершенія и законченности. Ангелы составляютъ духовный полюсъ вселенной, противоположный полюсу чистой матеріи [1]). Было бы страннымъ предполагать несоотвѣтствіе одного полюса съ другимъ. Было бы страннымъ и нелѣпымъ для нашей мысли предполагать, что, между тѣмъ, какъ матерія, входящая, въ составъ природы человѣка, имѣетъ тысячи разнообразныхъ формъ и видовъ, послѣдовательно идущихъ отъ формъ грубыхъ, низшихъ къ формамъ утонченнымъ, высшимъ,—духъ, входящій такъ же, какъ и матерія, въ составъ человѣческой природы, существуетъ только въ одной формѣ, и, притомъ, формѣ низшей, такъ какъ человѣческій духъ въ своихъ проявленіяхъ несовершенъ. Это равнялось бы тому, если бы при существованіи, напримѣръ, разныхъ видовъ растеній, начиная съ травныхъ и кончая древесными, существовалъ бы одинъ только, и, притомъ самый низшій, видъ животныхъ, примѣрно— какой нибудь слизнякъ. Другихъ же видовъ никакихъ бы не было. Въ такомъ случаѣ, очевидно, не выполнена была бы творческая идея созданія животнаго міра. Точно также не выполнена была бы творческая идея и нравственнаго міра, если бы существовало одно только существо (человѣкъ), принадлежащее къ этому міру [2]).

Напротивъ, если мы признаемъ существованіе ангеловъ, то пробѣлъ во вселенной уничтожится самъ собою и картина міра получитъ совсѣмъ другой видъ. Именно:

Въ области Божьяго созданія человѣкъ окажется на границѣ двухъ міровъ—видимаго и невидимаго, чувственнаго и духовнаго. Онъ станетъ средоточнымъ пунктомъ или центромъ,

---

[1]) Чтен. Общ. люб. дух. просв. 1879 г. Августъ стр. 95 95 „Любовь Божественная, творящая или всесозидающая".

[2]) Успенскій: Христіанское умозрѣніе... стр. 161.

въ которомъ объединяются силы, законы, и формы и виды обоихъ міровъ. По своей физической сторонѣ и ея условіямъ онъ будетъ принадлежать къ общей, космической жизни и будетъ, такъ сказать, повтореніемъ ступеней матеріальной природы, потому что въ тканяхъ его организма есть неорганическіе, растительные и животные элементы. Въ этомъ отношеніи человѣкъ станетъ членомъ въ ряду земныхъ существъ и членомъ самымъ высшимъ, заключительнымъ, по причинѣ лучшаго и высшаго устройства своей физической организаціи и психически животной жизни. Вся видимая природа будетъ представлять собою только рядъ предварительныхъ ступеней къ нему, какъ представителю и завершителю ея, и отражаться въ немъ какъ міръ звуковъ, образовъ, ощущеній и представленій.

Но, составляя собою заключительное звено въ области видимаго міра, касаясь самыхъ послѣднихъ ея границъ, и служа повтореніемъ ступеней его, человѣкъ въ то же время по другой сторонѣ своего бытія, именно—по своему сознанію, разумности и нравственной личности, общѣе сказать, по своему духу, — будетъ выходить изъ области видимой природы. Въ этомъ отношеніи человѣкъ станетъ исключительнымъ явленіемъ въ послѣдней, начальною ступенью другого міра существъ,— существъ высшихъ его и духовныхъ, уходящихъ отъ него въ безпредѣльность.

Такимъ образомъ, какъ существо тѣлесно-духовное, человѣкъ будетъ представлять собою переходную ступень отъ существъ матеріальныхъ и чувственныхъ къ безплотнымъ духамъ, занимая между первыми самое высшее мѣсто, а между послѣдними—самое низшее и послѣднее мѣсто, какъ первичная и начальная форма [1]).

Нѣтъ, должны быть существа, по крайней мѣрѣ не въ такой степени ограниченныя плотью, пространствомъ и временемъ, какъ человѣкъ. Если наша мысль могла придти къ идеѣ ангела, составить о немъ понятіе, какъ о совершеннѣйшей, чѣмъ человѣкъ, духовной силѣ, то Творецъ, конечно, тѣмъ болѣе силенъ продолжить далѣе человѣка линію разумныхъ

---

[1]) Успенскій: „Христіанское умозрѣніе"..., стр. 58.

существъ и было бы въ высшей степени непонятно, если бы Онъ на человѣкѣ прервалъ Свою лѣстницу творенія.

„Нѣтъ никакого разумнаго основанія думать, — пишетъ Оливеръ Лоджъ, авторъ извѣстной и интересной книги: „Катехизисъ для родителей и учителей“,—что человѣкъ есть высочайшее разумное существо, что міръ, какой намъ удалось изучить, населенъ существами высочайшими во вселенной. Это— неосновательная гордость ума, что мы, столь незначительныя созданія, которыя едва въ состояніи прозрѣвать величіе звѣзднаго неба, рѣшаемся отрицать существованіе высшихъ силъ и высшаго знанія, чѣмъ наше“.

Такимъ образомъ, и наблюденіе надъ природой и логика нашего разума, и гармонія Божьяго міра — все это говоритъ за то, что ангелы существуютъ, что ихъ бытіе необходимо признать.

Если же допустимо бытіе вообще высшихъ, чѣмъ человѣкъ, разумныхъ силъ, т. е. ангеловъ, то отчего недопустимо существованіе бѣса, т. е. злой разумной силы, которая по ученію св. Писанія, есть падшій ангелъ?

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны сказать, что и св. Писаніе, и жизненный опытъ, и теоретическія построенія—все это говоритъ за то, что существованіе бѣсовъ нельзя отрицать, что злые духи есть, что это реальная сила, и, притомъ, разумная, высшая сила, которая, по временамъ, вмѣшивается въ человѣческую жизнь и направляетъ ее къ худымъ послѣдствіямъ.

Но самымъ неоспоримымъ, самымъ цѣннымъ и важнымъ доказательствомъ бытія злыхъ духовъ являются такъ называемые „бѣсноватые“.

IV.

Бѣснованіе—одна изъ самыхъ страшныхъ, мучительныхъ и, можно сказать, неизлѣчимыхъ болѣзней. Когда именно появилась она въ мірѣ, когда стала мучить и терзать людей — объ этомъ никто ничего не знаетъ. Такъ давно она появилась, такъ долго царствуетъ она въ мірѣ.

Наибольшаго развитія и процвѣтанія бѣснованіе достигло во времена Христа Спасителя. Но и теперь оно довольно рас-

пространено, и теперь вездѣ и всюду можно видѣть несчастныхъ больныхъ, одержимыхъ „духомъ злобы поднебеснымъ“.

Вотъ они-то и служатъ самымъ цѣннымъ, лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ существованія злыхъ духовъ или бѣсовъ.

Вопросъ о бѣсноватыхъ мы тоже, подобно вопросу о бѣсахъ, постараемся разсмотрѣть по возможности полно и обстоятельно, какъ со стороны религіозной, такъ и со стороны чисто научной.

Сперва о религіозной сторонѣ.

Съ христіанской точки зрѣнія, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ существованіи бѣсноватыхъ въ той именно формѣ, въ какой обыкновенно представляетъ ихъ себѣ нашъ простой народъ. Потому что и Спаситель и ученики Его имѣли постоянныя столкновенія съ бѣсноватыми, исцѣляли ихъ, и описывали ихъ такими чертами, по какимъ и теперь мы узнаемъ этого рода больныхъ.

Вотъ двѣ довольно яркихъ евангельскихъ иллюстраціи, которыя какъ нельзя лучше уясняютъ намъ характеръ данной болѣзни и свидѣтельствуютъ о полномъ тождествѣ бѣсноватыхъ древняго и новаго міра.

„Одинъ изъ народа сказалъ: „Учитель! Я привелъ къ Тебѣ сына моего, одержимаго духомъ нѣмымъ: гдѣ ни схватываетъ его, повергаетъ его на землю, и онъ испускаетъ пѣну, и скрежещетъ зубами своими, и цѣпенѣетъ... Іисусъ сказалъ ему: приведите его ко Мнѣ. И привели его къ Нему. Какъ скоро бѣсноватый увидѣлъ Его, духъ сотрясъ его; онъ упалъ на землю и валялся, испуская пѣну. И спросилъ Іисусъ отца его: какъ давно это сдѣлалось съ нимъ? Онъ сказалъ: съ дѣтства; и многократно духъ бросалъ его и въ огонь, и въ воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжалься надъ нами и помоги намъ“ [1]).

Еще примѣръ:

„Пришли на другой берегъ моря, въ страну Гадаринскую. И когда вышелъ Онъ изъ лодки, тотчасъ встрѣтилъ Его вышедшій изъ гробовъ человѣкъ, одержимый нечистымъ духомъ; онъ имѣлъ жилище въ гробахъ, и никто не могъ его связать

[1]) Марк. гл. 9, ст. 17—22

даже цѣпями; потому что многократно былъ онъ скованъ оковами и цѣпями, но разрывалъ цѣпи и разбивалъ оковы, и никто не въ силахъ былъ укротить его; всегда, ночью и днемъ, въ горахъ и гробахъ, кричалъ онъ и бился о камни“ [1]).

Такими же точно чертами [2]) характеризуются и современные „бѣсноватые“. Они тоже бьются о камни, о землю, о церковныя плиты и помосты, отличаются колоссальною физическою силою, кричатъ, богохульствуютъ, бранятся, истекаютъ пѣной и т. д. и т. д.

Такихъ больныхъ Іисусъ Христосъ называлъ „бѣсноватыми“, ихъ болѣзнь приписывалъ врагу человѣческаго рода и единственнымъ средствомъ избавленія отъ нея считалъ „постъ и молитву“ [3]).

Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ св. Писанія. Въ евангеліи, напримѣръ, Марка говорится, что „приводили къ Нему многихъ бѣсноватыхъ, и Онъ исцѣлялъ ихъ, изгнавши многихъ бѣсовъ, и не позволялъ бѣсамъ говорить, что они знаютъ, что Онъ—Христосъ“ [4]). Вообще, разсказывается, что Онъ проповѣдывалъ въ синагогахъ по всей Галилеѣ и изгонялъ бѣсовъ. Двѣнадцати Своимъ ученикамъ, при посланіи на проповѣдь, Онъ далъ власть изгонять бѣсовъ, чѣмъ они и воспользовались [5]). О Маріи Магдалинѣ извѣстно, что изъ нея Господь изгналъ семь бѣсовъ [6]). Наконецъ, среди тѣхъ знаменій, какія обѣщаны были Христомъ вѣрующимъ въ Него, изгнаніе бѣсовъ, нужно замѣтить, поставлено на первое мѣсто [7]).

Если такъ, если Господь на бѣсноватыхъ смотрѣлъ какъ на людей, одержимыхъ злымъ духомъ, то, значитъ, и мы, стоя на чисто христіанской почвѣ, должны прежде всего признать существованіе бѣсноватыхъ какъ таковыхъ, а затѣмъ и то, что эта болѣзнь отъ нечистаго, злого духа, т. е. отъ бѣса.

Идя далѣе, мы приходимъ къ такому заключенію, если

---

[1]) Марк. гл. 5, ст. 1—5.

[2]) См. „Вопросы Философіи и Психологіи“ 1910 г. мартъ—апрѣль: „Бѣсоодержимость въ современной деревнѣ“... стр. 151.

[3]) Матѳ. 17 гл. 21 ст.

[4]) 1 гл. 34 ст.

[5]) Марк. 6 гл. 13 ст.; Лук. 10 гл. 12 ст.

[6]) Лук. 8 гл. 2 ст.

[7]) Марк. 16 гл. 17 ст.

существуютъ люди, одержимые діаволомъ, то, внѣ всякаго сомнѣнія, существуютъ и бѣсы.

Но противники христіанской вѣры, видимо, безъ бою не хотятъ сдаться. Они начинаютъ придумывать всевозможныя объясненія, толкованія, которыя въ большинствѣ случаевъ такъ далеко отстоятъ отъ истины, какъ небо отъ земли. По временамъ отрицаютъ буквальный смыслъ св. Писанія и допускаютъ аллегорическій, метафорическій, мистическій смыслъ. Словомъ, пускаются на все, лишь бы не согласиться съ традиціонными взглядами на бѣсовъ, ибо это „смѣшно, старо, простовато".

Они, напримѣръ, вотъ что говорятъ по поводу евангельскихъ повѣствованій объ исцѣленіи Іисусомъ Христомъ тѣхъ или иныхъ бѣсноватыхъ.

— Да, Христосъ исцѣлялъ бѣсноватыхъ, больныхъ тѣломъ и душей. Только это исцѣленіе нельзя понимать въ томъ узкомъ, одностороннемъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно представляютъ его ортодоксальные богословы. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ подъ бѣсами разумѣются человѣческія страсти, злые навыки, порочныя стремленія, которыя, бывъ олицетворены въ образѣ бѣсовъ, изгонялись Христомъ силою Его могучаго нравственнаго вліянія. Такъ, когда, напримѣръ, говорится о Маріи Магдалинѣ, что изъ нея Господь изгналъ семь бѣсовъ, то этотъ фактъ чудеснаго исцѣленія должно представлять себѣ такимъ образомъ, что Іисусъ Христосъ Своимъ могучимъ нравственнымъ вліяніемъ исцѣлилъ ее отъ семи тяжкихъ и смертельныхъ грѣховъ, среди которыхъ блудъ стоитъ на первомъ мѣстѣ.

Съ такого рода постановкой вопроса безусловно нельзя согласиться. Такому толкованію прежде всего противорѣчатъ слѣдующія слова Христа Спасителя:

„Когда нечистый духъ выйдетъ изъ человѣка, то ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находитъ; тогда говоритъ: возвращусь въ домъ мой, откуда и вышелъ. И, пришедъ, находитъ его незанятымъ, выметеннымъ и убраннымъ; тогда идетъ и беретъ съ собою семь другихъ духовъ, злѣйшихъ себя, и, вошедши, живутъ тамъ; и бываетъ для человѣка того послѣднее хуже перваго" [1]).

[1]) Матѳ. 12 гл. 43—45 ст.; Лук. 11 гл. 24—26 ст.

Далѣе. Съ такой точки зрѣнія совершенно немыслимо объяснить слѣдующія чудеса Іисуса Христа.

„Гадаринскій бѣсноватый, увидѣвъ Іисуса издалека, прибѣжалъ и поклонился Ему, и, вскричавъ громкимъ голосомъ, сказалъ: что Тебѣ до меня, Іисусъ, Сынъ Бога Всевышняго? Заклинаю тебя Богомъ, не мучь меня! И Іисусъ сказалъ ему: выйди, духъ нечистый, изъ сего человѣка. И спросилъ его: какъ тебѣ имя? И онъ сказалъ въ отвѣтъ: легіонъ имя мнѣ, потому что насъ много. И много просили Его, чтобы не высылалъ ихъ вонъ изъ страны той. Паслось же тамъ, при горѣ, большое стадо свиней. И просили Его бѣсы всѣ, говоря: пошли насъ въ свиней, чтобы намъ войти въ нихъ. Іисусъ тотчасъ позволилъ имъ. И нечистые духи, вышедши, вошли въ свиней; и устремилось стадо съ крутизны въ море, а ихъ было около двухъ тысячъ; и потонули въ морѣ“ [1]).

Спрашивается, если подъ бѣсами разумѣть человѣческіе пороки, то какъ они могли войти въ стадо свиней и потопить его въ морѣ? Какъ они могли заклинать Іисуса Христа не мучить ихъ? Какъ они могли отвѣчать Господу на всѣ вопросы и называть свое имя? Какъ они могли просить у Спасителя разрѣшенія войти въ стадо свиней?

Нѣтъ, такой истолковательный пріемъ никуда не годится. Онъ только приводитъ къ курьезамъ, къ смѣшнымъ и нелѣпымъ выводамъ.

Наконецъ, вся, такъ сказать, соль разбираемаго возраженія полагается въ могучемъ нравственномъ воздѣйствіи Христа Спасителя на окружающихъ Его больныхъ. Но не нужно забывать того, что исцѣлялъ бѣсноватыхъ не только Христосъ, не только Его ученики и апостолы, но и люди, не имѣвшіе на то никакихъ полномочій отъ Божественнаго Учителя и посему, должно полагать, не имѣвшіе никакого нравственнаго вліянія.

„Іоаннъ сказалъ Іисусу: Учитель! Мы видѣли человѣка, который именемъ Твоимъ изгоняетъ бѣсовъ..., и запретили ему, потому что не ходитъ за нами. Іисусъ сказалъ: не запрещайте ему, потому что никто, сотворившій чудо именемъ Моимъ, не можетъ вскорѣ злословить Меня, ибо кто не противъ насъ, тотъ за насъ“ [2]).

---

[1]) Марк. 5 гл. 7—13 ст.
[2]) Лук. 8 гл. 2 ст.; Марк. 16 гл. 9 ст.

Правда, въ отвѣтъ на это намъ могутъ сказать, что человѣкъ, изгонявшій бѣсовъ именемъ Христа, тоже пользовался вліяніемъ и довѣріемъ въ своей средѣ, почему и онъ исцѣлялъ такъ называемыхъ „бѣсноватыхъ“.

Хорошо. Мы на время согласимся съ этимъ. Допустимъ, что означенный человѣкъ имѣлъ великую и могучую нравственную силу, при помощи которой благотворно дѣйствовалъ на всѣхъ душевно-больныхъ. Но вотъ вопросъ — почему апостолы не могли одно время исцѣлить бѣсноватаго? Неужели они не обладали потребной силой нравственнаго воздѣйствія? Быть этого не можетъ. Однако они оказались безсильными изгнать бѣса изъ одного больного человѣка. Значитъ, тутъ дѣло не въ нравственномъ воздѣйствіи, а въ чемъ то другомъ, и рѣчь идетъ не о человѣческихъ слабостяхъ, порокахъ и беззаконіяхъ, а о дѣйствительно существующихъ бѣсахъ.

Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Посему, съ религіозной точки зрѣнія мы должны признать, что въ „бѣсноватыхъ“ живетъ и дѣйствуетъ злой духъ, бѣсъ, который мучитъ и терзаетъ человѣческую душу, и дѣлаетъ ее поистинѣ больною.

Если же мы придемъ къ другому какому-нибудь заключенію, ничего общаго не имѣющему съ христіанскимъ взглядомъ по данному вопросу, то мы окажемся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ и дѣлами Іисуса Христа.

V.

Теперь перейдемъ къ научному рѣшенію затронутаго нами вопроса.

По нашему мнѣнію, т. е. по мнѣнію всѣхъ православныхъ христіанъ, „бѣсноватые“ не кто иные, какъ люди, одержимые злымъ духомъ, который, тяготясь своимъ мучительнымъ существованіемъ въ аду, стремится разными способами слиться съ другими разумными существами, обитающими на землѣ, т. е. съ людьми.

Совсѣмъ иначе разсуждаютъ раціоналисты. Они говорятъ, что „бѣсноватые“ это—нервно-больные люди, одержимые суевѣрною, безумною идеею (idée fixe), будто бы въ нихъ живетъ и дѣйствуетъ діаволъ. Причемъ, эта идея является для

нихъ не болѣе, какъ средствомъ къ объясненію всѣхъ испытываемыхъ ими мукъ нервнаго страданія, всегда сопровождающагося страшнымъ угнетеніемъ духа, потерею власти надъ собою и возникающею отсюда неожиданностью и непроизвольностью душевныхъ движеній—мыслей, чувствъ и желаній, —всегда тоскливыхъ, мрачныхъ, угнетающихъ и подавляющихъ.

Такого воззрѣнія на бѣсноватыхъ придерживается, помимо извѣстныхъ всѣмъ свободомыслящихъ раціоналистовъ,[1]) и такой, повидимому, ортодоксальный мыслитель, какъ Фарраръ [2]).

Посмотримъ, насколько основательны и убѣдительны доводы, приводимые раціоналистами въ защиту своего объясненія.

Говорятъ: Демономанія (видъ истеріи) — обыкновенная, естественная болѣзнь, поддающаяся правильному систематическому леченію. Это доказывается тѣмъ, что въ древности, на востокѣ, существовали такъ называемые экзорцисты, которые посредствомъ особыхъ заклинательныхъ формулъ, и путемъ употребленія цѣлебныхъ корешковъ и куреній, изгоняли изъ бѣсноватыхъ нечистыхъ духовъ.

Въ отвѣтъ на такое возраженіе мы должны сказать слѣдующее. Экзорцисты дѣйствительно существовали. Даже во времена Христа Спасителя они были [3]). Но они ничего общаго не имѣютъ съ Божественнымъ Учителемъ. Напротивъ, рѣшительно во всемъ, даже въ способахъ изгнанія бѣсовъ, существуетъ между ними громаднѣйшая разность. Такъ, экзорцисты, какъ мы видѣли, и какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ Флавій [4]), исцѣляли бѣсноватыхъ „корешками и куреніями“, а Іисусъ Христосъ никакихъ искусственныхъ пріемовъ не употреблялъ и бѣсовъ изгонялъ только словомъ. Затѣмъ, какъ справедливо замѣтилъ Неандеръ [5]), экзорцисты исцѣляли болѣзнь не навсегда, а только на извѣстное время, съ возможностью рецидива. Между тѣмъ Спаситель изгонялъ бѣсовъ навсегда.

---

[1]) Напр. Павлюсъ, Неандеръ, Вейцзеккеръ, Шенкель, Кеймъ, Штраусъ, Бартъ, Гольцманъ, Винеръ, Де-Ветте и мн. др.

[2]) „Жизнь І. Христа“ съ 30-го изд. пер. А. П. Лопухинъ. Спб. 1887 г. стр. 208—210.

[3]) Матѳ. 9 гл. 33—34 ст.; 12 гл. 27 ст., 17 гл. 16 ст., 19 ст.

[4]) Іудейская война 7, 6, 3. Пер. Самуйлова, 1812 г.

[5]) „Жизнь І. Христа“. Гота. 1874 г. стр. 189.

„Духъ нѣмый и глухій"!—говорилъ Онъ,—Я повелѣваю тебѣ, выйди изъ него и впредь не входи въ него" [1]). Вотъ почему исцѣленія Іисуса Христа всегда вызывали въ очевидцахъ чрезвычайное изумленіе.

Далѣе. Бѣсоодержимость ставятъ въ связь съ суевѣріями. Говорятъ [2]), тамъ, гдѣ больше всего суевѣрій, тамъ больше всего и бѣсноватыхъ. Значитъ, демономанія имѣетъ несомнѣнно субъективный источникъ, ибо ей подвергаются только тѣ, кто вѣруетъ въ злыхъ духовъ и въ ихъ воздѣйствіе на людей.

Другими словами, къ демономаніи болѣе склонны простые, необразованные, некультурные люди. Что же касается интеллигентныхъ лицъ, то такъ какъ они не вѣрятъ въ бѣсовъ, то посему никогда и не бываютъ одержимы ими.

Посмотримъ, насколько удовлетворительно приведенное соображеніе.

Говорятъ, гдѣ больше всего суевѣрій,—тамъ больше всего бѣсноватыхъ. Но вотъ маленькая историческая справка. Спрашивается, какой вѣкъ болѣе темный, некультурный—11-й или же 16-й? Когда было больше суевѣрій — въ первомъ случаѣ или во второмъ? Конечно въ первомъ. Это всякій скажетъ, и этого никто не станетъ отрицать. Хорошо. А когда было больше бѣсноватыхъ? По теоріи нашихъ религіозныхъ противниковъ выходитъ, что одиннадцатый вѣкъ долженъ былъ изобиловать этого рода больными, потому что въ немъ было больше суевѣрій, чѣмъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Между тѣмъ, на повѣрку выходитъ совсѣмъ обратное. Именно, бѣсноватыхъ было больше не въ одиннадцатомъ вѣкѣ, а въ шестнадцатомъ. „Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, пишетъ въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи" Лахтинъ, бѣсоодержимость представляла собою явленіе рѣдкое, если не прямо исключительное" [3]). „На Стоглавомъ же соборѣ 1551 года бѣснованіе обсуждалось, какъ явленіе широко распространенное и общеизвѣстное" [4]). Такимъ образомъ, ставить бѣснованіе въ непо-

---

[1]) Марк. 9 гл. 25 ст.

[2]) Calmet, Dictionnaize historique, criticue etc. de la Bible, t. IV, art. possession.

[3]) 1910 г. кн. II. Мартъ—Апрѣль, стр. 145. „Бѣсоодержимость въ современной деревнѣ".

[4]) „Стоглавъ" Изд. Кожанчикова. Спб. 1863 г., стр. 138.

средственную связь съ суевѣріями невозможно. Такая попытка не можетъ быть оправдана фактическими данными.

Кромѣ всего этого, должно сказать еще вотъ что.

Описаніе болѣзни бѣсноватыхъ, сдѣланное евангелистами и многими опытными психіатрами, не позволяетъ намъ считать эту болѣзнь обыкновенной истеріей.

1) Прежде всего, слѣдуетъ обратить вниманіе на величайшую ненависть бѣсноватыхъ къ святынѣ. Мы уже изъ евангелія знаемъ, что какъ только бѣсноватые встрѣчались съ Іисусомъ Христомъ, какъ съ ними начинались жестокіе припадки. „Какъ скоро бѣсноватый, повѣствуетъ ев. Маркъ [1]), увидѣлъ Христа, духъ сотрясъ его; онъ упалъ на землю и валялся, испуская пѣну".

Мы сами наблюдали, какъ бѣсноватые ведутъ себя неспокойно вблизи какой-нибудь святыни. Такъ, во время открытія мощей св. Ѳеодосія Углицкаго, въ г. Черниговъ привезли великое множество больныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько и бѣсноватыхъ. Они лежали на полу, вблизи раки со святыми мощами, и находились все время подъ присмотромъ четырехъ довольно сильныхъ и крѣпкихъ человѣкъ, которые держали ихъ за обѣ руки и ноги. Лежали они большею частью тихо, спокойно, какъ бы во снѣ. Но какъ только ихъ захотятъ приложить ко святымъ мощамъ, они начинаютъ биться, кричать, хулить св. угодника, упираться и т. д. Но, замѣчательно, послѣ того, какъ бѣсноватыхъ, вопреки ихъ волѣ и желанію, приложатъ къ святителю Ѳеодосію, они сразу приходятъ въ себя и припадокъ прекращается. Затѣмъ, когда по окончаніи церковной службы ихъ выносили изъ храма, они не оказывали никакого сопротивленія и противодѣйствія. Фактъ весьма замѣчательный. Съ точки зрѣнія точной науки онъ совершенно необъяснимъ. Для насъ же, вѣрующихъ христіанъ, онъ вполнѣ понятенъ и возможенъ.

Особенное безпокойство испытываютъ бѣсноватые во время литургіи вѣрныхъ, когда совершается евхаристія.

М. Лахтинъ, производившій наблюденія надъ интересующими насъ больными, такъ описываетъ поведеніе бѣсноватыхъ въ великіе моменты св. литургіи.

---

[1]) Марк. гл. 9, ст. 20.

„Яковъ велѣлъ ей чаще причащаться и она (больная) это исполняла. Но всякій разъ ее при этомъ „ломаетъ". Во время „Иже херувимы" ей корчитъ руки, она вся синѣетъ—„людямъ видно". За выносомъ ее трясетъ; потомъ, когда дѣти причащаются, она терпитъ, а какъ сама станетъ подходить къ чашѣ, такъ ударяетъ ей въ голову—отъ лба къ затылку—что она начинаетъ плакать, рыдать, и, наконецъ, „ничего не помнитъ". Ее къ чашѣ подводятъ насильно" [1]).

Даже въ самыхъ незначительныхъ случаяхъ, и то даетъ о себѣ знать болѣзнь. Напримѣръ, объ этой же самой больной Лахтинъ разсказываетъ, что „какъ только въ монастырѣ начинаютъ звонить, то у нея отнимается нога"... [2]).

Больше же всего бѣсноватые боятся имени Христа Спасителя. Были многочисленные случаи, когда однимъ этимъ именемъ изгоняли бѣсовъ изъ тѣхъ или иныхъ больныхъ людей. Св. Іустинъ Философъ пишетъ, напримѣръ, по данному вопросу вотъ что:

„Вы можете убѣдиться въ этомъ (т. е. въ томъ, что Сынъ Божій сдѣлался человѣкомъ для уничтоженія демоновъ), наблюдая за тѣмъ, что происходитъ на вашихъ глазахъ; потому что многіе изъ христіанъ исцѣлили большое число одержимыхъ во всемъ мірѣ и въ вашемъ городѣ (Римѣ) чрезъ заклятіе именемъ Іисуса Христа, тогда какъ ихъ не могли исцѣлить всѣ другіе заклинатели, чародѣи и враги. Они продолжаютъ исцѣлять ихъ и теперь, уничтожая и изгоняя демоновъ изъ одержимыхъ ими людей" [3]). Въ діалогѣ съ іудеемъ Трифономъ тотъ-же св. Іустинъ сообщаетъ: „всякій демонъ, заклинаемый именемъ Сына Божія, родившагося отъ Дѣвы, ставшаго человѣкомъ, и распятаго вашимъ народомъ при Понтіи Пилатѣ, и умершаго, и возставшаго изъ мертвыхъ, и восшедшаго на небеса, этимъ именемъ всякій демонъ побѣждается и преодолѣвается. Если вы сдѣлаете заклинаніе всѣми царями, праведными, пророками и патріархами, какіе были у васъ, то и тогда демонъ не подчинится вамъ" [4]).

---

[1]) Вопросы Философіи и Психологіи... 1910 г. кн. II стр. 164.
[2]) Тамъ-же, стр. 164.
[3]) Апологія II, 6 ст.
[4]) Гл. 68.

То же самое пишетъ и Тертулліанъ. Вотъ его слова: „Такъ какъ они боятся Христа въ Богѣ, и Бога въ Христѣ, то подчиняются служителямъ Бога и Христа“ [1]).

Оригенъ утверждаетъ, что только имя Іисуса Христа и свидѣтельство Его исторіи имѣетъ силу отогнать демоновъ, и настолько могущественную, что она дѣйствуетъ даже въ томъ случаѣ, если это имя произносятъ безнравственные люди“ [2]). И въ другомъ мѣстѣ: „сила экзорцизма заключается въ произносимомъ имени Іисуса Христа съ возвѣщеніемъ исторіи о Немъ“ [3]).

Подводя итогъ всему вышесказанному по этому отдѣльному вопросу, мы должны замѣтить, что если бы бѣсованіе было простою нервною болѣзнью, истеріей, то больные никогда бы не боялись ни имени Христа, ни св. чудотворныхъ иконъ и мощей, ни Пречистыхъ Таинъ, ничего другого священнаго, христіанскаго. Между тѣмъ мы видимъ, что такъ называемые бѣсноватые ничѣмъ другимъ не смущаются, а вотъ христіанской-то святыни они боятся, какъ говорится, „пуще дурного глаза“. Чѣмъ это объяснить? Конечно, ничѣмъ другимъ, какъ страхомъ злыхъ духовъ предъ Спасителемъ міра.

2) Достойно замѣчанія еще то обстоятельство, что бѣсноватые отличаются поразительною чуткостью ко всему священному, божественному.

Вотъ примѣры.

„Мужъ, пишетъ А. Лахтинъ, послалъ Клавдіи изъ Москвы отъ брата Якова образъ Ѳеодоровской Божіей Матери. Но она (бѣсноватая) „зачуяла“ еще, когда образъ былъ въ дорогѣ, начала кричать, что не хочетъ его, и стала страшно богохульствовать. „Что Тебѣ надо“, кричала она, пересыпая рѣчь ругательствами, „каку таку еще безпаспортную везутъ. Не хочу я Тебя. Сюда по машинѣ пріѣдешь, а отсюда назадъ по шпаламъ пойдешь“, и т. д. [4]).

Другой примѣръ. „Стоило только старухѣ взять масло

---

[1]) Апологетикъ, 22, 23.
[2]) Противъ Цельса, 1, 6,
[3]) Противъ Цельса, 1, 6.
[4]) Вопросы Философіи и Психологіи 1910 г. кн. II, стр. 164.

рядомъ въ комнатѣ, которое она привезла отъ Серафима Саровскаго, какъ больная начинала кричать“ [1]).

Да зачѣмъ такъ далеко ходить за примѣрами, когда въ Евангеліи данъ замѣчательный примѣръ того, что мы собственно доказываемъ. Именно, бѣсноватые раньше всѣхъ исповѣдали Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ. Еще апостолы ничего не знали о Божествѣ своего учителя; еще тайные и явные ученики Его были въ невѣдѣніи о всемъ случившемся, а бѣсноватые уже чувствовали въ Христѣ Божественную силу, боялись, страшились Его и исповѣдывали Его, не обинуясь, „Сыномъ Божіимъ“. Фактъ весьма замѣчательный.

Кромѣ того, бѣсноватые обнаруживаютъ удивительную прозорливость и ясновидѣніе. Отъ нихъ ничего нельзя скрыть. Они все знаютъ, все видятъ.

Мы были свидѣтелемъ такого примѣра. Въ Елецкомъ монастырѣ, Черниговской губерніи, въ которомъ находится чудотворная икона Божіей Матери, однажды лежало четыре бѣсноватыхъ женщины. Около нихъ суетились монахи, держали ихъ за руки и за ноги, служили молебны, пѣли „Да воскреснетъ Богъ“. Одна изъ больныхъ женщинъ, которая вела себя безпокойнѣе другихъ, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ разсказывала жизнь окружавшихъ ее монаховъ. Говорила объ ихъ тайныхъ помыслахъ и желаніяхъ, открывала ихъ проступки, ихъ грѣхи, ихъ беззаконія. Словомъ, вскрывала ихъ жизнь до подробностей. И монахи, столпившись около колонны, поражались такимъ обстоятельнымъ знаніемъ ихъ закулисной жизни. Когда же она пришла въ себя, когда окончился ея припадокъ, она все мгновенно забыла, и ни одного слова не могла повторить изъ сказаннаго ранѣе.

А вотъ наблюденія А. Лахтина.

Больная все „узнавала“. Въ деревнѣ, когда кто придетъ, она прямо кричала: „зачѣмъ укралъ“? Вслѣдствіе чего выходили большія непріятности. Она „знала“, кто укралъ, и гдѣ. Украдутъ за 10 верстъ, а она и знаетъ. Къ ней по этому поводу обращались за разспросами и совѣтами. Знала она въ особенности, гдѣ бывала „церковная служба“. „Батюшка идетъ

---

[1]) Тамъ же стр. 158.

за 10 верстъ, а ужъ она знаетъ. Народъ и въ этомъ случаѣ обращался къ ней за совѣтами“ [1]).

Затѣмъ, бѣсноватые весьма часто понимаютъ бесѣду, ведущуюся вблизи ихъ на иностранномъ, имъ непонятномъ языкѣ. Простые, необразованные русскіе крестьяне понимаютъ то, что говорится около нихъ на французскомъ, англійскомъ или же нѣмецкомъ языкѣ.

Далѣе, говорятъ о предметахъ, которыми они никогда не занимались, и которые превышаютъ ихъ умъ [2]).

И такъ далѣе.

Конечно, все это можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено путемъ аналогіи съ такими патологическими состояніями, какъ лунатизмъ, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ и пр. Но вотъ что совершенно необъяснимо въ бѣсноватыхъ—ненависть къ истинному Богу, ко всему святому „христіанскому“.

Пусть бѣсноватые — нервно больные люди. Но, спрашивается, зачѣмъ имъ ненавидѣть Бога? Зачѣмъ бояться религіознаго дѣйствія?

Съ точки зрѣнія науки—это непостижимо, необъяснимо. Для насъ же—это вполнѣ понятно, объяснимо.

Справедливо, что многое въ бѣснованіи близко къ симптомамъ нѣкоторыхъ нервныхъ заболѣваній.

Что же изъ этого?

Возможно и то, что на больной почвѣ легче прививается вліяніе злого духа. Возможно и обратное: что къ подчиненію злой волѣ духа ведутъ и естественныя, физіологически-психическія разстройства.

„Развѣ нельзя допустить, пишетъ Целлеръ, что нѣкоторыя болѣзни, именно душевныя, при которыхъ, повидимому, проникаетъ въ самое существо больного нѣчто ему чуждое, дѣйствующее въ немъ съ неодолимою силою, стоятъ въ связи съ царствомъ тьмы, царствомъ демоновъ? Такія болѣзни, съ одной стороны разсматриваемыя, естественны и подлежатъ въ своемъ развитіи и существованіи извѣстнымъ законамъ природы; но при этомъ остается нѣкоторый темный осадокъ, который нельзя мыслить иначе, какъ дѣйствіе вѣчно враждебной

---

[1]) Вопросы Философіи и Психологіи 1910 г. кн. II, стр. 158.

[2]) Свѣтловъ: „Христіанское вѣроученіе“, 3-е изд. стр. 477.

человѣку злобной діавольской силы. Ежечасно и ежедневно дѣйствуетъ на наше тѣло и на нашу душу безчисленное множество силъ, и при всемъ томъ мы не замѣчаемъ ихъ дѣйствія, и самаго существованія силъ не подозрѣваемъ; развѣ нельзя допустить, что въ числѣ ихъ дѣйствуютъ на насъ, въ разныхъ формахъ и степеняхъ, силы изъ мрачнаго демонскаго царства“ [1]).

Подводя итогъ всему вышесказанному въ пятой главѣ, мы должны сказать, что естественными средствами науки не могутъ быть объяснимы всѣ феномены демономаніи. А если такъ, то значитъ, демономанія остается пока загадкою для науки. Въ такомъ случаѣ для науки не будетъ противорѣчіемъ допускать въ бѣсноватыхъ наряду съ естественнымъ элементомъ демономаніи, т. е. разнаго рода психическими и тѣлесными разстройствами въ организмѣ, и элементъ или вліянія сверхъестественныя (одержимость).

VI.

Въ предшествующей главѣ мы говорили о несостоятельности тѣхъ возраженій, какія дѣлаютъ противники христіанской вѣры всѣмъ вообще мыслящимъ и разсуждающимъ по Закону Божію.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ соображеніяхъ, какія побуждаютъ насъ признать основательность и справедливость христіанскаго ученія по затронутому нами вопросу.

Отчасти мы уже касались этихъ соображеній, когда разбирали раціоналистическія воззрѣнія. Теперь-же нѣсколько дополнимъ ихъ.

Что такое гипнотизмъ, это, я думаю, въ достаточной степени извѣстно каждому, и потому нѣтъ нужды входить здѣсь въ подробныя объясненія этого психологическаго явленія. Скажемъ только, что суть его заключается въ томъ, что гипнотизеръ можетъ подчинить себѣ чужую душу, совсѣмъ подавить ее, замѣняя ея мысли своими, ея чувства своими, ея хотѣнія своими. Если такого рода явленія могутъ быть про-

---

[1]) Zeller. Biblisches Wörterbuch für das christliche Volk. Gotha 1866 г. Нр. 2. Artcl. Besessene. См. Свѣтлова: „Христіанское вѣроученіе“, стр. 480.

дѣланы человѣкомъ, то не тѣмъ ли болѣе возможно это вытѣсненіе души для существа болѣе сильнаго, болѣе могучаго, чѣмъ гипнотизеръ, какимъ, безъ всякаго сомнѣнія, является врагъ человѣческаго рода—діаволъ и его вѣчные спутники—злые духи, т. е. бѣсы?

Это не только возможно, но даже необходимо признать. А если такъ, то, значитъ, и въ бѣснованіи нѣтъ ничего невозможнаго и противоестественнаго. Вѣдь бѣснованіе есть не что иное, какъ подчиненіе человѣческой души злому духу,—до потери воли и до порабощенія души. Душою владѣетъ злой духъ, какъ хозяинъ.

Но вотъ вопросъ—бываютъ ли такія состоянія души у кого-нибудь другого, разумѣется, помимо бѣсноватыхъ?

Конечно бываютъ. Довольно часто. У многихъ лицъ. Что какъ нельзя лучше говоритъ о возможности вообще бѣснованія.

Мы приведемъ нѣсколько такихъ иллюстрацій, чтобы прочнѣе установить и яснѣе формулировать нашу мысль.

Наблюденія врачей—психіатровъ говорятъ намъ о томъ, что нѣкоторые преступники руководились въ своихъ дѣйствіяхъ явно чужой волей. Ихъ воля была вытѣснена иной. Они пробовали сопротивляться, но ничего изъ этого не выходило. Были случаи, когда преступникъ напередъ заявлялъ о томъ, что его тянетъ къ преступленію, что онъ не можетъ совладать съ собою и потому просилъ спасти его.

Профессоръ психіатріи Корсаковъ въ курсѣ своей науки приводитъ слѣдующій случай такого непреодолимаго влеченія къ совершенію убійства:

„Еще въ февралѣ (говоритъ больной) у меня явилась мысль убить дѣтей. Мѣсяцевъ пять преслѣдовала она меня; меня что-то толкало; я не могъ отъ нея отдѣлаться ни днемъ, ни ночью, ни за работой. Въ теченіе трехъ ночей я вставалъ съ постели, чтобы убить дѣтей: Въ первую ночь я выбѣжалъ на дворъ, чтобы выгнать эту мысль: черезъ полчаса я успокоился и легъ спать. На другую ночь я также вышелъ и, вернувшись, зажегъ свѣчу, взялъ бритву и, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, съ кровожадностью смотрѣлъ на дѣтей; наконецъ, я положилъ бритву на мѣсто и пошелъ на скотный дворъ... На третью ночь я нѣсколько разъ входилъ и снова выходилъ, чтобы покончить: я былъ совсѣмъ готовъ... я вошелъ

въ комнату дѣтей, держа въ одной рукѣ свѣчу, а въ другой заступъ... Я посмотрѣлъ, въ кровати ли сынъ; его не было. Занавѣски кроватей моихъ дочерей были откинуты, и я видѣлъ, что онѣ въ постели. Я подошелъ, поставилъ лѣвую ногу на стулъ, чтобы имѣть опору, и началъ наносить одинъ ударъ за другимъ по ихъ головамъ... Онѣ спали, не сдѣлали ни одного движенія... Я не знаю, сколько ударовъ я нанесъ... Передъ убійствомъ я ни о чемъ не думалъ, какъ только о томъ, чтобы убить и убѣжать; послѣ я не посмотрѣлъ даже на трупы, но почувствовалъ очень большое облегченіе, которое продолжалось до тѣхъ поръ, пока я не пришелъ въ лѣсъ. Тогда я почувствовалъ упадокъ силъ и закричалъ: „я погибшій человѣкъ“... Позднѣе больной говорилъ: „это должно было случиться; я не могъ помѣшать себѣ сдѣлать это дѣло, убійство“ [1]).

Называя такія влеченія насильственными или навязчивыми, профессоръ Корсаковъ говоритъ:

„Больной сознаетъ, что его влеченіе совершенно безумно, но не можетъ съ нимъ бороться. Онъ предвидитъ всѣ его послѣдствія, но не можетъ преодолѣть того мученія, которое испытываетъ до удовлетворенія своего безразсуднаго, вреднаго для него самого и для окружающихъ влеченія“ [2]).

Спрашивается, чья же воля управляетъ здѣсь убійцей? Въ сущности, если признано существованіе злого духа, то признать бѣснованіе даже необходимо.

Другой примѣръ.

Одна больная Paul Garnier'a, дававшая на судѣ ложныя показанія, впослѣдствіи говорила ему: „погружаясь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе въ свое страшное дѣло лжи, я испытывала чувство, какъ будто кто-то другой дѣйствуетъ во мнѣ, а не я сама“ [3]).

Одинъ мой прихожанинъ въ минуты полной отровенности высказывалъ такія мысли. Онъ говорилъ:

---

[1]) Проф. Корсаковъ: „Курсъ психіатріи“, стр. 253.

[2]) Тамъ-же, стр. 251.

[3]) Вопросы Философіи и Психологіи, 1910 г., стр. 177, ст. Лахтина: Бѣсоодержимость въ современной деревнѣ.

„Батюшка, кажись бѣсъ во мнѣ сидитъ. Не иначе. Потому чувствую, что-то тянетъ меня кого-нибудь убить. Кого—не знаю. Для меня безразлично. Кажись, если-бы вышелъ вотъ съ этимъ ножемъ, то такъ перваго, попавшаго мнѣ навстрѣчу, и закололъ бы. Раньше сего не было. А вотъ, какъ померла жена, да загрустилъ, да пересталъ молиться Богу и въ церковь ходить, такъ и начало меня подмывать. Что будетъ—не знаю, только сохрани меня Богъ отъ сего грѣха".

Эти случаи какъ нельзя лучше говорятъ намъ о томъ, что есть какая-то злая, разумная сила, которая по временамъ оказываетъ на насъ такое сильное, неотразимое вліяніе, что мы совершенно не можемъ съ нимъ совладать. И потому нерѣдко дѣйствуемъ подъ его властью вопреки всякимъ законамъ правды, совѣсти и добра.

Если есть такое постороннее, злое вліяніе, то откуда оно можетъ быть, какъ не отъ діавола? Какъ не отъ того, кто „ложь есть и отецъ лжи", кто „ищетъ кого-нибудь поглотити"?

Признавъ-же его вліяніе на человѣка, мы тѣмъ самымъ вынуждаемся признать и существованіе бѣсноватыхъ, потому что бѣснованіе, въ сущности, есть не что иное, какъ воздѣйствіе злого духа на человѣка.

P. S. Отъ бѣсноватыхъ нужно отличать такъ называемыхъ кликушъ, т. е. такихъ нервныхъ и впечатлительныхъ женщинъ, которыя, подъ вліяніемъ обострившагося сознанія своей грѣховности, начинаютъ выть, кричать и издавать членораздѣльные звуки въ самые торжественныя минуты христіанскаго богослуженія, какъ-то: во время чтенія евангелій, во время великаго входа, въ моментъ пресуществленія св. Даровъ и т. д.

Эти кликуши ничего общаго съ бѣсноватыми не имѣютъ, и потому не объ нихъ шла здѣсь рѣчь.

Погребеніе или сожженіе?

Вопросъ о трупосожженіи начинаетъ мало-по-малу завоевывать общественное вниманіе и общественную симпатію. Въ послѣднее время все чаще и чаще, все громче и настойчивѣе раздаются голоса, что не надо хоронить трупы, не слѣдуетъ предавать ихъ тлѣнію, лучше жечь ихъ, такъ какъ это и гигіеничнѣе, и практичнѣе, и вдобавокъ къ тому согласуется съ многочисленными древне-историческими и даже библейскими данными. Голоса эти раздаются и въ обществѣ, и въ печати и въ обширныхъ столичныхъ аудиторіяхъ, и въ уютныхъ провинціальныхъ залахъ, въ ученой средѣ и въ простой, обыкновенной массѣ. Теперь, нужно сказать, вездѣ интересуются новымъ способомъ погребенія. Вездѣ по данному вопросу читаются лекціи, издаются книги, печатаются брошюры, распространяются листки. Интересъ къ нему все увеличивается и увеличивается. Литература все разрастается и разрастается. И мы думаемъ, что уже близко то время, когда ребромъ поставятъ этотъ вопросъ у насъ на Руси и придется дать на него тотъ или иной, положительный или отрицательный отвѣтъ [1]).

Въ виду такого положенія затронутаго нами вопроса, въ виду нескрываемой симпатіи къ новому способу погребенія, не мѣшало бы намъ заблаговременно привести себя въ боевую готовность, чтобы во-время выступить съ убѣжденнымъ, научно-богословскимъ словомъ въ защиту древне-христіанскаго обычая погребенія мертвыхъ, дать дружный, рѣшительный отпоръ многочисленнымъ „совопросникамъ вѣка сего“ и дать

---

[1]) По крайней мѣрѣ, въ 1-й Государственной Думѣ уже подымался этотъ вопросъ, но ему не дали хода. И въ 3-й Думѣ, по сообщенію газеты „Колоколъ“ отъ 19-го августа 1908 года, одинъ изъ депутатовъ, нѣкто Оппенгеймъ, тоже намѣревался внести на обсужденіе Думы вопросъ „объ устройствѣ крематоріума“ хотя-бы въ С.-Петербургѣ, но его намѣреніе, къ счастью для насъ, не перешло въ рѣшимость.

здравый руководящій отвѣтъ всѣмъ „требующимъ у насъ отчета въ нашемъ упованіи“ (1 Петр. 3 гл. 15 ст.) [1]).

* * *

Вопросъ о сожженіи труповъ впервые поднятъ былъ на Западѣ въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ. Подъ вліяніемъ древне-классическихъ идей, гуманисты пожелали, между прочимъ, возстановить и тотъ способъ погребенія, который нерѣдко практиковался какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ. За осуществленіе ихъ идеи, ихъ желанія, особенно сильно ратовали реформаторы, но, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ ихъ усилія, труды и заботы не привели къ желаннымъ результатамъ, въ виду энергичнаго протеста огромнаго большинства по мотивамъ нравственнымъ, религіознымъ, эстетическимъ и экономическимъ. Послѣ этой неудачи, данный вопросъ надолго затихаетъ и всплываетъ на поверхность времени только въ періодъ великой Французской революціи 1789 года, да и то не надолго. Это потому, что новый способъ погребенія все еще былъ въ высшей степени обременительнымъ для народа и сверхъ того оскорблялъ эстетическое и религіозное чувство многихъ приверженцевъ старины. Вслѣдствіе всего этого, идея сожженія труповъ была снова позабыта и теперь до тѣхъ поръ, пока сожженіе въ 1821 г. на кострѣ по „римскому способу“ трупа англійскаго поэта Шелли, не обратило на себя всеобщаго вниманія. Но на этотъ разъ вниманіе къ разбираемому

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка у насъ, подъ руками, была слѣдующая литература:

1) „Наука и жизнь“, 1891 г. №№ 24—26; 1892 г. № 7.

2) Проф. Моск. Унив. В. Богословскаго: „О кремаціи, какъ раціональномъ способѣ борьбы съ эпидеміями“. Москва, 1897 г.

3) Его-же: „Погребеніе или сожиганіе?“. Москва, 1898 г.

4) Баженова: „Жечься или въ землѣ тлѣть?“. Кострома, 1909 г.

5) Смирнова: „Новый способъ погребенія умершихъ на Западѣ“, см. въ журн. „Радость Христіанина“ іюль—августъ 1898 г.

6) М. Блауберга: „Сожиганіе труповъ“. Энцикл. сл. Брокгауза и Ефрона 60 т. 1909 г.

7) Газеты: „Биржевыя Вѣдомости“ 2 сент. 1908 г. „Не пора ли сожигать мертвецовъ?“. „Новое время“: „Варварскій и отвратительный обычай“ № 5273, 1890 г., „Церковный Вѣстникъ“ 1906 г. № 20. „Русскія Вѣдомости“ 1897 г. № 97: „Церковная Правда“ №№ 8—9 за 1913 г.

нами вопросу не было такимъ глубокимъ и оживленнымъ, какъ раньше. Объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что сообщеніе, сдѣланное въ Берлинской академіи наукъ проф. Я. Гриммомъ въ 1849 году, о преимуществахъ сожженія труповъ предъ зарываніемъ таковыхъ въ землю, прошло совершенно безслѣдно, равнымъ образомъ, безуспѣшны были и указанія прусскаго врача Трузена на санитарныя неудобства кладбищъ и на преимущества въ данномъ отношеніи трупосожженія.

Только въ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка идея сожиганія труповъ получила нѣкоторую устойчивость. И это произошло потому, что была достаточно приготовлена почва для введенія крематоріевъ (отъ лат. cremo, сожигать), и потому, что, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, удалось замѣнить костеръ печами; наконецъ, потому, что была выяснена роль, какую играютъ микробы въ этіологіи и распространеніи заразительныхъ болѣзней, и стало извѣстнымъ, что при высокой температурѣ всякаго рода бактеріи, бациллы окончательно погибаютъ.

Первый крематорій, или трупосожигательная печь, былъ устроенъ 22 января 1876 года въ городѣ Миланѣ. За Миланомъ въ 1878 году послѣдовала Гота, крематорій которой долгое время былъ единственнымъ во всей Германіи. Въ 1892 году возникли крематоріи въ Гейдельбергѣ и Гамбургѣ, затѣмъ въ Іенѣ, Оффенбахѣ, въ Мангеймѣ, Эйзенахѣ и Апольдѣ. Наиболѣе широкое распространеніе сожиганіе труповъ получило въ Италіи, гдѣ въ настоящее время существуетъ болѣе двадцати крематоріевъ. За Италіей слѣдуетъ Швейцарія, затѣмъ Франція, Англія, Швеція и Норвегія, Данія и, наконецъ, Соединенные Штаты. У насъ, въ Россіи, сжиганіе труповъ, нужно замѣтить къ отрадѣ христіанскаго чувства, совершенно неизвѣстно и нигдѣ не практикуется.

Съ появленіемъ въ западно-европейскихъ городахъ крематоріевъ, началась усиленная, нескончаемая и повсемѣстная пропаганда новаго способа погребенія. Пропагандируютъ доктора, пропагандируютъ ученые, пропагандируютъ медицинскіе конгрессы [1]), пропагандируютъ всѣ „мнящіе службу приносити

[1]) Напр. въ Будапештѣ (1894 г.), въ Лондонѣ (1891 г.) и др.

Богу своему". Появились даже спеціальныя общества для распространенія указанной нами идеи, напр., въ Лондонѣ, въ Парижѣ, Дрезденѣ, Цюрихѣ, Готѣ и др. Насколько продуктивна дѣятельность указанныхъ обществъ, и какъ сильна и могуча существующая тамъ пропаганда, видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: во Франціи до конца 1888 года сожжено было всего только 7 труповъ; въ 1889 г.—735; до средины 1890 г.—2057. Со времени устройства тамъ второго крематорія, сжигается до 4000 труповъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ теченіе 1881—1884 г.г., было сожжено только 40 труповъ, а за одинъ 1892 г.—513. Въ Готѣ до конца 1888 года было всего 554 трупосожиганія, въ Италіи 998, въ Америкѣ 287, въ Швеціи 39, въ Англіи 16, а теперь эти цифры возросли до грандіозныхъ размѣровъ. Ранѣе кремаціонныхъ печей въ каждомъ государствѣ было по одной,—теперь же: въ Италіи — 27, въ Соединенныхъ Штатахъ 20, въ Германіи 6, во Франціи 3 и т. д., и т. д.

Прогрессъ замѣчается не только въ цифрахъ сожженныхъ труповъ, но и въ самомъ способѣ сожженія.

Прежде трупы сожигали на кострахъ, по древне-римскому способу, въ настоящее же время костры замѣнены прекрасно оборудованными во всѣхъ отношеніяхъ печами. Процессъ испепеленія человѣческихъ труповъ происходитъ въ нихъ слѣдующимъ образомъ: нагрѣвается печь, огнеупорныя стѣнки которой накаливаются до бѣла. Послѣ этого, посредствомъ особыхъ клапановъ, прекращается доступъ горячихъ газовъ и пламени во внутреннюю часть печи, куда теперь поступаетъ только атмосферный воздухъ, настолько нагрѣвающійся при прохожденіи черезъ раскаленныя стѣнки, что, попадая въ камеру, гдѣ совершается самое сожиганіе, имѣетъ температуру свыше 1000° по Цельсію. Въ эту камеру, по окончаніи церковнаго церемоніала, съ помощью механическихъ приспособленій, опускается гробъ съ трупомъ. Превращеніе его въ пепелъ совершается исключительно благодаря постоянному притоку сильно нагрѣтаго воздуха. При господствующей въ камерѣ температурѣ, деревянный гробъ исчезаетъ моментально, цинковый—черезъ нѣсколько минутъ, потому что цинкъ плавится уже при 200—300°. Послѣ этого трупъ падаетъ на дно камеры на прутья изъ огнеупорной глины, и, окруженный со

всѣхъ сторонъ сильно нагрѣтымъ воздухомъ, быстро превращается въ пепелъ, который въ силу своей тяжести, черезъ узкіе промежутки между вышеупомянутыми прутьями, попадаетъ въ зольникъ, а легкая зола гроба, цвѣтовъ, одежды, вѣнковъ и т. д. разсыпается и улетучивается вслѣдствіе существующей въ печи сильной тяги. Попавшій въ зольникъ пепелъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ фосфорно-кислаго кальція и вѣсящій въ среднемъ отъ $3^1/_2$—5 фунт., помощью особыхъ приспособленій, безъ прикосновенія руками, собирается въ металлическую урну, которая моментально запаивается. Весь процессъ сожиганія трупа продолжается, разумѣется въ печи съ отличной конструкціей, 45 минутъ, много—$1^1/_2$ часа. Лучшими изъ существующихъ печей считаются печи Сименса, Туазуля и Фраде, Клингенстьерна и др.

При чтеніи этихъ цифръ, при обзорѣ кремаціонной пропаганды, при учетѣ ея результатовъ, невольно возникаетъ въ нашемъ умѣ вопросъ: что же собственно, какія причины и соображенія, какія условія и обстоятельства, какія историческія и современныя данныя побуждаютъ нашихъ новаторовъ къ переходу отъ погребенія къ сожженію?

Защитники идеи трупосожженія ссылаются обыкновенно на данныя древней исторіи, гигіены, экономики, даже Библіи.

Хорошо, разсмотримъ данный вопросъ по возможности со всѣхъ точекъ зрѣнія: и съ древне-исторической, и съ современно-гигіенической, и съ общественно-экономической, съ нравственной точки зрѣнія и съ православно-богословской. И посмотримъ затѣмъ, насколько убѣдительны и основательны аргументы, приводимые сторонниками трупосожженія въ доказательство своей мысли.

Начнемъ съ разбора самаго главнаго и самаго серьезнаго возраженія противъ погребенія труповъ.

Сторонники сожиганія труповъ говорятъ сынамъ христіанской вѣры:

Погребеніе въ высшей степени не гигіенично, вредно и даже опасно. Разлагающіеся трупы заражаютъ прежде всего окружающую атмосферу и потому служатъ причиной разнообразныхъ эпидемическихъ заболѣваній. Затѣмъ, газообразными жидкими и плотными продуктами трупнаго разложенія заражается почва и почвенная вода, что вреднымъ образомъ отра-

жается на здоровьѣ человѣка. Наконецъ, при помощи заразительныхъ микробовъ, попавшихъ въ почву вмѣстѣ съ покойниками, умершими отъ той или иной заразной болѣзни, ускоряется возможность быстраго распространенія инфекціонныхъ болѣзней среди окружающаго населенія.

Небезызвѣстный проф. Вернеръ такимъ образомъ аргументируетъ свою мысль о вредѣ погребенія труповъ:

„Черезъ гніеніе труповъ въ почвѣ отравляется грунтовая вода, а съ ней и вода въ колодцахъ населенныхъ мѣстъ, и воздухъ надъ гробами. Отъ этого отравленія происходятъ всевозможныя эпидемическія болѣзни, особенно тифъ, дизентерія, холера, и распространяются другія болѣзни, заразныя начала которыхъ могли вмѣстѣ съ трупомъ проникнуть въ почву. Это основаніе главнымъ образомъ должно располагать большую часть публики, интересующейся дѣломъ, въ пользу сожиганія труповъ. Можно вполнѣ разсчитывать, что если трупы, вмѣсто того, чтобы долгое время гнить въ землѣ, быстро, за одинъ пріемъ, будутъ разлагаться на свои органическія начала, то исчезнутъ и всѣ тѣ опасности, которыя вполнѣ справедливо происходятъ отъ дѣйствія гніенія на живыхъ".

Такимъ образомъ, дѣлаютъ выводъ противники погребенія, если тѣла умершихъ будутъ сожигаться, то въ гигіеническомъ отношеніи никому изъ живыхъ не будетъ принесено никакого вреда. Посему, слѣдуетъ предпочесть крематорій, тѣмъ болѣе, что для умершихъ совершенно безразлично—будутъ ли ихъ тѣла сожигаться или предаваться погребенію.

Что сказать намъ по поводу приведенныхъ аргументовъ? Неужели все это правда? Неужели основательны и правдоподобны всѣ приведенные сейчасъ доводы противъ погребенія?

Совсѣмъ нѣтъ. Повсемѣстно раздающіяся рѣчи о вредѣ въ гигіеническомъ отношеніи погребенія отличаются большою преувеличенностью, намѣренной сгущенностью красокъ, тенденціознымъ освѣщеніемъ фактовъ, искусственнымъ подборомъ матеріала. Что это такъ, что мы говоримъ правду, а не ошибаемся, видно, напримѣръ изъ того, что подобныя рѣчи встрѣчали всегда весьма сильную и энергичную оппозицію со стороны авторитетныхъ медицинскихъ свѣтилъ. Такъ, антисанитарное положеніе кладбищъ оспаривали въ Италіи такіе выдающіеся ученые, какъ Пизани, Петтенкоферъ, ученикъ Либиха,

Родольфи, Мантегацца; во Франціи: Бушарда, Лакассань, Дюбюиссонъ; въ Россіи: Клементьевъ, Колодезниковъ; въ Берлинѣ: Багинскій, горячій приверженецъ кремаціи, и мн. др.

И въ самомъ дѣлѣ, если мы глубже заглянемъ въ суть вопроса, если возьмемъ на себя трудъ провѣрить приведенныя сужденія, то увидимъ, что кладбища находятся вовсе ужъ не въ такомъ антисанитарномъ положеніи, какъ объ этомъ говорятъ и пишутъ защитники сожженія труповъ.

Указываютъ, напримѣръ, на то, что разлагающіеся человѣческіе трупы заражаютъ собою грунтовую воду, а вмѣстѣ съ нею и воду въ колодцахъ.

Между тѣмъ, химическія изслѣдованія кладбищенской воды большихъ городовъ, какъ-то: Берлина, Мюнхена, Будапешта, Дрездена и др. показываютъ совсѣмъ обратное, т.-е., что въ кладбищенскихъ колодцахъ вода менѣе вредоносна, чѣмъ въ каналахъ, цистернахъ и фонтанахъ. Въ крайнемъ случаѣ, она, кладбищенская вода, содержитъ въ себѣ азотной кислоты, амміака, азотистой кислоты, хлора и вредныхъ органическихъ веществъ не болѣе, чѣмъ колодцы большихъ городовъ, питающіеся почвенной водой.

Замѣчательно еще то, что вода на нѣкоторыхъ кладбищахъ отличается пріятнымъ вкусомъ, доброкачественностью, чего, конечно, не было, если бы кладбища находились въ антисанитарномъ видѣ. Такова, напримѣръ, вода на Ваганьковскомъ и Даниловскомъ кладбищахъ въ нашей древней столицѣ, Москвѣ. При изслѣдованіи въ данномъ мѣстѣ воды выяснилось, что въ одномъ метрѣ заключается слѣдующее количество граммовъ: хлора—0,0180, азотной кислоты 0,0476, амміака 0,0002 и органическихъ веществъ 0,0320. Напротивъ, въ одномъ метрѣ городской колодезной воды оказалось: хлора 0,304—0,372; амміака 0,015—0,030; азотной кислоты 0,001 и органическихъ веществъ 0,370.

По всему видно, что сужденіе гигіенистовъ о вредномъ вліяніи кладбищъ на грунтовую воду страдаетъ большимъ преувеличеніемъ и по временамъ является голословнымъ, идущимъ въ разрѣзъ съ фактическими, научно-провѣренными данными.

Можетъ быть зараза распространяется не черезъ воду, а черезъ воздухъ? Другими словами, можетъ быть не вода, а воздухъ заражается отъ разлагающихся труповъ?

Посмотримъ. Дѣйствительно, при разложеніи человѣческихъ труповъ образуются чрезвычайно вредные для человѣческаго организма газы, какъ-то: амміакъ, сѣроводородъ, углекислота, болотный газъ и мн. др. Но эти вредные газы не представляютъ большой опасности для общественнаго здоровья. Возьмемъ, напримѣръ, углекислоту. Этотъ газъ въ большомъ количествѣ рѣетъ надъ кладбищемъ, но въ еще большемъ количествѣ онъ распластался надъ большими городами и надъ всѣми густо населенными мѣстами. Это безспорная, всѣми признанная истина. Такъ что, если бѣжать отъ заразы, то не изъ кладбищъ въ города, а изъ городовъ на кладбища. Что же касается вредоносныхъ газовъ, образующихся отъ гніенія труповъ, напримѣръ: амміака, сѣроводорода и другихъ специфическихъ газовъ, то всѣ они отсутствуютъ въ атмосферномъ воздухѣ кладбищъ, потому что поглощаются элементами самой почвы и проникающей въ землю дождевой водой.

Словомъ, на благоустроенномъ кладбищѣ, разумѣется, при отсутствіи общихъ, братскихъ могилъ, воздухъ такой же, какой бываетъ въ городахъ, въ самыхъ лучшихъ, благоустроенныхъ паркахъ, если только не лучше. И это не только наше личное мнѣніе, но и взглядъ многихъ серьезныхъ ученыхъ людей. Напримѣръ, докторъ Колесниковъ прямо заявляетъ, что болота и пустыя окрестности Петербурга, только благодаря кладбищамъ, превратились въ великолѣпные парки съ чистымъ воздухомъ. А одинъ французскій изслѣдователь, нѣкто Микель экспериментальнымъ путемъ доказалъ, что въ воздухѣ лучшаго парижскаго парка Менсури столько носится микроорганизмовъ, сколько и въ воздухѣ парижскихъ кладбищъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ и соображеній, кладбищенскій воздухъ совсѣмъ не представляетъ опасности для общественнаго здоровья. Въ этомъ каждому изъ насъ можно убѣдиться на простомъ примѣрѣ. Возьмемъ нашихъ кладбищенскихъ сторожей. Многіе изъ нихъ такіе коренастые, крѣпкіе, здоровые, съ такимъ большимъ, во всю щеку, румянцемъ, что имъ позавидуетъ любой деревенскій житель. И живутъ они большею частью не до сорока—пятидесяти лѣтъ, а иногда до ста, до ста пяти, чего конечно, ни въ какомъ случаѣ не было, если бы кладбищенская атмосфера была вредной, нездоровой для организма.

Послѣдняя подробность разбираемаго нами возраженія. Защитники трупосожиганія ссылаются еще на одно неудобство погребенія труповъ. Они говорятъ, что тѣла умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней могутъ быть источникомъ многочисленныхъ народныхъ бѣдствій, въ виду того, что патогенные микробы, попавшіе въ землю вмѣстѣ съ покойниками, легко могутъ перейти либо въ воздухъ, либо въ грунтовую воду.

Спѣшимъ успокоить разсуждающихъ такимъ образомъ и показать, что ихъ опасенія совершенно напрасны. Дѣло въ томъ, что требуемая русскимъ закономъ глубина могилъ, въ два съ половиною аршина, исключаетъ всякую возможность перехода микроорганизмовъ изъ почвы въ воздухъ, особенно если принять во вниманіе фильтрующую способность почвы, которая защищаетъ грунтовую воду какъ отъ микробовъ, такъ и отъ могущихъ развиваться въ трупѣ ядовитыхъ веществъ, напримѣръ: токсиновъ, птомаиновъ, и т. п.

Для большей ясности и убѣдительности мы предпочитаемъ остановиться на мелочахъ, которыя раскроютъ предъ нашими глазами всю неосновательность и неправдоподобность приведеннаго нами возраженія.

Холерные и тифозные микробы, какъ показали изслѣдованія Петри, погибаютъ весьма скоро послѣ погребенія трупа, такъ что, только въ теченіе первыхъ недѣль можно доказать присутствіе ихъ либо въ трупѣ, либо въ прилегающей къ нему землѣ. Черезъ трехъ-аршинный земляной пластъ они не могутъ пройти, по причинѣ фильтрующей способности почвы.

Туберкулезныя палочки не такъ скоро погибаютъ. Онѣ годами сохраняются въ землѣ. Тѣмъ не менѣе, онѣ не причиняютъ никакого вреда и опасности для нашего здоровья, такъ какъ онѣ быстро теряютъ свою злокачественность и становятся совершенно безопасными.

Совсѣмъ другое нужно сказать о сибиреязвенныхъ бациллахъ. Онѣ замѣчательно живучи и весьма долго сохраняютъ свою злокачественность. Опасность увеличивается еще оттого, что при помощи дождевыхъ червей, указанныя бациллы выносятся на поверхность земли. Но вѣдь это не всегда бываетъ, а только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, а такіе

случаи не могутъ служить достаточнымъ поводомъ къ серьезнымъ возраженіямъ [1]).

Такимъ образомъ, разлагающіеся трупы совершенно безопасны и безвредны какъ для воды, такъ и для воздуха. Для придачи большей убѣдительности нашему выводу, мы сошлемся на слова одного довольно извѣстнаго французскаго доктора [2]): „воды, истекающія изъ земли, въ которой погребены умершіе, благодаря естественной силѣ очищенія земли, которое совершается въ теченіе ихъ фильтрацій сквозь геологическіе слои, не могутъ быть загрязняемы химическими продуктами разложенія труповъ или присутствіемъ низшихъ органическихъ существъ. Составъ атмосферы кладбищъ одинаковъ съ составомъ атмосферы городовъ, къ которымъ они имѣютъ отношеніе, и никакого зараженнаго воздуха не можетъ быть на кладбищахъ, которыми пользуются согласно принципамъ гигіены, равно и воздушный слой, обнимающій ихъ, не можетъ служить пріемникомъ патогенныхъ зародышей, болѣе ядовитыхъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ“ (Cf. Д. Maout).

Также и мюнхенскій проф. Максъ Петтенкоферъ, спеціально изслѣдовавшій данный вопросъ, на интернаціональномъ конгрессѣ въ Вѣнѣ рѣшительно заявилъ, что взгляды на вредъ и опасность отъ кладбищъ совершенно измѣнились со времени точнаго изслѣдованія кладбищенской воды, воздуха и почвы и съ введеніемъ статистики объ учащеніи болѣзней и смертности. Болѣе того, на основаніи своихъ изслѣдованій, онъ нашелъ, что вода изъ источниковъ, вырытыхъ на кладбищахъ, оказывается даже гораздо чище, чѣмъ взятая изъ источниковъ въ окрестностяхъ, населенныхъ живыми людьми; воздухъ же на кладбищахъ совершенно свободенъ отъ вредныхъ міазмовъ.

Къ такому же выводу пришелъ и другой изслѣдователь— спеціалистъ д-ръ Miquel: онъ ставилъ въ почву на различныхъ кладбищахъ Парижа особыя трубки, которыми высасывалъ могильный воздухъ, и по изслѣдованіи его нашелъ, что онъ совершенно свободенъ отъ болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ.

---

[1]) Свѣдѣнія эти почерпнуты нами изъ статьи гигіениста Эрисмана: „Кладбища“, помѣщенной въ 29 т. энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона, стр. 281.

[2]) Dictionnaire de Theologie Catolique. A. Vacant et Margenot; 1908 г. Cremation, стр. 2322.

Проф. Гофманъ и лейпцигскій медицинскій совѣтникъ, д-ръ Siegel, также тщательно изслѣдовавшіе этотъ вопросъ, заявили на собраніи Нѣмецкаго Общества Народнаго Здравія, что ни въ какомъ отношеніи нельзя указать вреда для здоровья ни на одномъ изъ обслѣдованныхъ ими саксонскихъ кладбищъ.

Этотъ вопросъ подробно и всесторонне обсуждался и на Вѣнскомъ конгрессѣ Народнаго Здравія, который вынесъ такую резолюцію: „санитарные недочеты, приписываемые положенію кладбищъ, въ превышающемъ большинствѣ случаевъ не имѣютъ основаній и не выдерживаютъ соотвѣтствующей дѣлу критики [1]).

Еще разъ повторяемъ, кладбища для окрестныхъ жителей безопасны. Разлагающіеся въ могилахъ трупы не заражаютъ ни воздуха, ни воды. Посему, погребеніе труповъ не вызываетъ никакихъ неудобствъ и опасеній въ гигіеническомъ отношеніи.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ сожженіемъ труповъ. Тутъ больше вреда, кажется намъ, и больше опасности! Недаромъ эпидеміи господствовали такъ сильно и такъ долго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ трупы предавались сожженію, а не погребенію. Да иначе и быть не можетъ. И вотъ почему. При сожиганіи труповъ производится огромное количество газовъ, которое сразу появляется въ окружающей атмосферѣ, и эти газы заражаютъ воздухъ.

Намъ могутъ возразить, что различнаго рода бациллы, бактеріи, микробы погибаютъ при высокой температурѣ. Вмѣсто отвѣта на это возраженіе мы напомнимъ опыты Даллингера, который нашелъ, что низшія существа обладаютъ поразительной и неразрушимой живучестью, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ не могли быть убиты, когда ихъ подвергали дѣйствію огня [2]).

Въ заключеніе критическаго разбора перваго возраженія противъ погребенія труповъ скажемъ еще два слова.

---

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ статьи М. Кедрова, помѣщенной въ 8—9 №№ журнала „Церковная Правда". 1913 г. Берлинъ.

[2]) Проф. Друммондъ: „Естественный законъ въ духовномъ мірѣ" 1897 года. Москва, стр. 5.

Если кладбища въ санитарномъ отношеніи не представляютъ ничего вреднаго и опаснаго для общественнаго здоровья, то откуда сыръ-боръ загорѣлся? На чемъ основаны всѣ вышеприведенныя возраженія и протесты противъ погребенія труповъ? Неужели на одномъ только недоразумѣніи?

Нѣтъ, основанія, конечно, были, и не только пустого, но даже серьезнаго характера, иначе серьезные ученые, люди большого ума и великихъ знаній, не раздѣляли бы ихъ. Эти основанія коренились, главнымъ образомъ, въ неправильномъ веденіи кладбищенскаго дѣла, въ переполненіи кладбищъ трупами, въ устройствѣ общихъ, братскихъ могилъ, куда полагались не только десятками, но даже сотнями, какъ это было въ свое время на парижскихъ кладбищахъ. При такихъ условіяхъ кладбища были несомнѣнно вредными и опасными для общественнаго здоровья. Но при правильномъ веденіи дѣла, они въ санитарномъ отношеніи не заставляютъ желать ничего лучшаго, что подтверждаетъ знаменитый гигіенистъ Ѳ. Ѳ. Эрисманъ въ своей статейкѣ „Кладбища“, помѣщенной въ 29 полутомѣ энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона.

Перейдемъ теперь къ разбору другого возраженія.

Приверженцы трупосожженія вооружаются противъ погребенія въ землѣ еще по мотивамъ общественно-экономическаго свойства. Они говорятъ: „кладбища не только вредны и опасны для общественнаго здоровья, но и для общественнаго хозяйства, для народнаго благосостоянія. Кладбища отнимаютъ всегда самые лучшіе, самые цѣнные и плодородные участки земли. Эти участки съ каждымъ годомъ все растутъ и растутъ, мертвые постепенно отвоевываютъ, да отвоевываютъ землю у живыхъ, а между тѣмъ, какое огромное количество десятинъ земли получилось бы отъ кладбищенскихъ участковъ, какъ много прокормили бы онѣ бѣдныхъ семействъ, какъ сильно увеличили бы народное благосостояніе! Возьмемъ къ примѣру только большіе города. Вотъ хотя бы одинъ Парижъ. Въ немъ ежегодно приходится хоронить 50000 человѣкъ. На каждую могилку требуется не меньше двухъ квадратныхъ метровъ поверхности по таковому расчету: 2 м. въ длину, 0,5 м. на ширину могилы, и 0,5 разстоянія отъ сосѣдней могилы. Принявъ во вниманіе, что, приблизительно для одной десятой части погребаемыхъ, родственники пріобрѣтаютъ землю „на вѣчныя

времена", мы получимъ, что въ одномъ только Парижѣ каждый годъ устраняется изъ употребленія 10000 кв. метровъ, или 2 десятины. Кромѣ того, каждые десять лѣтъ приходится бросать по 90000 кв. метровъ, или по 17 десятинъ, въ виду того, что въ одной могилѣ нельзя хоронить болѣе 2—3-хъ труповъ. И вы теперь сосчитайте, какая огромная цифра десятинъ земли, земли, нужно замѣтить, весьма плодородной и цѣнной, ушла подъ одни только кладбища во всемъ образованномъ мірѣ! Страшно подумать! Тысячи, десятки тысячъ десятинъ! А будь у насъ крематоріи, всѣ эти нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ земли ушли бы, разумѣется, на общественныя нужды, на увеличеніе достатка, на прокормленіе многихъ бѣдныхъ семей".

Такъ говорятъ сторонники трупосожиганія. Посмотримъ, насколько эти аргументы правдоподобны и основательны.

Прежде всего, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что вѣдь не каждый годъ требуется прибавка земли къ кладбищенскому участку. Существуютъ извѣстные, закономъ опредѣленные сроки, по истеченіи которыхъ роютъ могилы на старыхъ мѣстахъ и кладбища, такимъ образомъ, заполняются трупами вторично. У насъ, въ Россіи, этотъ срокъ ограниченъ 30 годами. Во Франціи 5 и т. д., смотря по тому, гдѣ какая почва и какой климатъ, гдѣ трупы скорѣе разлагаются и превращаются въ прахъ, а гдѣ медленнѣе. При такой системѣ погребенія не понадобится отводить новые участки земли подъ устройство новыхъ, и на расширеніе старыхъ кладбищъ. Такъ что опасаться того, будто мертвые все болѣе и болѣе отнимаютъ мѣста у живыхъ, совсѣмъ не приходится.

Далѣе. Устройство крематоріевъ и самое трупосожиганіе стоитъ, можно сказать, большихъ денегъ. Вотъ, напримѣръ, таблица Вейля, показывающая стоимость сожиганія труповъ въ различныхъ мѣстахъ и въ печахъ различныхъ системъ:

	Система печи	Продолжительность въ часахъ.		Стоимость	
		Предварительнаго нагрѣванія	Озоленія	Въ маркахъ	Въ рубляхъ
Миланъ [1]	Горини	—	2	4	1 р. 23 к
Парижъ	„	—	2	40	12 р. 36 к.
„	Туазуль и Фраде	—	$1^1/_4$	—	—
„	Мюллеръ и Фише	—	$^3/_4$	—	—
Гота	Сименсъ	4—5	$2^1/_2$	80	24 р. 72 к.
Цюрихъ	Бурри	9	$2^1/_2$—3	80	24 р. 72 к.
Оффенбахъ . . .	Клингенстьернъ .	4	2	—	—
Гейдельбергъ . .	„	4	2	25	7 р. 72 к.
Гамбургъ	Шнейдеръ . . .	3—4	$1^1/_2$—2	8	2 р. 47 к.
Берлинъ	„	—	—	100	30 р. 90 к.

Словомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется крематорій, похороны, считая тутъ и сожженіе трупа, обходятся не дороже 150 марокъ, т. е. 45 р. 35 копеекъ. Между тѣмъ, погребеніе на кладбищѣ стоитъ нашему крестьянину не болѣе 5 рублей. Значитъ, сожженіе трупа стоитъ въ девять разъ дороже, чѣмъ погребеніе.

Если же трупосожиганіе обходится во столько разъ дороже погребенія, то неужели можно говорить о преимуществѣ новаго способа погребенія въ экономическомъ отношеніи? Неужели можно сказать, что земля, отведенная подъ кладбища, приноситъ ущербъ городскому и сельскому самоуправленію? Что въ матеріальномъ отношеніи лучше сожиганіе труповъ, чѣмъ погребеніе?

Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ. Кладбища значительно сокращаютъ

---

[1]) Мы указываемъ цѣны и стоимость трупосожиганія безъ перевозки трупа къ крематорію. Съ перевозкой же стоимость повышается болѣе, чѣмъ втрое.

наши расходы по погребенію, посему въ экономическомъ отношеніи пальма первенства и удобства принадлежитъ имъ, а не крематоріямъ. Съ этимъ соглашаются и нѣкоторые сторонники трупосожиганія, напримѣръ, Магнусъ Блаубергъ. Зачѣмъ же послѣ этого говорить о преимуществахъ трупосожиганія въ общественно-экономическомъ отношеніи? Мы право не понимаемъ.

Остается послѣднее возраженіе, тѣ историко-археологическія данныя, какія приводятъ намъ сторонники трупосожиганія въ защиту своей идеи.

Мы, православные христіане, твердо вѣримъ и изъ древнѣйшей въ мірѣ книги, Библіи, знаемъ, что первоначальнымъ и общимъ обычаемъ древнѣйшихъ народовъ было не сожиганіе труповъ. Вотъ напримѣръ, нѣсколько историческихъ справокъ изъ патріархальной жизни еврейскаго народа:

„умерла Сара въ городѣ Арвоцѣ... И сказалъ Авраамъ сынамъ Хеттеевымъ, говоря: переселенецъ и пришелецъ я между вами, дайте мнѣ пріобрѣсти гробъ между вами, чтобы погребсти мертвеца моего“ (Быт. 23 гл. 2—4 ст.).

„Умеръ Авраамъ... и погребли его Исаакъ и Исмаилъ, два сына его, въ пещерѣ... которую пріобрѣлъ Авраамъ отъ сыновъ Хеттеевыхъ“ (Быт. 25 гл. 9—10 ст.).

„И, ослабѣвъ, умеръ Исаакъ... и погребли его Исавъ и Іаковъ, сыновья его“ (Быт. 35 гл. 29 ст.).

„И сказалъ Іаковъ своимъ сыновьямъ: погребите меня съ моими отцами въ пещерѣ, которая въ селѣ Ефрона Хеттеянина... Тамъ погребли Авраама и Сарру, жену его; тамъ погребли Исаака и Ревекку, жену его; тамъ погребли и Лію“ (Быт. 49 гл. 29 ст., 31 ст.).

Что погребеніе практиковалось не только въ патріархальный періодъ жизни, но и послѣ него, видно изъ того, что у евреевъ существовали частныя и общественныя кладбища. См. напримѣръ: Суд. 8 гл. 32 ст.; 2 Цар. 21 гл. 14 ст.; Іер. 26 гл. 23 ст. Эти кладбища ютились всегда на самыхъ лучшихъ живописнѣйшихъ мѣстахъ, либо въ садахъ (4 Цар. 21 гл. 18 ст.), либо въ пещерахъ или скалахъ, иногда въ поляхъ (Быт. 23 гл. 11 ст.). Лучше же всего говоритъ въ пользу повсемѣстнаго обычая погребенія у евреевъ то, что этотъ обычай считался въ средѣ богоизбраннаго народа священною обязанностью:

„Чадо, говорится въ Библіи, надъ мертвымъ пролей слезы и, если онъ многострадаленъ былъ, начни плачъ; достойно приготовь тѣло его и не презри погребенія его“ (Сирах. 38 гл. 16 ст.), а сожиганіе—позорною казнію, какой предавали только трупы блудницъ и преступниковъ, да и то не всегда, а только въ исключительныхъ случаяхъ (Быт. 38 гл. 24 ст.; Лев. 20 гл. 14 ст.; 21 гл. 9 ст.; Исх. 30 гл. 30 ст.). Словомъ, быть не погребеннымъ считалось у евреевъ великимъ безчестіемъ (1 Цар. 17 гл. 46 ст.; 4 Цар. 9 гл. 10 ст.; Іер. 12 гл. 18—19 ст.).

Несмотря на столь ясныя, неопровержимыя и вмѣстѣ съ тѣмъ положительныя данныя въ пользу того, что преданіе землѣ было единственнымъ способомъ поребенія у евреевъ во всѣ періоды ихъ исторической жизни, защитники трупосожиганія утверждаютъ иное. Они говорятъ, что наряду съ погребеніемъ у евреевъ существовалъ обычай сожиганія труповъ. Такъ, въ 1-й книгѣ Царствъ повѣствуется, что трупы перваго еврейскаго царя Саула и его сыновей были сожжены со всѣми почестями ночью въ Веѳсинѣ жителями города Іависа Галаадскаго (31 гл. 12 ст.).

Да, трупы Саула и его сыновей дѣйствительно были сожжены на кострѣ. Но этотъ необычайный у евреевъ способъ погребенія былъ примѣненъ въ настоящемъ случаѣ по нуждѣ. Евреи прежде всего хотѣли положить предѣлъ дальнѣйшимъ издѣвательствамъ надъ трупами со стороны филистимлянъ, а этого они могли достичь только путемъ сожженія труповъ. Не могли же они въ самомъ дѣлѣ нести въ царскій склепъ по непріятельскому стану полуразложившіеся трупы? Это было въ высшей степени рисковано и сопряжено съ большими затрудненіями. Когда же миновала опасность и когда устранены были препятствія къ погребенію, кости царя Саула и его сыновей съ подобающими почестями были *погребены* въ дубравѣ, что въ Іависѣ (см. 1 Цар. 31 гл. 14 ст.). Изъ приведенныхъ обстоятельствъ видно, что данный случай былъ исключительнымъ явленіемъ въ средѣ еврейскаго народа, а на исключительныхъ фактахъ, какъ извѣстно, нельзя основывать своихъ взглядовъ.

Защитники трупосожиганія идутъ дальше. Они утверждаютъ еще большее, именно: будто въ періодъ царей сожиганіе труповъ считалось у евреевъ весьма почетнымъ погребеніемъ, котораго удостоивались только цари, да знатные гра-

ждане. Это видно, говорятъ они, изъ того, что трупъ іудейскаго царя Асы въ знакъ особенной почести былъ положенъ, по свидѣтельству 2-й книги Паралипоменонъ, на костеръ и сожженъ со множествомъ благовоній (16 гл. 14 ст.). Напротивъ, какъ о большомъ безчестіи упоминается ниже о лишеніи этого весьма почетнаго погребенія для трупа іудейскаго царя Іорама (2 Парал. 21 л. 18—19 ст.).

Что сказать по поводу приведенныхъ фактовъ? Неужели сожженіе тѣлъ Саула и его сыновей было не исключительнымъ явленіемъ, а довольно употребительнымъ среди членовъ царской фамиліи? Неужели кромѣ погребенія тѣлъ евреи допускали еще и сожженіе?

Провѣримъ ссылки и факты. О погребеніи Асы въ Библіи сказано такъ: „и похоронили его (Асу) въ гробницѣ, которую онъ устроилъ для себя въ городѣ Давидовомъ, и положили его на одрѣ, который наполнили благовоніями и разными искусственными мастями и сожгли *ихъ для него* великое множество“. О погребеніи другого царя Іорама, въ Библіи говорится такъ: „онъ умеръ въ жестокихъ страданіяхъ, и не сожегъ *для него* народъ его благовоній, какъ дѣлалъ для отцевъ его“.

Въ приведенныхъ библейскихъ цитатахъ ни одного слова не сказано о сожженіи царскихъ труповъ. Если рѣчь и идетъ о сожженіи, то не труповъ, а благовоній, которыя евреи имѣли обыкновеніе сжигать предъ царскими гробами. Значитъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ литературною нечистоплотностью нашихъ противниковъ, съ передёржкою, каковая совершенно недопустима въ добросовѣстномъ рѣшеніи серьезныхъ, да и вообще всякихъ вопросовъ.

— Но вѣдь въ книгѣ Амоса (6 гл. 9—10 ст.) говорится о сожигателѣ, значитъ, трупосожиганіе все-таки практиковалось у евреевъ?—возражаютъ намъ сторонники кремаціи.

— Совсѣмъ нѣтъ. Вѣдь въ цитируемомъ мѣстѣ имѣется въ виду сожигатель не труповъ человѣческихъ, а обычныхъ при погребеніи благовоній.

Откуда это видно?—спрашиваютъ насъ пропагандисты новаго погребенія.

Изъ 5 ст. 34 главы книги пр. Іереміи, гдѣ говорится: „Ты (Седекія) умрешь въ мирѣ и, какъ для отцевъ твоихъ преж-

нихъ царей... сожигали при погребеніи благовонія, такъ сожгутъ ихъ и для тебя".

Такимъ образомъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ нѣтъ никакихъ основаній въ пользу сожиганія труповъ. Въ этомъ, помимо всего прочаго, убѣждаетъ насъ еще всеобщій протестъ евреевъ противъ западнаго нововведенія, протестъ, исходящій изъ желанія примирить, согласовать современный способъ погребенія съ ветхозавѣтнымъ. Если же въ Ветхомъ Завѣтѣ нѣтъ основаній въ пользу кремаціи, значитъ, древне-историческія данныя говорятъ не за сожженіе, а за погребеніе труповъ.

Магнусъ Блаубергъ, одинъ изъ защитниковъ оцѣниваемой нами идеи, высказываетъ предположеніе, будто сожиганіе труповъ встрѣчалось нерѣдко среди христіанъ 3-го или 4-го вѣка.

Подобныя предположенія существуютъ, но подобныхъ фактовъ исторія не знаетъ, не существуетъ даже какихъ бы то ни было основаній къ высказываемымъ предположеніямъ. Напротивъ, рѣшительно все: и существованіе въ древне-христіанской церкви особаго класса могильщиковъ, и римскія катакомбы, и процвѣтаніе церквей и монастырей среди кладбищъ (усыпальницъ), и древнія церковныя молитвы въ чинѣ погребенія мертвыхъ и мн. др.,—все это указываетъ на то, что христіанская Церковь освятила зарываніе умершихъ въ землю ненарушимой практикой съ самаго своего основанія.

Защитники трупосожиганія ссылаются еще на примѣръ древнихъ грековъ и римлянъ, но и эта ссылка малоубѣдительна.

По свидѣтельству классическихъ писателей, у древнихъ грековъ микенскаго періода исключительнымъ и единственнымъ пріемомъ погребенія было зарываніе трупа въ землю, а не сожженіе его. Это обстоятельство объясняется религіозными воззрѣніями того времени. Древніе греки вѣрили, что человѣкъ и послѣ своей смерти, въ могилѣ, ведетъ жизнь, аналогичную земной, здѣшней. Чувство человѣчности, посему, требовало, чтобы трупы зарывали въ землю, отдавали матери—землѣ, а не сожигали ихъ. Цѣлыя греческія общества, какъ напримѣръ, приверженцы Елевзинскихъ мистерій, Пиѳагорейцы, по принципу отвергали сожженіе труповъ. Но со времени Троянской войны мало-мо-малу началъ входить въ употребленіе обычай сожигать трупы. Впрочемъ, этотъ обычай не имѣлъ будущности. Какъ оказалось по раскопкамъ, введеніе кремаціи въ эпоху

гомеровской эпопеи далеко не замѣнило зарыванія въ землю. Въ классическую эпоху Греція продожала оставаться вѣрною древнѣйшему способу погребенія.

Что касается римлянъ, то первоначальнымъ способомъ погребенія у нихъ было зарываніе въ землю, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ: Цицеронъ (De legibus 11, 22, 26), Плиній (I, VII, 44) и надгробныя слова, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ обрядахъ и обычаяхъ славныхъ римлянъ: „да будетъ тебѣ земля легкимъ покрываломъ! Ты не будь тяжела (земля)— чтобы тебѣ легко покрыть кости. Да покоятся кости нѣжно! Любезная земля! дай убѣжище костямъ!“ [1]) Въ классическую эпоху на ряду съ этой формой погребенія появилась и другая, чрезъ сожженіе, ставшая повсемѣстной и общеупотребительной формой въ вѣкъ республики и въ первыя столѣтія римской имперіи. Но съ появленіемъ христіанства, подъ вліяніемъ идей о загробной жизни, эта новая форма пошла на убыль. Сожженіе труповъ стало употребляться все рѣже и рѣже. Наконецъ оно было совсѣмъ оставлено. Писатель конца IV и начала V вѣка Макробій говоритъ, напримѣръ, что обычай сожженія умершихъ уже чуждъ его времени.

То обстоятельство, что обычай сожиганія труповъ явился въ греко-римскомъ мірѣ въ эпоху частыхъ и продолжительныхъ войнъ, не раньше, толкаетъ насъ на признаніе той мысли, что указанный обычай былъ уступкой своему времени, вынужденнымъ обычаемъ. Опасались осквернія могилъ врагами, боялись эпидемическихъ заболѣваній во время войны, остерегались заразиться при перенесеніи убитыхъ въ отдаленныя гробницы предковъ и т. д. Вотъ и прибѣгли къ трупосожиганію, какъ такому способу погребенія, который исключалъ всякую возможность указанныхъ опасеній и тревогъ. Когда же кончался военный періодъ и наступали мирныя времена, старый обычай погребенія вновь оживалъ и получалъ полныя права гражданства. А сожиганіе труповъ отходило въ область преданія.

Итакъ, трупосожиганіе у древнихъ грековъ и римлянъ несомнѣнно существовало, только оно, какъ мы видѣли, вызы-

---

[1]) См. проф. Моск. Унив. И. Цвѣтаева: „Погребальные обычаи римлянъ“. „Русск. Вѣстн.“ 1887 г. Январь, 193 стр. и др.

валось особыми, можно сказать, исключительными обстоятельствами. Но у насъ такихъ условій и обстоятельствъ, къ счастью, совсѣмъ не замѣчается, посему и ссылаться въ защиту трупосожиганія, напримѣръ древнихъ грековъ и римлянъ по меньшей мѣрѣ неосновательно и ненаучно.

Этимъ мы и закончимъ критическій обзоръ всѣхъ приведенныхъ основаній въ защиту новаго способа погребенія. Не трудно видѣть, что всѣ эти основанія, и историческаго, и экономическаго, и гигіеническаго характера не отличаются достаточною полнотою, обстоятельностью и убѣдительностью, такъ что мѣнять свои вѣковыя традиціи, обычаи и убѣжденія изъза какихъ-то сомнительныхъ и легковѣсныхъ „научныхъ положеній“ было бы грубою и непростительною ошибкою съ нашей стороны.

Итакъ, никакихъ достаточныхъ основаній и побужденій къ замѣнѣ погребенія трупосожженіемъ мы не нашли. Но какія же достоинства древняго погребальнаго обычая? Какія преимущества его предъ трупосожиганіемъ? Что заставляетъ насъ отстаивать старый способъ погребенія и отрицать новый? Вотъ вопросъ.

Мы думаемъ, что всякій вдумчивый, серьезный, маломальски вѣрующій человѣкъ станетъ защищать современный погребальный обычай по многимъ соображеніямъ: и по религіознымъ, и по нравственнымъ, и по эстетическимъ и, наконецъ, по юридическимъ.

Разсмотримъ каждую группу соображеній въ отдѣльности.

Религіозныя воззрѣнія христіанъ не позволяютъ признать трупосожженія. И не позволяютъ вотъ въ силу какихъ причинъ и соображеній.

Христіане во всей своей жизни и дѣятельности руководствуются ученіемъ Христа Спасителя. А въ ученіи Іисуса Христа нѣтъ никакихъ поводовъ и основаній къ признанію трупосожженія за желательный способъ погребенія. Напротивъ, въ немъ есть положительныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что постоянной, неизмѣнной и желательной формой погребенія должно быть зарываніе труповъ въ землю, а не сожиганіе. Такъ, когда нѣкто попросилъ Іисуса Христа пойти прежде похоронить своего отца, а потомъ уже стать въ ряды Его учениковъ, то Господь отвѣтилъ ему: „предоставь мертвымъ по-

гребать своихъ мертвецовъ, а ты иди, благовѣствуй Царствіе Божіе" (Лук. 9 гл. 60 ст.; Матѳ. 8 гл. 22 ст.). Сказано „погребать", а не сожигать. Равнымъ образомъ, и въ другихъ случаяхъ Спаситель говорилъ только о погребеніи, а не о сожженіи. Напримѣръ, обличая гордыхъ, самолюбивыхъ, кичившихся своимъ благочестіемъ и происхожденіемъ отъ Авраама фарисеевъ, Онъ сравнивалъ ихъ съ поваленными гробами: „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты" (Матѳ. 23 гл. 27 ст.). Въ Своихъ притчахъ Господь тоже употреблялъ образы погребенія труповъ, а не сожженія: „умеръ богачъ и похоронили его" (Лук. 16 гл. 22 ст.). Словомъ, во всѣхъ рѣчахъ, во всѣхъ притчахъ, во всѣхъ случаяхъ, когда Христосъ говорилъ о погребеніи, Онъ имѣлъ въ виду не сожженіе, а зарываніе въ землю. Онъ, видимо, и не допускалъ другого способа погребенія, что видно изъ слѣдующихъ Его словъ: „наступаетъ время, въ которое всѣ находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія" (Іоан. 5 гл. 28, 29 ст.). Это время будетъ передъ вторымъ пришествіемъ Христа и, если въ это время Спаситель предвидитъ существованіе гробовъ, то ясно, что Онъ стоялъ только за погребеніе труповъ, а не за сожженіе.

Апостолы тоже не допускали новаго способа погребенія. Они тоже стояли за зарываніе труповъ въ землю, а не за сожженіе. Не потому, конечно, что они ничего не знали объ этомъ. (Вѣдь ап. Павелъ и св. Іоаннъ получили широкое по тому времени образованіе и имъ, безъ сомнѣнія, былъ извѣстенъ новый способъ погребенія). А потому, что такъ училъ объ этомъ Самъ Христосъ. Вотъ характерныя по данному вопросу слова апостола Павла: „сѣется въ *тлѣніи*, возстаетъ въ нетлѣніи"... „сѣется *тѣло* душевное, возстаетъ тѣло духовное" (1 Коринѳ. 15 гл. 42, 44 ст.). Изъ нихъ видно, что апостолъ имѣетъ въ виду погребеніе только въ смыслѣ зарыванія труповъ въ землю.

Если же Христосъ Спаситель и Его ученики выразили такую волю, что тѣло усопшаго должно подлежать не процессу сожиганія, а разложенію въ землѣ, то, значитъ и мы, христіане, должны держаться древняго погребальнаго обычая, должны

погребать тѣла умершихъ, а не сожигать. „Сія бо есть воля Божія".

Съ религіозной стороны есть еще одно препятствіе къ тому, чтобы ввести трупосожиганіе. Именно, пришлось бы переправлять и измѣнять христіанскій чинъ погребенія. Вѣдь всѣ молитвословія и пѣснопѣнія, обряды и обычаи, входящіе въ этотъ чинъ, приспособлены къ христіанскому погребенію, а не къ европейскому сожиганію. Такъ что, съ отмѣной погребенія и съ введеніемъ у насъ трупосожиганія, пришлось бы отмѣнить и церковный чинъ отпѣванія, такъ какъ при новомъ способѣ погребенія нѣкоторые изъ обрядовъ и молитвъ потеряли бы свое значеніе, и церковный чинъ отпѣванія оказался бы рѣшительно непримѣнимымъ къ умершему, поступающему въ сожигательную печь. Церкви пришлось бы создавать новый образный языкъ, на что, конечно, она никогда не рѣшится. И церковь, вѣрная хранительница св. Преданія и священныхъ обрядовъ, въ правѣ отказать въ нихъ тѣмъ, кто презираетъ ихъ столь глубокій религіозный смыслъ.

О томъ, что новый способъ погребенія можетъ подорвать довѣріе къ церкви и усилить новыми членами старообрядческій расколъ, мы уже не говоримъ.

О другихъ препятствіяхъ съ религіозной точки зрѣнія къ канонизаціи сожженія труповъ говоритъ приснопамятный Амвросій, архіепископъ харьковскій [1]).

Вотъ его слова:

„Тѣло христіанина, запечатлѣнное и освященное святыми таинствами, оставляющее вмѣстѣ съ душою храмъ Духа Святаго, предназначенное къ воскресенію и возсоединенію съ обитавшимъ въ немъ духомъ для блаженной жизни въ вѣчности, и по смерти чествуется въ православной церкви внесеніемъ въ храмъ и молитвами объ успокоеніи души, съ нимъ разлучившейся. Тѣло наше умираетъ естественною смертью во исполненіе суда Божія, изреченнаго падшимъ прародителямъ: *смертію умреши*; и чрезъ погребеніе въ землѣ оно предается естественному разложенію въ точное исполненіе той же воли

---

[1]) Письмо къ попечителю московскаго учебнаго округа, князю Николаю Петровичу Мещерскому.

Божіей: *земля еси и въ землю отыдеши.* Посему, если умерщвленіе живого тѣла есть преступленіе, то и сожженіе усопшаго тѣла христіанина есть по меньшей мѣрѣ своеволіе, противное волѣ Божіей, которая иногда являетъ себя въ нетлѣніи тѣлесъ святыхъ и чудодѣйствіяхъ чрезъ ихъ останки. Сколькихъ сокровищъ вѣры и благодати лишилась бы православная церковь и наша русская земля, если бы въ христіанской древности могъ быть введенъ обычай сожигать тѣла усопшихъ. И какъ нельзя между людьми живыми въ настоящее время различить, кто изъ нихъ праведникъ, такъ нельзя и между усопшими тѣлами узнать, чье тѣло должно быть предназначено къ сожженію. Поэтому, сожиганіе христіанскихъ тѣлъ должно быть признано дѣломъ кощунственнымъ. Обычай сожигать тѣла идетъ изъ древности языческой, когда еще не имѣли и понятія о санитарныхъ условіяхъ, и стоялъ въ близкомъ отношеніи къ культу огнепоклонническому. Возстановлять этотъ обычай во времена христіанскія можетъ только наука, потерявшая идею о разумномъ и духовномъ значеніи предметовъ вещественныхъ. Храня духъ и воззрѣнія христіанскія, и нашъ русскій народъ останки предковъ почитаетъ священными, и погребеніе ихъ въ родной землѣ дѣлаетъ для него эту землю еще болѣе драгоцѣнною.

Живущее поколѣніе русскихъ людей всегда дорожитъ возможностью по смерти лечь рядомъ со сродниками и друзьями, смѣшать свой прахъ съ ихъ прахомъ".

Затѣмъ, введеніе въ практику трупосожиганія весьма печальнымъ образомъ отразилось бы на судебно-медицинскихъ дѣлахъ. Вѣдь если мы зарываемъ трупъ въ землю, то всегда имѣемъ возможность провѣрить — отъ какихъ причинъ: естественныхъ или насильственныхъ наступила смерть того или другого человѣка. Объ этомъ скажутъ намъ либо сохранившіеся останки, либо окружающая ихъ земля. При сожженіи труповъ для насъ теряется возможность констатировать совершонное преступленіе. Всѣ слѣды преступленія погибаютъ въ огнѣ. Такъ что новый способъ погребенія положилъ бы огромныя и серьезныя препятствія нашему правосудію къ раскрытію преступленій противъ жизни ближняго; многія преступленія замаскировалъ бы, предалъ невѣдѣнію, сдѣлалъ бы ненаказуемыми, не отомщенными и т. д. Происходящая отсюда безнаказанность преступниковъ, безъ сомнѣнія, увеличила бы

преступленія въ нашемъ отечествѣ и сильно подорвала бы общественную нравственность [1]).

Защитники трупосожиганія обыкновенно протестуютъ противъ такихъ опасеній и заключеній и утверждаютъ, что, вслѣдствіе трудности обнаруженія органическихъ ядовъ въ трупахъ, нельзя бываетъ порою ручаться за правильность судебно-медицинской экспертизы. Приводимъ полностію ихъ мотивировку разбираемаго возраженія: „образующіеся произвольно при разложеніи труповъ яды, извѣстные подъ именемъ птомаиновъ, очень схожи съ наиболѣе важными органическими ядами, и ихъ легко признать за введенные искусственно; констатированіе же мышьяка въ трупныхъ останкахъ сопряжено со многими затрудненіями: такъ, мышьякъ можетъ оказаться въ землѣ и безъ трупа, равно ядовитыя вещества могли быть червями перенесены съ одного трупа на другой и т. д. Отсюда при изслѣдованіи труповъ является возможность смѣшать съ симптомами насильственнаго отравленія симптомы совершенно естественные, которые ничего общаго не имѣютъ съ какимъ-либо преступленіемъ“.

Такъ говорятъ защитники крематоріевъ. Теперь посмотримъ, что говорятъ намъ факты.

Итальянскій докторъ Тарчини-Бонфанти, приверженецъ трупосожиганія, нужно замѣтить, однажды заявилъ въ Миланскомъ судѣ, что, въ теченіе двадцатишестилѣтней его практики онъ только 10 разъ получалъ отъ суда предписаніе произвести по вырытіи трупа медицинское изслѣдованіе и что изъ десяти случаевъ только четыре повели къ открытію преступленія. По показанію нѣмецкаго профессора Кухенмейстера, тоже сторонника кремаціи, ему однажды удалось найти въ мягкихъ частяхъ девятилѣтняго трупа 0,2 грамма мышьяка и, такимъ образомъ, констатировать фактъ отравленія.

Пусть эти случаи будутъ довольно рѣдки и исключительны, но они все-таки поддерживаютъ значеніе судебно-ме-

---

[1]) Въ 1874 году, когда парижскій городской совѣтъ возбудилъ ходатайство о сожиганіи труповъ, то встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны гигіеническаго департамента Сены и въ французскомъ судебно-медицинскомъ обществѣ, которые высказались въ томъ смыслѣ, что сожиганіе труповъ дало бы возможность скрывать много преступленій.

дицинской экспертизы, немного обуздываютъ страсти не въ мѣру расходившихся преступниковъ - рецидивистовъ, отчасти гарантируютъ общественную безопасность. Зачѣмъ же лишать эти случаи ихъ благопріятной почвы, ихъ единственнаго источника? Зачѣмъ уничтожать погребеніе труповъ и замѣнять его трупосожженіемъ? Напротивъ, въ интересахъ истины, справедливости, общественной безопасности, нужно дорожить подобнаго рода случаями, а не пренебрегать ими, нужно расчищать предъ ними дорогу, а не забрасывать, словомъ, слѣдуетъ предпочесть зарываніе въ землю трупосожиганію!

Наконецъ, погребеніе не производитъ такого тяжелаго, гнетущаго впечатлѣнія, не оскорбляетъ такъ эстетическаго чувства, какъ трупосожиганіе. Это видно изъ описанія впечатлѣній нашихъ соотечественниковъ, наблюдавшихъ за границей сожженіе человѣческихъ тѣлъ.

„Мы прибыли,—пишетъ одинъ русскій путешественникъ [1]), видѣвшій сожженіе трупа въ Миланѣ въ 1890 году,—мы прибыли въ моментъ окончанія сожиганія трупа, принадлежавшаго бѣдному семейству. Удушливый запахъ разложенія, несмотря на превосходную вентиляцію, еще носился въ воздухѣ и вызывалъ тяжелое впечатлѣніе. Завѣдующій, покончивъ процедуру и передавъ прахъ родственникамъ, любезно предложилъ намъ свои объясненія. Все дѣлается очень просто и скоро: покойника кладутъ на особую длинную желѣзную повозку. Повозка прикрывается траурной овальной крышкой и въ такомъ видѣ подвозится къ печи. При посредствѣ колесиковъ, она быстро вдвигается по рельсамъ въ печь, а крышка остается внѣ ея. Наружная дверь печи закрывается, пускаются газовые огни и въ 55 минутъ весь трупъ сгораетъ, въ полномъ смыслѣ слова какъ бы испаряется. Для родственниковъ имѣется въ печи боковое окошечко, чрезъ которое они могутъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на своего бывшаго родного и даже слѣдить, какъ онъ быстро улетучивается... Когда трупъ сгоритъ, печь открывается, повозка вытаскивается и вы видите пустое мѣсто; на металическомъ днѣ повозки лежатъ какіе то кусочки обгорѣлыхъ костей. Здѣсь весь бывшій человѣкъ... Эти остатки подбираются лопаткой и укладываются въ глиняный гробикъ или

[1]) „Новое Время“, 1899 г. № 5042.

металлическую, или въ стеклянную урну и передаются родственникамъ для погребенія. Для сожигаемыхъ устроенъ особый склепъ. Эти миніатюрныя могилки также украшаются надписями, изображеніями и фотографическими карточками покойниковъ. Не все ли равно, кажется, быть погребеннымъ и потомъ истлѣть, испариться, быть сожженнымъ и потомъ погребсти какіе то останки? Но надо видѣть и перечувствовать это быстрое исчезновеніе покойника, чтобы не колеблясь отказаться отъ такихъ похоронъ; вся видимость исчезновенія ужъ слишкомъ прозрачна, чтобы не сказать—груба. Пожалуй и хорошо, что мы, русскіе, еще не знаемъ прогресса Запада въ этомъ смыслѣ"!

Эмиль Золя, французскій романистъ, такъ выразился по вопросу о кремаціи [1]):

„Вы желаете узнать одинъ изъ пунктовъ моего завѣщанія о судьбѣ моего трупа. Сожиганіе труповъ имѣетъ за собою то, что оно—чистая операція. Однако я думаю, что оно войдетъ въ употребленіе весьма медленно, ибо оно оскорбляетъ, не знаю почему, наше представленіе о долгѣ любви къ покойнымъ. Что касается моего личнаго мнѣнія, то откровенно сознаюсь, я его уяснилъ себѣ. Я думаю, что самое лучшее въ настоящемъ случаѣ предоставить рѣшеніе тѣмъ, кто останется послѣ насъ и любитъ насъ. Они одни могутъ испытывать горе или радость".

Вотъ какое тяжелое и гнетущее впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя сожженіе труповъ. Совсѣмъ не то бываетъ при погребеніи. При погребеніи уже другая картина, другія впечатлѣнія, другія думы и переживанія. О томъ, что именно происходитъ въ вашей душѣ, при видѣ покойника, прекрасно говоритъ въ своемъ знаменитомъ „Московскомъ сборникѣ" К. П. Побѣдоносцевъ.

Онъ пишетъ [2]):

„У насъ, въ Россіи, характерная народная черта—религіозное отношеніе къ мертвому тѣлу, исполненное любви, нѣжности и благоговѣнія. Изъ глубины вѣковъ отзывается до на-

---

[1]) „Новое Время", 1890. г. № 5273.

[2]) „Московскій Сборникъ". 1896 г. стр. 218.

стоящаго времени, исполненный поэтическихъ образовъ и движеній, плачъ надъ покойникомъ, превращаясь, съ принятіемъ новыхъ религіозныхъ обрядовъ, въ торжественную церковную молитву. Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ нашей страны, погребальный обычай и обрядъ не выработался до такой глубокой, можно сказать, виртуозности, до которой онъ достигаетъ у насъ; и нѣтъ сомнѣній, что въ этомъ его складѣ отразился нашъ народный характеръ, съ особеннымъ, присущимъ нашей натурѣ міровоззрѣніемъ. Ужасны и отвратительны черты смерти повсюду, но мы одѣваемъ ихъ благоговѣйнымъ покровомъ, мы окружаемъ ихъ торжественною тишиною молитвеннаго созерцанія, мы поемъ надъ ними пѣснь, въ которой ужасъ пораженной природы сливается во-едино съ любовью, надеждою и благоговѣйной вѣрой. Мы не бѣжимъ отъ своего покойника, мы украшаемъ его въ гробѣ, и насъ тянетъ къ этому гробу— вглядѣться въ черты духа, оставившаго свое жилище; мы покланяемся тѣлу и не отказываемся давать ему послѣднее цѣлованіе, и стоимъ надъ нимъ три дня и три ночи съ чтеніемъ, съ пѣніемъ, съ церковною молитвою. Погребальныя молитвы наши исполнены красоты и величія; онѣ продолжительны и не спѣшатъ отдать землѣ тѣло, тронутое тлѣніемъ;—и когда слышишь ихъ, кажется, не только произносится надъ гробомъ послѣднее благословеніе, но совершается вокругъ него великое торжество въ самую торжественную минуту человѣческаго бытія!

Но стоитъ непосредственно вслѣдъ за этимъ предать дорогой намъ трупъ сожженію, все это успокоеніе, навѣянное церковными молитвами, и примиреніе, сошедшее внезапно къ намъ въ душу, исчезнутъ моментально, во мгновеніе ока и, притомъ, безвозвратно. А взамѣнъ ихъ придутъ горечь, отчаяніе, ужасъ, отвращеніе, страхъ и непріятная, дикая и мучительная жуть.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны сказать, что если трупосожиганіе не имѣетъ никакихъ преимуществъ предъ зарываніемъ въ землю, и если оно не оправдывается ни религіозными, ни эстетическими, ни нравственными и судебно-медицинскими, ни историческими, гигіеническими и общественно-экономическими соображеніями, то зачѣмъ, собственно, предпочитать его погребенію, древнему, освященному многими вѣками и тысячелѣтіями обычаю?

Мы право не понимаемъ.

Свою статейку мы заключимъ весьма оригинальными и въ тоже время весьма сильно сказанными словами извѣстнаго у насъ въ Россіи В. В. Розанова:

„Сожженіе все таки ужасно, и вотъ чѣмъ: образъ, видъ, очертаніе тѣла, лица и, наконецъ, связь частей дорогого покойника – абсолютно уничтожаются; и какъ?! — фабричнымъ способомъ, въ огромной печкѣ, черезъ какой-то раскаленный газъ! Вотъ эта фабрика уничтоженія тѣлъ и ужасна: „ты прожилъ свой вѣкъ и умеръ; теперь мы живемъ и не хотимъ нюхать ни твоей вони, ни опасаться зараженія отъ тебя воды или земли. Сгинь вовсе!... Да, мы и придумали какъ тебя... свести къ нулю: мы сожжемъ тебя". Въ кругѣ этой мысли есть нѣчто ужасное и это ужасное лежитъ въ отчужденіи живыхъ людей отъ умершихъ, сегодняшнихъ отъ вчерашнихъ. Ужасно потому, что грубо, ужасно, потому что цинично...

Хоронить въ землѣ—предпочтительнѣе, потому что тутъ выражается, что мы не тяготимся покойниками, что хотя они и умерли, но самыя тѣла ихъ дороги намъ. Кстати, въ видахъ введенія въ нѣкоторыя скромныя границы нашего христіанскаго самомнѣнія, сдѣлаемъ одно параллельное историческое припоминаніе: однажды Периклъ вернулся съ битвы, морской битвы, побѣдителемъ. Его спросили:

—А подобралъ ли и похоронилъ ли ты тѣла убитыхъ?

Битва была очень трудна, и побѣда почти неожиданна. Именно впопыхахъ, съ радости, аѳиняне-побѣдители и самъ Периклъ забыли о долгѣ къ погибшимъ. Тѣла не были подобраны и похоронены; кстати, не легко ихъ было и собирать по морю и везти на землю. Но это едва не стоило головы Периклу и другимъ вождямъ. Ихъ побѣда была сброшена на смарку, вмѣсто награды они получили жесточайшія порицанія и, какъ говорю, ихъ едва формально не потребовали къ суду и не казнили за кощунство, за святотатство! Такъ чувствовали язычники, но не такъ чувствуемъ мы, христіане, стремящіеся къ трупосожженію...

Неуваженіе, цинизмъ, глубочайшее непониманіе святыни смерти, святыни реликвій: истинное неуваженіе чувства родства. Просто свинство. Иначе и назвать нельзя [1]).

---

[1]) Около церковныхъ стѣнъ т. I. 1906 г. Спб. стр. 104—105.

Тайна чудотворной силы св. иконъ.

Въ современномъ обществѣ существуетъ какое-то предубѣжденіе противъ чудотворныхъ иконъ. Говорятъ, что такихъ иконъ нѣтъ, что чудотворныя иконы это не что иное, какъ профанація религіознаго чувства православнаго народа, обманъ „поповъ", заинтересованныхъ въ поднятіи своего матеріальнаго благосостоянія, больше ничто.

Въ виду такого обиднаго отношенія къ нашей святынѣ, хочется лишній разъ пересмотрѣть этотъ спорный вопросъ, обсудить всѣ выставляемыя намъ возраженія и показать, что чудотворныя иконы есть на самомъ дѣлѣ, что они вообще могутъ быть, и существованіе ихъ покоится не на народномъ невѣжествѣ, не на мнимой эксплоатаціи духовенства, а на глубоко-психологическихъ, неоспоримыхъ основаніяхъ.

Такого рода религіозно-философскій этюдъ тѣмъ болѣе необходимъ въ настоящее время, что повсюду ведется открытая, ожесточенная борьба противъ народной святыни, вездѣ расшатываются и колеблются пьедесталы вѣковыхъ драгоцѣнностей церковнаго культа, оплевывается и обезцѣнивается все близкое, дорогое и святое для церкви и для насъ.

* * *

Начнемъ съ разбора ходячихъ возраженій. „Мы должны знать, пишетъ Гальфданъ Лангаардъ, какъ мыслятъ и чувствуютъ другіе, чтобы научиться—какъ самимъ намъ не надо мыслить и чувствовать".

„Возможны ли чудотворныя иконы и существуютъ ли онѣ въ дѣйствительности?"—спрашиваютъ обычно насъ „совопросники вѣка сего".

Конечно, да. Разъ многомилліонная масса православнаго русскаго народа въ теченіе многихъ вѣковъ благоговѣйно чтила и поклонялась чудотворнымъ иконамъ, разъ это чувство не только не охладѣваетъ въ душѣ русскаго народа, а еще болѣе

крѣпнетъ, растетъ и развивается, то развѣ можно послѣ сего сомнѣваться въ наличности чудотворныхъ иконъ? Вѣдь если бы никакихъ чудесъ не происходило при св. иконахъ, то ихъ бы и не почитали за чудотворныя. Затѣмъ, и религіозное чувство народа, какъ не получающее для себя никакой пищи, постепенно глохло бы, охладѣвало, замирало. Но разъ оно крѣпнетъ, растетъ, значитъ оно находитъ обильную пищу для себя. Значитъ чудеса при св. иконахъ совершаются. А если такъ, то, значитъ, есть и чудотворныя иконы.

„Если при св. иконахъ, возражаютъ далѣе намъ, происходятъ чудеса, то отчего они оказываются только или въ давнее время или вдали отъ насъ, и отчего они не явятся предъ нашими глазами для нашего увѣренія?“ [1]).

Это совершенная неправда. Чудеса при св. иконахъ совершаются не только вдали отъ насъ, но и вблизи; не только въ давнее время, но и въ настоящее время.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 15 верстахъ отъ с. Осокоровки, Херсонскаго уѣзда, въ селѣ Костромкѣ, того-же уѣзда, проживаетъ жена псаломщика Н. Назаревская, которая заболѣла и потеряла вдругъ способность говорить. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ она искала помощи у врачей и по совѣту врачей должна была подвергнуться операціи, но, зная, что исходъ операцій не всегда благополученъ, она рѣшила обратиться къ Врачу Небесному—Цѣлителю всѣхъ недуговъ.

Вотъ что разсказываетъ сама больная: „Снится мнѣ, что кто-то совѣтуетъ поѣхать въ с. Осокоровку и помолиться у иконы св. угодника Божія Іоасафа, привезенной изъ Бѣлгородскаго монастыря. Я отправилась въ Осокоровку, гдѣ остановилась у церковнаго старосты. Въ тотъ же день я, вмѣстѣ съ женой старосты, отправилась къ настоятелю, прот. Корчинскому, просить помолиться у иконы угодника и совершить литургію. Была отслужена литургія и молебенъ святителю Божію Іоасафу, при чемъ жена протоіерея дала мнѣ масла, которое было

---

[1]) Это возраженіе высказывается большею частію сектантами (см. Оболенскаго: „критическій разборъ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ“. 3-е изд. 1903 г. стр. 329), но оно раздѣляется и современною вопрошающею публикою.

получено ею въ г. Бѣлгородѣ, во время открытія мощей святителя. Этимъ масломъ, взятымъ изъ лампады, горѣвшей надъ ракой святителя, я, по указанію жены протоіерея, смазала горло. На другой день я снова была у литургіи". Прошелъ день, и вотъ ночью церковный староста и жена его проснулись отъ говора. Каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что больная, до того времени объяснявшаяся только знаками, начала говорить, находясь въ сонномъ состояніи.

„Когда меня разбудили,—разсказываетъ больная, я почувствовала страшную слабость, потъ катился съ меня градомъ.

Рано утромъ мы отправились къ прот. Корчинскому, которымъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, на которомъ присутствовало огромное количество молящихся".

Это чудо произошло въ позапрошломъ году. Всѣ свидѣтели и очевидцы его еще живы. И публикація его, съ точнымъ обозначеніемъ мѣстности, свидѣтелей и самой виновницы этого благодатнаго исцѣленія, показываетъ, что тутъ нѣтъ обмана, а все сообщенное—правда.

А вотъ другой замѣчательный случай, бывшій не такъ давно и не такъ далеко отъ насъ.

Въ городѣ Ростовѣ Великомъ проживаетъ небольшое семейство Лепешкиныхъ. У Лепешкиныхъ была очень умная и добрая дѣвочка Лиза, которая, будучи 10 лѣтъ отъ роду, въ 1909 году подверглась какой-то непонятной бѣдѣ. Съ ней начали приключаться припадки, которые съ теченіемъ времени стали все чаще и чаще повторяться. Родители ея обращались за помощью къ докторамъ, путешествовали по св. мѣстамъ, но ни то, ни другое не помогало. 2-го августа, того-же года, припадокъ былъ особенно силенъ. Отецъ больной, измученный держаніемъ бившейся дочери, въ отчаяніи воскликнулъ: „Матерь Божія, Владычица! или возьми ее, коль такъ, на свои пречистыя руки, или намъ отдай". Въ ту же минуту дѣвочка утихла, впала въ забытье, и вотъ изъ устъ ея совершенно ясно и отчетливо послышались, какъ бы проговоренныя кѣмъ то другимъ, слѣдующія слова: „молись Умиленію Божіей Матери". Послѣ этого больная вскорѣ очнулась. Понимая слова, произнесенныя больной, за указаніе свыше, но не зная, гдѣ находится икона Умиленія, родители ея усердно молились Царицѣ Небесной, чтобы она помогла имъ отыскать эту икону.

Молитва ихъ была услышана. Тотъ же таинственный голосъ устами дѣвочки указалъ, что искомая святыня находится въ Благовѣщенской церкви города Ростова, куда они и отправились вмѣстѣ съ больной. Тамъ, передъ иконой, до того времени почти никому не извѣстной, былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго дѣвочку исповѣдали, а на другой день и св. Таинъ причастили. Вскорѣ послѣ этого припадки больной какъ будто и утихли, но совсѣмъ не прекращались. Родители ея уже снова хотѣли обратиться ко врачамъ, но когда отецъ находился въ забытьѣ, ему послышался голосъ: „не надо дѣвочку возить никуда, а надо дѣлать ванны, и въ каждую ванну вливать по 5 капель моей воды, и будетъ здорова". Таинственнаго голоса послушались и дѣвочка совершенно выздоровѣла [1]).

Вотъ чудо, случившееся недавно и недалеко отъ насъ. Какъ же послѣ этого противники чудотворныхъ иконъ осмѣливаются утверждать противное?... Если они сомнѣваются въ приведенномъ фактѣ, пусть обратятся къ членамъ указанной фамиліи. Лепешкины еще всѣ живы и они, въ доказательство истинности совершившагося чуда, могутъ сослаться на посторонникъ свидѣтелей, что исключаетъ всякую мысль объ обманѣ.

Вотъ еще примѣръ.

15 Января 1911 года, утромъ, послушница Скорбященскаго монастыря, въ Москвѣ, Марья Маркова, 18 лѣтъ, проходя мимо могилы усопшей игуменіи Евпраксіи, вдругъ потеряла сознаніе и упала. Когда ее привели въ чувство, то увидѣли, что она лишилась зрѣнія. По распоряженію игуменіи, были приглашены врачи, которые признали состояніе больной весьма опаснымъ. Тогда она начала просить, чтобы ей принесли Нерукотворенный образъ Спасителя, находящійся въ кельѣ игуменіи, который, по ея глубокому убѣжденію, исцѣлитъ ее. Просьбы ея продолжались нѣсколько дней, и когда, наконецъ, 18 Января былъ принесенъ образъ, больная съ необычайнымъ рвеніемъ схватила икону, стала прижиматься къ ней лицомъ, и чрезъ нѣсколько минутъ радостно вскрикнула: зрѣніе къ ней вернулось въ полной мѣрѣ. Послѣ этого икона была перене-

---

[1]) „Приходское чтеніе" (Приложеніе къ журналу „Церковныя Вѣдомости"). № 13, 1911 года, стр. 288.

сена въ монастырскую церковь, гдѣ, въ присутствіи множества молящихся, привлеченныхъ быстро распространившейся молвой о чудесномъ исцѣленіи послушницы, было совершено благодарственное молебствіе [1]).

Послѣдній примѣръ.

Крестьянинъ хутора Зотова, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, Михаилъ Смагинъ, 18 лѣтъ, днемъ 17 Сентября 1911 г.—почувствовалъ нестерпимую боль въ колѣнѣ лѣвой ноги и къ вечеру слегъ въ постель. Пробовали лѣчить ногу домашними средствами, но пользы не замѣчалось, а, напротивъ, болѣзнь усиливалась и скоро приняла опасную форму. Больной большую часть времени находился въ безсознательномъ состояніи. Положеніе его было почти безнадежное. 19 Сентября, утромъ, приглашенный священникъ о. І. Казанцевъ напутствовалъ св. тайнами больного, котораго для этой цѣли съ трудомъ удалось лишь на нѣсколько минутъ привести въ сознаніе. Родители, ожидая съ минуты на минуту смерти сына, въ отчаяніи бросились къ священнику за совѣтомъ, что имъ дѣлать. Священникъ посовѣтовалъ искать помощи у новоявленнаго угодника Божія, святителя Іоасафа. Немедленно принесли изъ приходского храма икону св. Іоасафа, освященную на мощахъ Святителя, и приложили къ ней больного. Онъ какъ будто заплакалъ и открылъ глаза. Потомъ уже сознательно три раза перекрестился и самъ приложился къ иконѣ, послѣ чего уснулъ крѣпкимъ сномъ. Проснувшись, онъ почувствовалъ облегченіе, и самъ одѣлся, а затѣмъ свободно простоялъ молебенъ съ акаѳистомъ св. Іоасафу, который былъ отслуженъ тѣмъ же священникомъ на квартирѣ больного, въ 4 часа дня. Свидѣтелями этого чудеснаго исцѣленія были: крестьянка хутора Зотова, Петровскаго уѣзда, Г. И. Смагина, крестьянка села Вшивки, того же уѣзда, Е. Г. Свитнева, мѣщанка гор. Петровска П. А. Комаевская и настоятель Свято-Николаевской церкви г. Петровска, священникъ Іоаннъ Казанцевъ [2]).

Такихъ примѣровъ можно привести не одинъ десятокъ и и не два, а нѣсколько сотъ. Желающіе ознакомиться съ ними и убѣдиться, что чудеса при св. иконахъ совершались и со-

---

[1]) „Приходское чтеніе". № 10, 1911 г. стр. 219.

[2]) „Приходское чтеніе". № 20, 1911 г. стр. 459.

вершаются съ давнихъ поръ и никогда на долгое время не прекращались, могутъ обратиться къ слѣдующимъ книгамъ: Архіепископа Сергія: „Православное ученіе о почитаніи св. иконъ“, Е. Поселянина: „Въ похвалу Богородицы. Знаменія Ея благодатной чудесной силы, являемыя вѣрующимъ чрезъ Ея св. иконы“; Снессоревой: „Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ иконъ Ея,—съ изображеніями въ текстѣ“, а также ко всѣмъ епархіальнымъ органамъ, гдѣ описывается каждый случай чудеснаго исцѣленія у мѣстныхъ святынь.

Но вѣдь всѣ эти случаи, возражаютъ намъ противники чудотворныхъ иконъ, описываютъ православные. Посему вполнѣ возможно заподозрить ихъ подлинность и достовѣрность. Вотъ, если бы о фактахъ исцѣленія при чудотворныхъ иконахъ сообщали не заинтересованныя въ этомъ вопросѣ лица, т. е. не православныя, а инославныя, не вѣрующіе, а сомнѣвающіеся, тогда другое дѣло. Тогда можно было бы дать вѣру всѣмъ сообщаемымъ случаямъ. А иначе мы вправѣ отрицать всѣ приводимые вами примѣры и не довѣрять вамъ, какъ лицамъ, заинтересованнымъ въ существованіи чудотворныхъ иконъ.

Въ отвѣтъ на такого рода рѣчи и разсужденія нужно сказать, что не только вѣрующіе, но даже невѣрующіе, и тѣ свидѣтельствуютъ правдоподобность чудесныхъ исцѣленій при св. иконахъ, и тѣ говорятъ въ нашу пользу.

Возьмемъ, напримѣръ, Максима Горькаго. Вѣдь онъ атеистъ, какъ и самъ аттестовалъ себя въ своихъ мемуарахъ. Однако и онъ былъ свидѣтелемъ чуда при св. Иконѣ Божей Матери. Описываетъ онъ сей случай въ „Исповѣди“ такимъ образомъ:

„Было это въ Седміозерной пустынѣ, за крестнымъ ходомъ съ чудотворной иконой Божьей Матери: въ тотъ день ждали возвращенія иконы въ обитель изъ города,—день торжественный.

Стоялъ я на пригоркѣ надъ озеромъ и смотрѣлъ: все вокругъ залито народомъ и течетъ темными волнами тѣло народное къ воротамъ обители, бьется, плещется о стѣны ея...

У воротъ обители чуда ждутъ: въ небольшой телѣжкѣ молодая дѣвица лежитъ неподвижно: лицо ея застыло, какъ

бѣлый воскъ, сѣрые глаза полуоткрыты, и вся жизнь ея — въ тихомъ трепетѣ длинныхъ рѣсницъ.

Подходятъ люди, смотрятъ больной въ лицо, а отецъ мѣрнымъ голосомъ говоритъ, тряся головой:

— Пожалѣйте, православные, помолитесь за несчастную, безъ рукъ, безъ ногъ лежитъ четвертый годъ; попросите Богородицу о помощи, возмѣстится вамъ Господомъ за св. молитвы ваши, помогите отцу—матери горе забыть...

Тысячи глазъ смотрятъ вдаль, и вокругъ меня плыветъ, точно облако, теплый и густой шопотъ:

— Несутъ, несутъ!

Тяжело и медленно поднимается въ гору народъ, словно темный валъ морской, красной пѣной горитъ надъ нимъ золото хоругвей, брызгая снопами яркихъ искръ, и плавно качается, рѣетъ подобно огненной птицѣ, осіянная лучами солнца икона Богоматери...

Вокругъ скорбныя лица, тихій и печальный шопотъ молитвы, отуманенные слезами глаза, и мелькаютъ люди, творя крестное знаменіе.

Одиноко мнѣ. Все это для меня заблужденіе, безрадостное, полное безсильнаго отчаянія, усталаго ожиданія милости. [1])

Подходятъ снизу люди.... Жалко силу вѣры, распыленную въ воздухѣ.

Возбужденно, но мрачно, и какъ бы укоряя, несется по воздуху мощный крикъ:

— Радуйся, Всеблагая, радуйся!

Въ цѣломъ облакѣ пыли сотни черныхъ лицъ, тысячи глазъ, точно звѣзды млечнаго пути. Вижу я: всѣ эти очи, какъ огненныя искры одной души, жадно ожидающей невѣдомой радости.

Идутъ люди, какъ одно тѣло, плотно прижались другъ къ другу, какъ будто далекъ ихъ путь, но готовы они сейчасъ-же неустанно идти до конца его.

Душа моя дрожитъ великой дрожью непонятной тревоги. Рванулся я, опрокинулся навстрѣчу народу, бросился въ него съ горы и пошелъ съ нимъ и запѣлъ во всю грудь:

— Радуйся, благодатная Сила всѣхъ силъ!

---

[1]) Уже изъ этихъ двухъ строкъ видно неправославіе М. Горькаго.

Схватили меня, обняли—и поплылъ человѣкъ, тая во множествѣ горячихъ дыханій. Не было земли подъ ногами моими, и не было меня, и времени не было тогда, но только радость необъятная, какъ небеса. Былъ я раскаленнымъ углемъ пламенной вѣры, былъ незамѣтенъ и великъ, подобно всѣмъ, окружавшимъ меня во время общаго нашего полета.

Помню—остановилось все около меня, возникло смятеніе, очутился я около телѣжки съ больной, помню крики и топотъ:

— Молебенъ, молебенъ!

Было великое возбужденіе: толкали телѣжку, и голова дѣвицы немощно, безсильно качалась, большіе глаза ея смотрѣли со страхомъ. Десятки очей обливали больную лучами, на разслабленномъ тѣлѣ ея сгустились сотни силъ, вызванныхъ къ жизни повелительнымъ желаніемъ видѣть больную возставшей съ одра, и я тоже смотрѣлъ въ глубину ея взгляда и невыразимо хотѣлось мнѣ вмѣстѣ со всѣми, чтобы встала она, не себя ради, но для чего-то иного, предъ чѣмъ и я и она — только перья птицы въ огнѣ пожара.

Какъ дождь землю влагою живой, насыщалъ народъ изсохшее тѣло дѣвицы этой силой своей (силою вѣры), шепталъ онъ и кричалъ мнѣ и ей:

— Ты — встань, милая, вставай! Подними руки то, не бойся! Ты вставай, вставай безъ страха! Болѣзная, вставай! Милая! подними ручки-то!

Сотни звѣздъ вспыхнули въ душѣ ея, и розоватыя тѣни ея загорѣлись на мертвомъ лицѣ ея; еще болѣе раскрылись удивленные и радостные глаза, и медленно шевеля плечами, она покорно подняла дрожащія руки и послушно протянула ихъ впередъ — уста ея были открыты и была она подобно птенцу, впервые вылетающему изъ гнѣзда своего.

Тогда все вокругъ ахнуло. Вздрогнулъ, пошатнулся народъ и смѣшанно закричалъ:

— На ноги! Помогай ей! Вставай, дѣвушка, на ноги! Поднимайте ее!

Тихо идетъ среди насъ исцѣленная, довѣрчиво жмется ожившимъ тѣломъ своимъ къ тѣлу народа, улыбается, бѣлая вся, какъ цвѣтокъ, и говоритъ:

— Пустите, я—одна!

Остановилась, пошатнулась—идетъ. Идетъ точно по но-

жамъ, разрѣзающимъ пальцы ногъ ея, но идетъ одна, боится и смѣется, какъ милое дитя, и народъ вокругъ нея тоже радостенъ и ласковъ, подобно ребенку.

Всюду праздникъ и праздничный гулъ. Идетъ мимо меня нѣкій человѣкъ, улыбается, спрашиваетъ:

— Видѣлъ?

Обнялъ я его и поцѣловалъ, какъ брата послѣ долгой разлуки, и больше ни слова не нашлось у насъ сказать другъ другу. Улыбаясь, мы молча разошлись".

Итакъ, констатируютъ дѣйствительность чудесъ даже тѣ, которыхъ совсѣмъ нельзя заподозрить въ преданности христіанской вѣрѣ. Какъ объясняютъ они чудеса отъ св. иконъ, для насъ не важно. Важно то, что они признаютъ возможность чудесъ и сами были свидѣтелями ихъ. Если же противники нашей вѣры оправдываютъ чудеса и свидѣтельствуютъ о нихъ, то какъ же тогда утверждаютъ иные, что только православные говорятъ о чудесахъ при св. иконахъ? Нѣтъ, чудодѣйственную силу св. иконъ признаютъ рѣшительно всѣ: и православные и неправославные, и вѣрующіе и невѣрующіе. Пусть же смолкнетъ послѣ сего неразумный голосъ „совопросниковъ вѣка сего", утверждающихъ противное и возводящихъ на русское духовенство тяжелое, обидное, и совсѣмъ незаслуженное обвиненіе!

„Но если такъ, возражаютъ намъ современные скептики, то почему не каждая икона можетъ быть чудотворною?"

Отчего-же? По ученію православной церкви, всякая икона можетъ быть чудотворною. Что это такъ, что это не нашъ личный взглядъ, а голосъ всей церкви, видно изъ тѣхъ молитвъ, какія читаетъ священникъ при освященіи того или другого образа.

Напримѣръ, при освященіи иконы св. Богородицы читается такая молитва:

„Отъ святыя твоея иконы, Пречистая Богородице, цѣльбы и исцѣленія предаются не завистно всѣмъ, вѣрою къ ней притекающимъ, и тое заступленіе отъ сердца призывающимъ. Тѣмъ и моя немощи посѣти, Дѣво, и душевныя и тѣлесныя язвы милостиво уврачуй" [1]).

---

[1]) См. Служебникъ, М. 1866 г. стр. 109, часть II.

А при освященіи иконы Спасителя міра читается такая молитва:

„Господи Боже... посли нань (на образъ) Твое небесное благословеніе и благодать пресвятаго Духа, и благослови и освяти его: подаждь ему силу цѣлебну, и всѣхъ козней діавольскихъ прогонительну и исполни его благословенія и крѣпости онаго святаго нерукотвореннаго образа, юже отъ прикосновенія святаго и пречистаго лица возлюбленнаго Сына Твоего богатно стяжя, во еже силамъ и чудесамъ тѣмъ къ утвержденію православныя вѣры, и спасенію вѣрныхъ людей Твоихъ дѣйствоватися, и во еже всѣмъ Тебѣ и Единородному Твоему Сыну и пресвятому Духу предъ нимъ кланяющимся, и вѣрно призывающимъ, и прилежно молящимся услышаннымъ быти и милость привлещи Твоего человѣколюбія, и благодать получити“.[1])

И другая молитва:

„Вонми Господи Боже мой... даждь ему (образу) силу цѣлебну, всякія болѣзни и недуга, всякихъ діавольскихъ козней прогонительную для всѣхъ вѣрныхъ къ нему прибѣгающихъ, и предъ тѣмъ Тебѣ кланяющихся, молящимъ же ся, и прибѣгающимъ; и всегда услышана и благопріятна Тебѣ да будетъ ихъ мольба“. [2])

Въ такомъ же духѣ, и въ подобныхъ выраженіяхъ составлены молитвы и на освященіе всѣхъ другихъ образовъ.

Какъ видно изъ предложенныхъ образцовъ, вѣрующіе вмѣстѣ со священникомъ просятъ Господа Бога о томъ, чтобы Онъ всякую икону сдѣлалъ чудотворною, чтобы чрезъ всякій образъ подавалъ Онъ великія и богатыя милости. А если такъ, то, значитъ, всѣ увѣрены въ томъ, что всякая икона можетъ быть чудотворною, если только Господь Богъ благословитъ и освятитъ ее.

Почему же тогда не всякая икона бываетъ чудотворною, а только нѣкоторыя, какъ то: „Иверская“, „Елецкая“, „Казанская“, „Владимирская“, „Козельщанская“ и мн. др.? спрашиваютъ насъ современные раціоналисты.

Мы подошли къ самому главному вопросу нашей темы.

---

[1]) См. Служебникъ М. 1866 г. стр. 104, часть II.

[2]) Тамъ же стр. 104.

Постараемся обслѣдовать его по возможности со всѣхъ сторонъ и лучше уяснить его въ своемъ сознаніи, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ заградить уста „религіозныхъ отщепенцевъ".

Самымъ первымъ, главнымъ и необходимымъ условіемъ для какого бы то ни было чуда является вѣра. Глубокая, горячая, искренняя вѣра. Нѣтъ вѣры и чуда нѣтъ. Объ этомъ и Христосъ Спаситель весьма часто училъ. Такъ, Своимъ ученикамъ и апостоламъ Онъ говорилъ: „Истинно говорю вамъ, если будете имѣть вѣру и не усомнитесь, не только сдѣлаете то, что сдѣлано со смоковницею, но если и горѣ сей скажете: поднимись и ввергнись въ море, — будетъ". [1]) И въ другомъ мѣстѣ: „Все, что ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите". [2]) Еще примѣръ. Исцѣлившейся отъ прикосновенія къ одеждамъ Спасителя кровоточивой женщинѣ Христосъ сказалъ: „дерзай, дщерь! вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ". [3]) То же самое сказалъ Онъ и начальнику синагоги Іаиру въ въ отвѣтъ на его просьбу исцѣлить его умирающую дочь: „не бойся, только вѣруй, и спасена будетъ". [4]) И такъ далѣе. Словомъ, вѣра, вѣра и вѣра. Несомнѣнно, если и при чудотворныхъ иконахъ происходили благодатныя исцѣленія, то только потому, что здѣсь проявлялась могучая, несокрушимая вѣра. Въ этой вѣрѣ, только въ ней одной и заключается тайна чудотворной силы св. иконъ. Не будь у насъ вѣры, не было бы и чудотворныхъ иконъ. Въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

„Но почему же такая вѣра не можетъ проявиться предъ обыкновенной иконой?" — спрашиваютъ насъ современные скептики.

Можетъ, но только рѣдко. Въ давнія времена, въ періодъ наивысшаго подъема религіознаго духа, въ славный вѣкъ св. Отцовъ и Учителей церкви, это очень часто бывало. Теперь же, напротивъ, это очень рѣдко бываетъ. Теперь вѣра осла-

---

[1]) Матѳ. 21 гл., 22 ст.
[2]) Матѳ. 12 гл., 22 ст.
[3]) Лук. 8 гл., 48 ст.
[4]) Лук. 8 гл., 50 ст.

бѣла въ своей силѣ. Пламень вѣры погасъ. Посему, для своего проявленія она нуждается въ исключительныхъ условіяхъ и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Вотъ нужную то для проявленія вѣры обстановку и создаютъ чудотворныя иконы. При нихъ бываетъ то, чего при обыкновенныхъ иконахъ не встрѣтишь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть два—три отрывка изъ впечатлѣній тѣхъ писателей, которые сами были у св. иконъ, сами были свидѣтелями настроенія собравшейся толпы богомольцевъ предъ народной святыней.

Вл. Короленко, напримѣръ, въ своемъ художественномъ очеркѣ „За иконой“ такъ описываетъ свои наблюденія.

„...У каждой часовеньки икона останавливалась, служился молебенъ. Всякій разъ вокругъ иконы дѣлалась давка. Народъ рвался къ ней, стараясь приложиться къ стеклу кіота. Сгибаясь, проходили они подъ шесты, на которыхъ икона была поставлена, давя другъ друга и тѣснясь, и тянулись къ иконѣ. Теперь, на просторѣ полей, у этихъ часовенекъ, среди раскинувшейся и порѣдѣвшей толпы, икона стала какъ будто ближе и доступнѣе. Тутъ, собственно, ее окружалъ тѣсный кружокъ настоящихъ богомольцевъ. Страждущій, болящій, немощный и скорбящій людъ охватывалъ икону живою волной, которая поднималась подъ вліяніемъ какого-то особеннаго притяженія. Не глядя другъ на друга, не обращая вниманія на толчки, всѣ они смотрѣли въ одно мѣсто... Полупотухшіе глаза, скорченныя руки, изогнутыя спины, лица, искаженныя отъ боли и страданія,— все это обращалось къ одному центру, туда, гдѣ изъ за стекла и переплета рамы сіяла золотая риза, и голова Богоматери склонялась темнымъ пятномъ къ Младенцу. Изъ глубины кіота икона производила особенное впечатлѣніе. Солнечные лучи, проникая сквозь стекла, сверкали многочисленными переливами на золотѣ ея вѣнца; отъ движенія толпы икона слегка колебалась, переливы свѣта вспыхивали и угасали, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, и склоненная голова, казалось, шевелилась надъ взволнованной толпой. Тогда потухшіе глаза и искаженныя лица оживлялись. По всѣмъ этимъ лицамъ проходило какое-то вѣяніе, сглаживавшее всѣ различные оттѣнки страданія, подводившее ихъ подъ общее выраженіе умиленія. Я смотрѣлъ на эту картину не безъ волненія. Такая волна человѣческаго горя, такая волна человѣческаго упованія и надежды!..

И какая огромная масса однороднаго движенія, подхватывающаго, уносящаго, смывающаго каждое отдѣльное страданіе, каждое личное горе, какъ каплю, утопающую въ океанѣ!.. Не здѣсь ли, думалось мнѣ, не въ этомъ ли могучемъ потокѣ однородныхъ человѣческихъ упованій, одной вѣры и одинаковыхъ надеждъ—источникъ этой исцѣляющей силы?,.

Икона вздрагивала, подымалась и, плавно колыхаясь, проносилась надъ распростертыми людьми. Счастливцы, надъ которыми она проходила, вставали съ умиленными лицами"...

Вотъ другая иллюстрація, бодѣе живая, болѣе полная, болѣе говорящая нашему сердцу о той горячей народной вѣрѣ, какая, подобно морской волнѣ, бьется и клокочетъ вблизи чудотворныхъ иконъ.

Въ статейкѣ „Время сѣва" бывшій священникъ Гр. Петровъ пишетъ:

„Мнѣ случилось однажды въ Кіевѣ, въ Печерской лаврѣ, зайти въ главную церковь въ концѣ обѣдни въ будній день. Богомольцы наполняли церковь. Кого-кого тутъ не было! Тутъ стояли и мѣстная свитка, и овчинный тулупъ костромича, и бѣлый кожухъ бѣлорусса.

Мое вниманіе особенно привлекли двое сосѣдей. Справа, немного впереди, стояла старушка. Издалека она, видимо, приплелась сюда. Лапти ея были избиты. Видимо, и горя она принесла не мало. Лицо ея, словно печеное яблоко, было изборождено морщинами, и въ каждой складкѣ морщины таилась неисходная тоска. Рядомъ со старухой въ полъ-оборота ко мнѣ стоялъ молодой, красивый парень. Его нѣжное, пушистое, какъ кожа персика, лицо было угрюмо, по немъ пробѣгала какая-то злая судорога; губы были сжаты, въ глазахъ свѣтился недобрый огонекъ.

Я сталъ вглядываться въ сосѣда, раздумывая, на судьбу ли злодѣйку озлобился въ конецъ парень, или на одного какого обидчика—ворога. Въ это время обѣдня кончилась, начался молебенъ. Монахи — пѣвчіе сошли съ клироса на середину храма. Въ открытыхъ царскихъ вратахъ, по лаврскому обычаю, спустилась на шнурѣ икона Божіей Матери [1]). Хоръ монаховъ,

---

[1]) Это чудотворная икона, явившаяся въ 1073 году, и называющаяся „Кіево-Печерской". Примѣч. автора.

а за ними и богомольцы пѣли: „Моленій нашихъ не презри, Владычице, но отъ бѣдъ избави насъ, единая, чистая и благословенная".

Вся церковь вздрогнула. Это было не пѣніе. Это былъ общій молитвенный вопль. Это рыдала народная вѣрующая душа.

— Владычица! Спаси и помилуй!—шептала старуха.

И въ этомъ шопотѣ слышалась твердая вѣра, что Владычица ее и спасетъ и помилуетъ. Лицо старухи какъ-то расцвѣло, помолодѣло, озарилось свѣтомъ; морщины разгладились, бремя вѣкового женскаго горя свалилось съ плечъ.

Парень рядомъ схватился руками за голову, сжалъ виски и страстно стоналъ: „Пречистая, очисти, огради!"—Словно желая подъ покровомъ Ея укрыться, бѣжать отъ самого себя, отъ своего злого умысла.

Вся церковь рыдала. Молитва толпы охватила меня. Я забылъ все и опомнился, когда народъ двинулся ко кресту. Лицо мое было мокро отъ слезъ, а на душѣ свѣтло и отрадно, какъ въ лучшую пору чистаго дѣтства".

Послѣдняя иллюстрація.

Современный итальянскій писатель Габріель д' Аннунціо въ своемъ обширномъ романѣ „Страхъ смерти" такъ описываетъ тотъ могучій подъемъ религіознаго чувства, какой пробуждаютъ чудотворныя иконы въ душѣ вѣрующихъ людей.

„...Они все шли и шли, не останавливаясь, ускоряя шаги, возвышая голосъ, чуть не теряя разсудокъ отъ жаркаго солнца, которое пекло имъ головы и затылки, возбуждаемые воплями изстрадавшихся и криками, несшимися изъ церкви, охваченные безумною вѣрою, толкавшей ихъ на кровавыя жертвы, на пораненія плоти, на самыя нечеловѣческія доказательства своего религіознаго чувства [1]). Они шли и шли, горя нетерпѣніемъ войти въ церковь и преклонить колѣно на священныхъ камняхъ, заполнить своими слезами слѣды колѣнъ, оставленные на камняхъ многими тысячами народа. Они шли и шли, а число ихъ возрастало; они толпились и возбуждали другъ друга, охваченные такимъ единодушнымъ пыломъ, что производили впечатлѣніе не скопленія отдѣльныхъ людей, но одной сплошной

[1]) Тутъ имѣются въ виду католики и ихъ обычаи.

массы какой-то слѣпой матеріи, какую гонитъ впередъ сила вихря.

Эти вопли, чуть не раздиравшіе грудь, эти слова, повторяемыя безъ передышки съ упорною настойчивостью и вѣрою, этотъ дымъ, сгущавшійся какъ грозовая туча, эта тѣснота и смѣшеніе дыханій, видъ крови и слезъ подѣйствовали на толпу, и она слилась въ одно единое существо съ общею ужасною и несчастною душою, съ общими движеніями и страданіями, съ однимъ голосомъ и экстазомъ. Всѣ болѣзни и мученія слились въ одную общую болѣзнь, какую Божья Матерь должна была исцѣлить; всѣ надежды слились въ одну общую надежду, и народъ, ожидалъ ея осуществленія отъ Божіей Матери"...

Такая же картина глубокой, горячей и искренней вѣры вблизи чудотворныхъ иконъ описана еще извѣстнымъ французскимъ пасателемъ Э. Золя въ романѣ „Лурдъ".

Такимъ образомъ, уже изъ этихъ иллюстрацій мы видимъ, что около чудотворныхъ иконъ всегда замѣчается проявленіе сильнаго религіознаго чувства. А сильное религіозное чувство заражаетъ толпу, повышаетъ вѣру всякаго слабаго, колеблющагося, сомнѣвающагося, а вѣру избранныхъ, вѣру крѣпкихъ и сильныхъ повышаетъ до объема горчичнаго зерна, до возможности чудотворенія. И вотъ, когда вѣра достигнетъ крайняго своего напряженія; дойдетъ до кульминаціоннаго пункта, тогда надъ человѣкомъ совершается просимое имъ чудо.

Правда, иногда чудо совершается надъ больнымъ, который не проявилъ достаточной силы вѣры, который слабъ духомъ. Но въ такомъ случаѣ, нужно замѣтить, благодать Божія дѣйствуетъ не по его вѣрѣ, а по вѣрѣ другихъ, по вѣрѣ родителей, друзей, знакомыхъ, вѣра которыхъ „чиста, какъ пламя молитвы" и горяча, какъ пламя свѣчи.

Такая замѣна въ исповѣданіи вѣры однимъ лицомъ другого нисколько не противорѣчитъ и волѣ Божіей. Въ св. Писаніи весьма ясно говорится, что по вѣрѣ однихъ Господь спасалъ другихъ, могущихъ вѣровать. Такъ, по вѣрѣ отца Господь исцѣлилъ сына царедворца [1]). По вѣрѣ женщины ха-

---

[1]) Іоан. 4 гл. 46—53 ст.

нанеянки была исцѣлена бѣсноватая дочь ея [1]). По вѣрѣ отца былъ исцѣленъ бѣсноватый сынъ его [2]). Мало того, Господь не только по вѣрѣ родителей являлъ Свое милосердіе, но даже и по вѣрѣ благодѣтелей. Когда, напримѣръ, добрые люди, по невозможности донести больного сквозь толпу народа, спустили его сквозь крышу и поставили его предъ Господомъ, то Онъ, видя вѣру ихъ, исцѣлилъ разслабленнаго [3]). Также по вѣрѣ сотника былъ исцѣленъ слуга его [4]).

Равнымъ образомъ и здѣсь, предъ чудотворными иконами, чудо милости Божіей можетъ проявиться надъ больнымъ не только по его вѣрѣ, но иногда и по вѣрѣ его спутниковъ, родныхъ и знакомыхъ.

„Но почему такое сильное религіозное воодушевленіе вызываютъ только чудотворныя иконы, а почему его не способны вызвать простые, обыкновенные образа? — нерѣдко спрашиваютъ насъ.

А потому, отвѣтимъ мы, что мысль о томъ, что икона, предъ которой стоишь, была многое множество разъ свидѣтельницей вдохновенной молитвы, горячихъ молитвенныхъ слезъ, сама по себѣ вызываетъ силу вѣры, возгрѣваетъ ее, доводитъ до степени того „горчичнаго зерна“, о которомъ говорилъ Христосъ Спаситель, и которому уподоблялъ вѣру великихъ столповъ нашей церкви.

Прекрасно говоритъ по данному вопросу Кирѣевскій въ своей бесѣдѣ съ Герценомъ:

„Я разъ стоялъ въ часовнѣ,—говорилъ Кирѣевскій Герцену,—смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери, и думалъ, о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося Ей. Нѣсколько женщинъ, больные старики стояли на колѣнахъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты, и мало-по-малу тайна чудотворной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, унывающихъ, несчастныхъ. Она сдѣ-

---

[1]) Матѳ. 15 гл. 21—23 ст.
[2]) Марк. 9 гл. 17—25 ст.
[3]) Марк. 2 гл. 2—5 ст.
[4]) Матѳ. 8 гл. 5—13 ст.

лалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахъ, и на святую икону, тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными. Она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей... И я палъ на колѣни и смиренно молился Ей“ [1]).

Кромѣ этого сознанія, важна въ данномъ случаѣ еще молва о чудотворной силѣ той или иной иконы. Эта молва со всѣхъ концовъ Россіи собираетъ и зоветъ къ православной святынѣ вѣрующихъ людей. Зажигаетъ ихъ сердца горячей надеждой на полученіе великихъ и богатыхъ милостей отъ Господа Бога. А для слабыхъ, больныхъ, для немощныхъ духомъ и тѣломъ, эта надежда сама по себѣ является отчасти цѣлительной.

Такимъ образомъ, молитвы вѣрующихъ создаютъ около иконы атмосферу чуда, окружаютъ ее благодатью, силою вѣры привлекаютъ милость съ неба.

Такова православная точка зрѣнія по данному вопросу.

Что же наука говоритъ по поводу ея? Оспариваетъ ли ее? Критикуетъ? Признаетъ несостоятельной? Говоритъ, что на почвѣ вѣры не можетъ быть чудесъ? Что чудотворныхъ иконъ не бываетъ?

Нисколько. Серьезные ученые, люди великаго ума и большихъ познаній не только не отрицаютъ возможности чудесъ на почвѣ горячей, пламенной вѣры, но даже утверждаютъ. Они если и говорятъ, то то, что и мы говоримъ, т. е., что молитва вѣры спасаетъ болящаго и низводитъ на него благодать свыше.

Чтобы не быть голословными, мы приведемъ нѣсколько соотвѣтствующихъ иллюстрацій.

Профессоръ психіатріи въ Юрьевскомъ Университетѣ, В. Ф. Чижъ, въ своей чрезвычайно интересной статьѣ „Психологія нашихъ праведниковъ“, помѣщенной въ серьезномъ и симпатичномъ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, пишетъ по затронутому нами вопросу вотъ что:

„Для того, чтобы выздоровѣть, вслѣдствіе молитвъ святому, необходима исключительная, крайне рѣдкая, очень горя-

[1]) См. „Жизнь и труды М. П. Погодина“. т. 5-й стр. 472.

чая вѣра; многія тысячи, какъ то общеизвѣстно, нигдѣ не получаютъ выздоровленія, именно вслѣдствіе недостаточно горячей вѣры. Если бы даже половина больныхъ, страданія которыхъ излѣчиваются внушеніемъ, выздоравливали вслѣдствіе молитвъ угодникамъ (а молятся у насъ то предъ образами), то чудесъ было бы такъ много, что они были бы обычнымъ явленіемъ“ [1]).

Французскій докторъ Лоранъ въ своемъ интересномъ и популярномъ сочиненіи „Медицина души“ проводитъ такую точку зрѣнія: самымъ лучшимъ лѣкарствомъ является вѣра. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда уже всѣ доктора отказываются отъ лѣченія, одна вѣра способна возстановить болящаго отъ одра болѣзни. Вотъ собственныя его слова:

„Нельзя упускать изъ виду, что радость и надежда суть лучшія лѣкарства противъ всевозможныхъ недуговъ, и что если врачу удастся воодушевить больного, то во многихъ случаяхъ это принесетъ больше пользы, чѣмъ всякія другія средства. Извѣстно, какое огромное значеніе при всѣхъ болѣзняхъ вообще, и нервныхъ въ особенности, имѣетъ сила убѣжденія, нравственная увѣренность больного. Выходя изъ этихъ показаній опыта, не трудно понять возможность случаевъ, когда основанная на твердой вѣрѣ, идущая отъ сердца молитва оказывается могучимъ цѣлебнымъ средствомъ, дѣйствіе котораго простирается не только на душу, но и на тѣло. Предохраняя отъ нравственныхъ страданій, и отъ душевнаго разслабленія, *молитва* (предъ образами, разумѣется, какъ это вездѣ принято) *могущественно содѣйствуетъ укрощенію самыхъ необузданныхъ страстей, исцѣленію самыхъ упорныхъ недуговъ, тѣлесныхъ и душевныхъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если посредствомъ молитвы душа можетъ возвышаться надъ бреннымъ, немощнымъ тѣломъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что она можетъ также восторжествовать и надъ тѣлесными страданіями и даже остановить дальнѣйшій ходъ болѣзни или существенно измѣнить его? Факты— на лицо. А предъ ними теряютъ силу самыя упорныя сомнѣнія, хотя бы факты эти оставались необъяснимыми“ [2]).

---

[1]) „Вопросы Ф. и П.“ 1906 г. кн. 85. Ноябрь—Декабрь. стр. 385.

[2]) Д-ръ Лоранъ: „Медицина души“. Пер. Вольфсона. СПБ. 1896 г. стр. 3—4, 38 и слѣд.

Гораздо опредѣленнѣе по данному вопросу высказался профессоръ клиники нервныхъ болѣзней Ж. М. Шарко. Онъ спеціально занимался этой темой, и плодомъ его продолжительныхъ занятій явилось очень интересное сочиненіе, изданное имъ подъ заглавіемъ: „Исцѣляющая вѣра". Въ этомъ сочиненіи онъ говоритъ сперва о ростѣ цѣлительной вѣры, затѣмъ о благопріятной для нея почвѣ и наконецъ о фактахъ, скрѣпляющихъ его теорію.

Интересна и заслуживаетъ вниманія глава, трактующая о постепенномъ ростѣ исцѣляющей вѣры. Такъ какъ она вполнѣ совпадаетъ съ нашими выводами, то для дополненія вышесказаннаго и для доказательства защищаемаго нами тезиса, постараемся возможно обстоятельнѣе ознакомить читателей съ основными ея положеніями.

„Въ большинствѣ случаевъ, пишетъ Шарко [1]), цѣлительная вѣра не сразу развивается во всей своей цѣлительной интенсивности. Больной слышитъ, что въ такомъ то святилищѣ происходятъ чудесныя исцѣленія,—очень рѣдко отправляется туда немедленно. Тысячи матеріальныхъ затрудненій препятствуютъ, хотя бы временно, его перемѣщенію: неудобно паралитику, слѣпому, какъ бы онъ ни былъ богатъ, отправляться въ путешествіе. Онъ разспрашиваетъ окружающихъ, собираетъ обстоятельныя свѣдѣнія о чудесныхъ исцѣленіяхъ, о которыхъ дошелъ до него слухъ. Онъ слышитъ однѣ поощрительныя рѣчи не только отъ его окружающихъ, но часто даже отъ его врача, который не хочетъ отнять у своего больного послѣдней надежды, въ особенности если онъ предполагаетъ, что болѣзнь его кліента подвѣдома цѣлительной вѣрѣ, которой самъ онъ не могъ внушить. Впрочемъ, противорѣчіе въ данномъ случаѣ не произвело бы иного дѣйствія, кромѣ еще большаго усиленія вѣры въ возможность чудеснаго исцѣленія. Цѣлительная вѣра, зародившись, все болѣе и болѣе растетъ и развивается, инкубинація подготовляетъ ее, и мысль совершить путешествіе становится idée fixe. Люди, неимѣющіе состоянія, терпятъ лишенія, домогаются милостыни, которая помогла бы имъ добраться до святого мѣста; богатые становятся великодушными

[1]) „Исцѣляющая вѣра". Изд. маг. „Книжное дѣло". Москва. 1899 г. стр. 10, 11, 12.

къ бѣднымъ, чтобы заслужить милосердіе Божіе: всѣ съ усердіемъ молятся о выздоровленіи. При этомъ, душевное состояніе начинаетъ господствовать надъ физическимъ. Больные прибываютъ ко святымъ мѣстамъ съ тѣломъ, разбитымъ утомительной дорогой, и духомъ, въ высшей степени подчинившимся внушенію. „Если духъ больной, цитируетъ Шарко Барвелля, подчиненъ твердому убѣжденію, что она должна выздоровѣть, то она неминуемо выздоровѣетъ". Послѣднее усиліе, послѣдняя наиболѣе усердная молитва, которой помогаетъ увлеченіе, производимое внѣшнимъ культомъ, и цѣлительная вѣра производитъ желаемое дѣйствіе; чудесное исцѣленіе становится дѣйствительностью".

Далѣе Шарко приводитъ поразительные факты чудесныхъ исцѣленій, происходившихъ на почвѣ горячей, искренней вѣры въ чудо. Но мы этихъ фактовъ приводить не будемъ. Отчасти потому, что подобнаго рода случаи нами сообщены въ началѣ статьи, а отчасти потому, что узкія рамки журнальной статьи не позволяютъ намъ разбрасываться и отвлекаться въ сторону. Желающихъ же ознакомиться съ ними, тѣхъ мы отсылаемъ къ книгѣ Шарко „Исцѣляющая вѣра", а также къ книгѣ Хэкъ-Тюка: „Духъ и тѣло", гдѣ во множествѣ собраны факты чудесныхъ исцѣленій на почвѣ вѣры.

Словомъ, до чего важенъ религіозный подъемъ, подъемъ вѣры, мы можемъ заключить изъ того, какъ часты были чудеса въ эпоху первохристіанскую—„какъ бы теперь ни относились къ вопросу о чудесахъ и исцѣленіяхъ, говоритъ проф. С. Булгаковъ, но нельзя ни вычеркнуть, ни ослабить того факта, что первохристіанство жило въ атмосферѣ чуда и еще св. Ириней Ліонскій говоритъ о чудесахъ вплоть до воскрешенія мертвыхъ, совершаемыхъ христіанами" [1]).

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны сказать, что если люди не только вѣры, но и науки, если не только вѣрующіе, но даже и атеисты были свидѣтелями чудесъ отъ св. иконъ, допускаютъ полную возможность ихъ и оправдываютъ съ психологической точки зрѣнія, то, значитъ, противникамъ чудотворныхъ иконъ нечего подвергать сомнѣ-

---

[1]) С. Булгаковъ: „Два града" (О природѣ общественныхъ идеаловъ) М. 1911 г. т. I, стр. 276.

нію какъ наличность ихъ, такъ и дѣйствительность совершившихся и совершающихся около нихъ чудесъ.

Послѣднее возраженіе.

Можетъ быть всѣ приведенные случаи чудесныхъ исцѣленій можно объяснить „самовнушеніемъ, самогипнозомъ?“ Тогда все будетъ чудотворно: и лѣкарство, и землица, и тряпица, и камень, и деревцо, и все то, во что человѣкъ повѣритъ, на что будетъ смотрѣть съ вѣрою, надеждою и любовію?

И так'ія рѣчи раздаются въ настоящее время. Но и онѣ, какъ всѣ предшествующія возраженія, не должны смущать совѣсти православныхъ христіанъ, ибо тоже предъ судомъ здравой и безпристрастной критики оказываются ошибочными и несостоятельными. Даже сами представители такого рода воззрѣній и тѣ порою сомнѣваются въ правдоподобности ихъ и колеблютъ ихъ силу и достовѣрность.

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ въ своемъ дневникѣ одна потерявшая вѣру въ Богу медичка:

„Я воспитывалась въ религіозномъ семействѣ, въ вѣрѣ и любви къ Богу. Да, въ дни юности моей я глубоко вѣрила въ Бога, въ загробную жизнь, въ святыхъ и въ ихъ чудеса; и эта вѣра жила во мнѣ и крѣпла, только до поступленія на медицинскіе курсы. Когда же я поступила на курсы, моя вѣра стала постепенно ослабѣвать и, чѣмъ больше и дольше я училась, тѣмъ болѣе ослабѣвала моя вѣра, и тѣмъ дальше былъ Богъ отъ меня. Сначала я перестала вѣрить въ святыхъ и ихъ чудеса, потомъ въ загробную жизнь, а потомъ и въ Бога перестала вѣрить.

Когда было открытіе мощей св. Серафима Саровскаго, тогда много говорили и писали о великихъ чудесахъ; говорили, что многіе исцѣляются отъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Я не удивлялась тому, что многіе больные исцѣлялись мгновенно. Я говорила себѣ: „если я повѣрю въ этотъ камень, который лежитъ на могилѣ отца моего, что онъ исцѣлитъ меня, то я исцѣлюсь отъ своей болѣзни“. Однимъ словомъ, я говорила: „во что бы только человѣкъ сильно ни увѣровалъ: въ землицу-ли, въ тряпицу-ли, деревцо или камень, все равно—исцѣлится,—лишь была бы вѣра въ исцѣленіе“. Но тутъ же я сама себѣ противорѣчила. „Какъ же такъ, думала я, ты имѣешь большую вѣру въ свою медицину, и въ свои лѣкарства, а не

исцѣляешься отъ своей мигрени? Вѣдь ты съ восемнадцати лѣтъ страдаешь этой мучительной болѣзнью? Вѣдь ты кажется, все испробовала, что рекомендуется при этой болѣзни! Вѣрила и вѣришь въ лѣкарства, и все таки твоя болѣзнь не улучшается, а съ каждымъ годомъ ухудшается! А вспомни дни своей юности, вспомни свой ревматизмъ, который мучилъ тебя два года! Вспомни, какъ ты кричала отъ болей! Сколько безсонныхъ ночей провела, а въ особенности, если была ненастная погода, когда весной и осенью цѣлыми мѣсяцами не вставала съ постели! Вѣдь тебѣ ни рукъ, ни ногъ нельзя было повернуть отъ болей! Тебя лѣчили лучшіе доктора, и ты вѣрила въ нихъ, но лучше тебѣ отъ того не было. Наконецъ, твои знакомые посовѣтовали тебѣ носить цинковые браслеты на рукахъ, отъ которыхъ, будто бы, въ двѣ недѣли проходитъ ревматизмъ, и ты повѣрила. Одѣла браслеты на руки, и на ноги, и вѣрила, что черезъ двѣ недѣли избавишься отъ ревматизма. Но увы! Ты два мѣсяца носила ихъ, а болѣзнь не проходила. А такъ хотѣлось быть здоровой! Хотѣлось жить, любить, трудиться и быть полезной для другихъ! Хотѣлось поступить на медицинскіе курсы, а болѣзнь приковывала тебя къ постели. Вспомни твою горничную, которая говорила тебѣ, что будто бы она вылѣчилась въ семь дней отъ ревматизма у знахарки, которая давала ей пить какую-то воду. Ты повѣрила и послала горничную за этой цѣлебной водой. О, что это была за вода! Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а меня тошнитъ при воспоминаніи о ней.—Но тогда я пила и вѣрила, что она излѣчитъ меня; да и горничная, какъ только подастъ мнѣ этой водицы и скажетъ: „кушайте на выздоровленье: хоть и не вкусна вода, ну, да лихое лихимъ выгоняютъ, такъ и водица эта выгонитъ болѣзнь вашу, какъ и мою выгнала“, и я вѣрила...

Какъ сейчасъ помню, когда я выпила послѣдній глотокъ, то сказала:

— „Ну, покончила съ противнымъ лѣкарствомъ, теперь и болѣзнь моя кончится. Завтра встану здоровой и всѣмъ разскажу, чѣмъ я вылѣчилась. Посмотрю, какъ они будутъ смѣяться надъ знахаркой?!“

Но, увы! На завтра я совсѣмъ не поднималась съ постели, и все еще вѣрила, что можетъ день или два спустя на-

станетъ выздоровленіе. Между тѣмъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы, а мнѣ не было лучше.

Но вотъ услышала объ одномъ праведномъ мужѣ, который своими молитвами исцѣляетъ больныхъ. Я написала ему письмо, въ которомъ со слезами просила его помолиться за меня. Четырнадцатаго марта я отправила письмо, а пятнадцатаго — проснулась здоровой. Наступили ясные, сухіе дни; я стала много гулять. Молодость, жажда жизни и труда взяли свое, и я совершенно окрѣпла [1]).

Итакъ, в'ѣра помогаетъ, в'ѣра исцѣляетъ, но вѣра не во все. Вѣра въ лѣкарства, знахарей, докторовъ, всевозможные примѣты, не помогаетъ. Только одна вѣра, вѣра въ святое, чистое и божественное можетъ помочь. Потому что только здѣсь дѣйствуетъ благодать Божія, только вѣра въ Бога спасаетъ и исцѣляетъ.

Все вышесказанное кратко можно выразить въ слѣдующихъ словахъ:

„Чудотворныя иконы представляютъ собою такіе памятники, къ которымъ, такъ сказать, тянетъ религіозное чувство народа, которые собираютъ въ себѣ значительную долю его религіознаго сознанія и изъ котораго народъ въ свою очередь черпалъ силу и воодушевленіе въ тяжелые годы своей жизни [2]).

Поэтому, чудотворныя иконы сдѣлались живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Молитвы вѣрующихъ создаютъ около иконы атмосферу чуда, окружаютъ ее благодатью, силою вѣры привлекаютъ милость съ неба.

---

[1]) См. „Голосъ истины". 1913 г. Августъ. № 15, стр. 136—137.

[2]) Памятники русской литературы и древностей". Изд. Н. Тихонравова, т. IX, 1862 г. 19—20 стр. III ч.

Библія и наука

по вопросу о происхожденіи міра и человѣка.

Сказаніе Моисея о шестидневномъ твореніи міра въ теченіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій служило камнемъ преткновенія и соблазна для всѣхъ людей: для вѣрующихъ и для невѣрующихъ, для образованныхъ, и необразованныхъ, для мудрыхъ и простыхъ. Всѣ соблазнялись о немъ, всѣ находили въ немъ массу внутреннихъ противорѣчій и научныхъ несообразностей, не признавали за нимъ подлинно—историческаго характера и видѣли въ немъ ни болѣе, ни менѣе, какъ миѳъ или восточную легенду. Словомъ, ни по одному вопросу св. Писанія Ветхаго Завѣта не писали и не говорили такъ много, ни одно библейское повѣствованіе не подвергалось такой ожесточенной, безпощадной критикѣ, какъ Моисеево сказаніе о твореніи міра.

Теперь полемика по данному вопросу потеряла свою первоначальную остроту. Шумъ „совопросниковъ вѣка сего", поднятый изъ-за настоящей темы, мало-по-малу затихъ. Все, что можно было сказать за и противъ означеннаго повѣствованія, сказано.

Пользуясь наступившей тишиной, мы подведемъ итоги этой многовѣковой борьбы за истину и учтемъ ея результаты. Посмотримъ, куда теперь больше склоняется чашка вѣсовъ—въ сторону вѣры или противъ вѣры. И если въ сторону вѣры, то каковы естественно-научныя данныя послѣдняго времени даютъ перевѣсъ вѣрѣ въ борьбѣ съ невѣріемъ.

* * *

Что представляетъ собою библейское повѣствованіе о сотвореніи міра? Подлинно—историческое сказаніе или же миѳъ, легенду, народную сагу?

Такіе противники христіанской религіи, какъ Бюхнеръ, [1])

---

[1]) „Богъ и наука". СПБ. 1907 г. пер. Ф. Маркуса, стр. 41.

Штраусъ, [1]) Додель, [2]) Геккель, [3]) Сендерлендъ [4]) и мн. др. утверждаютъ, что Моисеево сказаніе о шестидневномъ твореніи ни что иное какъ, миѳъ, какъ сказка, полная восточной красоты и прелести.

Посмотримъ, можно ли согласиться съ означеннымъ взглядомъ.

Говорятъ, что библейское сказаніе о твореніи міра—миѳъ. Но вотъ вопросъ: откуда могъ появиться среди евреевъ этотъ миѳъ, когда миѳологія у евреевъ совершенно отсутствовала? Когда языкъ еврейскаго народа былъ совершенно непригоденъ для выраженія миѳологическихъ сказаній?

Возьмемъ, напримѣръ, показанія такого знаменитаго и всѣми признаннаго семитолога, какъ Ренанъ. Онъ въ своемъ капитальномъ произведеніи: „Исторія Израильскаго народа“ пишетъ:

„Миѳологія есть искусство надѣленія словъ жизнью. Но языки семитовъ не даютъ обширнаго поля для подобныхъ персонификацій. Общая черта семитовъ,—это недостатокъ продуктивности воображенія, отражающійся на ихъ языкахъ. Напримѣръ, каждое слово первобытнаго арійца насквозь пропитано миѳологіей, содержитъ въ себѣ, такъ сказать, миѳъ въ потенціалѣ. Подлежащія такихъ фразъ, какъ: „Его поразила болѣзнь, его унесла смерть, гремитъ громъ, дождитъ“ были для арійцевъ реальными существами, на самомъ дѣлѣ воспроизводившими дѣйствія, выраженныя глаголомъ.

„Семитами же, наоборотъ, всѣ дѣйствія, причина которыхъ была неизвѣстна, относились къ одной всеобщей причинѣ. Всѣ явленія, особенно метеорологическія, такъ живо интересовавшія первобытные народы, семиты приписывали дѣятельности одного и того-же существа. Одно и то же дыханіе было принципомъ жизни всего живущаго.

Громъ былъ голосомъ Бога, молнія—его свѣтомъ, грозовыя тучи—его покрываломъ, градъ —метательными снарядами его гнѣва...

---

[1]) „Старая и новая вѣра“. СПБ. 1907 г. пер.—Е. Шехтера, стр. 11—12,

[2]) „Моисей или Дарвинъ“. Изд. „Трибуна“ стр. 11—16.

[3]) „Міровыя загадки“. Москва, 1907 г. стр. 382, 245.

[4]) „Библія, ея происхожденіе, развитіе, и отличительныя свойства“. Москва, 1908 г. 10 стр.

„Корни семитскихъ языковъ слишкомъ, если такъ можно выразиться, матеріальны и грубы. Поэтому, они непригодны ни для метафизики, ни для миѳологіи. Насъ положительно удивляютъ затрудненія въ еврейскомъ языкѣ въ терминологіи простѣйшихъ философскихъ идей книги Іова и Экклезіаста. Яркій матеріальный образъ выраженія семитическихъ языковъ теряетъ свою гибкость при выраженіи и развитіи отвлеченныхъ понятій и препятствуетъ тонкой ньюансировкѣ идей.

„Не менѣе удивительна полная невозможность выразить на семитическихъ языкахъ миѳологическія и этическія концепціи арійскихъ народовъ. Безплодны всякія попытки представить себѣ, во что обратятся поэмы Гомера и Гезіода при переводѣ ихъ на еврейскій языкъ. Не только способъ выраженія, но и самое мышленіе семитовъ, носитъ глубоко монотеистическій характеръ. Чуждая семитамъ миѳологія обращается въ ихъ устахъ въ плоскій протокольно-историческій разсказъ“ [1]).

Итакъ, согласно глубокимъ знатокамъ семитическаго языка и литературы, у семитовъ миѳологія совершенно отсутствовала.

Противъ такой постановки вопроса обыкновенно смѣло возражаютъ:

„Какъ можно говорить, что у семитовъ не было миѳологіи? А арабы? А ихъ знаменитыя сказки „Тысяча и одна ночь“? Развѣ онѣ не опровергаютъ словъ Ренана? Развѣ не говорятъ, что языкъ семитовъ вовсе ужъ не такъ сухъ, какъ показался Ренану? Что онъ вполнѣ пригоденъ для выраженія отвлеченныхъ понятій и для созданія фантастическихъ и миѳологическихъ идей и сказаній? А если такъ, если у семитовъ, т. е. въ данномъ случаѣ у арабовъ, была миѳологія, то, значитъ, не чужды ея были и іудеи“.

Да, съ этимъ выводомъ можно было бы согласиться, если бы „Шехеразада“ была произведеніемъ подлинно арабскаго духа. Но въ томъ то и дѣло, что всѣ эти сказки, полныя восточной красоты и прелести, вовсе не арабскаго происхожденія. Въ этомъ, въ послѣднее время, убѣдились всѣ болѣе или менѣе крупные и авторитетные изслѣдователи арабской литературы.

---

[1]) Э. Ренанъ. „Исторія Израильскаго народа“. т. I. СПБ. Изд. Глаголева. 1907 г. стр. 54—56.

Вотъ голосъ одного изъ нихъ.

„У арабовъ, пишетъ **Дози**, воображеніе очень слабо. У нихъ кровь горячѣе нашей, страсти ихъ болѣе кипучи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это—народъ менѣе всѣхъ изобрѣтательный. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно заглянуть въ ихъ литературу. Въ литературѣ полное отсутствіе выдумки, пристрастіе къ реальному и положительному. Другіе народы создали эпопеи, въ которыхъ сверхъестественное играетъ большую роль. Въ арабской литературѣ нѣтъ эпопеи, у нея даже нѣтъ повѣствовательной поэзіи. Исключительно лирическая и описательная, эта поэзія никогда ничего другого не выражала, какъ только поэтическія стороны дѣйствительности *подлинной*. Арабскіе поэты описываютъ то, что они видятъ и испытываютъ— они ничего не выдумываютъ — и если иногда они позволятъ себѣ сдѣлать что-нибудь подобное, то ихъ соотечественники, вмѣсто одобренія грубо считаютъ ихъ за лгуновъ. Стремленіе къ безконечному, къ идеалу имъ непонятно; то, что даже въ самыя отдаленныя времена имѣло въ ихъ глазахъ главную важность—это правильность и изящество выраженія, техническая сторона поэзіи. Выдумка въ литературѣ такъ рѣдка, что когда намъ встрѣчается фантастическая поэма или сказка, то можно безошибочно утверждать, что она не арабскаго происхожденія, а переводъ. Такъ, въ „Тысячѣ и одной ночи“ всѣ тѣ волшебныя сказки, всѣ тѣ изящныя произведенія свѣжей и смѣющейся фантазіи, которыя такъ очаровываютъ нашу молодежь, всѣ онѣ индійскаго и персидскаго происхожденія. Въ этомъ огромномъ сборникѣ настоящими арабскими разсказами являются картины нравовъ и анекдоты, заимствованные изъ подлинной жизни. Отмѣтимъ, наконецъ, что когда арабы утвердились въ многочисленныхъ областяхъ, завоеванныхъ оружіемъ, и занялись научными предметами, они обнаружили то же отсутствіе творческаго духа“ [1]).

Съ этой характеристикой древнихъ арабовъ вполнѣ согласенъ и нашъ отечественный оріенталистъ, профессоръ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ А. Е. Крымскій [2]).

---

[1]) „Histoire des musulmans d'Espagne t. I. p. 12—14.

[2]) Труды по Востоковѣдѣнію. Вып. XII. Исторія мусульманства. М. 1903 г. стр. 11—12.

Итакъ, если у семитовъ не было миѳологіи, и если языкъ ихъ препятствовалъ миѳологическому творчеству, то, значитъ, и у евреевъ не было миѳологіи, и ихъ сказаніе о шестидневномъ твореніи не миѳъ, а подлинно историческое повѣствованіе [1]).

Да иначе на исторію миротворенія и смотрѣть нельзя. Вѣдь если вся книга Бытія есть книга историческая, то и начало ея (именно разсказъ о твореніи міра) должно быть тоже исторіей, а не вымысломъ, не миѳомъ.

Въ данномъ случаѣ для насъ важно еще и то, что самъ пророкъ Моисей тоже понималъ исторію творенія въ буквальномъ смыслѣ и на этой исторіи основалъ даже законъ о субботѣ. „Помни день субботный, писалъ онъ въ книгѣ Исходъ, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя: въ день же седмый, суббота Господу Богу твоему: да не сотвориши всякаго дѣла въ онь, ты, и сынъ твой, и дщерь твоя, и рабъ твой, и раба твоя, и волъ твой, и осля твое, и всякій скотъ твой, и пришлецъ, обитаяй у тебе. Зане въ шести днехъ сотвори Господь небо и землю, море и вся, яже въ нихъ, и почи въ день седмый: сего ради благослови Господь день седмый, и освяти его“ [2]).

Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ исторію творенія первыхъ людей положилъ въ основу брачнаго союза [3]) и, слѣдовательно, тоже понималъ библейское сказаніе о твореніи міра въ буквальномъ смыслѣ. Ибо всѣ учрежденія такого рода, какъ-то: брачный союзъ, празднованіе субботы — не могутъ имѣть подъ собою какихъ-либо фантастическихъ основаній, а тѣмъ болѣе—не имѣть никакихъ основаній, а должны имѣть основаніе историческое.

Вообще нужно сказать, что отступать отъ буквальнаго, историческаго пониманія Моисеева сказанія о шестидневномъ твореніи міра нѣтъ никакихъ данныхъ. Напротивъ, самый ха-

---

[1]) Подробный разборъ всѣхъ теорій о миѳологическомъ и легендарномъ характерѣ Моисеева сказанія см. въ брошюрѣ проф. С. Песоцкаго: „Къ вопросу объ историческомъ характерѣ Моисеева сказанія о твореніи міра“. Кіевъ. 1898 г.

[2]) Исх. 20 гл. 8—11 ст., 31 гл. 15—17 ст.

[3]) Матѳ. 19 гл. 4—6 ст,, Мр. 10 гл. 6 ст.

рактеръ этого сказанія заставляетъ всякаго непредубѣжденнаго читателя согласиться съ тѣмъ, что такъ не пишутся ни поэтическія произведенія, ни научныя статьи и теоріи,—и что, слѣдовательно, пр. Моисей изложилъ въ первой главѣ своего пятокнижія истинную и дѣйствительную исторію происхожденія міра и человѣка [1]), а не легендарную.

* * *

„Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю".

Міръ не вѣчно существуетъ. Онъ появился во времени, т. е. было время, когда его не было. Такъ училъ бытописатель Моисей, такъ учили пророки, тоже самое возвѣстилъ міру Христосъ Спаситель. Такъ вѣровали во всѣ времена іудеи, такъ вѣруемъ и мы, христіане.

Но противники Библіи стараются разрушить вѣру и въ это. Они говорятъ:

„Естествоиспытатель нашихъ дней сказалъ бы: Вселенная не имѣетъ ни начала, ни конца, она безконечна во времени и пространствѣ". [2])

Въ одной изъ брошюръ „Нѣмецкаго Союза Монистовъ" мы читаемъ: „Признавать, что природа имѣла моментъ начала —немыслимо, хотя въ настоящее время нѣкоторые натурфилософы и считаютъ нужнымъ признавать его; но это—не логично... Наука и разумъ требуютъ вѣры въ вѣчность всеобъемлющей природы [3]).

Посмотримъ, дѣйствительно ли это правда. Дѣйствительно ли естествознаніе противъ библейскаго ученія о конечности міра во времени и пространствѣ.

Въ 1909 году на русскомъ языкѣ вышла книга Карла Снайдера—„Картина міра въ свѣтѣ современнаго естествознанія" (переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. В. Завьялова). Книга эта говоритъ объ открытіяхъ и теоріяхъ въ области естествознанія за послѣднія десятилѣтія. Въ ней между

---

[1]) Проф. Песоцкаго... стр. 4.

[2]) Проф. Додель: „Моисей или Дарвинъ"? стр. 13.

[3]) Kramer—Magdeburg: „Die Religion der Zukunft". p. 6—7. Hamburg. 1908 г.

прочимъ, есть глава, озаглавленная вопросомъ: безграниченъ ли міръ? И вотъ въ этой главѣ авторъ, подробно изучившій естественно-научныя изысканія послѣдняго времени, даетъ такой отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ:

„Существуютъ два основанія, позволяющія считать міровое пространство конечнымъ. Одно основаніе дается слабостью звѣзднаго свѣта. То обстоятельство, что отъ многихъ звѣздъ идетъ свѣтъ бѣлый, показываетъ, что въ міровомъ пространствѣ нѣтъ поглощающей среды. Если-бы таковая была, бѣлый свѣтъ разлагался бы. Но если въ междупланетномъ пространствѣ нѣтъ поглощающей среды, и число звѣздъ безконечно, тогда и ночью и днемъ должно было бы быть одинаково свѣтло, и свѣтъ звѣздъ долженъ былъ бы быть ярче солнечнаго. Другое основаніе извлекается изъ фактовъ всемірнаго притяженія. Безконечное число звѣздъ должно было бы заставить нѣкоторыя звѣзды двигаться съ безконечною скоростью. Но этого нѣтъ. Слѣдовательно, міръ конеченъ въ пространствѣ“ [1]).

Если-же Снайдеръ, подводившій итогъ послѣднимъ новинкамъ въ области естествознанія, говоритъ, что вселенная конечна, значитъ проф. Додель и К$^{o}_{=}$ не правъ, когда утверждаетъ, будто естествоиспытатель нашихъ дней сказалъ бы: вселенная безконечна во времени и въ пространствѣ.

Итакъ, вселенная конечна по своему протяженію. Но можетъ быть она безконечна по времени?

Посмотримъ.

Наблюденія, какія приходится дѣлать ежедневно, воочію убѣждаютъ насъ въ томъ, что все, существующее въ мірѣ, получило начало во времени. Несомнѣнно, что человѣчество не существовало вѣчно, а нѣкогда имѣло свое начало. Тоже самое нужно сказать о царствѣ животныхъ и растеній. Геологія знаетъ періоды въ жизни міра т. н. азоическіе, т. е. такіе, когда животныхъ совсѣмъ не существовало. Точно также было время, когда наша планета не знала и не имѣла никакой органической жизни. Въ связи съ палеонтологіей геологія доказываетъ, что

---

[1]) Помимо Снайдера конечность міра въ пространствѣ утверждалъ А. Р. Уоллэсъ въ своей книгѣ: „Мѣсто человѣка во вселенной“, переведенной на русскій языкъ въ 1903 г.

задолго до появленія на землѣ органической жизни, земной шаръ пережилъ нѣсколько „трансформацій“ или видоизмѣненій, постепенно переходя отъ огненно-жидкаго и газообразнаго состоянія въ болѣе плотное. Астрофизика тоже самое доказываетъ относительно небесныхъ тѣлъ.

Ясно, такимъ образомъ, что міръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, такимъ сначала не былъ.

Маленькое примѣчаніе. Матеріалисты, напримѣръ Бюхнеръ, [1]) Геккель [2]) и др. хотятъ доказать безначальность матеріи тѣмъ, что она не возникаетъ, что количество существующей въ мірѣ матеріи и энергіи остается всегда неизмѣннымъ. „Между тѣмъ, самое положеніе, [3]) что матерія не возникаетъ, можетъ быть признано несомнѣнно вѣрнымъ только тогда, когда будетъ доказано, что матерія безначальна. Такимъ образомъ, матеріалистическое доказательство содержитъ въ себѣ логическій кругъ—circulus pitiosus. Въ немъ положеніе, требующее доказательства, опирается на предварительное признаніе несомнѣнности самого-же этого положенія“.

Наконецъ, совершенно ошибочно мнѣніе, будто наука стоитъ за вѣчность міра, за вѣчность матеріи. Ничего подобнаго. Напротивъ, наука послѣднихъ дней громко и вовсеуслышаніе заявила, что не только формы, но и самыя первоосновы матеріи не вѣчны ни въ прошломъ, ни въ будущемъ. Матерія не знаетъ вѣчныхъ, немѣняющихся основъ. Въ ней нѣтъ ничего абсолютно неизмѣннаго, она преходяща, разрушима, она можетъ не быть. Слѣдовательно, она должна имѣть начало.

Таковъ общій выводъ науки.

А вотъ отдѣльные, наиболѣе громкіе и ясные голоса жрецовъ науки.

„Наука, пишетъ Л. Пуанкаре, считаетъ все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что въ явленіяхъ радіоактивности мы присутствуемъ при настоящихъ трансформаціяхъ вещества, и эти трансформаціи въ корнѣ подрываютъ ученіе о вѣчности и неизмѣнности основъ матеріи—атомовъ“ [4]), а вмѣстѣ съ ними и всю, будто бы научную твердыню матеріалистическаго міровоззрѣнія.

---

[1]) „Сила и матерія“. СПБ. 1907 г. перев. Полилова 1 – 33 стр.

[2]) „Міровыя загадки“, 250 стр.

[3]) Арх. Борисъ: „О началѣ міра“, изд. 2-е. Кіевъ 1891 г. стр. 70—71.

[4]) L. Poincare. La Physique modèrne. Paris. 1908 г. стр. 268.

„Все существующее количество матеріи есть явленіе преходящее... пишетъ извѣстный О. Лоджъ. Такъ или иначе, матерія, нѣкоторыми неизвѣстными еще намъ путями, получила начало; она должна имѣть и конецъ“ [1]).

Знаменитый Густавъ Ле-Бонъ, ученый настолько же разносторонній, насколько проницательный и смѣлый, еще до открытія радія убѣдившійся въ диссоціаціи атомовъ и раньше всѣхъ оповѣстившій ученый міръ о слѣдствіяхъ, отсюда логически вытекающихъ, посвятилъ горячо написанную книгу „Объ эволюціи матеріи“ для доказательства того, что „вопреки казавшейся всегда установленной доктринѣ о вѣчности матеріи и энергіи, *матерія не вѣчна и можетъ разрушаться безвозвратно;* что *атомы*, считавшіеся вѣчными, *не вѣчны*; но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта матерія, описываемая доселѣ, какъ нѣчто инертное, есть, въ лицѣ этихъ погибающихъ атомовъ, резервуаръ колоссальной энергіи, вѣроятнаго источника всѣхъ силъ вселенной“ [2]).

Догмату неразрушимости матеріи, воспѣтому еще Лукреціемъ и подкрѣпленному Лавуазье, теперь противопоставлена *опытно подтвержденная* способность матеріи диссоціироваться *„до потери всѣхъ самихъ матерьяльныхъ качествъ“*.

„Эту способность, говоритъ Ле-Бонъ, надо признать за качество не однихъ радіоактивныхъ тѣлъ, а *за универсальное свойство матеріи вообще*, въ большей или меньшей степени. Строеніе *всякой* матеріи постоянно *диссоціируется и дематеріализируется*, проходя постепенно черезъ послѣдовательныя фазы развитія, заставляющія ее постоянно утрачивать свои матеріальныя качества до тѣхъ поръ, пока она окончательно не вернется въ лоно невѣдомаго эѳира, изъ котораго она, повидимому, произошла“ [3]). „Матерія, вернувшаяся въ эѳиръ, не можетъ уже вновь стать матеріей“ [4]).

Голоса подобнаго рода слышатся все чаще и чаще, все громче и настойчивѣе [5]).

---

[1]) О. Лоджъ: „Современные взгляды на матерію“. М. 1904 г. стр. 31—33.
[2]) В. Кожевниковъ: „Современное научное невѣріе“. М. 1912 г. стр. 96.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же.
[5]) О нихъ см. у Кожевникова стр. 89—100.

Итакъ, въ вѣковѣчной борьбѣ христіанская истина о началѣ міра во времени и въ пространствѣ не только не потеряла своей силы, но пріобрѣла еще большую устойчивость и большую обоснованность.

* * *

Теперь перейдемъ къ другому вопросу перваго библейскаго стиха:

„Въ началѣ *Богъ* сотворилъ"...

Православная церковь учитъ, что творцомъ всего видимаго и невидимаго міра является Господь Богъ, и что безъ Него ничто непонятно и ничто необъяснимо: ни появленіе первичнаго вещества, ни образованіе видимаго міра, ни возникновеніе жизни, ни происхожденіе человѣка, словомъ, ничего изъ того, что существуетъ.

Въ отвѣтъ на это ученіе вѣры слышатся другіе голоса, раздаются другія рѣчи. Говорятъ, что всю исторію мірозданія можно объяснить инымъ путемъ, безъ участія Бога, что Богъ вовсе не нуженъ, что все совершается механически, при помощи желѣзныхъ законовъ природы, которые исключаютъ самомалѣйшую нужду въ руководствѣ Высшей, Разумной, Творческой Силы.

Выразителемъ такого рода воззрѣній на міровую жизнь является извѣстный философъ Фридрихъ Ницше. Вотъ его кощунственныя по этому поводу слова:

„Гдѣ твой Богъ?... Твой Богъ умеръ. Законы и люди и силы природы убили Его. Развѣ къ намъ еще не доносится шумъ могильщиковъ, хоронящихъ Его? Развѣ мы еще не слышимъ Божественнаго разложенія? Да, Богъ умеръ! Богъ не воскреснетъ!" [1]).

Но правда ли это? Правда ли, что Богъ умеръ, что въ Немъ нѣтъ никакой нужды, что и безъ Него все понятно, все объяснимо? Правда ли, что ученые и безъ Него великолѣпно обходятся, что къ Нему не возвратятся никогда, что Онъ болѣе никогда не воскреснетъ? И никому не нуженъ?

---

[1]) Обстоятельный разборъ сихъ словъ см. у Деннерта: „Умеръ ли Богъ?" Пер. Гильберта. 1914 г. Одесса.

Нѣтъ, неправда. Самые крупные авторитетные ученые, такъ называемые свѣтила науки, и тѣ никакъ не могутъ обойтить безъ Бога. И они признаютъ, что есть Высшая, Разумная, Творческая Сила, „Кто все собою наполняетъ, объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ, Кого мы называемъ Богъ".

Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ, подтверждающихъ нашу мысль.

Величайшій физикъ нашего времени лордъ Кельвинъ счелъ въ 1903 г. нужнымъ публично и демонстративно заявить, что „современная наука стоитъ не за недоказуемость Бога, а, наоборотъ, настойчиво указываетъ на необходимость признанія и принятія идеи Бога—Творца" [1]).

„Въ предѣлахъ строго-научнаго наблюденія и опыта природа не только показываетъ намъ Бога, но и доказываетъ Его", пишетъ Фламмаріонъ въ своей интересной и содержательной книгѣ „Богъ въ природѣ".

„Изученіе природы, говоритъ ботаникъ Рейнке, приводитъ къ признанію Божества съ необходимостью: это—необходимое логическое слѣдствіе теоріи организмовъ; это не обманъ воображенія, не порожденіе вѣры или суевѣрія, а логическій выводъ изъ фактовъ точнаго знанія" [2]).

Въ своемъ „Курсѣ дифференціальнаго анализа" извѣстный математикъ Буссинескъ также заявляетъ, что бытіе Бога—не гипотеза только, а доказуемый научный выводъ изъ законовъ вселенной, заставляющихъ признать необходимаго „Мірового Двигателя", необходимую упорядочивающую интеллигенцію, аналогичную съ нашимъ разумомъ, но несравненно превосходящую человѣческую разумность" [3]).

Генри Макинтошъ, проф. зоологіи и сравнительной анатоміи въ Дублинскомъ университетѣ, пишетъ: „чѣмъ пристальнѣе изучаю я ту часть творенія, съ которою моя профессія приводитъ меня въ наибольшее соприкосновеніе, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь въ томъ, что твореніе можетъ быть объяснено только путемъ признанія Разумнаго Творца, превосходящаго въ безконечной степени рѣшительно все, намъ извѣстное" [4]).

---

[1]) См. у Кожевникова стр. 107.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) См. у Табрума: „Рел. вѣров. совр. ученыхъ", изд. 2 стр. 81.

Дарвинистъ Уоллэсъ свою долгую, научную, столь плодотворную дѣятельность заканчиваетъ обширнымъ трудомъ объ „обнаруженіи Творческой Силы Правящаго Духа и конечной цѣли въ мірѣ“, и притомъ „на основаніи старательнаго изученія научныхъ фактовъ величайшими научными авторитетами“ [1]).

И такихъ признаній и свидѣтельствъ можно привести нѣсколько десятковъ и во всякомъ случаѣ не менѣе сотни. Всѣ они собраны въ книгѣ А. Г. Табрума: „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“ и въ книгѣ В. А. Кожевникова: „Современное научное невѣріе“, къ каковымъ книгамъ мы отсылаемъ всѣхъ, интересующихся даннымъ вопросомъ.

Отсюда ясно, что Богъ не умеръ, но живъ, что ученые не только не разстались съ мыслью о Немъ, но сами послѣ долгихъ научныхъ изысканій пришли къ тому, что безъ Творческой Силы ничего и понять и объяснить нельзя. И они вѣруютъ въ Него, и благоговѣютъ предъ Нимъ и въ своихъ трудахъ прославляютъ Его.

Пусть же послѣ этого смолкнутъ голоса Ницше, Геккеля и всѣхъ ихъ учениковъ, утверждающихъ и говорящихъ, что „Законы, и люди и силы природы убили нашего Бога“.

Нѣтъ, Богъ нашъ живъ. И будетъ жить. И никогда не умретъ, ибо Онъ—вѣчный.

Теперь перейдемъ къ самому спорному и самому интересному вопросу, къ вопросу о существованіи свѣта ранѣе свѣтилъ небесныхъ.

* * *

Ст. 2—5: „Земля была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною, и духъ Божій носился надъ водою! И сказалъ Богъ: Да будетъ свѣтъ! И сталъ свѣтъ! И увидѣлъ Богъ, что свѣтъ хорошъ, и отдѣлилъ Онъ свѣтъ отъ тьмы. И назвалъ свѣтъ днемъ, а тьму—ночью. И былъ вечеръ, и было утро, день первый“.

„Помилуйте, возражаютъ намъ раціоналисты, развѣ свѣтъ можетъ существовать безъ свѣтилъ небесныхъ? Развѣ помимо солнца и звѣздъ есть еще другіе источники свѣта? Конечно,

---

[1]) См. у Кожевникова: стр. 108.

нѣтъ. Естествознаніе не знаетъ другого свѣта, кромѣ того, который исходитъ отъ свѣтилъ, имѣющихъ свой собственный свѣтъ или отражающихъ его отъ другихъ свѣтящихся предметовъ... Ни одинъ смертный не въ состояніи объяснить и понять, что обозначаетъ собой „свѣтъ“ перваго дня Моисея“ [1]).

Долго, долго такъ думали и такъ говорили всѣ, отъ мала до велика [2]). И вѣрующіе христіане ничѣмъ не могли опровергнуть этого возраженія, никакъ не могли рѣшить его. Но они не сомнѣвались въ истинности библейскаго повѣствованія. Они твердо вѣрили, что рано или поздно, но истина откроется людямъ, и они узнаютъ, что „невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога“.

И истина открылась. Въ началѣ XX вѣка наиболѣе авторитетные представители естественныхъ наукъ сами пришли къ мысли, что свѣтъ дѣйствительно существовалъ ранѣе свѣтилъ небесныхъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ доказываетъ и иллюстрируетъ эту мысль крупный нѣмецкій ученый Бельше въ своей книгѣ „Дни творенія“, появившейся и на русскомъ языкѣ въ 1908 году [3]).

---

[1]) Проф. Додель: „Моисей или Дарвинъ“ стр. 13—14; Штраусъ „Старая и новая вѣра“ стр. 10—11.

[2]) У Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ выведенъ типъ религіознаго отрицателя, который весьма часто встрѣчается и теперь. Это— Смердяковъ. Онъ началъ читать Библію, но дальше первой страницы и не пошелъ, рѣшивъ, что эта книга чрезвычайно глупая, такъ какъ въ ней говорится о существованіи свѣта, когда никакихъ свѣтилъ въ то время еще не было.

У Марка Криницкаго есть маленькій разсказикъ „Наслѣдственность“. Въ немъ выведенъ гимназистъ Кедроливанскій, разсуждающій такимъ образомъ: „Если Богъ сотворилъ солнце только на четвертый день, то, значитъ, день и ночь зависятъ не отъ солнца, а отъ чего-нибудь другого. А такъ какъ ни отъ чего другого имъ зависѣть нельзя, то отсюда ясно, что господинъ Моисей не былъ знакомъ съ математической географіей. Логически вѣрно... Истинно что-нибудь одно. И если учебникъ географіи идетъ противъ учебника Закона Божія, то это не моя вина“.

[3]) „Дни творенія“. СПБ. Пер. Александрова, стр. 28—32. Бельше заявилъ себя въ наукѣ многочисленными капитальными трудами, напримѣръ: „Любовь въ природѣ“, „Гибель міра“, „Религія новаго времени“, „Научная библія“, „Тайна южнаго полюса“, „Продолжительность существованія жизни на землѣ“ и мн. др. На русскомъ языкѣ появился въ изд. „Заря“ 4-й томъ его сочиненій.

„При помощи телескопа можно совершенно ясно замѣтить между звѣздами настоящія туманныя пятна, часто весьма слабыхъ очертаній... Спектральный анализъ доказалъ, что эти настоящія туманныя пятна представляютъ скопленіе газовъ. Долго думали, что и они стоятъ далеко внѣ нашей системы. Полагали, что это возникающія системы, подобныя нашей, міровые зародыши. Въ настоящее время все болѣе склоняются къ тому, что эти туманности носятся въ предѣлахъ нашей системы. Онѣ, повидимому, представляютъ болѣе древнія части этой системы, остатки первобытной матеріи, изъ которой постепенно образовались и продолжаютъ образовываться такія звѣзды. Частицы неизрасходованнаго вещества располагаются въ промежуткахъ между звѣздами...

„Эти остатки тумана среди дѣйствительно пылающихъ и свѣтящихся солнцъ нашей теперешней системы мы, несомнѣнно, можемъ видѣть только потому, что *первобытный туманъ обладаетъ свойствомъ какимъ то образомъ свѣтиться.* Въ настоящее время вполнѣ основательно склоняются къ опредѣленному мнѣнію: свѣтъ здѣсь происходитъ вовсе не отъ того, что туманность раскалена. Скорѣе, это явленіе фосфоресценціи при низкой температурѣ.

„При крайней степени разряженія у всѣхъ газовъ, повидимому, наступаетъ такой моментъ, когда они начинаютъ свѣтиться. Такъ и это космическое туманное облако, газъ котораго до крайности разряженъ, носится ничѣмъ не согрѣтое въ ледяномъ пространствѣ и вспыхиваетъ, согласно указанному закону, своимъ собственнымъ свѣтомъ.

Мысль эта пріобрѣтаетъ еще большое значеніе, если смотрѣтъ на эту туманность, какъ на первое сгущеніе эфира. По нашимъ современнымъ понятіямъ, эфиръ является передающей средой для волнообразнаго движенія, которое мы воспринимаемъ, какъ свѣтъ. Въ данномъ случаѣ свѣтъ исходилъ-бы изъ него самого. Эти волны, пробѣгающія въ настоящее время по несгустившимся частямъ туманности, какъ рябь и круги на поверхности пруда отъ брошеннаго камня, посылались-бы тогда его собственными центрами сгущенія, благодаря этому самому сгущенію.

„Во всякомъ случаѣ, дѣло происходило такъ, какъ будто это первая „твердь“ выдѣлялась въ голубоватомъ сумеркѣ,

въ одновременно съ нею возникшемъ первобытномъ свѣтѣ, который таинственно мерцалъ надъ нею фосфорическимъ блескомъ, какъ пылинки радія въ темномъ, холодномъ погребѣ. И только тогда, когда такія туманности или отдѣльныя части въ нихъ постепенно сгущались и все болѣе стягивались, въ нѣдрахъ ихъ происходило настоящее накаливаніе: теперь въ нихъ свѣтятся раскаленныя до бѣла солнца.

„Такимъ же образомъ и наше солнце, не смотря на постоянную потерю тепла въ окружающее его ледяное пространство, въ которомъ оно несется, уравновѣшиваетъ и непрерывно возобновляетъ свою теплоту“...

Словомъ, Бельше объясняетъ существованіе свѣта ранѣе свѣтилъ небесныхъ такимъ образомъ: въ началѣ на мѣстѣ видимаго міра существовала газообразная масса, которая, не будучи ни чѣмъ согрѣта, и будучи крайне разряжена, вспыхивала особеннымъ свѣтомъ, подобно тому, какъ и пылинки радія сами собою свѣтятся въ темномъ холодномъ погребѣ.

Такъ думаетъ Бельше. Но вѣдь и христіанская вѣра учитъ сему-же. Именно, она говоритъ, что сначала Богъ создалъ „сущность“ неба и земли, [1]) зародышъ міра и всѣхъ его существъ въ видѣ безформенной массы (хаоса), которая въ первый же періодъ жизни обладала свойствомъ свѣтиться: „въ первый день Богъ сотворилъ свѣтъ“.

Такимъ образомъ, и библейская космогонія и научная въ данномъ пунктѣ не только не противорѣчатъ другъ другу, какъ это долгое время казалось оч. многимъ, но согласуются какъ нельзя лучше. Другими словами: первые стихи Библіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ первыя главы науки о твореніи земли.

Помимо Бельше еще де-Рива признаетъ существованіе свѣта ранѣе свѣтилъ небесныхъ. Его взглядъ по данному вопросу нѣсколько иной.

„Свѣтъ окружалъ нимбомъ всю громаду міра, еще не распавшагося на миріады міровъ,—всю „землю и небо“ перваго стиха кн. Бытія. Этотъ первобытный свѣтъ сроденъ нашимъ сѣвернымъ сіяніямъ. Это былъ результатъ энергичнаго выдѣленія электричества, вслѣдствіе соприкосновенія морскихъ водъ съ внутреннимъ огнемъ земного шара. И эти свѣтовыя явле-

---

[1]) Твор. св. отцовъ. Т. XXII. Твор. св. Ефрема Сирина г. 8 стр. 250.

нія, вслѣдствіе высоты и однообразія температуры, не должны были сосредоточиваться исключительно около полюсовъ, а образовывали, какъ бы атмосферически „ореолъ вокругъ нашего шара“ [1]).

Все чаще и чаще, съ каждымъ годомъ все больше и больше находится людей, которые, оперируя чисто научными данными, приходятъ къ тому заключенію, что первые стихи кн. Бытія представляютъ собою „предвосхищеніе“ великихъ откровеній науки [2]). Пройдетъ еще немного времени, наука быстрыми шагами пойдетъ впередъ, разумъ человѣческій развьется, и тогда всѣ тѣ „малые и великіе“, которые до настоящаго времени и теперь смѣялись и смѣются надъ библейскимъ сказаніемъ о твореніи свѣта въ первый день, поймутъ свою ошибку и станутъ молиться тому Богу, котораго отвергали, и исповѣдывать то вѣроученіе, надъ которымъ смѣялись. И это будетъ, будетъ!

* * *

Противники христіанской вѣры, чувствуя, что изъ ихъ рукъ ускользаетъ послѣдняя опора, пытаются помѣшать подобному соглашенію вѣры съ наукой. Они говорятъ: если даже ученые и признаютъ возможность существованія свѣта ранѣе свѣтилъ небесныхъ, то этимъ не оправдывается библейское повѣствованіе. Дѣло въ томъ, что по представленію науки весь процессъ мірообразованія совершался постепенно, тянулся нѣсколько вѣковъ и тысячелѣтій, такъ что отъ первобытной свѣтящейся массы до образованія свѣтилъ небесныхъ прошелъ весьма длинный промежутокъ времени, исчисляемый нѣкоторыми учеными даже милліонами лѣтъ, [3]) между тѣмъ по опи-

---

[1]) „Церковь“ 1908 г., № 45, стр. 1512. Ст. арх. Михаила: „О вѣрѣ и невѣріи.

[2]) Эти признанія ученыхъ собраны въ книгѣ д-ра Деннерта: „Геккель и его міровыя загадки“.

[3]) По Бишофу одни растенія, произведшія угольныя залежи въ саарбрюкскихъ областяхъ, должны были потребовать на возрастаніе 1.004,177 лѣтъ. Ляйель находитъ, что для образованія наносовъ Миссисипи понадобилось 67.000 лѣтъ, а по мнѣнію другого геолога—158.000 лѣтъ. Для образованія же всего міра Ляйель находитъ нужнымъ допустить 350.000,000 лѣтъ. См. объ этихъ цифрахъ у Лютарда: „Апологія христіанства“. СПБ Изд. Тузова. 1909 г. стр. 816; 67—68.

санію Библіи, созданіе міра совершилось въ теченіе 6 дней! Какая огромная разница! Какая великая, ничѣмъ незаполнимая пропасть лежитъ между Библіей и наукой! А еще говорятъ о ихъ соглашеніи!

Въ отвѣтъ на это возраженіе должно сказать слѣдующее.

Тѣ милліоны лѣтъ, о которыхъ твердятъ и которыхъ требуютъ натуралисты для всего процесса мірозданія, въ высшей степени проблематичны. Послѣднія научныя изысканія показали, что надобности въ нихъ не ощущается никакой и что безъ нихъ можно все удовлетворительно объяснить.

Чтобы не быть голословными, мы приведемъ нѣсколько соотвѣтствующихъ справокъ.

Напримѣръ, Джорджъ Дарвинъ (сынъ Чарльза Дарвина) предложилъ собственную теорію происхожденія луны чрезъ отдѣленіе ея и постепенное удаленіе отъ земли. И требовалъ по крайней мѣрѣ 60 милліоновъ лѣтъ для того, чтобы реализировать дѣйствительныя движенія луны, относительно которой ранѣе предполагалось, что она была сперва чѣмъ-то вродѣ нароста на землѣ. А извѣстный Эмиль Бело, опубликовавшій въ 1913 году статейку: „Les Nebuleuses et l'origine des mondes (Bulletin de la Société Belge d' Astronomie), представляющую собою резюме его раннѣйшихъ работъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попытку подвести итогъ всему тому, что было сдѣлано по данному вопросу отъ времени Дарвина до настоящихъ дней, свелъ лишенную для насъ цифру Дарвиновскихъ милліоновъ къ двумъ годамъ. Какой поразительный контрастъ между старыми и новыми цифрами естествоиспытателей! 2 года и 60.000.000! Это кажется даже невѣроятнымъ, баснословнымъ, но между тѣмъ это такъ. Болѣе того, оказывается, что и всѣ свѣтила солнечной системы современны, и ихъ образованіе заняло не больше времени, чѣмъ эволюція какой-либо *Nova* (новой звѣзды), т. е. менѣе двухъ лѣтъ.

На основаніи же какихъ данныхъ наука получаетъ новыя цифры?—На основаніи слѣдующаго положенія. Всякая звѣздная система въ своемъ существованіи имѣетъ двѣ послѣдовательныя фазы, незамѣтно и быстро переходящія одна въ другую: періодъ картезіанскій, или вихревой, очень короткій, характеризуемый громадными скоростями, преобладаніемъ отталкивающихъ силъ, опредѣленіемъ геометрическихъ формъ

системы и радіальнымъ разсѣяніемъ ея массъ, и періодъ ньютоновскій, въ которомъ сопротивленіе туманной среды, увеличивъ массы молекулъ, и ослабивъ ихъ скорости, останавливаетъ радіальное разсѣяніе и подчиняетъ силѣ притяженія всѣ первоначальныя силы. Вотъ эта-то вихревая гипотеза и уничтожаетъ нужду въ милліонахъ и билліонахъ вѣковъ того щедраго кредита, который испрашивали прежніе творцы космогоническихъ теорій.

Въ области геологическихъ разсчетовъ оказывается возможнымъ то же самое, что имѣетъ мѣсто въ космогонической области. Изъ роста сталактитовъ и сталагмитовъ [1]) можно получить совсѣмъ иныя цифры, чѣмъ тѣ, которыя извлекали Ляйэль и его послѣдователи.

Вотъ примѣръ.

Въ адельсбергской пещерѣ есть огромный сталагмитъ. По научнымъ вычисленіямъ, ростъ его образованія въ 70 лѣтъ равенъ ¼ линіи, такъ что возрастъ его=217100 лѣтъ. Но въ Юрьевѣ, менѣе полутораста лѣтъ тому назадъ, былъ построенъ каменный мостъ, съ котораго свѣшиваются теперь сталактиты въ 3 дециметра длиною. Они образовались вслѣдствіе просачиванія подпочвенныхъ известковыхъ водъ черезъ щели и скважины сводовъ. Ростъ сталактитовъ здѣсь оказывается въ среднемъ равенъ двумъ милиметрамъ въ годъ. Если сталагмитъ въ адельсбергской пещерѣ росъ въ среднемъ по этому масштабу, то его возрастъ въ настоящее время равенъ приблизительно 2250 годамъ, т. е. почти во сто разъ менѣе вышеобозначенной цифры.

Обратимся теперь къ каменному углю. Въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, Фойэль предложилъ новую теорію происхожденія каменнаго угля. Эта теорія такъ же мало нуждается въ милліонахъ лѣтъ, какъ и луна, по теоріи Бело. Гипотезу Фойэля развилъ и подкрѣпилъ новыми доводами Лаппаранъ, авторъ извѣстнаго труда: „Наука и Апологетика“ [2]).

---

[1]) Въ пещерахъ сверху создаются натечныя образованія, на подобіе ледяныхъ сосулекъ. Они называются сталактитами. Снизу кверху растутъ подобныя образованія, называемыя сталагмитами.

[2]) „Наука и Апологетика“ 1911 г. Серг. Пос. Переводъ Н. П. Цвѣтковой. Ред. проф. С. С. Глаголева.

Можно привести еще одинъ примѣръ того, какъ постепенно сокращаются милліоны и милліарды гордой своими успѣхами науки. Каменный вѣкъ въ жизни человѣчества подраздѣляютъ на два періода: полеолитическій—періодъ употребленія орудій изъ полированнаго камня. Обыкновенно принимали, что конецъ послѣдняго отстоитъ отъ нашего времени болѣе, чѣмъ на 10,000 лѣтъ. Но что-же оказалось? — Съ 1874 г. на берегахъ Луары, около мѣста ея впаденія, берегахъ, занимающихъ, очевидно, мѣсто прежняго моря и образовавшихся вслѣдствіе илистыхъ отложеній Луары, производились раскопки. Тамъ нашли много череповъ, бронзовыхъ и каменныхъ неолитическихъ орудій, и на основаніи геологическихъ вычисленій Ренэ Кервиллера, которыя въ наукѣ общеприняты, установлено, что 1) въ 6 в. до Р. Христова, въ устьѣ Луары уже пользовались полированнымъ каменнымъ топоромъ, съ рукояткой изъ оленьяго рога; 2) что введеніе бронзы въ этой мѣстности произошло въ 7 вѣкѣ до нашей эры; 3) что за 1000 лѣтъ до нашей эры, здѣсь употребляли полированные топоры несравненно болѣе грубые, чѣмъ въ послѣдующее время [1]). — Вотъ вамъ и десять тысячъ лѣтъ.

И такъ во всемъ. Вездѣ со счетовъ науки сбрасываются огромныя цифры. Вездѣ уменьшаются кредиты на милліоны и билліоны. И мы вѣримъ, что настанетъ время, и оно близко уже, когда и въ данномъ вопросѣ установится полное согласіе между Библіей и наукой. Наука откажется отъ милліоновъ, а Библія своимъ божественнымъ авторитетомъ оправдаетъ ея новыя хронологическія даты.

Такимъ образомъ, рѣчи о милліонахъ лѣтъ, которыми такъ свободно оперировали ученые, и на которыхъ еще и теперь настаиваютъ нѣкоторые современные жрецы науки, по меньшей мѣрѣ смѣшны. Если хорошенько вдуматься въ нихъ, то мы увидимъ, что они представляютъ собою не что иное, какъ результатъ поспѣшныхъ выводовъ, неточныхъ и невѣрныхъ догадокъ и научнаго верхоглядства. Что это такъ, въ этомъ достаточно убѣждаютъ насъ вышеприведенныя справки и соображенія.

---

[1]) Проф. С. С. Глаголевъ „Прошедшее и будущее міровъ". См. „Естественно-научные вопросы въ ихъ отношеніи къ христіанскому міропониманію". Серг. Посадъ 1914 г.

Помимо всего этого, нужно обратить вниманіе вотъ на что. Первая глава книги Бытія совсѣмъ не ставитъ и не рѣшаетъ вопроса о длинѣ первыхъ дней. Но мы думаемъ, что не было бы противорѣчіемъ св. писанію, и не было бы уступкой времени, если бы мы считали библейскіе дни за огромные міровые періоды. Текстъ Библіи позволяетъ это. День, по еврейски, „йомъ". Но это слово не означаетъ 24-часового періода. „Йомъ", равное русскому „часъ", славянскому „година", означаетъ періодъ времени, безъ опредѣленія его длительности. Иногда слово „день" обозначаетъ въ Библіи цѣлую эпоху, напримѣръ „мессіанскую". Седьмой день, въ который Господь почилъ отъ дѣлъ своихъ, продолжается и доселѣ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ—и самое главное: день въ 24 часа существуетъ только для земли, такъ какъ его долгота опредѣляется вращеніемъ земли вокругъ оси. На другой планетѣ, вращающейся вокругъ оси не въ 24 часа, день будетъ либо больше, либо меньше. Смотря по тому, въ какой промежутокъ времени будетъ совершать планета свое вращеніе вокругъ собственной оси. Слѣдовательно, у той „земли", о какой рѣчь идетъ въ 1-мъ стихѣ 1-ой главы кн. Бытія, о великомъ хаотическомъ ядрѣ, изъ какого родились міры, день, конечно, равнялся тому періоду, въ продолженіи котораго сіялъ первобытный свѣтъ, смѣнявшійся періодически первобытной ночью.

Мы не знаемъ, конечно, длительности этого древняго дня. Если имѣть въ виду свидѣтельство Фая, что вращеніе первыхъ міровъ было очень медленно, то нужно научно признать, что день „первой земли", великаго шара, изъ котораго развились міры, былъ огромной длительности.

По словамъ 89 псалма, авторомъ котораго является пророкъ Моисей, въ очахъ Господнихъ—тысяча лѣтъ, какъ день единый. Итакъ, все говоритъ за то, что въ св. Писаніи „день" не всегда обозначаетъ время въ 24 часа, но обозначаетъ иногда цѣлые періоды.

Что въ данномъ случаѣ, т. е. первые дни творенія, нужно мѣрить не нашей мѣркой, видно, по крайней мѣрѣ, изъ того, что смѣна утра вечеромъ зависѣла здѣсь не отъ захода и восхода солнца.

Принимая во вниманіе все, только что сказанное, приходишь къ тому заключенію, что и „библейскіе дни" не являются существеннымъ препятствіемъ къ соглашенію Библіи и науки.

* * *

Ст. 6—8: „И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди воды и да отдѣляетъ она воду отъ воды, и стало такъ. И сотворилъ Богъ твердь и отдѣлилъ воду, которая подъ твердью, отъ воды, которая надъ твердью. И назвалъ Богъ твердь небомъ... И былъ вечеръ, и было утро, день второй".

По поводу этого библейскаго повѣствованія, проф. Додель, извѣстный своею рѣзкою критикою первыхъ страницъ Библіи, восклицаетъ:

„Въ этомъ заключается значительное противорѣчіе! Первый стихъ гласитъ, что Богъ сотворилъ „небо" въ началѣ, и вотъ оказывается, что небо было сотворено вторично на второй день. Это совершенно непостижимо, непонятно, безсмысленно. Здѣсь страшная путаница [1]).

Для другихъ раціоналистовъ „твердь"— это зеркальный небосводъ. По ихъ мнѣнію, Библія отразила здѣсь поэтическое, но конечно, невѣжественное представленіе о небѣ, какъ о стеклянномъ куполѣ. Другими словами, Моисей понималъ небо— какъ его невѣжественные современники [2]).

Какое невѣжественное представленіе! Какой ненаучный комментарій! Вѣдь слово „твердь" вовсе не содержитъ въ себѣ, по первоначальному еврейскому тексту, намека на что-то твердое. Такъ что, утвержденіе, будто Моисей словомъ „твердь" указываетъ на установку какого-то твердаго свода, распростертаго надъ нашими головами, и раздѣляющаго верхнія воды отъ нижнихъ, есть, по существу, невѣжество, ошибка, основанная на незнаніи древне-еврейскаго языка.

Свою мысль мы подтвердимъ ссылкою на авторитетныхъ толкователей, на глубокихъ знатоковъ библейскаго языка.

Еврейское слово „rakia", служащее для обозначенія въ Библіи тверди, пишетъ Марсель Серресъ,—не имѣетъ ни близкаго, ни отдаленнаго отношенія къ тому, что обыкновенно понимаютъ подъ нимъ, т. е. къ чему-то твердому и жестокому, каково кристалловое небо Птоломея. Оно означаетъ собственно

---

[1]) „Моисей или Дарвинъ"? стр. 14.

[2]) См. Бельше: „Дни творенія", а также Н. Энгельгардта: „Что такое кометы?"

пространство, или протяженіе (expansum, expansio—отъ глагола expanere—простирать, протягивать). Въ дальнѣйшемъ значеніи это выраженіе указываетъ на твердую, необыкновенно легкую матерію, какова эфирная матерія“ [1]).

„Подъ твердью, пишетъ ж. д'Этьенъ, [2]) нужно разумѣть не небо, а пространство (rakia), образовавшееся вслѣдствіе подраздѣленія первобытной массы на множество отдѣльныхъ, самостоятельныхъ планетъ“. Поэтому, на латинскій языкъ онъ переводитъ rakia не словомъ „firmamentum“, а словомъ „expansio“.

По словамъ Меньяна, „rakia“ не заключаетъ въ себѣ никакой идеи свода, но означаетъ только пространную, вещественную массу (изъ вещества твердаго или нетвердаго), представляющую гладкую и тонкую поверхность“ [3]).

„По переводу Мандельштама: [4]) „и сказалъ Богъ: да будетъ пространство посреди воды“... тоже видно, что онъ подъ словомъ rakia разумѣлъ не то небо, какое разумѣютъ раціоналисты.

Такимъ образомъ, раздѣленіе водъ и устроеніе тверди должно понимать въ смыслѣ обособленія міровъ, соединенныхъ прежде въ одно цѣлое.

А такое пониманіе вполнѣ гармонируетъ съ научными космогоническими теоріями. Возьмемъ, напримѣръ, теорію Фая. По этой теоріи „вселенная въ началѣ представляла хаосъ, въ составъ котораго входили всѣ элементы земной химіи. Эти матеріалы, связанные взаимнымъ притяженіемъ частицъ, съ самаго начала, какъ воды океана, находились въ волнообразномъ движеніи по разнымъ направленіямъ (воды вверху и внизу). Движеніе произвело отдѣленіе ихъ въ видѣ облаковъ или хлопьевъ. Послѣднія сохранили быстрое наступательное движеніе въ пространствѣ и въ то же время чрезвычайно медленные внутренніе круговороты. Эти миріады хаотическихъ хлопьевъ, путемъ постепеннаго сгущенія матеріи, дали начало раз-

---

[1]) Die Kosmos, стр. 48.

[2]) Ж. д'Этьенъ: „Какъ образовалась вселенная“: О твореніи 2-го дня.

[3]) „Міръ и первобытный человѣкъ“ стр. 36; Новорусскій „О шестидневномъ твореніи“. Православное Обозрѣніе, 1887 г. 1 т. 687 стр.

[4]) „Тора“. Берлинъ 1895 г. переводъ пятокнижія на русск. языкъ 2 стр.

личнымъ мірамъ вселенной“ [1]). Это раздѣленіе міровъ и образовало между ними „прорывы“, „промежутки“, „междупространства“—rakia—или „твердь“.

* * *

Ст. 9—13: Въ третій день Богъ отдѣлилъ воду отъ земли и повелѣлъ землѣ произвести растенія.

Раціоналисты не могутъ принять этой части библейскаго повѣствованія и говорятъ:

„Сотвореніе растительнаго міра, прежде чѣмъ солнце появилось на небѣ, является физической невозможностью. Еще большей невозможностью является сохраненіе растительнаго міра—безъ солнца—въ теченіе долгаго промежутка времени, который отводятъ каждому дню творенія Моисея ученые толкователи Библіи“ [2]).

Посмотримъ, дѣйствительно ли раціоналисты правы въ данномъ случаѣ. Дѣйствительно ли растенія не могли появиться и существовать безъ свѣтилъ небесныхъ, въ частности безъ солнца?

Третій день (періодъ) характеризуется появленіемъ наземной флоры. Онъ соотвѣтствуетъ въ геологіи эпохамъ девонской и каменноугольной. Изслѣдованіе растеній этихъ эпохъ показываетъ, что земля была тогда въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь, именно: атмосфера ея была тогда чрезвычайно насыщена углекислотою; затѣмъ, на землѣ тогда не было различія климатовъ и временъ года. Первое доказывается обиліемъ углерода въ растеніяхъ этихъ эпохъ. Второе—тѣмъ, что растенія однихъ и тѣхъ же видовъ были распространены тогда по всей землѣ, они встрѣчаются и у Шпицбергена и у тропиковъ; и это же доказывается еще тѣмъ, что при перерѣзываніи этихъ растеній, въ стволахъ не оказывается тѣхъ концентрическихъ круговъ, по которому въ настоящее время мы узнаемъ возрастъ растеній, и существованіе которыхъ обусловлено различіемъ временъ года.

Все это показываетъ, что тогда были иныя астрономиче-

---

[1]) Объ этой теоріи см. у арх. Бориса: „О началѣ міра“ стр. 120—124.

[2]) Додель: Моисей или Дарвинъ? стр. 15.

скія условія, чѣмъ теперь. И значитъ, тогда растенія [1]) могли существовать и безъ солнца.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ отвѣтъ на это возраженіе нужно замѣтить, что по теоріямъ Фая и Лигондэ, солнце вообще моложе земли, и образованіе его было актомъ значительно послѣдующимъ за образованіемъ земли.

Но объ этомъ послѣ.

* * *

Ст. 14—19: „И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ; и да будутъ они свѣтильниками на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю; и стало такъ. И создалъ Богъ два свѣтила великія, свѣтило большее, для управленія днемъ; и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды...

Такимъ образомъ, въ четвертый день Господь сотворилъ свѣтила небесныя.

По поводу этого дня творенія противники христіанской вѣры возражаютъ.

„Противорѣчіе на противорѣчіи, невозможность на невозможности! Вѣдь земля, солнце, мѣсяцъ и звѣзды возникли въ совершенно другомъ хронологическомъ порядкѣ, чѣмъ разсказываетъ Моисей. Именно, солнце появилось задолго до земли, земля задолго до луны, а безчисленныя звѣзды существовали во вселенной за милліарды лѣтъ до нашего солнца со всѣми его планетами и спутниками. Конечно, Моисей противорѣчитъ самъ себѣ, когда на четвертый день онъ отдѣляетъ еще разъ свѣтъ отъ тьмы, хотя это уже произошло въ первый день, и уже раньше день чередовался съ ночью, вечеръ съ утромъ“ [2]).

Посмотримъ, насколько правдоподобно и серьезно настоящее возраженіе.

Теперь предложено нѣсколько новыхъ космогоническихъ теорій. Онѣ различаются между собою въ подробностяхъ, но

---

[1]) См. у Ж. д'Этьена: „Какъ образовалась вселенная?“ проф. С. Глаголева „изъ чтеній о религіи“. Серг. Посадъ 1903 г. стр. 378.

[2]) Проф. Додель „Моисей или Дарвинъ?“ стр. 15. Штраусъ: „Старая и новая вѣра“ стр. 11 и др.

всѣ согласны между собою въ своей основѣ и сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ.

На мѣстѣ нынѣшней солнечной системы находилась нѣкогда разрѣженная пылеобразная туманность, или вѣрнѣе: вещество солнечной системы нѣкогда представляло собою разрѣженную туманность, такъ какъ мѣсто, которое занимала эта туманность въ пространствѣ, было, разумѣется, совершенно инымъ, чѣмъ теперь (солнечная система имѣетъ собственное движеніе, она направляется теперь къ созвѣздію Лиры и Геркулеса). Въ различныхъ пунктахъ туманности образовались мѣстныя сгущенія вещества, изъ этихъ мѣстныхъ концентрацій образовались планеты. Изъ ближайшаго вещества къ этимъ планетамъ начали образовываться ихъ спутники. Образованіе планетъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ туманности явился центръ тяжести. Остатки пылеобразнаго вещества, невошедшаго въ составъ планетъ и ихъ спутниковъ, устремились къ центру, и изъ нихъ возникло солнце. Очень только незначительное количество вещества $\left(\frac{1}{700}\right)$ пошло на образованіе планетной системы, громадная же часть туманной массы вошла въ составъ солнца. Образованіе солнца происходило съ постепенностью и, какъ это ни странно, можно сказать не окончилось до сего дня. Дѣло въ томъ, что пылеобразное вещество, при своемъ движеніи по направленію къ солнцу, не всегда попадало въ сферу центральнаго притяженія, но въ значительномъ количествѣ уходило отъ солнца назадъ по удлиненнымъ эллипсисамъ, чтобы потомъ снова и еще ближе подойти къ солнцу и т. д., пока, наконецъ, приближающееся вещество не вступитъ въ сферу центральнаго притяженія и не упадетъ на солнце. Кометы и падающія звѣзды, это—остатки того первичнаго вещества, изъ котораго образовался солнечный міръ, это – матеріалъ, который рано или поздно также пойдетъ на постройку солнца, а отчасти и планетъ [1]).

---

[1]) Проф. С. Глаголевъ: „Религія и наука въ ихъ взаимоотношеніи къ наступающему XX столѣтію“ 1900 г. Сергіевъ Посадъ стр. 88—89.

Авторы приведенныхъ возраженій стоятъ, повидимому, на точкѣ зрѣнія Канта и Лапласа. По этой теоріи дѣйствительно: земля — дочь солнца, луна—дочь земли и т. д. Но вѣдь теперь Канто-Лапласская теорія признана несостоятельной съ научной точки зрѣнія (см. Глаголева: „изъ ученій о религіи“ стр. 360—61), слѣдовательно, и возраженія подобнаго рода должны потерять свою силу.

Таковы теоріи Лигондэ, [1]) Морэ, [2]) Фая, [3]) Уоллэса [4]) и мн. др. Всѣ онѣ доказываютъ ту мысль, что земля въ солнечной системѣ родилась ранѣе, чѣмъ сорганизовалось, приняло настоящій видъ солнце. Но вѣдь это-же самое говоритъ и Библія. А если такъ, то, значитъ, нѣтъ никакого противорѣчія между Астрономіей и Богословіемъ. Значитъ, Моисей былъ правъ, когда изображаетъ твореніе четвертаго дня въ томъ видѣ, въ какомъ описано оно на первой страницѣ Библіи.

Разберемъ еще одно возраженіе.

„Какъ, скажутъ намъ,– развѣ звѣзды малыя свѣтила,— рядомъ съ луной“?

Конечно. Вѣдь Моисей писалъ для людей, какъ „они видятъ“, и, конечно, былъ правъ, называя для земли, въ отношеніи къ землѣ, луну большей, чѣмъ Юпитеръ и т. д.

* * *

Ст. 20—23. По библейскому сказанію, въ пятый день Богъ сотворилъ рыбъ и птицъ.

Посмотримъ, что говорятъ раціоналисты противъ творенія пятаго дня.

„На пятый день—пишетъ Додель, — Богъ сотворилъ водяныхъ животныхъ и птицъ въ воздухѣ. Между тѣмъ, естественныя науки доказали самымъ очевиднымъ образомъ, что животный міръ развился одновременно съ растительнымъ и что птицамъ въ воздухѣ предшествовали земныя животныя, тогда какъ Моисей говоритъ, что земныя животныя появились только на шестой день“ [5]).

Возраженіе совершенно неосновательное! Точка зрѣнія ошибочная.

Раскроемъ, напримѣръ, книгу такого выдающагося естествовѣда, какъ Бельше. Книга его по данному вопросу озаглавлена такъ: „Научная Библія“. Въ концѣ 3-й главы мы чи-

---

[1]) См. „Вѣра и разумъ“ 1897 г. №№ 22 и 24.

[2]) Аб. Морэ: „Солнце“. 1904 г. СПБ.

[3]) Арх. Борисъ. „О началѣ міра“ стр. 120—124.

[4]) А. Р. Уоллэса: „Мѣсто человѣка во вселенной“ 1904 г. СПБ.

[5]) „Моисей или Дарвинъ“? стр. 16.

таемъ: Представимъ себѣ картину міра передъ рожденіемъ млекопитающаго, когда стая ихтіозавровъ, плавая въ открытомъ морѣ, встрѣчается на залитой солнцемъ поверхности моря съ древней птицей, свободно парящей въ воздухѣ. Библейское преданіе оправдывается на дѣлѣ. Только одни водяныя животныя и птицы,—и такъ тихо въ безграничномъ пространствѣ между голубымъ небомъ и безбрежной синей пропастью".

Изъ этихъ словъ авторитетнаго представителя естественныхъ наукъ XX вѣка мы видимъ, что сначала появились только водныя животныя и птицы. Такимъ образомъ, Додель и К-о глубоко ошибаются, когда говорятъ, что животный міръ развился одновременно съ растительнымъ, и что птицамъ въ воздухѣ предшествовали земныя животныя.

Если, наконецъ, возьмемъ мы послѣдніе, наиболѣе выдающіеся курсы по палеонтологіи, то и тамъ найдемъ подтвержденіе своихъ взглядовъ и опроверженіе „научныхъ" доводовъ нашихъ религіозныхъ противниковъ.

Такъ, въ сочиненіи проф. Л. Бейсгаузена: [1]) „Развитіе міра животныхъ", мы читаемъ, что позвоночныя животныя слѣдуютъ одни за другими въ такомъ порядкѣ: рыбы, пресмыкающіеся, птицы и, наконецъ, млекопитающія. Эта указанная послѣдовательность организмовъ считается, нужно замѣтить, вѣрнымъ результатомъ палеонтологическихъ изслѣдованій.

И этихъ цитатъ вполнѣ достаточно для доказательства той мысли, что сказаніе пр. Моисея о шестидневномъ твореніи міра нисколько не противорѣчитъ современнымъ научнымъ даннымъ о развитіи міра и животныхъ.

* * *

Въ шестой день Богъ сотворилъ животныхъ и человѣка.

Противъ этого дня творенія ничего не возражаютъ раціоналисты. Даже Додель, наиболѣе рѣзкій критикъ Моисеева повѣствованія, и тотъ не нашелся ничего возразить. И онъ

---

[1]) „Вселенная и человѣчество" т. 2-й. СПБ. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе" см. таблицу постепеннаго развитія животнаго царства, помѣщенную на 449 стр.

согласился, что „Моисей правъ, отводя сотвореніе человѣка на самый конецъ".

Остается послѣдній вопросъ—какъ понимать сотвореніе человѣка? Или онъ произошелъ отъ животныхъ и представляетъ собою послѣднюю ступень развитія органическаго міра, или же онъ ничего общаго съ животными не имѣетъ?

Объ этомъ дальше.

* * *

Подводя итогъ всему вышесказанному, приходишь къ тому заключенію, что между библейскимъ сказаніемъ о сотвореніи міра и научнымъ описаніемъ не существуетъ никакого противорѣчія. Напротивъ, во всемъ полная согласованность.

О происхожденіи человѣка.

I.

Вопросъ о происхожденіи человѣка принадлежитъ къ числу весьма сложныхъ и трудныхъ вопросовъ. Его нельзя рѣшить сразу, однимъ взмахомъ пера, однимъ напряженіемъ воли и ума. Нѣтъ. Онъ требуетъ большой затраты времени, силъ и труда. Это вѣдь не одинъ вопросъ, а соединеніе, смѣшеніе нѣсколькихъ вопросовъ. Въ немъ одинаково заинтересованы и богословіе, и психологія и естественныя науки. Посему, для болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія затронутаго нами вопроса необходимо обозрѣть и критически оцѣнить весь тотъ обширный и разносторонній матеріалъ, какой добытъ вѣковыми усиліями ученыхъ крезовъ, и какой находится въ обращеніи на современномъ научномъ рынкѣ.

Но въ тѣсныхъ рамкахъ журнальной статьи совершенно немыслимо осуществить данную задачу. И потому, взятую нами тему мы съузимъ до крайнихъ предѣловъ. Мы ограничимся только тѣмъ, что подведемъ итогъ научнымъ изысканіямъ въ интересующей насъ области и посмотримъ, противорѣчатъ ли они библейскимъ даннымъ или же нѣтъ, колеблютъ ли откровенное ученіе о происхожденіи человѣка или же оказываются совершенно безсильными предъ разумомъ божественной истины.

Начнемъ съ Библіи.

Въ книгѣ Бытія о сотвореніи человѣка повѣствуется слѣ-

дующимъ образомъ: „и созда Богъ человѣка, персть (вземъ) отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни: и бысть человѣкъ въ душу живу“ (Быт. 2 гл. 7 ст.).

Другими словами, человѣкъ имѣетъ самостоятельное происхожденіе, а вовсе не является, какъ это утверждаютъ весьма многіе естествоиспытатели, высшимъ типомъ развившагося млекопитающаго животнаго.

Но вотъ вопросъ: неужели означенное библейское повѣствованіе должно понимать въ буквальномъ смыслѣ?

Да, только съ маленькой оговоркой. Именно: подъ прахомъ или перстью нельзя разумѣть земли въ томъ ея видѣ, въ какомъ представляется она нашему взору. Правда, словомъ „прахъ“ (по-еврейски „афаръ“) въ обыденномъ языкѣ обозначался измельченный составъ земли, пыль, грязь. Но намъ думается, что въ данномъ случаѣ предпочтительно понимать его въ томъ смыслѣ, какой онъ имѣетъ въ рѣчи Премудрости: „Я родилась, говоритъ Премудрость, когда еще Онъ не сотворилъ ни земли, ни полей, ни начальныхъ пылинокъ (афротъ) вселенной“ (Притч. Сол. 8). Подъ начальными пылинками разумѣется здѣсь не то, что было на поверхности земной коры, а всѣ элементы, изъ которыхъ составилась земля.

Такимъ образомъ, словомъ „прахъ“ Бытописатель хотѣлъ показать, что человѣческое тѣло сотворено Богомъ изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, изъ которыхъ создана и земля. Такъ что, если въ Библіи говорится, что Господь взялъ въ руки прахъ земной и изъ него сотворилъ человѣка, то это надлежитъ понимать не такъ, будто Творецъ образовалъ человѣческое тѣло изъ взятаго Имъ въ руку комка земли, а такъ, что Господь создалъ человѣка изъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилъ и землю.

Такова ортодоксальная точка зрѣнія по данному вопросу.

II.

Совсѣмъ иначе разсуждаютъ о происхожденіи человѣка такъ называемые натуралисты. Они утверждаютъ, что человѣкъ и по своей природѣ и по своему происхожденію принадлежитъ къ животному міру и есть высшій типъ развившагося животнаго. Проще говоря: они стоятъ за то, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны.

Посмотримъ, насколько основательна и убѣдительна аргументація, приводимая представителями естественныхъ наукъ въ пользу животнаго происхожденія человѣка, и можно ли на основаніи ея усумниться въ истинности и достовѣрности библейскаго повѣствованія.

Нужно различать двѣ главныя группы доказательствъ въ защиту разбираемаго нами положенія, во-первыхъ, зоологическія, во-вторыхъ, палеонтологическія. Постараемся быть по возможности краткимъ и точнымъ въ этой необъятной области фактовъ.

Подвергнемъ критической оцѣнкѣ сперва зоологическія доказательства животнаго происхожденія человѣка.

Въ этой области доказательствъ главное и преимущественное вниманіе ученыхъ и натуралистовъ послѣдняго времени обращается на опыты съ кровью животныхъ, на тѣ опыты, которые произведены были Фриденталлемъ, Нутталемъ, Уленгутомъ, Вассерманомъ, Шютце и др. и которые весьма многихъ лицъ окончательно убѣдили въ томъ, что человѣкъ не только происходитъ отъ обезьяны, но и самъ есть настоящая обезьяна. Опыты эти заключаются въ слѣдующемъ. Берутъ, напримѣръ, кровь млекопитающаго животнаго и вспрыскиваютъ ее млекопитающему животному другого вида. Затѣмъ изъ крови послѣдняго приготовляется серумъ (сукровица), который обладаетъ свойствомъ растворять кровяные шарики только тѣхъ животныхъ, кровь которыхъ была впрыснута, и давать осадокъ въ смѣси съ кровяной сывороткой тѣхъ же самыхъ животныхъ. Пояснимъ это примѣромъ. Какому нибудь животному (кролику, собакѣ, овцѣ, лошади) нѣсколько разъ прививаютъ человѣческую кровь. Спустя нѣкоторое время, у этого животнаго берутъ кровь и приготовляютъ изъ нея свѣтлый и прозрачный серумъ (сукровицу), хорошо освобожденный отъ кровяныхъ шариковъ. Если къ полученной кровяной сывороткѣ прибавить нѣсколько капель человѣческой сыворотки, то тотчасъ образуется осадокъ, падающій на дно сосуда. И еще, если къ той-же полученной сывороткѣ мы прибавимъ не цѣльную человѣческую кровь (вѣдь кровь человѣка состоитъ изъ красныхъ и бѣлыхъ шариковъ), а только ея кровяную сыворотку, то эта послѣдняя растворится въ приготовленномъ серумѣ.

Серумъ животныхъ, подготовленныхъ предварительными вспрыскиваніями крови другихъ животныхъ видовъ, часто бываетъ специфичнымъ. Въ такомъ случаѣ серумъ даетъ осадокъ только съ сывороткой того вида, кровь котораго была вспрыснута, и растворяетъ кровяные шарики только того же вида. Но существуютъ примѣры, когда сыворотка подготовленнаго животнаго растворяетъ не только красные шарики того вида, кровь котораго служила для вспрыскиванія, но также кровяные шарики сосѣднихъ видовъ. Такъ, кровяная сыворотка кролика, которому нѣсколько разъ вспрыснули куриную кровь, дѣлается способной растворять не только кровяные шарики курицы, но и голубя, хотя въ меньшей степени.

Такого рода опыты важны для насъ въ томъ отношеніи, что они даютъ намъ возможность выяснить родственную связь между животными видами. Такъ, серумъ животнаго, подготовленнаго кровью курицы, даетъ осадокъ не только съ куринымъ серумомъ, но и съ голубинымъ. Это доказываетъ то, что между курицей и голубемъ существуетъ довольно близкое родство. Напротивъ, если въ указанный нами серумъ ввести серумъ млекопитающихъ, то ничего не получится, ни осадка, ни растворенія кровяныхъ шариковъ млекопитающихъ въ приготовленномъ серумѣ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что между курицей, голубемъ и млекопитающими, нѣтъ никакого кровнаго родства. Другой примѣръ: серумъ животнаго, приготовленный съ бычачьей кровью, даетъ обильный осадокъ, если къ нему прибавить немного бычачьей же кровяной сыворотки, но не даетъ этой реакціи съ кровяными сыворотками цѣлаго ряда другихъ млекопитающихъ, даже съ серумомъ овцы, оленя и лани. Слѣдовательно, родство между бычачьей породой и другими животными не настолько велико, какъ родство между курицей и голубемъ.

Что же мы видимъ относительно серума животныхъ, привитыхъ человѣческой кровью? То, что серумъ, дающій осадокъ съ человѣческой кровяной сывороткой, обнаруживаетъ подобную же реакцію исключительно съ серумомъ обезьянъ!

Грюнбауму въ Ливерпулѣ удалось достать значительное количество крови трехъ большихъ человѣкообразныхъ обезьянъ: гориллы, шимпанзе и орангутанга. Во-первыхъ, онъ убѣдился въ томъ, что серумъ животныхъ, привитыхъ человѣче-

ской кровью, даетъ осадокъ не только съ послѣдней, но и съ кровью вышеупомянутыхъ обезьянъ. Оказалось невозможнымъ „отличить этотъ осадокъ, какъ качественно, такъ и количественно, отъ того, который получается съ человѣческой кровью".

Для контроля этого результата Грюнбаумъ бралъ серумъ животныхъ, привитыхъ кровью гориллы, шимпанзе и орангутанга. Всѣ три вида серумовъ давали осадки съ кровью этихъ трехъ обезьянъ и, въ такой же степени, съ кровью человѣка. Очевидно, слѣдовательно, что между родомъ человѣческимъ и человѣкообразными обезьянами существуетъ не только внѣшняя аналогія тѣла и главныхъ органовъ, но еще и внутреннее, дѣйствительно кровное родство.

Кратко все сказанное можно выразить еще въ такой болѣе популярной формѣ. Если вспрыснуть кровь отъ одного вида позвоночныхъ, особенно млекопитающихъ, въ жилы другого вида, то наступятъ болѣзненныя явленія, вслѣдствіе разложенія красныхъ кровяныхъ шариковъ одного вида въ сукровицѣ или серумѣ другого вида. Но этихъ болѣзненныхъ явленій не бываетъ, если оба вида очень близки между собою въ зоологической системѣ. И такъ какъ кровь человѣка, вспрыснутая обезьянамъ, не вызываетъ у нихъ никакихъ болѣзненныхъ явленій, то, значитъ, кровяные шарики человѣка не растворяются въ сукровицѣ обезьянъ. А это въ свою очередь свидѣтельствуетъ о томъ, что между людьми и обезьянами— кровное родство.

Вотъ какъ формулируется самое главное доказательство животнаго происхожденія человѣка.

Посмотримъ, насколько оно убѣдительно и основательно.

Извѣстный ученый Брумпъ, весьма осторожными опытами установилъ, что если кровь находящагося въ летаргіи человѣка вспрыснуть другимъ млекопитающимъ, то наступаетъ заболѣваніе, но только не у обезьянъ и не у свиней. Если бы человѣкъ и обезьяна состояли между собою въ кровномъ родствѣ, то нездоровая кровь человѣка, вспрыснутая обезьянѣ, должна была бы, по настоящему, вызвать болѣзнь и у обезьянъ [1]), однако ничего подобнаго не видимъ. Ясно, что кровнаго родства между человѣкомъ и обезьяной не существуетъ.

---

[1]) Летаргія—сонная болѣзнь, причиняемая паразитомъ, живущимъ въ крови.

Другой ученый, Раельманъ, путемъ своихъ ультрамикроскопическихъ изслѣдованій доказалъ, что въ крови человѣка обнаруживаются весьма ясно и точно такія особенности, которыя совсѣмъ не встрѣчаются ни въ крови обезьянъ, ни въ крови другихъ позвоночныхъ животныхъ. Фактъ самъ по себѣ довольно замѣчательный. Вѣдь если бы въ жилахъ человѣка и обезьяны текла одна и та же кровь, то объ особенностяхъ крови не могло быть и рѣчи. Но разъ обнаружены особенности, то о тожествѣ крови человѣка и обезьяны не приходится говорить.

Кромѣ того, теорію кровнаго родства между человѣкомъ и обезьяной колеблютъ послѣдніе опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи творцами нами разбираемаго положенія, т. е. Фриденталемъ и Улленгутомъ. Опытовъ было произведено ими пока немного и они давали неодинаковые результаты. Такъ, кровяная сыворотка павіановъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ растворяла красные шарики человѣческой крови, въ нѣкоторыхъ — нѣтъ. Слѣдовательно, ученіе о кровномъ родствѣ человѣка и обезьяны не всегда подтверждается. А развѣ на шаткихъ, еще не вполнѣ установленныхъ данныхъ возможно построять столь серьезные выводы?—Конечно нельзя. Это, по крайней мѣрѣ, преждевременно.

Интересную работу по разбираемому нами вопросу недавно издалъ Рёссле. Онъ доказываетъ, что реакція крови уполномачиваетъ только на тотъ выводъ, что одно животное родственнѣе другому, чѣмъ третье, но отсюда еще не слѣдуетъ, какъ близки первые два вида животныхъ между собою. Поэтому, реакція крови человѣка и высшихъ обезьянъ совсѣмъ еще не уполномачиваетъ на выводъ: человѣкъ и обезьяна родственны непосредственно или что человѣкъ самъ принадлежитъ къ высшимъ обезьянамъ. Во-вторыхъ, говоритъ Рёссле, во многихъ случаяхъ сходство совершенно не совпадаетъ съ морфологическимъ сходствомъ (морфологія—наука о формѣ организмовъ или отдѣльныхъ ихъ частей, органовъ). Часто реакція крови говоритъ о близости такихъ животныхъ, которыя далеко отстоятъ другъ отъ друга въ морфологической системѣ. Поэтому, никакихъ выводовъ о родствѣ по крови дѣлать нельзя, такъ какъ сравнительная морфологія даетъ противоположныя показанія. Наконецъ, нужно имѣть въ виду, пишетъ Рёссле, что хими-

ческій составъ соковъ тѣла, напр. крови, вовсе не есть постоянная величина, такъ же, какъ строеніе скелета, и поэтому доказательства, заимствованныя отъ сходства крови съ историко-родовой точки зрѣнія не имѣютъ большой доказательной силы.

Подводя итогъ всѣмъ этимъ критическимъ даннымъ и соображеніямъ, мы можемъ съ полною достовѣрностью сказать, что мысль о кровномъ родствѣ человѣка съ обезьяной несостоятельна и не можетъ говорить въ пользу жнвотнаго происхожденія человѣка.

III.

Перейдемъ теперь къ критической оцѣнкѣ слѣдующаго довода ученыхъ натуралистовъ.

Въ доказательство животнаго происхожденія человѣка весьма часто ссылаются еще на такъ называемый біогенетическій законъ, открытый Фрицемъ Мюллеромъ и развитый впослѣдствіи пресловутымъ Э. Геккелемъ. Сущность этого закона въ основныхъ чертахъ можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: человѣческій зародышъ въ своемъ развитіи проходитъ всѣ тѣ ступени, которыя прошло животное царство въ многовѣковомъ періодѣ своего развитія и усовершенствованія. Такъ, въ самомъ началѣ человѣческій зародышъ похожъ будто бы на монеру, [1]) затѣмъ—на зинамебіевъ, [2]) дальше — на гастрею, [3]) на различные виды червей, на безчерепныхъ и, наконецъ, на млекопитающихъ, т. е. промаммаліевъ, [4]) на сумчатыхъ, на полуобезьянъ, на хвостатыхъ обезьянъ, на человѣкообразныхъ, на обезьяноподобныхъ людей. И будто бы только по прошествіи всѣхъ этихъ ступеней появляется homo sapiens. Короче говоря, онтогенезъ, т. е. развитіе индивидуума, представляетъ собою укороченное повтореніе филогенеза, т. е. развитіе рода или племени. Вотъ въ краткихъ словахъ суть біогенетическаго закона.

Посмотримъ, какова цѣнность этого закона.

Правда, тридцать лѣтъ тому назадъ многіе дарвинисты

---

[1]) Одноклѣточный организмъ. Точнѣе, кусокъ протоплазмы.

[2]) Многоклѣточный организмъ.

[3]) Гастрея представляетъ собою кишечный каналъ съ двумя отверстіями для пріема пищи и ея удаленія.

[4]) Первомлекопитающія, приближающіяся къ утконосу.

признавали этотъ законъ, но многіе другіе, въ томъ числѣ и извѣстный ученый Бэръ, прямо опровергали его. Опровергали его и такіе крупные естествовѣды, какъ: Іерингъ, Гисъ, Гетте, Земперъ и др. Какъ же относятся ученые къ этому вопросу въ настоящее время?

Вотъ нѣкоторые изъ многихъ голосовъ авторитетныхъ изслѣдователей.

Проф. Кейбель въ Фрейбургѣ приходитъ къ такому выводу: „о существованіи основного біогенетическаго закона для млекопитающихъ животныхъ не можетъ быть и рѣчи". Проф. Оппсль въ годичномъ докладѣ объ успѣхахъ анатоміи и физіологіи рѣзко высказывается противъ основнаго біогенетическаго закона, на почвѣ котораго онъ стоялъ въ началѣ своихъ изысканій по вопросу о различной степени развитія органовъ названныхъ животныхъ въ различныя эпохи развитія. Противъ этаго мнимаго основного закона высказались также: Бирдъ, Гензенъ, Эмери, Флейшманъ, Дришъ, Штейманъ, Васманнъ, Гегенбауръ, О. Гертвигъ и мн. др.

Почему же большинство крупныхъ и авторитетныхъ ученыхъ настоящаго времени такъ низко ставитъ біогенетическій законъ?

Оскаръ Гертвигъ въ своей „общей біологіи" и затѣмъ въ послѣдней главѣ своего „руководства сравнительной и экспериментальной исторіи развитія млекопитающихъ" такъ отвѣчаетъ на поставленный нами вопросъ:

„На самомъ дѣлѣ, пишетъ О. Гертвигъ, индивидуальное развитіе есть не повтореніе родоваго развитія, а продолженіе родового развитія. Если родовое развитіе продолжается, то каждое послѣдующее поколѣніе должно идти нѣсколько далѣе, чѣмъ предыдущее: простого повторенія прежняго родового развитія поэтому не бываетъ. И кажущіяся повторенія многихъ родовыхъ статей объясняются тѣмъ, что развитіе по своей природѣ идетъ отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ формамъ. Чѣмъ выше по своей организаціи животная форма, тѣмъ болѣе она должна пройти ступеней развитія, пока не достигнетъ сложной конечной стадіи, и потому естественно, что предварительныя переходныя стадіи, такъ какъ онѣ болѣе просты, похожи на конечныя стадіи другихъ животныхъ, которыя останавливаются на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія. Здѣсь во-

все не заключается доказательство того, что человѣкъ самъ въ исторіи своего рода прошелъ всѣ эти стадіи, а есть только доказательство того, что индивидуальное развитіе, начиная отъ перваго клѣточнаго дѣленія оплодотвореннаго яйца, идетъ далѣе черезъ различныя стадіи, пока не достигнетъ до опредѣленной формы законченнаго организма".

Такъ О. Гертвигъ, ученикъ и другъ Э. Геккеля, смотритъ на біогенетическій законъ. И такъ смотрятъ всѣ тѣ, имена которыхъ мы перечислили выше. Конечно, при такомъ взглядѣ на указанный законъ, равняющійся полному его отрицанію, нечего ссылаться на него, какъ на весьма вѣское доказательство животнаго происхожденія человѣка.

„Изъ индивидуальнаго развитія человѣка, пишетъ Эрихъ Васманнъ, нельзя создать ни одного убѣдительнаго доказательства въ пользу животнаго происхожденія человѣка".

Но допустимъ на время, что біогенетическій законъ истиненъ, что индивидуальное развитіе есть совершенно точное повтореніе родового развитія. То и въ такомъ случаѣ нельзя будетъ доказать происхожденіе человѣка отъ безьяны. Напротивъ, вмѣсто желательнаго и ожидаемаго вывода, будетъ получаться явная безсмыслица. Такъ, по общему признанію—у молодыхъ обезьянъ замѣчается гораздо болѣе сходства въ строеніи черепа и лица съ человѣкомъ, чѣмъ у старыхъ обезьянъ, у которыхъ рѣзче выступаютъ признаки питекоидовъ. По смыслу основнаго біогенетическаго закона, получается такое явленіе: высшія обезьяны въ юности проходятъ человѣкообразную стадію. Слѣдуя способу заключенія Геккеля, отсюда должно сдѣлать тотъ выводъ, что не человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, а обезьяна отъ человѣка. Но безсмысленность подобнаго вывода очевидна.

IV.

Перейдемъ теперь къ критическому разбору менѣе важныхъ и существенныхъ аргументовъ въ пользу противоположнаго христіанскому взгляду положенія.

Въ доказательство животнаго происхожденія человѣка весьма часто ссылаются на такъ называемые рудиментарные органы, т. е. такіе органы, которые когда—то выполняли опредѣленныя функціи, но потомъ выродились, какъ безполезные и

остались въ уменьшенномъ и измѣненномъ видѣ, напримѣръ: щитовидная железа, мозговая железа, сердечная железа, червовидный отростокъ слѣпой кишки и т. д.

По поводу рудиментарныхъ органовъ должно замѣтить слѣдующее. Очень и очень часто органы, назначенія которыхъ не могли объяснить, ошибочно выдавались за рудиментарные. Вересаевъ, напримѣръ, въ своихъ „Запискахъ врача“ приводитъ такой случай.

Среди жителей многихъ гористыхъ мѣстностей распространена своеобразная болѣзнь,—зобъ, заключающаяся въ опуханіи лежащей надъ нижней частью горла щитовидной железы. Въ числѣ различныхъ способовъ леченія зоба было, между прочимъ, предложено полное удаленіе всей щитовидной железы, какъ рудиментарнаго органа, не имѣющаго никакого значенія. И что—жъ? Результаты этой операціи оказались очень хорошими; больные выписывались здоровыми, лишеніе щитовидной железы (назначеніе которой совершенно неизвѣстно), повидимому, не вызывало никакихъ вредныхъ послѣдствій. Но вотъ, въ 1883 году бернскій профессоръ Кохеръ опубликовалъ статью, гдѣ сообщилъ слѣдующее. Онъ произвелъ 34 полныхъ изсѣченія зоба и былъ очень доволенъ результатами; но однажды одинъ его знакомый врачъ разсказалъ ему, что онъ пользуетъ дѣвушку, которой 9 лѣтъ тому назадъ Кохеръ вырѣзалъ зобъ; врачъ этотъ рекомендовалъ Кохеру посмотрѣть больную теперь. И вотъ, что увидѣлъ Кохеръ. У больной была младшая сестра: девять лѣтъ назадъ, обѣ они такъ были похожи другъ на друга, что ихъ часто принимали одну за другую. „За эти 9 лѣтъ,—разсказываетъ Кохеръ, — младшая сестра превратилась въ цвѣтущую, хорошенькую дѣвушку, оперированная же осталась маленькою и являетъ отвратительный видъ полуидіотки“. Тогда Кохеръ рѣшилъ навести справки о судьбѣ всѣхъ оперированныхъ имъ зобатыхъ. Всѣ 27 человѣкъ, у которыхъ было сдѣлано лишь частичное вырѣзываніе щитовидной железы, были найдены совершенно здоровыми; изъ восемнадцати же человѣкъ, у которыхъ была вырѣзана вся железа, здоровыми оказалось только двое; остальные представляли своеобразный комплексъ симптомовъ, который Кохеръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: задержаніе роста, большая голова, шишковатый носъ, толстыя губы, неуклюжее тѣло, неповоротливость мысли и языка при сильной мус-

кулатурѣ,—все это съ несомнѣнностью указываетъ на близкое родство описываемаго состоянія съ идіотизмомъ"... Въ настоящее время ни одинъ хирургъ уже не рѣшится произвести полнаго вылущенія щитовидной железы, если ея заболѣваніе непосредственно не грозитъ больному неминуемою смертью.

Итакъ, прежде смотрѣли на щитовидную железу, какъ на рудиментарный органъ, теперь же оказывается, что это не только не безполезный органъ, но весьма важный въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія.

Или возьмемъ еще такъ называемую мозговую железу. На нее тоже смотрѣли раньше, какъ на безполезный, рудиментарный органъ, теперь же Суоп доказалъ, что она является важнымъ органомъ равновѣсія.

И т. д.

Словомъ, въ отношеніи къ человѣку не разъ выдавали за рудиментарные органы такіе органы, которые, какъ оказалось впослѣдствіи, выполняли самыя важныя біологическія функціи.

Но существуютъ извѣстные органы, которыхъ нельзя такъ объяснить. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, червовидный отростокъ слѣпой кишки. Говорятъ, что предки человѣка имѣли болѣе длинную кишку, остаткомъ которой и является червовидный отростокъ. Извѣстный русскій ученый И. И. Мечниковъ въ своихъ „этюдахъ о природѣ человѣка" такъ говоритъ по данному вопросу:

„У человѣка слѣпая кишка снабжена тѣмъ замѣчательнымъ и страннымъ червеобразнымъ отросткомъ, о которомъ часто идетъ рѣчь по поводу опасной и очень распространенной болѣзни—аппендицита. И вотъ этотъ—то органъ вполнѣ сходенъ съ червеобразнымъ отросткомъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Неудивительно, что въ виду этого наука сочла себя вправѣ провозгласить, около 40 лѣтъ тому назадъ, что между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами существуетъ несомнѣнное родство".

Въ отвѣтъ на подобнаго рода разсужденія должно сказать слѣдующее.

„Изслѣдованія по вопросу о значеніи червеобразнаго отростка еще не закончены. А если такъ, то еще нельзя отсюда черпать „положительныхъ" доказательствъ въ пользу животнаго

происхожденія человѣка". Такъ говоритъ извѣстный ученый Эрихъ Васманъ, и нельзя съ нимъ не согласиться. Но и до окончательнаго рѣшенія означеннаго вопроса все—таки можно сказать нѣсколько словъ въ его поясненіе. Именно:

Своеобразный патологическій характеръ этого червеобразнаго отростка есть слѣдствіе, повидимому, чрезмѣрной культуры, слишкомъ утонченнаго питанія нашего времени. Что это такъ, въ этомъ можно убѣдиться хотя бы изъ того, что у дикихъ народовъ, у которыхъ—грубая пища, болѣзненныя явленія въ червеобразномъ отросткѣ крайне рѣдки. Правильность этой догадки доказываютъ и недавно вышедшія по этому вопросу работы Элленбергера. А если такъ, если аппендицитъ вызывается утонченнымъ питаніемъ, то мы вправѣ сказать, что сокращеніе кишки у человѣка могло быть вызвано переходомъ отъ одного рода пищи къ другому. Посему, нечего говорить о томъ, что червеобразный отростокъ есть рудиментарный органъ, унаслѣдованный человѣкомъ якобы отъ животныхъ и свидѣтельствующій, вслѣдствіе этого, о животномъ происхожденіи человѣка.

Слѣдующій зоологическій источникъ доказательства, которымъ обыкновенно подтверждается животное происхожденіе человѣка—это плацента (дѣтское мѣсто), органъ для питанія и дыханія зародыша на счетъ соковъ материнскаго организма. Денгхеръ и Зеленка установили, что дѣтское мѣсто человѣкообразныхъ обезьянъ такого же типа, какъ и у человѣка. Между тѣмъ, у низшихъ млекопитающихъ его совсѣмъ нѣтъ, а если въ видѣ исключенія и встрѣчается, напримѣръ у сумчатыхъ, то въ несовершенномъ видѣ. Такимъ образомъ, заключаютъ естествовѣды, обезьяна и человѣкъ находятся между собою въ родствѣ.

Но, съ другой стороны, плацента существуетъ у нѣкоторыхъ акулъ, и даже у членистоногихъ, именно у американскаго peripatus и у индійскаго скорпіона, что утверждаетъ Полянскій. Такъ что, если по плацентѣ судить о родствѣ, то плацентарныя млекопитающія, во главѣ которыхъ стоитъ человѣкъ, должны своимъ предкомъ имѣть индійскаго скорпіона. Но нелѣпость этого вывода очевидна сама собою.

V.

Весьма часто, въ доказательство животнаго происхожденія человѣка, ссылаются на его сходство въ анатомическомъ отношеніи съ обезьянами. Говорятъ, если сличить человѣка съ обезьяной, то мы увидимъ удивительное сходство скелетовъ, сходство образованія отдѣльныхъ органовъ и нервной системы. Посему, никто не можетъ отрицать, что благодаря всему этому, получается довольно значительная общая вѣроятность животнаго происхожденія человѣка.

Да, сходство есть, но нельзя же вѣдь закрывать глаза и на тѣ разности, которыя обнаруживаетъ сравнительное ученіе о формахъ между человѣкомъ и животнымъ и, въ особенности, между человѣкомъ и высшими человѣкообразными обезьянами.

Напримѣръ, разности между скелетомъ обезьяны и человѣка таковы: гораздо болѣе длинныя конечности обезьянъ; задняя нога обезьянъ есть схватывающая рука, а не нога, подобная ногѣ человѣка. Затѣмъ, въ черепѣ человѣка замѣчается перевѣсъ черепной области, т. е. у человѣка черепъ, вмѣщающій мозгъ, гораздо болѣе по объему всѣхъ другихъ частей головы. Между тѣмъ, у обезьянъ зрительная область достигла громаднаго развитія, тогда какъ мозговая, сравнительно съ ней, мала. Сильная челюсть съ громадными зубами какъ нельзя лучше выражаетъ сущность животнаго.

Всѣ эти разности и многія другія спокойно и объективно описываетъ такой крупный и авторитетный ученый, какъ Ранке, въ своемъ двухтомномъ произведеніи: „Человѣкъ“.

Выпишемъ изъ этого капитальнаго труда еще болѣе поразительныя разности между анатоміей человѣка и обезьяны. Такъ, по словамъ Ранке, Калькгоффъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о верхней бедренной кости человѣка и обезьяны, говоритъ, что при снятіи фотографіи лучами Рентгена съ продольнаго разрѣза кости, или даже цѣлой кости, можно тотчасъ видѣть, кому принадлежитъ данная кость, человѣку или обезьянѣ. Напримѣръ, прямая походка стоитъ въ связи со строеніемъ черепа. Заднее головное отверстіе у человѣка занимаетъ нѣсколько другое положеніе, чѣмъ у остальныхъ млекопитающихъ, такъ какъ черепъ человѣка болѣе развитъ.

Всѣ эти разности произошли потому, что человѣкъ нуждается въ болѣе полномъ развитіи мозга, какъ косвеннаго орудія духовной жизни. Вслѣдствіе возвышеннаго его духовнаго положенія, фантазія и способность представленія, непосредственно зависящія отъ мозга, должны быть у него болѣе совершенны, чѣмъ у животныхъ, такъ какъ онѣ должны совершать подготовительную работу для собственно духовной дѣятельности.

Мы можемъ сказать, заключаетъ Эрихъ Васманъ, что „всѣ тѣлесныя различія между человѣкомъ и животнымъ въ послѣдней инстанціи есть слѣдствіе, функція духовнаго различія".

Итакъ, между скелетами обезьяны и человѣка существуетъ важное различіе, различіе настолько большое, что его нельзя ни игнорировать, ни скрывать. Нельзя перебросить мостъ надъ пропастью между черепнымъ строеніемъ человѣка и обезьяны. Посредствующаго звена здѣсь до сихъ поръ не найдено. Посему, въ доказательство животнаго происхожденія человѣка, и на этотъ аргументъ ссылаться нельзя.

VI.

Укажемъ еще на одно доказательство, приводимое въ пользу происхожденія человѣка отъ обезьяны.

Геккель въ своихъ пресловутыхъ „міровыхъ загадкахъ" говоритъ, что весьма сильнымъ аргументомъ въ пользу натуралистическаго ученія о природѣ человѣка служитъ поразительное сходство человѣческаго зародыша съ зародышами различныхъ животныхъ. Для иллюстраціи своего положенія Геккель въ другомъ своемъ произведеніи „естественная исторія творенія" помѣщаетъ рисунки зародышевыхъ яицъ человѣка, обезьяны и собаки (242 стр.), а на стр. 248 рисунки зародышей собаки, курицы и черепахи. И подъ этими иллюстраціями мы читаемъ такія строки: „Ни одинъ человѣкъ не въ состояніи отличить человѣческое зародышевое яйцо отъ яйца близкосродныхъ млекопитающихъ животныхъ, даже съ помощью наилучшаго микроскопа".

Посмотримъ, насколько это достовѣрно.

Проф. Либеркюнъ, читая лѣтомъ 1881 г. въ Марбургѣ

лекціи объ „исторіи развитія“, сказалъ по настоящему вопросу слѣдующее: „Профессоръ Геккель въ Іенѣ утверждаетъ въ своихъ популярныхъ сочиненіяхъ, что нельзя отличить эмбріоны (зародыши) человѣка и животныхъ на раннихъ стадіяхъ. Мм. Гг.! я отнюдь не сомнѣваюсь, что проф. Геккель не въ состояніи различать эти эмбріоны. Но отсюда, однако, не слѣдуетъ, что и другіе люди не могутъ этого сдѣлать. Перемѣшайте въ горшкѣ разные эмбріоны, и я укажу вамъ родъ ихъ всѣхъ“.

Извѣстный К. Фогтъ пишетъ: ни одинъ эмбріонъ опредѣленнаго класса позвоночныхъ животныхъ не похожъ на эмбріонъ другого класса въ какое-либо время своего существованія“.

Знаменитый анатомъ фонъ-Бишофъ, въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія Королевско-Баварской Академіи наукъ, сказалъ: „я представилъ тщательные и точные рисунки увеличенныхъ въ 400 разъ зародышевыхъ яицъ человѣка, коровы, собаки, свиньи, кролика, кошки, мыши и крота, и рисунки эти позволяютъ замѣтить значительныя различія какъ въ величинѣ яйца, толщинѣ оболочки желтка, такъ особенно въ составѣ яичнаго желтка“.

Противъ Геккеля говоритъ еще въ области даннаго вопроса Ранке, фонъ-Баеръ, Деннертъ, Васманнъ, Флейшманъ и мн. др.

Какъ же это случилось, что Геккель, такой крупный біологъ, и вдругъ допустилъ такую крупную ошибку?

Дѣло въ томъ, что тутъ не ошибка, а обманъ.

Вскорѣ по выходѣ книги Геккеля въ свѣтъ, Рютимейеръ, профессоръ зоологіи и сравнительной анатоміи въ Базелѣ, доказалъ въ „Архивѣ антропологіи“ (т. 8, 1868 г. стр. 300), что Геккель одни рисунки выдумалъ, для другихъ „произвольно видоизмѣнилъ или обобщилъ существовавшія модели“. Точныя изслѣдованія показали, что рисунки каждый разъ сдѣланы были по однимъ и тѣмъ-же клише или, по крайней мѣрѣ, три клише каждый разъ были сдѣланы по одной и той-же деревянной болванкѣ. Словомъ, Геккель одинъ и тотъ же рисунокъ назвалъ зародышевымъ яйцомъ человѣка, другой разъ— яйцомъ обезьяны, третій—яйцомъ собаки; тоже самое было продѣлано и съ тремя эмбріонами.

Спустя нѣкоторое время, В. Гисъ, профессоръ анатоміи

въ Лейпцигѣ, опять поднялъ это дѣло и доказалъ Геккелю дальнѣйшіе его подлоги. Это онъ сдѣлалъ въ сочиненіи: „Форма нашего тѣла и физіологическая проблема ея происхожденія". Лейпцигъ, 1875 г. Въ этомъ сочиненіи, послѣ изложенія вышеприведеннаго дѣла, мы читаемъ слѣдующее: „На сколько дѣло касается оригиналовъ Геккеля, я ничуть не сомнѣваюсь, и прямо утверждаю, что рисунки отчасти въ высшей степени не вѣрны, отчасти прямо выдуманы. Выдумана, напримѣръ, фиг. 42, затѣмъ выдуманы двѣ фигуры человѣческихъ эмбріоновъ на 217 стр. „Ест. Ист. творенія", выдумана также большая часть фигуръ эмбріоновъ на табл. IV и V".

Интересующіеся подробностями закулиснаго творчества Геккеля могутъ обратиться къ книгѣ д-ра Деннерта: „Геккель и его „міровыя загадки" по сужденіямъ спеціалистовъ", въ которой найдутъ богатый и разносторонній матеріалъ по данному вопросу.

Итакъ, наиболѣе крупные и авторитетные натуралисты въ доказательство своихъ убѣжденій ссылаются даже на несуществующія или искаженныя данныя, т. е., выражаясь мягко, прибѣгаютъ къ обману.

Затѣмъ, если бы по примѣру дарвинистовъ мы стали о близости родства живыхъ формъ судить по сходству ихъ яицъ и зародышей, то пришли бы къ выводамъ прямо-таки нелѣпымъ.

Такъ, сравнивая яйцо человѣка съ яйцомъ низшей рыбы, ланцетника, и яйцомъ морской водоросли, мы должны бы сказать, что эти три живыя существа очень близки между собою, потому что ихъ яйца чрезвычайно сходны, а съ другой стороны, вспоминая форму какой-нибудь изъ обычныхъ нашихъ рыбъ—налима, напримѣръ, должны были бы утверждать, что рыба эта, судя по формѣ ея яйца, ближе къ ели и человѣку, чѣмъ къ стерляди, яйцо которой, замѣтимъ, и по формѣ, и по характеру дробленія, очень напоминаетъ собою и яйцо близкой къ ней рыбы — аміи, и яйцо головоногаго слизняка-кальмара.

Другой примѣръ. Находя большое сходство въ дробленіи яйца (что и составляетъ первый шагъ развитія зародыша—распаденіе яйца путемъ дѣленія на отдѣльныя клѣтки, изъ которыхъ произойдутъ потомъ клѣточныя ткани тѣла зародыша) низшей рыбы, ланцетника, и овцы, и въ то же время—значи-

тельное различіе въ дробленіи яйца того-же ланцетника и ганоидной рыбы, аміи, мы могли бы сказать, что двѣ названныя рыбы гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ одна изъ нихъ, низшая—ланцетникъ, отъ овцы. А между тѣмъ это абсурдъ, нелѣпость.

Такимъ образомъ, дарвинисты закрываютъ глаза на такое сходство и различіе, которое идетъ вразрѣзъ съ ихъ ученіемъ, и жадно хватаются за всякое сходство, даже самое мелочное, если сходство это, какъ имъ кажется, можетъ быть истолковано въ пользу проповѣдуемаго ученія.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны сказать, что изъ зоологическихъ доказательствъ животнаго происхожденія человѣка нѣтъ ни одного такого, которое отличалось бы безспорностью, точностью и убѣдительностью. Всѣ они болѣе или менѣе сомнительны, не установившіяся. А на такихъ доказательствахъ нельзя основывать рѣшенія столь серьезныхъ и важныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о происхожденіи человѣка.

VII.

Перейдемъ теперь къ другому типу доказательствъ.

Теорія естественнаго подбора говоритъ о крайней постепенности въ переходѣ одной формы въ другую, опытъ же указываетъ на бездну между человѣкомъ и совершеннѣйшимъ приматомъ. Очевидно, здѣсь смерть дарвинизма. Гдѣ тѣ формы, гдѣ тотъ цѣлый міръ, который отдѣляетъ человѣка отъ обезьяны? Въ отвѣтъ на это дарвинизмъ отдѣлывается только обрывками изъ этого міра, да и то мнимыми, когда время отъ времени выдаетъ за искомую промежуточную форму между обезьяной и человѣкомъ кусочки скелетовъ людей и нынѣ существующихъ видовъ обезьянъ. Неудачи въ поискахъ за промежуточной формой понятны: нельзя найти того, чего нѣтъ.

Но все таки разсмотримъ палеонтологическія доказательства въ пользу животнаго происхожденія человѣка и критически оцѣнимъ ихъ.

Въ 1893 году, одинъ военный голландскій докторъ Евгеній Дюбуа нашелъ на островѣ Ява, въ старомъ руслѣ рѣки, черепный покровъ, верхнюю черепную кость и двѣ челюсти, ле-

жавшія на разстояніи нѣсколькихъ метровъ другъ отъ друга. Казалось, что всѣ эти кости принадлежатъ одному и тому-же индивидууму. Геккель тотчасъ-же призналъ въ немъ „недостающій членъ“ между человѣкомъ и обезьяною и окрестилъ его громкимъ именемъ: Pithecantropus erectus, т. е. прямо ходящая обезьяна—человѣкъ. Самъ виновникъ открытія этихъ костей тоже такъ думалъ о своей находкѣ. Такъ, въ 1895 году, на третьемъ зоологическомъ конгрессѣ въ Лейденѣ, онъ въ двухчасовой рѣчи пытался доказать, что этотъ питекантропъ и есть до сихъ поръ напрасно разыскиваемое missing ling (недостающее звено) между человѣкомъ и обезьяной.

Но міръ безпристрастныхъ ученыхъ натуралистовъ не согласился съ мнѣніемъ Э. Дюбуа и Геккеля. Напримѣръ, Вирховъ на лейденскомъ конгрессѣ 1895 г., гдѣ онъ былъ почетнымъ президентомъ, выяснилъ, что нельзя съ увѣренностью утверждать, будто найденныя кости принадлежатъ одному индивидууму, и что еще менѣе можно рѣшить—былъ ли этотъ индивидуумъ человѣкомъ или обезьяною: бедренная кость говоритъ какъ будто за человѣка, черепная покрышка—за обезьяну. Только въ случаѣ, если бы былъ найденъ полный скелетъ Pithecantropus, можно было бы произвести рѣшительное сужденіе о его положеніи въ зоологической систематикѣ. Это разсужденіе Вирхова сохраняетъ свою силу и понынѣ.

На поиски такого скелета была снаряжена г-жею Зеленка, въ память своего мужа, извѣстнаго зоолога, цѣлая экспедиція на о. Яву, но и она не нашла никакихъ остатковъ питекантропа. Однако, въ тѣхъ же слояхъ земли, въ которыхъ Дюбуа удалось открыть кости питекантропа, экспедиціи удалось найти несомнѣнно человѣческій зубъ. Эта находка одна уже опровергаетъ мнѣніе Дюбуа, такъ какъ человѣкъ и обезьяночеловѣкъ не могли существовать одновременно, и обезьяночеловѣку, по теоріи Дарвина, нужно было еще много вѣковъ, чтобы превратиться въ человѣка. Кромѣ того, оказалось, что геологическій возрастъ слоевъ, въ которыхъ нашелъ кости Дюбуа, трудно опредѣлить и, быть можетъ, они вовсе не относятся къ тому періоду, къ которому относятъ ихъ дарвинисты.

Возможность всякаго отождествленія находки Дюбуа съ промежуточною формою, по мнѣнію проф. Рейнке, совершенно

устранена тщательными геолого-палеонтологическими разслѣдованіями проф. Фольца на мѣстѣ самой находки въ 1904—1906 г.: имъ неопровержимо установлено, что pithecantropus принадлежалъ къ срединѣ дилювіальной [1]) эпохи и жилъ вмѣстѣ съ людьми въ той мѣстности, гдѣ былъ найденъ. Между тѣмъ, по данной теоріи человѣкъ и обезьяна должны были разойтись раньше.

Затѣмъ, петиканропъ по нѣкоторымъ своимъ свойствамъ дѣйствительно представляетъ какъ бы промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной, но по другимъ свойствамъ онъ является какъ бы промежуточнымъ звеномъ между высшими и низшими обезьянами настоящаго времени. На это обратилъ вниманіе профессоръ Швальбе, самъ заинтересованный въ отыскиваніи доказательствъ животнаго происхожденія человѣка. Теперь больше склоняются къ тому, чтобы видѣть въ питекантропѣ боковую вѣтвь рода обезьянъ. Его нужно помѣщать не въ ряду предковъ человѣка, а въ ряду предковъ современныхъ обезьянъ. Рихардъ Гертвигъ склоняется къ выводу, что скорѣе всего останки яванскаго скелета принадлежатъ вымершей гиббонообразной обезьянѣ, отличавшейся отъ современныхъ необыкновенною величиною и громадною емкостью черепа, заставляющей предполагать относительно большой мозгъ. Точно также Макнамара пришелъ къ заключенію, что питекантропъ есть чистая обезьяна большой величины. Онъ, при помощи методовъ измѣренія Швальбе, произвелъ сравненіе яванскаго черепа съ черепомъ шимпанзе. Оказалось, что они различаются между собою почти лишь величиною, но не формою.

Такое же разнообразіе мнѣній существуетъ и относительно неандертальскаго человѣка. Черепъ его былъ найденъ въ пятидесятыхъ годахъ предъ одной пещерой въ Дюссельской долинѣ, на Рейнѣ. Онъ былъ неоднократно изслѣдуемъ цѣлымъ рядомъ антропологовъ и истолковываемъ ими всевозможнымъ образомъ. Такъ, неандертальца считали то идіотомъ, то монгольскимъ казакомъ, то древнимъ германцемъ, древнимъ голландцемъ, древнимъ фризомъ, кузеномъ австрійскаго негра, примитивнымъ первочеловѣкомъ, примитивнымъ обезьяно-че-

---

[1]) Дилювіальная формація—наносныя отложенія геологической эпохи, предшествовавшей современной.

ловѣкомъ. Эта научная судьба остатковъ неандертальскаго скелета показываетъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многозначущихъ находокъ, изъ которыхъ каждый изслѣдователь извлекаетъ то, что ему нравится. Было бы совсѣмъ преступно на основаніи подобныхъ, въ высшей степени сомнительныхъ находокъ заявлять, что найдено связующее звено между обезьяной и человѣкомъ.

Цѣнность неандертальской находки теряется еще вслѣдствіе того, что совершенно невозможно опредѣлить ея геологическій возрастъ. Одинъ изъ современныхъ англійскихъ ученыхъ (W. L. H. Duckworth:.. Prehistoricman". 1912 г.) прямо говоритъ, что геологическія и археологическія условія находки этого черепа „плачевно недостаточны". Раффъ подчеркнулъ, что никакой компетентный изслѣдователь не видѣлъ неандертальскаго скелета въ его первоначальномъ положеніи. Когда Фюльратъ, открывшій его, пришелъ на мѣсто находки, рабочіе уже вынули глину съ костями и помѣстили у подножія скалы. Вирховъ тоже отмѣтилъ, что никто не видѣлъ—помѣщались ли кости въ дилювіальной глинѣ. А вся слава найденнаго черепа обусловливалась тѣмъ, что о немъ сначала утвердилось мнѣніе, будто онъ лежалъ въ дилювіальной глинѣ, которая образовалась ко времени древнихъ млекопитающихъ. Знаменитый неандерталецъ могъ быть гораздо новѣйшаго происхожденія, чѣмъ дилювіальная глина пещеры, въ которой лежалъ: онъ могъ быть погребенъ въ ней позднѣе. Съ этимъ падаютъ всѣ утвержденія относительно значенія черепа для теоріи развитія.

Затѣмъ, обращали серьезное вниманіе на признаки, якобы приближавшіе этотъ черепъ къ черепу обезьяны, какъ-то: на сильно выступающіе надглазные бугры, на низкій лобъ, на значительное съуженіе черепа въ лобной его части, на большую ширину затылочной части и сравнительно малую емкость.

Но всѣ эти признаки вовсе не имѣютъ того значенія, какое придаютъ имъ увлекающіеся дарвинисты.

Что касается надглазныхъ бугровъ, то ихъ значительное развитіе почти въ той же степени свойственно и черепу современныхъ австралійцевъ, на которомъ мы видимъ очень рѣзко выступающіе надглазные бугры и очень явственно срѣзанный лобъ. Принимая во вниманіе то значительное разнооб-

разіе формы черепа, которое представляютъ современныя человѣческія расы, мы можемъ пройти молчаніемъ остальные будто-бы обезьяньи признаки перваго ископаемаго черепа неандертальскаго типа. Скажемъ только нѣсколько словъ о емкости. Сначала всѣ были поражены малой емкостью того черепа, о которомъ идетъ рѣчь. Емкость была опредѣлена приблизительно въ 1230—1240 к. с. м., однако же теперь стало извѣстно, что среди нынѣ живущихъ людей въ отдѣльныхъ случаяхъ попадаются черепа еще меньшей емкости. Съ другой стороны, уже теперь найдены человѣческіе черепа несомнѣнно дилювіальнаго періода, по своимъ анатомическимъ признакамъ того же неандертальскаго типа, емкость которыхъ не только превосходитъ среднюю емкость черепа современнаго европейца, но еще къ тому же, если принять во вниманіе ростъ всего человѣка, представляется прямо поразительной.

Все это говоритъ о томъ, что неандертальская находка нисколько не подтверждаетъ теоріи дарвинистовъ.

Отмѣтимъ теперь наиболѣе характерныя данныя XX вѣка, касающіяся остатковъ человѣка неандертальскаго типа.

Въ самые послѣдніе годы были произведены въ Южной Франціи, въ долинѣ р. Везеры, притокѣ Дордони, раскопки. Здѣсь, близь Ле Мустье, въ департаментѣ Дордони, и близь Ла Шапель, въ департаментѣ Коррезы, были между прочимъ найдены погребенными въ пещерѣ приблизительно 16-лѣтній подростокъ и приблизительно 80-лѣтній старикъ. Оба они по ряду признаковъ (у подростка только не успѣли еще развиться надглазные бугры) представляютъ собою, по своему черепу, неандертальцевъ. При этомъ, весьма любопытно отмѣтить, что черепа этихъ неандертальцевъ оказались не только не малоемкими, но, наоборотъ, очень емкими. Черепъ старика, сохранившійся вполнѣ (за исключеніемъ пробоины съ лѣвой стороны) даетъ, по разнымъ измѣреніямъ, 1600—1800 куб. с. м. емкости, т. е. по своей емкости во всякомъ случаѣ превосходитъ средній черепъ современнаго европейца. Неудивительно, что даже защитникамъ животнаго происхожденія человѣка приходится теперь признать, по примѣру Декуорса, что и дилювіальные люди неандертальскаго типа были „богато снабжены мозговымъ матеріаломъ для всѣхъ обычныхъ потребностей, примѣнительно къ современной мѣркѣ“, или, что въ данномъ

отношеніи „нельзя указать никакой черты низшей эволюціонной ступени“ (Duckworth, стр. 37,45).

Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы не имѣемъ никакого основанія говорить о какой-то низшей, чуть не полуживотной неандертальской расѣ.

Однимъ словомъ, есть ли посредствующее звено между человѣкомъ и обезьяной?

Крупный ученый Вирховъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „я право не знаю, что сказать о предположеніи, будто человѣкъ ведетъ свое происхожденіе отъ обезьяны. Фактически такихъ переходовъ отъ человѣка къ обезьянѣ не существуетъ; а, между тѣмъ, въ настоящее время должны были бы существовать представители подобныхъ формъ, если только они имѣли мѣсто въ развитіи человѣка“.

Вотъ болѣе позднее признаніе.

Профессоръ Бранко, директоръ геологическо-палеонтологическаго института берлинскаго университета, держалъ на V международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ 16 августа 1901 г. заключительную рѣчь „Ископаемый человѣкъ“. Главное положеніе рѣчи Бранко формулировалось такъ: человѣкъ является предъ нами въ земной исторіи по истинѣ какъ homo novus, а не какъ потомокъ раннѣйшихъ родовъ. Между тѣмъ, какъ большая часть млекопитающихъ настоящаго времени, оказывается, имѣетъ длинные ряды предковъ въ третичное время, человѣкъ является прямо и внезапно въ дюливіальную эпоху такъ, что мы ничего не знаемъ о его третичныхъ предшественникахъ. Третичнаго человѣка нѣтъ, а слѣды его дѣятельности въ третичное время имѣютъ сомнительную природу. Напротивъ, остатковъ дилювіальнаго человѣка много, но дилювіальный человѣкъ выступаетъ, какъ совершенный homo sapiens“.

Отсюда, на вопросъ: кто былъ предкомъ человѣка, Бранко даетъ слѣдующій чисто научный отвѣтъ: „палеонтологія ничего не знаетъ объ этомъ, она не знаетъ предковъ человѣка“.

То же самое пишетъ и нашъ русскій профессоръ Д. Третьяковъ.

„Подводя итогъ всему, что намъ извѣстно въ настоящее время о древнѣйшихъ доисторическихъ людяхъ, говоритъ онъ, мы должны признать, что съ самаго начала своего появленія

на землѣ человѣкъ отмѣченъ особою печатью, и всѣ попытки найти промежуточное звено между человѣкомъ и животнымъ міромъ не нашли себѣ яснаго и безспорнаго доказательства".

Если такъ, то, значитъ, всѣ доказательства, которыя думали извлечь изъ яванской находки и неандертальскаго черепа въ пользу животнаго происхожденія человѣка, просто отпадаютъ сами собой.

VIII.

Первое мѣсто въ ряду неопровержимыхъ доказательствъ самостоятельнаго происхожденія человѣка безспорно занимаетъ **языкъ**, способность человѣка путемъ словъ выражать свои мысли, чувства и желанія.

Въ виду огромной важности этого аргумента, противники христіанскаго взгляда на происхожденіе человѣка всячески стараются ослабить и обезцѣнить его, лишь бы выйти побѣдителями въ вѣковой борьбѣ противъ божественныхъ правъ человѣка.

Особенно много потрудились въ этомъ направленіи Чарльзъ Дарвинъ и пресловутый Эрнестъ Геккель со своею многочисленною ратью учениковъ.

„Способность произносить членораздѣльные звуки, говоритъ Дарвинъ, не служитъ нашимъ отличительнымъ признакомъ: этой способностью обладаютъ также попугаи и др. птицы... Не только человѣку свойственна способность связывать опредѣленные звуки съ опредѣленными понятіями, и нѣкоторые попугаи, научившись говорить, безошибочно сочетаютъ извѣстныя слова съ вещами и извѣстныхъ лицъ съ событіями"...

Въ „Міровыхъ Загадкахъ" Геккеля мы читаемъ:

„Особенно интересно то, что при физіологическомъ сравненіи, звуковой языкъ обезьянъ оказывается переходной ступенью къ членораздѣльной рѣчи человѣка. Среди теперь еще живущихъ человѣкообразныхъ обезьянъ есть одна индійская порода, отличающаяся музыкальностью: ламангъ (Hylobates syndactilus), живущій на Суматрѣ. Онъ поетъ въ совершенно чистыхъ и звучныхъ полутонахъ цѣлую октаву. Для непредубѣжденнаго филолога нынѣ не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію, что наша высоко развитая отвлеченная рѣчь развилась медленно и постепенно изъ несовершеннаго звукового языка нашихъ пліоцентовыхъ предковъ—обезьянъ".

Конечно, разъ учатъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, то надо вѣдь говорить, что языкъ обезьянъ былъ первой ступенью человѣческой рѣчи. Иначе получится довольно существенное противорѣчіе, котораго ни смягчить, ни уничтожить ни въ коемъ случаѣ нельзя.

Но правда ли, будто „непредубѣжденные“ филологи нисколько не сомнѣваются въ томъ, что человѣческая рѣчь развилась изъ несовершеннаго языка нашихъ мнимыхъ предковъ—обезьянъ ?

Нѣтъ, не правда! Прежде всего, ни одинъ человѣкъ не знаетъ этихъ пліоцентовыхъ предковъ—обезьянъ, никакихъ остатковъ отъ нихъ не находили, и еще меньше слышалъ кто-нибудь ихъ языкъ. И не смотря на это, Геккель осмѣливается утверждать, что современные безпристрастные изслѣдователи производятъ нашу рѣчь *изъ предположительнаго языка предположительныхъ обезьянъ.*

Именъ онъ не называетъ: „непредубѣжденный профанъ“ вѣритъ ему и не догадывается, что такого „непредубѣжденнаго“ изслѣдователя въ геккелевскомъ вкусѣ вообще не существуетъ.

Мы приведемъ здѣсь свидѣтельства крупныхъ, европейски извѣстныхъ лингвистовъ о происхожденіи человѣческаго языка, отчасти для того, чтобы видѣть, какъ глубоко ошибается, вѣрнѣе: какъ нагло обманываетъ своихъ читателей Геккель; а отчасти для того, чтобы показать, что языкъ человѣка является самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ невозможности происхожденія человѣка отъ обезьяны.

„Великая грань между животнымъ и человѣкомъ, говоритъ Максъ Мюллеръ, состоитъ въ языкѣ... Языкъ—нашъ Рубиконъ, и ни одинъ звѣрь не посмѣетъ переступить его... Каждое слово имѣетъ свою исторію, и начало этой исторіи, которое открываетъ намъ этимологія, выводитъ насъ далеко за предѣлы его перваго появленія въ исторіи“.

Правда, и онъ не долго устоялъ на самостоятельной почвѣ: ознакомившись поближе съ эволюціонной теоріей черезъ труды Нуаре, и онъ примкнулъ къ общему хору. Однако неустанная пытливость его ума опять вывела его изъ тины эволюціонизма, и въ болѣе позднихъ трудахъ онъ опять восклицаетъ: „Безъ разума нѣтъ языка, и безъ языка нѣтъ разума“.

В. Гумбольдтъ, труды котораго сдѣлали эпоху въ изученіи философіи языка, говоритъ:

„Языкъ есть одновременно необходимое завершеніе мышленія и естественное развитіе заложенныхъ способностей, характерныхъ для человѣка, какъ такового... Языкъ можетъ принадлежать только существу, надѣленному сознаніемъ, и возникаетъ у него изъ невѣдомой ему самому глубины его индивидуальности и изъ дѣятельности лежащихъ въ немъ силъ".

Близокъ къ Гумбольдту въ основныхъ воззрѣніяхъ и Гейзе, который въ своей „Системѣ языкознанія" пишетъ:

„Человѣкъ отличается отъ животнаго своимъ разумнымъ умомъ. Тотъ фактъ, что у животнаго отсутствуетъ этотъ послѣдній, доказывается вполнѣ опредѣленно неспособностью животнаго къ совершенствованію. Птицы строятъ свои гнѣзда, а пчелы свои соты и теперь такъ же, какъ онѣ это дѣлали тысячелѣтія тому назадъ. Ихъ поведеніе опредѣлено природой, а не самоопредѣленіемъ, отсюда вытекаетъ отсутствіе прогрессирующаго саморазвитія, отсутствіе исторіи"...

Гейзе былъ чуждъ эволюціонной точки и не допускалъ даже мысли о связи первоначальнаго человѣческаго языка съ животными криками.

Съ перваго же момента своего бытія, говоритъ Гейзе, человѣкъ является, согласно своей сущности, самостоятельнымъ разумнымъ существомъ и долженъ, какъ таковое, выражаться. Поэтому, *и происхожденіе языка должно прямо совпадать съ происхожденіемъ человѣческаго рода*, а этотъ послѣдній нельзя мыслить, какъ пребывающій долгое время въ звѣреподобномъ естественномъ состояніи, изъ котораго онъ только медленно и съ трудомъ пробуждается для сознательной жизни".

У проф. Погодина, въ его книгѣ: „Языкъ какъ творчество (психологическія и соціальныя основы творчества рѣчи). Происхожденіе языка".—4-й т. „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества" мы находимъ такія строки:

„Какъ бы мы ни толковали пути, по которому шло развитіе „антропитека" въ направленіи къ человѣку, все таки исторію человѣческой культуры намъ приходится начинать съ пред-

положенія того существа, которое стоитъ уже неизмѣримо выше обезьяны. Безъ языка невозможно ни логическое мышленіе, ни образованіе понятій (т. е. именно то, откуда начинается человѣкъ и гдѣ кончается животное),—но чрезвычайная сила и яркость образовъ, развитая эмоціональная сторона духовной жизни, способность къ ассоціаціямъ образовъ, превосходящая все то, что мы знаемъ по этой части у животныхъ: все это слѣдуетъ предположить уже у первобытнаго человѣка"...

Такимъ образомъ, вырытая еще Декартомъ пропасть между животной и человѣческой психикой, еще яснѣе опредѣлилась въ трудахъ Гердера, Гумбольдта, Гейзе, Потебни, М. Мюллера и многихъ другихъ.

Какъ же послѣ такихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ крупныхъ лингвистовъ Геккель осмѣливается утверждать, что человѣческая рѣчь развилась изъ несовершеннаго звукового языка нашихъ предковъ—обезьянъ? И что порукой сему „непредубѣжденные филологи"?

Большинство крупныхъ натуралистовъ послѣдняго времени заявляетъ, что „первобытнаго человѣка мы должны представлять себѣ существомъ, ушедшимъ довольно далеко въ своемъ умственномъ развитіи отъ современныхъ намъ высшихъ животныхъ".

Но какими же „ногами" онъ „уходилъ" отъ животныхъ, не владѣя рѣчью—разумомъ - этимъ единственнымъ, болѣе совершеннымъ, не имѣющимся у животныхъ орудіемъ быстроты умственнаго хода?

Единственно правильнымъ и возможнымъ можетъ быть таковъ отвѣтъ на предложенный вопросъ:

„Происхожденіе языка должно прямо совпадать съ происхожденіемъ человѣческаго рода.

Т. е. то, что говорятъ лингвисты и о чемъ давнымъ давно повѣдала міру божественная книга--Библія.

IX.

Ну, хорошо. На время допустимъ, что дарвинизмъ истиненъ, что ему удалось доказать совершеннѣйшее тождество человѣка и животнаго въ тѣлесномъ отношеніи. То и въ та-

комъ случаѣ онъ ничего не выигрываетъ. Вѣдь тождество это не отрицается и догматомъ творенія, допускающимъ лишь различіе въ степени совершенства. Прекрасно разсуждаетъ по данному вопросу профессоръ богословія въ Новороссійскомъ Университетѣ, прот. А. М. Клитинъ. Въ первомъ томѣ „Исторіи религіи“ (Одесса 1910 г.) онъ пишетъ:

„Въ Библіи не дается никакихъ данныхъ къ тому, чтобы утверждать, что человѣкъ появился сразу, въ готовой формѣ своей природы... Персть земная, или прахъ, очевидно должна была развиваться, или пройти извѣстныя степени или виды жизни, пока сдѣлалась достойной или способной вмѣстить въ себя „дыханіе жизни“, или стать во всей цѣлостности человѣческой природы (Арх. Чернигов. Филаретъ Догмат. Богословіе. ч. I. изд. 3. СПБ. 1882 г. стр. 195), образомъ и подобіемъ Божіимъ. Въ этомъ и состояло созданіе изъ праха земного. Но въ чемъ именно состояло это развитіе или прохожденіе чрезъ формы жизни, чрезъ какія именно формы жизни совершилось это прохожденіе и какъ долго оно продолжалось—объ этомъ никакихъ свидѣтельствъ въ Библіи нѣтъ (см. „Понятіе о твореніи“— Христ. жизнь. 1906 г. № 17). Если и признать, что человѣкъ проходилъ „во время развитія своего праха“ всѣ стадіи животнаго развитія, то только до тѣхъ поръ, пока тѣло его не стало сообразно „образу Божію“ и не приняло въ себя, въ ноздри свои, дыханія Божія. Какъ только человѣкъ сталъ человѣкомъ, все животное окончилось. Началась жизнь человѣческая, разумная, свободная, словесная. Человѣкъ сталъ говорить. Это естественный, логичный, несомнѣнный ходъ жизни“.

Посему, если признать такого рода разсужденіе, для принятія котораго нѣтъ никакихъ препятствій со стороны Библіи, то всѣ аргументы въ пользу животнаго происхожденія человѣка, основанные на сходствѣ одной только тѣлесной организаціи, должны быть признаны непопадающими въ цѣль. Никакими аргументами этого рода не затрагивается существенное различіе между человѣкомъ и животнымъ, лежащее въ иной психической области.

„Вопросъ объ отношеніи человѣка къ обезьянѣ, говоритъ Рейнке, нельзя рѣшить, если мы будемъ имѣть въ виду одни лишь ихъ тѣлесныя свойства; также тщательно должно сравнить ихъ психическія свойства, и здѣсь мы наталкиваемся на

непроходимую бездну. Въ чемъ она? Въ человѣкѣ есть нѣчто, что возвышаетъ его надъ животнымъ. Это—его личность. Это свойство связано прежде всего съ его духомъ, а потомъ уже зависитъ и отъ тѣла; но къ животнымъ понятіе личности не приложимо. Животное можетъ имѣть индивидуальность, но не личность, которая есть всегда нѣчто духовное. Отъ человѣка къ животному—величайшій скачекъ, какой только знаетъ органическое царство... Откуда явился человѣкъ на нашей планетѣ, „облекся въ плоть",—объ этомъ естествознаніе не учитъ; мы ничего объ этомъ не знали бы даже и въ томъ случаѣ, если-бы было доказано, что тѣло человѣка образовалось изъ обезьяны.

Поэтому, ученіемъ объ эволюціи или о животномъ происхожденіи человѣка не наносилось бы никакого ущерба достоинству человѣка и царственному положенію его въ природѣ, о которомъ учитъ христіанство, даже если бы эволюціонизмъ былъ правъ.

Тотъ-же Рейнке пишетъ: „значеніе человѣка, его личности, его души не затрагивается нашими представленіями о способѣ происхожденія его тѣла, будемъ ли мы представлять тѣло перваго предка людей вышедшимъ непосредственно изъ минеральнаго царства, изъ земли (согласно съ Библіей), или-же будемъ думать, что оно произошло путемъ превращенія какого-нибудь животнаго вида".

Даже сами эволюціонисты, нѣкоторые изъ нихъ, какъ Уоллесъ, другъ Дарвина, говорятъ, что человѣкъ не могъ явиться естественною силою только законовъ эволюціи, безъ вмѣшательства сверхъестественнаго или новаго Божественнаго творческаго акта, насколько дѣло идетъ о душѣ человѣка.

Итакъ, своими аргументами въ пользу животнаго происхожденія человѣка, основанными на тѣлесныхъ сходствахъ человѣка и обезьяны, дарвинисты, въ сущности, какъ видимъ, ничего не достигаютъ.

Но должны ли православныхъ христіанъ смущать всѣ эти раціоналистическія и натуралистическія теоріи, гипотезы и думы?

Совсѣмъ нѣтъ.

Прекрасно разсуждаетъ по данному вопросу Эрихъ Васманнъ, словами котораго мы и закончимъ свой очеркъ.

„Въ 1859 году насталъ часъ, когда могучій валъ, подобно урагану, понесся со стороны Англіи. Валъ увеличивался, становился выше и шире, такъ какъ пѣнистый гребень его достигалъ зубцовъ скалы. Конечно, валъ этотъ не носитъ имя Дарвина и дарвинизма въ узкомъ смыслѣ слова, это—теорія развитія, борющаяся съ теоріей постоянства, и до сихъ поръ борющаяся побѣдоносно и, очевидно, имѣющая побѣдить ее до конца. Но должны ли мы трепетать за твердость скалы? Нѣтъ, не должны. Не смотря на это, не смотря на водоворотъ у своей подошвы, скала христіанскаго міросозерцанія устоитъ. И, быть можетъ, пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и эта новая волна будетъ мирно покоиться у подошвы скалы. И потомъ, когда черезъ нѣсколько вѣковъ опятъ придетъ другая, болѣе сильная волна, чтобы вытѣснить свою предшественницу, скала христіанскаго міровоззрѣнія и тогда будетъ такъ же твердо стоять, какъ и до сихъ поръ.

Я лично твердо убѣжденъ въ непоколебимости скалы христіанскаго міросозерцанія. А почему? Потому, что скала и волны по природѣ своей не враги, а друзья. Почему-же—человѣческое знаніе и христіанское вѣроученіе не враждебны другъ другу? Оба они суть только два потока изъ одного источника, изъ одной и той-же безконечной, вѣчной премудрости Божіей. Эта премудрость не можетъ противорѣчить себѣ самой, хотя бы она говорила намъ на томъ или иномъ языкѣ. Поэтому я твердо убѣжденъ, что между христіанской вѣрой и наукой не можетъ быть дѣйствительнаго противорѣчія“.

Заключеніе.

Апостолъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ посланій къ Тимофею говоритъ: „будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху; и отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ (2; 4 гл. 3—4 ст.).

Это пророчество первоверховнаго апостола съ буквальною точностью исполняется въ настоящее время. Теперь весьма многіе здраваго ученія, ученія св. Писанія, не принимаютъ. Отвергаютъ его. Даже смѣются надъ нимъ. И, взамѣнъ его, придерживаются ложныхъ теорій; идутъ за лжеучителями, кото-

рые дѣйствительно отвращаютъ слухъ отъ истины и обращаютъ его къ баснямъ".

Возьмемъ, напримѣръ, настоящій вопросъ о твореніи человѣка. Сколько учили людей тому, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны? Сколько лѣтъ смѣялись и издѣвались надъ библейскимъ сказаніемъ о происхожденіи человѣка? Сколько вѣрующихъ сердецъ разбилось объ этотъ камень преткновенія и соблазна? Сколько мудрыхъ и неразумныхъ, великихъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ склонили свои колѣна предъ теоріей Дарвина, признали ее за твердо установленную истину и внесли ее въ качествѣ краеугольнаго догмата въ своей научный катехизисъ?

И что—же? Настало время, когда теорія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны потеряла свой кредитъ повсюду. Не только среди простыхъ, но и среди ученыхъ. Теперь рѣдко кто придерживается дарвиновой теоріи, какъ таковой. Рѣдко кто вѣритъ въ происхожденіе человѣка отъ обезьяны. Долго владѣвшая умами теорія, при всеобщемъ смущеніи, къ стыду всѣхъ ея проповѣдниковъ сдается въ архивъ. Она доживаетъ свои послѣдніе дни, будучи всѣми оставлена, критикуема, постепенно забываема.

На смѣну ея выступаетъ новая теорія, новое рѣшеніе вопроса о происхожденіи человѣка.

А какъ ей вѣрили! Какъ были убѣждены въ ней! Какъ горячо всегда отстаивали ее! Какъ самоувѣренно возвышали ее надъ библейскимъ сказаніемъ! И вдругъ—полное крушеніе ея.

А сколько вѣрующихъ душъ погибло напрасно изъ-за нея? Сколько соблазна внесла она въ среду правовѣрныхъ христіанъ! И все это изъ-за чего? Съ позволенія сказать—изъ-за чепухи, изъ-за простого предположенія, изъ-за недоказанной мысли, изъ-за нелѣпѣйшей теоріи.

Подлинно: „отъ истины отвратили слухъ и обратились къ баснямъ".

Скажемъ нѣсколько словъ о вновь появившейся теоріи.

Теперь ученые натуралисты раздѣляютъ такое убѣжденіе, что человѣкъ вовсе не происходитъ отъ обезьяны, но что онъ и обезьяна имѣютъ одного общаго родоначальника. Произошли отъ одного и того же предка. Существующія между ними различія, какъ болѣе существенныя,

такъ и менѣе существенныя, получились оттого, что человѣкъ пошелъ по пути развитія, прогресса, а обезьяна, наоборотъ, по пути регресса, такъ какъ перестала развиваться и совершенствоваться.

Наиболѣе видными представителями современной теоріи по вопросу о происхожденіи человѣка являются такіе знаменитые ученые, какъ Штратцъ, Альсбергъ, Клаачъ и др. Послѣдній извѣстенъ и у насъ, въ Россіи, благодаря книгоиздательству „Просвѣщеніе“, которое ознакомило читающую публику съ означенной теоріей.

Какое же существо считаютъ за первоначальный организмъ, давшій два родовыхъ древа?

На этотъ вопросъ пока нѣтъ опредѣленнаго отвѣта. Его рѣшаютъ различно. И рѣшенія эти пока ничто иное, какъ предположенія, которыя еще не обоснованы, не провѣрены, не доказаны.

Такъ, Штратцъ представляетъ этотъ первичный типъ, какъ такъ называемую саламандру (Molchmaus)—мышь. Клаачъ говоритъ объ общемъ типѣ обезьяны, но типъ этотъ доставляетъ большія затрудненія, поскольку онъ не похожъ на человѣческій типъ, который будто бы произошелъ отъ него. И т. д.

Какова же проба всѣхъ этихъ предположеній?

Весьма низкая. Это можно, по крайней мѣрѣ, видѣть изъ того, что на антропологическомъ конгрессѣ въ Линдау, когда Клаачъ сталъ подробно развивать свою теорію, Ранке, авторъ двухтомнаго изслѣдованія „Человѣкъ“, возразилъ, что выставлять такія гипотезы, значитъ „просто фантазировать“.

Великолѣпно оцѣниваетъ эту модную теорію извѣстный біологъ Эрихъ Васманъ. Онъ пишетъ:

„При разсмотрѣніи этой теоріи, весьма важенъ слѣдующій палеонтологическій моментъ: чѣмъ далѣе мы относимъ эту первичную форму, тѣмъ болѣе должно быть посредствующихъ звеньевъ между человѣкомъ и обезьяной въ палеонтологіи.

Но такъ ли это? Взглянемъ на оба гипотетическихъ родовыхъ древа. На одной сторонѣ мы видимъ ряды развитія, приведшіе къ образованію настоящихъ (въ смыслѣ нынѣшнихъ) обезьянъ и полуобезьянъ. Здѣсь мы находимъ удивительно прекрасное палеонтологическое дерево: тридцать родовъ иско-

паемыхъ обезьянъ. Но какъ обстоитъ дѣло на другой сторонѣ, гдѣ должны стоять зоологическія промежуточныя звенья между этой основной родовой формой и современнымъ человѣкомъ? Ни одного рода, ни одного вида, какъ промежуточнаго звена. Это весьма знаменательно. Если дѣйствительно такое развитіе имѣло мѣсто, тогда должны бы найтись промежуточныя формы на этой сторонѣ. А ихъ то и нѣтъ".

Что-же отсюда слѣдуетъ?

А то, что и вновь народившаяся теорія о происхожденіи человѣка не имѣетъ подъ собою никакихъ положительныхъ основаній и зиждется исключительно на предположеніяхъ, догадкахъ, необоснованныхъ данныхъ. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ такіе авторитетные ученые, какъ знаменитый зоологъ Ранке и не менѣе извѣстный біологъ Эрихъ Васманъ.

Не смотря на это и предъ вновь появившейся теоріей начинаютъ такъ же благоговѣть и такъ же преклоняться, какъ въ свое время предъ многонашумѣвшей теоріей Дарвина. Ей поютъ гимны. Ей пророчатъ будущее. Ей отдаютъ предпочтеніе предъ многими другими теоріями и гипотезами. Въ ней видятъ начало того пути, на которомъ человѣчество найдетъ давно искомую истину о происхожденіи на землѣ человѣка.

Несомнѣнно, и эта теорія для многихъ будетъ камнемъ преткновенія и соблазна. И она вызоветъ въ умахъ многихъ вѣрующихъ людей бурю такихъ же сомнѣній, колебаній и недоумѣній, какъ и предшествовавшая ей теорія Дарвина.

Но и она не будетъ вѣчной. Ее смѣнитъ другая, новая теорія, которая своимъ появленіемъ вытѣснитъ свою предшественницу, нанесетъ рѣшительный ударъ и навѣки удалитъ ее съ поля сознанія мыслящихъ людей.

Тамъ новыя жертвы. Новыя паденія. Новыя басни. Новыя уклоненія отъ истины. И такъ безъ конца. Во вѣки вѣковъ.

Грустно, тяжело!

Пусть же подобнаго рода колебанія и постоянная измѣна научнымъ идоламъ не пройдетъ безслѣдно для насъ, для истинно вѣрующихъ христіанъ. Пусть эти безпрерывныя крушенія научныхъ основъ предостерегутъ насъ отъ увлеченія вѣтромъ новыхъ ученій, отъ легкомысленныхъ уступокъ и побудятъ насъ твердо держаться того, что предано намъ.

Откуда жизнь?

(*Къ вопросамъ о твореніи міра*).

Мы все говорили о твореніи человѣка, о твореніи рыбъ и птицъ, о твореніи животныхъ, земли и т. д., т. е. мы все время имѣли въ виду непосредственный творческій актъ, вмѣшательство высшей, разумной и могучей силы, той, которую мы называемъ Богъ. Но вотъ вопросъ—что доказываетъ то, что все видимое нами произошло такъ, какъ мы представляемъ. Почему, напримѣръ, нельзя допустить, что правы натуралисты, которые исторію міросданія рисуютъ такимъ образомъ: сначала была газообразная масса, которая, придя въ сильное движеніе, отвердѣла и дала въ результатѣ видимый нами міръ; затѣмъ изъ этой массы, изъ неорганической матеріи, путемъ постепеннаго развитія и усовершенствованія образовалась органическая матерія; организмы множились, развивались, осложнялись, и вотъ появился человѣкъ. По представленію натуралистовъ, какъ видимъ, не требуется въ данномъ случаѣ никакого творческаго акта. Вмѣшательство божественной силы излишне. Между тѣмъ православные христіане утверждаютъ совсѣмъ обратное. Они говорятъ: „въ исторіи образованія и развитія міра безъ Божественнаго глагола—да будетъ!—ничего нельзя объяснить". Кто правъ, а кто виноватъ? На чьей сторонѣ истина? Вотъ это и составляетъ предметъ настоящаго апологетическаго очерка.

Откуда жизнь?

Она появилась изъ неорганической матеріи, отвѣчаютъ намъ. „Химическимъ анализомъ,—пишутъ біологи,—установленъ фактъ однороднаго состава органическихъ и неорганическихъ тѣлъ. Въ организмахъ обнаружено соединеніе слѣдующихъ простыхъ веществъ: углерода, водорода, кислорода, азота, сѣры, фосфора, хлора, калія, кальція, магнія и желѣза. Тѣ же элементы входятъ въ составъ и неорганическихъ тѣлъ. Въ чемъ же собственно различіе между тѣлами органическими и неорганическими? Его нѣтъ. А если нѣтъ, то, значитъ, живое родилось изъ мертваго".

Мы не можемъ согласиться съ подобнаго рода заключеніемъ. Не можемъ допустить, чтобы органическое получилось изъ неорганическаго, живое—изъ мертваго. Напротивъ, голосъ

науки, серьезной, точной, безпристрастной науки и голосъ вѣры теперь повсюду слышится такой: „органическое могло получиться только изъ органическаго и живое—только отъ живого". Такое ученіе въ настоящее время слыветъ подъ именемъ „біогенезиса".

Такъ какъ исторія даннаго вопроса какъ нельзя лучше показываетъ правильность и незыблемость теоріи біогенезиса, то мы нѣсколько долѣе остановимся на ней и используемъ ее въ интересахъ христіанской науки.

Въ древности положительно всѣ, и ученые и неученые, думали, что всѣ живыя существа, какъ-то: мыши, лягушки, всевозможнаго рода черви и насѣкомыя, какимъ-то непонятнымъ и необъяснимъ путемъ получались изъ мертвой, неорганической матеріи. Аристотель, напримѣръ, былъ убѣжденъ, что достаточно смочить водою какое-либо сухое вещество, и въ немъ зародятся тѣ или другіе организмы, тоже самое, по его мнѣнію, бываетъ и при высыханіи всякаго тѣла. Плутархъ, по словамъ Флуранса, полагалъ, что крысъ производила земля. Виргилій, въ своихъ Георгикахъ, разсказываетъ, какъ пчелы рождаются изъ гніющаго трупа быка,—и т. д.

Такъ думали и сему учили не только въ древности, но и въ средніе вѣка. На протяженіи нѣсколькихъ тысячелѣтій убѣжденія по данному вопросу нисколько не измѣнились. Напротивъ, они еще болѣе окрѣпли, развились и распространились. Сдѣланъ былъ даже шагъ впередъ въ этомъ направленіи. Именно: древность только знала, что природа производитъ животныхъ; а средніе вѣка стали учить, при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ происходитъ самозарожденіе организмовъ, какъ помогать природѣ производить ихъ.

Вотъ одинъ изъ практическихъ совѣтовъ, завѣщанныхъ намъ учеными среднихъ вѣковъ:

Бросьте горсть пшеничныхъ зеренъ въ воду, полученную отъ мытья грязнаго бѣлья, и черезъ 21 день у васъ эти зерна превратятся въ взрослыхъ мышей.

Таковъ итогъ многовѣковой работы древневѣковыхъ и средневѣковыхъ ученыхъ надъ вопросомъ о происхожденіи жизни.

Новая эра въ рѣшеніи означеннаго вопроса наступила со времени Франческо Реди, врача тосканскихъ герцоговъ Фердинанда II и Козмы III.

Онъ сталъ изучать въ 1668 г. явленія самозарожденія. До его времени всѣмъ было извѣстно, что въ мясѣ по мѣрѣ того, какъ оно портится, заводятся черви. Реди захотѣлъ посмотрѣть на это мясо повнимательнѣе; онъ увидѣлъ, что прежде, чѣмъ въ немъ появились черви, его постоянно облѣпляли мухи, и на немъ роились; тогда у него явилась мысль, что черви мяса представляютъ собою недоразвившихся мухъ. Онъ провѣрилъ свое предположеніе опытомъ. Кусокъ свѣжаго мяса былъ имъ положенъ въ стаканъ, и стаканъ плотно закрытъ бумагой; мясо стало гнить, но червей въ немъ не появлялось, между тѣмъ кусокъ мяса, положенный въ открытый стаканъ, черезъ короткое время покрылся червями. Реди пошелъ далѣе, онъ замѣнилъ бумагу, прикрывавшую мясо, тонкой и рѣдкой тканью. Запахъ мяса сталъ привлекать мухъ, онѣ слетались на стаканъ, клали на ткань яички, но яички, вслѣдствіе малости отверстій ткани, не могли попасть на мясо, и черви появились поверхъ ткани, между тѣмъ какъ на мясѣ ихъ попрежнему не было. Реди тогда объявилъ, что организмы происходятъ не сами собою, но отъ организмовъ [1]).

Явились противники означеннаго вывода, которые хотѣли во чтобы то ни стало отстоять теорію самозарожденія. Завязался продолжительный ожесточенный споръ между учеными различныхъ направленій, но теорія происхожденія органическаго только отъ органическаго не была поколеблена. Противъ нея даже не выставлено было болѣе или менѣе серьезныхъ возраженій.

Такъ дѣло шло до второй половины девятнадцатаго столѣтія, когда вопросъ о самозарожденіи вступилъ въ новый періодъ своего существованія.

Въ 1895 году Пуше, директоръ музея естественной исторіи въ Руанѣ, издалъ книгу „Hétérogénie“, въ которой онъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ самозарожденія. Къ гипотезѣ самозарожденія, по его взгляду, прежде всего приводитъ размышленіе, а затѣмъ, по его словамъ, ее подтвердили ему его опыты. Пуше произвелъ слѣдующій экспериментъ, который ему казалось, долженъ былъ сокрушить противниковъ самозарожденія. Наполнивъ стклянку кипящей водой, онъ за-

[1]) Проф. Глаголева: „Происхожденіе жизни“. СПБ. 1899 г. стр. 27.

купоривалъ ее и опускалъ въ ртуть; затѣмъ, когда вода остывала, онъ осторожно подъ ртутью раскупоривалъ стклянку и вводилъ въ нее съ соблюденіемъ предосторожностей нѣкоторое количество кислорода, которое ранѣе было подвергнуто дѣйствію высокой температуры до 300° и, слѣдовательно, было обеззаражено. Такимъ образомъ, ни вода, ни кислородъ, не могли содержать зародышей микроорганизмовъ, такъ какъ они не выносятъ высокой температуры, и однако черезъ восемь дней въ стклянкѣ появилась плѣсень, т. е. жизнь [1]).

Пуше торжествовалъ. Теорія біогенезиса какъ будто была поколеблена описаннымъ опытомъ.

Мысли французскаго натуралиста Пуше находили себѣ все больше и больше послѣдователей. Споръ по данному вопросу обострялся все сильнѣе и сильнѣе.

Наконецъ, въ 1860 году парижская академія наукъ назначила премію за безусловное рѣшеніе вопроса о самозарожденіи, причемъ, ставилось одно довольно важное и существенное условіе, именно—„чтобы результатъ не долженъ быть затемненъ неясностями, происходящими отъ самой постановки опытовъ".

Быть можетъ, академическая премія долгое время оставалась бы не присужденною, если бы вопросомъ о самозарожденіи не занялся Пастеръ, одинъ изъ геніальнѣйшихъ умовъ въ исторіи науки, уже къ тому времени получившій широкую извѣстность своими химическими работами.

Пастеръ показалъ, что Пуше въ своемъ опытѣ забылъ очистить ртуть, а между тѣмъ пылинки, осѣдающія на поверхности ртути, проникаютъ внутрь ея и затѣмъ оказываются въ стклянкѣ. Заключая въ себѣ или даже представляя собою зародыши, эти пылинки, принеся ихъ въ стклянку, предоставляютъ имъ полную возможность развиться въ благопріятной средѣ, вслѣдствіе чего у Пуше и появилась плѣсень.

Самъ Пастеръ производилъ такіе опыты. Онъ бралъ стеклянный шаръ съ длинной шейкой, наполнялъ его кровью или молокомъ, вообще жидкостью, пригодной для развитія микроорганизмовъ, кипятилъ жидкость, и когда затѣмъ она начинала охлаждаться и сжиматься, впускалъ въ шаръ воздухъ

[1]) Тамъ-же, стр. 30.

чрезъ раскаленныя платиновыя трубки, убивавшія зародыши, и затѣмъ шары запаивалъ. Микроорганизмовъ въ этихъ шарахъ не появлялось. Что зародыши проникаютъ въ питательную среду изъ воздуха, Пастеръ доказалъ слѣдующими опытами: онъ пропускалъ струю обыкновеннаго воздуха черезъ горный ленъ (азбестъ) и затѣмъ кусокъ ваты или горнаго льна бросалъ въ обеззараженную жидкость, и въ ней немедленно появлялись зародыши.

Отстаивая самозарожденіе, Пуше объяснялъ опытъ Пастера предположеніемъ, что воздухъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторую способность давать жизнь минеральнымъ веществамъ (развѣ не можетъ быть въ воздухѣ какой-нибудь, доселѣ неизвѣстной намъ силы—подобной озону, магнетизму, электричеству, спрашивалъ Пуше) и что жизненное свойство воздуха Пастеръ уничтожалъ прокаливаніемъ.

Пастеръ сразу показалъ несостоятельность боязни прокаливанія воздуха.

Оказалось, что и не прогрѣтый воздухъ тоже не даетъ развитія микроорганизмовъ, если только онъ лишенъ находящихся въ немъ организованныхъ образованій. Уже Шредеръ и Душъ доказали, что прокаливаніе воздуха можно замѣнить просто фильтрованіемъ его черезъ вату. Однако, чтобы сторонники теоріи самозарожденія со свойственной имъ подозрительностью не подумали, что зарождающее начало задерживается въ ватѣ, Пастеръ прибѣгалъ къ такого рода опытамъ. Круглая колба (стекляный шаръ) до половины наполнялась пробной органической жидкостью, послѣ чего горло колбы размягчалось въ огнѣ паяльной горѣлки и оттягивалось. Оттянутой части придавалась изогнутая форма. Затѣмъ содержимое колбы подвергалось кипяченію безъ всякихъ предосторожностей. Когда изъ открытаго конца оттянутаго горла начинала вырываться сильная струя пара, кипяченіе прекращалось и колбѣ давали остыть. Послѣ этого содержимое колбы остается безъ всякаго измѣненія, хотя внутренность ея непосредственно соединяется съ окружающей атмосферой изогнутымъ горломъ. Воздухъ, входящій въ колбу, не прокаливался и не фильтровался черезъ вату, но всѣ его частицы при прохожденіи черезъ узкое изогнутое горло приходятъ въ соприкосновеніе съ влажными, а въ началѣ кромѣ того и горячими стѣнками, къ ко-

торымъ неизбѣжно прилипаютъ всѣ пылинки и организованныя тѣльца. Но достаточно срѣзать горло надъ самой колбой, чтобы жидкость быстро заселилась микроорганизмами. Впрочемъ, даже нѣтъ надобности срѣзать горло. Если просто наклонить колбу такъ, чтобы нѣсколько капель питательной жидкости попало въ изгибы горла, а затѣмъ соотвѣтствующимъ наклономъ вылить эти капли жидкости обратно въ колбу, то прилипшія къ стѣнкамъ горла организованныя тѣльца смоются внутрь, и въ колбѣ быстро разовьется жизнь. Если же впустить нѣсколько капель питательной жидкости изъ колбы въ горло, но затѣмъ не вливать ихъ обратно, а оставить въ изгибѣ, то въ нихъ разовьются микроорганизмы, между тѣмъ какъ содержимое самой колбы не обнаружитъ никакихъ измѣненій.

Все это говоритъ о томъ, что и не прогрѣтый воздухъ не даетъ развитія микроорганизмовъ, если только онъ лишенъ находящихся въ немъ организованныхъ образованій.

Пушэ тогда представилъ еще одно возраженіе. По его словамъ, такъ какъ его собственные опыты привели къ тому, что малѣйшій пузырекъ кислорода заключаетъ въ себѣ способность вызвать жизнь въ портящихся жидкостяхъ, а по теоріи Пастера воздухъ въ каждой своей частицѣ наполненъ милліардами зародышей, то воздухъ, въ которомъ мы живемъ, говорилъ онъ, тогда былъ бы такъ же плотенъ, какъ желѣзо.

Пастеръ показалъ, что и эти опыты Пушэ были не точны. Показалъ онъ такимъ образомъ. Взялъ шестьдесятъ шаровъ съ жидкостями, легко подвергающимися порчѣ, прокипятилъ ихъ и герметически закупорилъ, затѣмъ отправился къ подножію Юры. Здѣсь у подошвы горы онъ привелъ на мгновеніе жидкость двадцати шаровъ въ соприкосновеніе съ атмосфернымъ воздухомъ, послѣ чего шары были снова запаяны, организмы развились только въ восьми. На высотѣ 850 метровъ надъ уровнемъ моря были открыты другіе двадцать шаровъ, жизнь явилась лишь въ пяти изъ нихъ. Содержимое послѣднихъ двадцати шаровъ было приведено въ соприкосновеніе съ атмосфернымъ воздухомъ на высотѣ двухъ километровъ, жизнь явилась только въ одномъ. Послѣ этого сдѣлалось яснымъ, что чѣмъ выше воздухъ надъ землею, тѣмъ онъ

чище, тѣмъ меньше микроорганизмовъ находится въ немъ. Слѣдовательно, организмы изъ воздуха проникали въ жидкость приготовленныхъ паровъ.

Въ настоящее время мы располагаемъ весьма усовершенствованными методами для опредѣленія числа микробовъ въ воздухѣ, водѣ, почвѣ и т. п. Какъ указывалъ впослѣдствіи самъ Пастеръ, воздухъ гораздо меньше заселенъ микроорганизмами, чѣмъ вода и почва.

Слѣдующія цифры могутъ дать нѣкоторое представленіе о распредѣленіи микроорганизмовъ въ природѣ.

Въ 1 куб. метрѣ воздуха изъ различныхъ мѣстностей найдены слѣдующія количества микроорганизмовъ:

Полярныя страны	0
Вершины горъ (4000 метровъ)	1
Паркъ Монсури (окраина Парижа) зимой	315
„ „ „ лѣтомъ . . .	590
Площадь St. Gervais (центръ Парижа) зимой . .	5650
„ „ „ лѣтомъ . .	12345

Количество микроорганизмовъ въ водѣ и почвѣ настолько велико, что его удобнѣе расчитывать не на куб. метръ, а на куб. сантиметръ. Получаются слѣдующія цифры:

Ключевая вода (при выходѣ изъ земли) . . .	отъ 0 до 10
Ледниковые ручьи въ 50 саж. отъ ледника .	отъ 2 до 5
Ледниковые ручьи въ 5 вер. отъ ледника . . .	200
Сена выше Парижа	4800
„ ниже „	12800
Шпрее выше Берлина	4300
„ ниже „	97400
Клоачная вода (Парижъ)	6000000
„ „ (Берлинъ)	50000000

Въ одной каплѣ сточной воды Берлина находится приблизительно 2½ милліона микроорганизмовъ.

Въ почвѣ находятъ слѣдующія количества микробовъ въ 1 куб. сантиметрѣ:

Лѣсная земля на поверхности	600000
„ „ на глубинѣ 1 метра	128000
Луговая земля на поверхности	1400000
„ „ на глубинѣ 1 метра	134000

Пахотная земля на поверхности	1500000	
„ „ на глубинѣ 1 метра	330000	
Кладбищенская земля (Парижъ) на поверхности	19000000	Въ 1 граммѣ
„ „ на глубинѣ 2 метр. . . .	550000	

Въ очень загрязненной почвѣ количество микроорганизмовъ достигаетъ 100 милліоновъ въ 1 граммѣ. При переводѣ на 1 куб. сантиметръ эта цыфра должна еще болѣе возрасти (приблизительно въ $2^1/_2$ раза).

Все это говоритъ о томъ, что микроорганизмы повсюду окружаютъ насъ. Ихъ вездѣ миріады. И они то являются причиной кажущагося самозарожденія. Тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, именно въ полярныхъ странахъ, самозарожденія не бываетъ. Тамъ же, гдѣ ихъ мало, напримѣръ, на вершинахъ горъ, тамъ и случаи самозарожденія въ пробныхъ жидкостяхъ бываютъ рѣдки. А на землѣ, въ городахъ, гдѣ микроорганизмовъ миріады, тамъ и „произвольное зарожденіе“ наблюдается сплошь да рядомъ.

Послѣ опытовъ пастера Пуше не представлялъ никакихъ возраженій.

Пастеръ все таки произвелъ еще одинъ контрольный опытъ. Могли сказать, что этимъ кипяченіемъ онъ могъ убивать въ этихъ жидкостяхъ способность производить организмы при соприкосновеніи съ воздухомъ. Тогда Пастеръ сталъ брать кровь изъ венъ и артерій здоровыхъ животныхъ и безъ прокипяченія заключалъ ее въ обеззараженный воздухъ. Микроорганизмы не возникали. Парижская академія наукъ увѣнчала работы Пастера премій.

Послѣ этихъ опытовъ Пастера идея самозарожденія постепенно замирала, сторонники ея одинъ за другимъ или сходили въ могилу или измѣняли ей.

Одинъ только разъ, лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ работъ Пастера, завязался литературный споръ о самозарожденіи. Въ немъ не было высказано ничего существенно новаго, и сторонникъ самозарожденія былъ сокрушенъ безъ труда его противникомъ. Это-споръ Бастіана съ Тиндалемъ.

„И наблюденіе и опытъ, говорилъ Бастіанъ, безспорно подтверждаютъ, что живое вещество постоянно образуется сызнова по тѣмъ же самимъ законамъ, которыми опредѣля-

ются всѣ самыя простыя химическія соединенія". Т. е. жизнь не есть даръ жизни; она можетъ возникать сама по себѣ; она можетъ самопроизвольно зарождаться.

Онъ производилъ такіе опыты. Стеклянные сосуды на три четверти наполнялъ настоемъ сѣна или другого какого-нибудь органическаго вещества. Настой этой кипятилъ, чтобы убить въ немъ всѣ живые зародыши и затѣмъ герметически закупоривалъ, заграждая тѣмъ доступъ для внѣшняго воздуха. Воздухъ внутри сосуда подвергалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ температурѣ кипящей воды, чѣмъ убивались въ воздухѣ всякіе зародыши. При всемъ этомъ въ сосудахъ появились миріады живыхъ существъ.

На основаніи этого Бастіанъ и сталъ утверждать, что живыя существа возникли самопроизвольно.

Но рядъ изслѣдователей нашли двѣ важныя ошибки въ его опытахъ. Профессоръ Тиндаль повторилъ тѣ-же опыты, но только съ научными предосторожностями, обезпечивающими полное отсутствіе зародышей, что составляетъ его собственное открытіе. Онъ пришелъ къ заключенію, что при опытахъ Бастіана неубитые зародыши все-таки могутъ оставаться въ воздухѣ внутри сосуда. Если бы воздухъ былъ безусловно чистъ и безъ всякихъ зародышей, развѣ могли-бы возникнуть эти миріады живыхъ существъ? Онъ помѣщалъ свои сосуды въ атмосферѣ безусловно оптически чистой, что считается вѣрнѣйшимъ доказательствомъ полнаго отсутствія зародышей. Ни малѣйшаго слѣда жизни при этомъ не появилось. Онъ видоизмѣнялъ различнымъ образомъ свои опыты, но вещество въ воздухѣ, чуждомъ зародышей, никогда не порождало жизни.

На другую ошибку указалъ Даллингеръ. Онъ нашелъ, что низшія существа обладаютъ поразительной живучестью. Многія изъ нихъ могутъ выживать въ температурѣ гораздо высшей, чѣмъ та, которой подвергалъ ихъ Бастіанъ въ своихъ опытахъ. Нѣкоторые зародыши почти не могли быть убиты, когда ихъ подвергали дѣйствію огня.

Эти опыты положили конецъ спору.

Но не надолго. Въ концѣ девятнадцатаго и въ началѣ двадцатаго вѣка многіе біологи и физики, какъ-то: Мартинъ Кукукъ, Стеф. Ледюкъ, Бётлеръ-Бёрке, О. Леманнъ, Штадельманъ стали учить, что живыя существа можно создать искус-

ственнымъ путемъ и что они въ этомъ отношеніи достигли въ своихъ лабораторіяхъ большихъ успѣховъ.

Максъ Мюнденъ далѣе пошелъ. Онъ утверждаетъ, что всѣ неорганическія тѣла состоятъ изъ живыхъ существъ.

Другіе же видятъ лишь въ особенныхъ, ими полученныхъ образованіяхъ живыя существа или, по крайней мѣрѣ, очень близкія къ этимъ послѣднимъ формы (Бётлеръ-Бёрке, О. Леманнъ).

Какъ же надо относиться къ подобнаго рода изслѣдованіямъ и какими глазами смотрѣть на опыты послѣднихъ лѣтъ, которые, какъ будто ниспровергаютъ все то, о чемъ мы прежде писали и говорили?

Въ отвѣтъ на данный вопросъ нужно сказать вотъ что: Ученіе о біогенезисѣ и до сихъ поръ стоитъ твердо, непоколебимо. Что же касается вышеприведенныхъ опытовъ, то они поверхностны, не строго провѣрены, произведены безъ надлежащихъ предосторожностей и потому, построенные на нихъ выводы не имѣютъ существеннаго значенія.

И это не наше мнѣніе, а мнѣніе наиболѣе крупныхъ и авторитетныхъ физиковъ, химиковъ и біологовъ, какъ-то: В. Ру, Пржибрама, Моргана, Р. Неймейстера, Квинке, Таммана, Нернста и мн. др.

Напримѣръ, такой знаменитый біологъ, какъ В. Ру противъ новѣйшаго направленія въ вопросѣ о біогенезисѣ пишетъ вотъ что:

— Настоящіе низшіе живые организмы живутъ по большей части въ водной жидкости, но не растворимы въ водѣ. Упомянутыя же искусственныя образованія, напротивъ, растворяются въ водѣ. Они въ ней не жизнеспособны и тѣмъ стоятъ ниже живыхъ существъ.

Далѣе, всѣ разсужденія ученыхъ о возможности полученія живыхъ существъ искусственнымъ путемъ, говоритъ тотъ же Ру, покоятся на однихъ и тѣхъ же заблужденіяхъ. А именно: ученые не доказали, что эти образованія обнаруживаютъ настоящій обмѣнъ веществъ, который слагается изъ самоизмѣненія, самовыдѣленія, самопринятія и самоассимиляціи. Кромѣ того, не доказано, что наблюдавшееся учеными движеніе есть дѣйствительно самостоятельное движеніе или, по крайней мѣрѣ, рефлекторное, и что наблюдаемое дѣленіе дѣйствительно

настоящее—самодѣленіе. Такимъ образомъ, недостаетъ главнаго доказательства, что наблюдавшіеся процессы, какъ это бываетъ у живыхъ существъ, опредѣляются причинами, лежащими въ самихъ этихъ образованіяхъ, такъ что внѣшніе факторы играютъ лишь роль выявляющихъ раздражателей. Это—главный недостатокъ работъ, бывшихъ до сихъ поръ: отсутствіе доказательства самодѣятельности—автоэргіи (правильнѣе—автоэргазіи).

Максъ Мюнденъ же, кромѣ того, утверждаетъ, что растенія не имѣютъ самостоятельнаго движенія, потому что они обыкновенно не способны къ активному перемѣщенію.

Но, во-первыхъ, у многихъ растеній существуетъ рефлекторное внѣшнее движеніе листьевъ и цвѣтовъ, а во-вторыхъ, всѣ растенія имѣютъ внутреннее самостоятельное движеніе: движеніе протоплазмы и характерное движеніе клѣточнаго движенія. А это—истинныя „самостоятельныя движенія".

Такимъ образомъ, уже на основаніи приведенныхъ до сихъ поръ соображеній, искусственныя живыя существа всѣхъ авторовъ и всѣ живыя, по Мюнстеру, неорганическія тѣла природы стоятъ очень далеко позади отъ дѣйствительныхъ живыхъ существъ. Это будетъ еще яснѣе, если мы прибавимъ необходимую для стойкости образованія при измѣненіи условій способность къ саморегулированію. Она должна быть всеобщимъ элементарнымъ свойствомъ живыхъ существъ, и притомъ такимъ, которое больше всего отличаетъ живыя существа отъ всѣхъ другихъ тѣлъ природы, потому что она дѣлаетъ возможнымъ прямое приспособленіе къ измѣняющимся внѣшнимъ условіямъ. Наблюдая долговѣчность одноклѣточныхъ живыхъ существъ, дающихъ не смотря на перемѣну во внѣшнихъ условіяхъ безчисленныя поколѣнія одного и того же вида, можно съ увѣренностью сказать и заключить, что даже и низшія живыя существа имѣютъ, кромѣ наслѣдственности, еще способность саморегулированія, чего нельзя сказать объ искусственныхъ образованіяхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, заключаетъ В. Ру, что еще никто не доказалъ, что эти искусственныя образованія — дѣйствительно низшія, живыя существа. И я даже думаю, что во всѣхъ, бывшихъ до сихъ поръ случаяхъ, не достаетъ не только этого доказательства, но что самимъ образованіямъ,

въ большинствѣ ихъ функцій, недостаетъ самодѣятельности, автоэргіи, и необходимаго для органической устойчивости жизни саморегулированія.

Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ критической оцѣнкой новѣйшихъ направленій въ области біологіи по данному вопросу, тѣхъ мы отсылаемъ къ статьямъ Ру: „Мнимое полученіе искусственнымъ путемъ живыхъ существъ“ и его-же: „Замѣчанія къ реферату Макса Мюндена“, и статьѣ Ганса Пржибрама: „Обзоръ мнѣній авторовъ о значеніи аналогіи между кристалломъ и организмомъ“; статьямъ, помѣщеннымъ въ сборникѣ: „Новыя идеи въ біологіи“. Вып. I. СПБ. 1913 г., откуда и мы черпали вышеприведенныя данныя.

Итакъ, положительное рѣшеніе по этому вопросу существуетъ теперь въ наукѣ. Насколько наука можетъ что-нибудь рѣшать, она положительно и безспорно утверждаетъ, что всѣ попытки породить жизнь изъ мертваго вещества потерпѣли полную неудачу. Ученіе о самопроизвольномъ зарожденіи должно быть оставлено навсегда. И всѣ люди науки признаютъ, что жизнь можетъ возникнуть только отъ соприкосновенія съ жизнью. Гексли рѣшительно заявляетъ, что ученіе о біогенезисѣ, т. е. о возникновеніи жизни только отъ жизни, одержало полную побѣду въ наши дни. И Тиндаль, сознаваясь, что онъ желалъ бы видѣть торжество противоположнаго ученія, принужденъ сказать слѣдующее: „я утверждаю, что нѣтъ ни малѣйшаго достовѣрнаго опытнаго свидѣтельства въ пользу того, что въ настоящее время жизнь можетъ возникнуть независимо отъ предшествующей жизни“ *).

---

*) Приведенныя свѣдѣнія касательно происхожденія жизни почерпнуты нами изъ слѣдующихъ сочиненій:

1) Дж. Тиндаля: „Произвольное зарожденіе. Москва. 1897 г.

2) „Новыя идеи въ біологіи“. Сборникъ I. Изд—во „Образованіе“. СПБ. 1913 г. а) Мнимое полученіе искусственнымъ путемъ живыхъ существъ В. Ру. б) Замѣчанія къ реферату Макса Мюндена по поводу его. хтонобласта и мнимаго полученія искусственнымъ путемъ живыхъ существъ. В. Ру. в) Обзоръ мнѣній авторовъ о значеніи аналогіи между кристалломъ и организмомъ.—Ганса Пржибрама. г) „Жизнь“ Ж. Лёба. д) О состояніи жизни.—Армана Готье. е) Организмъ, какъ творческій процессъ.—Евгенія Шульца.

3) Проф. С. Костычева: „О появленіи жизни на землѣ“. Изд. Панафидиной. СПБ. 1913 г.

Теперь подходимъ мы къ такому выводу.

Если живое, органическое можетъ получиться только отъ живого, органическаго, если неорганическая матерія ни при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ не можетъ превратиться и перейти по естественному ходу вещей въ органическое, то спрашивается—откуда же появилась жизнь на землѣ? Откуда растенія, животныя, рыбы, птицы, человѣкъ?

Мы на время допустимъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, тѣ въ свою очередь отъ низшихъ организмовъ, а эти послѣдніе отъ первоначальныхъ. Но откуда же все-таки появились на землѣ эти первоначальные организмы? Вѣдь они не могли же, какъ мы видѣли, получиться изъ неорганическаго вещества? А если не могли они имѣть своимъ родоначальникомъ мертвую, неорганическую матерію, то какъ же они появились на Божьемъ свѣтѣ?

Вотъ этотъ то вопросъ и понуждаетъ насъ признать въ исторіи происхожденія и развитія міра особый творческій актъ, вмѣшательство божественной силы. Но объ этомъ-то и говоритъ пр. Моисей. Этому только и учитъ христіанство.

Невольно стучатся въ двери нашего сознанія Державина слова:

„А самъ собой я быть не могъ“!

---

4) Проф. С. Глаголева: „Происхожденіе жизни“. СПБ. 1899 г.

5) Люка: „Выводы естествознанія по отношенію къ основнымъ началамъ религіи“. СПБ.

6) Г. Дрюммондъ: „Естественный законъ въ духовномъ мірѣ“. Москва. 1897 г.

7) Проф. Леманнъ: „Жидкіе кристаллы и теоріи жизни“ (Докладъ въ общ. собр. 78 съѣзда германскихъ естествоиспытателей и врачей). Пер. И. Казанцева подъ ред. „Вѣстника опыт. физики и элемент. математики“. Изд. Mathesis. Одесса. 1909 г.

Дѣйствуетъ ли благодать Божія

черезъ недостойныхъ пастырей?

Въ одномъ, сильно зараженномъ сектантствомъ мѣстѣ, происходила бесѣда православныхъ съ сектантами о благодати, подаваемой въ таинствахъ чрезъ пастырей Церкви.

Священникъ говорилъ: [1])

„Самъ человѣкъ, одинъ, безъ благодатной помощи, подняться до Бога не можетъ. Въ человѣкѣ для этого силы есть, но онѣ не раскрыты и самостоятельно раскрыться не могутъ. Душа человѣка, это — зерно. Въ немъ есть жизненная сила, чтобы прорости, но эта сила можетъ никогда и не проявиться. Для роста зерна нужна плодородная земля, нужна влага, нужны свѣтъ и тепло солнца. Не найди этого зерно—оно не дастъ плода, не проявитъ сокрытую жизненную силу, будетъ лежать неподвижно и, можетъ быть, гнить. Благопріятныя силы природы существуютъ, онѣ всегда къ услугамъ зерна, но пока зерно не подвержено вліянію этихъ силъ, оно не можетъ жить, оно только существуетъ, какъ нѣчто мертвое, безжизненное; такъ и человѣкъ и сила благодати. Свѣтъ и тепло благодатной Божіей силы пробуждаютъ въ душѣ человѣка „живую жизнь“, будятъ въ немъ сокрытыя силы, усиливаютъ его духовную энергію. Стремитесь же къ благодати, ищите ее, добивайтесь ея. Она обильно подается въ святыхъ таинствахъ православной Церкви всѣмъ, кто только можетъ, кто домогается, кто достоинъ ея“.

Такъ говорилъ маститый пастырь, убѣленный сѣдинами, умудренный многолѣтнимъ опытомъ, просвѣщенный разумомъ слова Божія. Рѣчь его лилась плавно и слушалась всѣми съ затаеннымъ вниманіемъ. Только изрѣдка сектанты перешептывались межъ собою.

Наконецъ, эти религіозные отщепенцы не выдержали, зашумѣли, заволновались. Одинъ изъ нихъ поднялся и началъ возражать.

---

[1]) Мысли этого священника мы выразили словами извѣстнаго публициста.

Онъ говорилъ:

„Мы вѣримъ, что человѣкъ безъ благодати не можетъ обойтись. Вѣримъ и въ то, что она подается всякому вѣрующему во Христа. Но не вѣримъ тому, что благодать Божія подается въ вашихъ таинствахъ черезъ ваше посредничество. Вы, конечно, спросите: почему? За отвѣтомъ ходить недалеко. Посмотрите на своихъ собратьевъ. И скажите, соотвѣтствуютъ ли они своему призванію? Высоко ли держатъ свое знамя? Чисты ли сердцемъ и душой? Достойны ли не только другимъ подавать, но прежде всего сами воспринять божественную благодать? Нѣтъ. Благодать подается только достойнымъ и чрезъ достойныхъ". „Святая святымъ".

Когда сектантскій ораторъ кончилъ, онъ усѣлся на свое мѣсто и былъ видимо доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ. Сектанты радовались, ликовали. Они одобрительно посматривали на своего передового бойца.

Съ грустью слѣдилъ защитникъ православія за направленіемъ сектантской мысли и думалъ: „Господи, до чего дошли штундисты. Въ ослѣпленіи своею гордостью и своею мнимою святостью они не замѣчаютъ въ собственномъ глазѣ бревна и думаютъ, что только имъ однимъ подается благодать, что только чрезъ ихъ, тоже зачастую недостойныхъ, „пресвитеровъ" подается благодать Христова. Вотъ если бы они отрѣшились отъ своей грубой ошибки и перестали смотрѣть на себя, какъ на святыхъ, тогда бы они, несомнѣнно, отказались отъ своихъ словъ и отъ своихъ мыслей по данному вопросу и всецѣло прониклись бы тѣмъ убѣжденіемъ, что благодать Божія подается всякому вѣрующему, независимо отъ того, достоинъ или не достоинъ пастырь, совершающій то или другое таинство.

Православные же твердо убѣждены въ ниспосланіи благодати чрезъ всякихъ пастырей, достойныхъ и недостойныхъ.

Но каково-же было наше удивленіе и разочарованіе, когда дней черезъ десять послѣ названной бесѣды мы узнали изъ одной книги, что не одни сектанты повинны въ неправильномъ рѣшеніи затронутаго нами вопроса, но что съ ними вполнѣ солидарны и тѣ, кто признаетъ св. таинства, кто вѣруетъ. въ подаваемую чрезъ нихъ спасительную благодать Христов у

Таковъ, напримѣръ, Ѳ. И. Смирновъ,—одинъ изъ тѣхъ

религіозныхъ типовъ, какіе выведены извѣстнымъ публицистомъ А. С. Панкратовымъ во второй части его книги: „Ищущіе Бога“. М. 1911 г.

Смирновъ, разсказываетъ авторъ, прожилъ на бѣломъ свѣтѣ до 60 лѣтъ. Подъ конецъ жизни у него выработалось странное отношеніе ко всѣмъ людямъ, ко всему міру.

— Всѣ живутъ не по христіански, —говорилъ онъ.—Потерялась вѣра.

О себѣ онъ думалъ, что онъ ближе къ Богу, чѣмъ кто-либо, потому, что живетъ въ строгости и чистотѣ истинной вѣры. Всѣ остальныя „вѣры“

— Ересь.

Когда онъ почувствовалъ смерть, то началъ думать:

— Нужно покаяться. Но передъ кѣмъ?

Передъ кладбищенскимъ отцомъ? Но никто изъ отцовъ не соблюдаетъ отеческой святости. Тотъ, кому онъ долженъ покаяться, долженъ быть или чище его по своей нравственности, или, по крайней мѣрѣ, равенъ ему въ этомъ отношеніи. Иначе покаяніе его будетъ недѣйствительно.

Если я самъ молока не вкушаю, то и тотъ, передъ кѣмъ я буду каяться, долженъ также его не вкушать, между тѣмъ, всѣ ѣдятъ молоко, не подозрѣвая, что оно поганое...

Когда Ѳедоръ Ивановичъ слегъ на смертный одръ, ему сказали:

— Не забылъ ли ты покаяться, отецъ?

Онъ спокойно отвѣтилъ:

Не передъ кѣмъ. Не вижу людей, достойныхъ принять мое покаяніе.

Завѣщалъ дочери:

— Похорони меня безъ христіанскаго погребенія, ибо нѣтъ въ мірѣ человѣка, который могъ бы приготовить меня къ царству небесному...

И умеръ... [1])

Мы думаемъ, что не одинъ Смирновъ такъ умеръ. Безъ покаянія, безъ вѣры въ дѣйствіе благодати чрезъ недостойныхъ пастырей. Много есть такихъ Смирновыхъ на свѣтѣ. Вѣдь недаромъ теперь „выбираютъ“ батюшку. Ищутъ все ста-

[1]) Стр. 164—165.

ренькаго, благоговѣйнаго, глубоко-вѣрующаго, искренно-преданнаго своему святому дѣлу. А если такого по близости не находятъ, то и по монастырямъ идутъ искать его. И все таки найдутъ его, преклонятъ предъ нимъ свою гордую главу и повѣрятъ спасительности и дѣйствительности совершоннаго имъ таинства. Отъ нерадиваго же, неблагопристойнаго, грѣшнаго пастыря почти всѣ отшатываются. Крестьяне, такъ и тѣ какъ-то сторонятся отъ него, неохотно идутъ къ нему и при случаѣ предпочитаютъ ему сосѣдняго священника, болѣе безукоризненнаго и благопристойнаго.

Такимъ образомъ, затронутый нами вопросъ рѣшается въ большинствѣ случаевъ отрицательно. Если не въ теоріи, то на практикѣ, если не словами, то по крайней мѣрѣ, дѣломъ.

Въ виду такого недовѣрчиваго отношенія къ недостойнымъ пастырямъ, и, наконецъ, въ виду сомнѣній въ дѣйственности таинствъ, совершаемыхъ ими, постараемся подвергнуть означенный вопросъ возможно полному и обстоятельному разсмотрѣнію и изученію.

Дѣйствуетъ ли благодать Божія чрезъ недостойныхъ пастырей Церкви?

Да, дѣйствуетъ, отвѣчаемъ мы твердо, убѣжденно, ни мало не сомнѣваясь и не колеблясь.

И думаемъ такъ вотъ почему:

Сектанты говорятъ: „святая святымъ“, т. е. что благодать Божія подается только избраннымъ, святымъ.

Но вѣдь святыхъ въ полномъ смыслѣ слова сего и не было, и нѣтъ, и не будетъ. Всѣ люди грѣшны, всѣ повинны предъ Богомъ. Эту истину засвидѣтельствовалъ еще Екклезіастъ, когда сказалъ: „нѣтъ человѣка праведнаго на землѣ, который дѣлалъ бы добро и не грѣшилъ“ (7 гл. 20 ст.). Въ Новомъ Завѣтѣ то же самое пишетъ св. Іоаннъ Богословъ. Вотъ его слова: „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха,—обманываемъ самыхъ себя, и истины нѣтъ въ насъ“ (1 Посл. 1 гл. 8 ст.). И ап. Іаковъ: „много всѣ мы согрѣшаемъ (3 гл. 2 ст.).

Даже апостолы, пророки, праведные мужи, ветхозавѣтные праотцы и тѣ не были чужды грѣха, и тѣ сомнѣвались, падали, отрекались отъ Христа, были по временамъ одержимы страстями и многими другими слабостями и грѣхами.

Такъ, сильный вѣрою и Боговидецъ Моисей самъ иногда впадалъ въ маловѣріе и даже палъ жертвою его (Числ. 20 гл. 1—12 стр.). Мужественный Іовъ не устоялъ въ борьбѣ съ искушеніями и въ тяжкихъ мукахъ тяжкой проказы проклялъ день своего рожденія и ночь своего зачатія (Іов. 3 гл. 1—2 ст.). Пророкъ и царь Давидъ былъ виновникомъ смерти воина Уріи, совершилъ грѣхъ прелюбодѣянія съ его женою, возгордился величіемъ царства своего послѣ всенародной переписи, пролилъ много человѣческой крови, за что лишился чести быть строителемъ храма Господня (2 Цар. II гл. 1—17 ст.; 24 гл. 1—16 ст.).

Первоверховный ап. Петръ трижды отрекся отъ Христа, отъ своего Господа и Учителя (Матѳ. 26 гл. 68—75 ст.). А св. ап. Павелъ, этотъ чистѣйшій сосудъ благодати, о себѣ говоритъ, что самъ „добраго, котораго хочетъ, не дѣлаетъ, а злое, котораго не хочетъ, дѣлаетъ“ (Римл, 7 гл. 19 ст.).

Если же столпы вѣры колеблются временами, если души праведныхъ людей иногда обуревались грѣховными помыслами и сомнѣніями, малодушіемъ и слабостями, то возможно ли не быть слабостямъ и даже порокамъ въ средѣ православныхъ пастырей? Вѣдь они—не ангелы. Они—простые, обыкновенные люди, подверженные грѣховнымъ наклонностямъ въ той степени и мѣрѣ, въ какой подвержено имъ все человѣчество. Какъ же можно тогда требовать отъ нихъ идеальной святости и безукоризненной чистоты? Если среди двѣнадцати Самимъ Богомъ избранныхъ апостоловъ одинъ оказался совершенно недостойнымъ, какъ напр. Іуда, другой—отрекшимся отъ Христа, третій съ „жаломъ грѣха“ (Рим. 7 гл.), то что удивительнаго въ томъ, что среди многихъ десятковъ тысячъ православныхъ священнослужителей встрѣчаются иногда недостойные пастыри, несоотвѣтствующіе ни духу евангельскаго ученія, ни требованіямъ апостольскихъ завѣтовъ?

— Удивительнаго, конечно, здѣсь нѣтъ ничего, говорятъ намъ штундо-баптисты. Но вотъ вопросъ: дѣйствуетъ ли благодать Божія чрезъ такихъ недостойныхъ лицъ? Мы что-то въ этомъ весьма сильно сомнѣваемся. Впрочемъ, это не догадка наша, не предположеніе, а выводъ, основанный на св. Писаніи. Возмите книгу Дѣяній Апостольскихъ, тамъ, въ 8-й главѣ, вы найдете такія слова:

„Симонъ, увидѣвъ, что чрезъ возложеніе рукъ апостольскихъ подается Духъ Святый, принесъ имъ деньги, говоря: дайте и мнѣ власть сію, чтобы тотъ, на кого я возложу руки, получалъ Духа Святаго". Но Петръ сказалъ ему: „серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою, потому что ты помыслилъ даръ Божій получить за деньги; нѣтъ тебѣ въ семъ части и жребія, ибо сердце твое не право предъ Богомъ" (18—21 ст.).

Эти слова: „нѣтъ тебѣ въ семъ части и жребія, ибо сердце твое не право предъ Богомъ" сектанты толкуютъ въ томъ смыслѣ, что благодать Божія не можетъ подаваться чрезъ человѣка, въ коемъ совѣсть не чиста.

Мы, православные, не согласны съ доводами сектантовъ. Мы не раздѣляемъ ихъ точки зрѣнія. Мы глубоко увѣрены въ томъ, что спасительная благодать Божія одинаково подается, какъ чрезъ достойныхъ, такъ и не достойныхъ пастырей, какъ черезъ святыхъ, такъ и черезъ грѣшныхъ, какъ черезъ мудрыхъ, такъ и черезъ простыхъ. И наша вѣра въ данномъ случаѣ не слѣпая, безразсудная, безъ всякихъ основаній и доказательствъ, но вѣра разумная, находящая для себя достаточную опору рѣшительно во всемъ: и въ св. Писаніи, и въ исторіи, и въ доводахъ разума.

Обратимся сначала къ св. Писанію: Почти въ каждой священной книгѣ мы находимъ примѣры того, что благодать Божія подается не только чрезъ достойныхъ, но весьма часто и черезъ недостойныхъ лицъ.

Вспомнимъ, напримѣръ, волхва Валаама. Вѣдь это былъ нечестивый, корыстолюбивый и развращенный волхвъ. Онъ изъ жадности явился къ моавитскому царю Валаку для проклятія израильскаго народа. Его прельстили богатые подарки, присланные ему для умилостивленія, для благословленія моавитянъ и для проклятія Израиля. Когда же, по повелѣнію Господа, онъ вмѣсто проклятія благословилъ еврейскій народъ, ему стало жаль, что, не исполнивъ желаній Валака, не получитъ отъ него обѣщанныхъ даровъ, и онъ далъ ему пагубный для израильтянъ совѣтъ—всячески соблазнять ихъ къ идолослуженію и разврату (числ. 23 гл.). Спрашивается, что можетъ быть болѣе гнуснымъ и презрѣннымъ этого поступка волхва? Однако и черезъ него Господь преподалъ неблагодарнымъ іудеямъ духовное благословеніе и чрезъ его уста возвѣстилъ

въ слухъ всѣхъ окружавшихъ его пророчество о имѣющемъ явиться Христѣ. Вотъ, такимъ образомъ, первый примѣръ того, что чрезъ недостойнаго и грѣшнаго человѣка Господь подаетъ благодать, и пророчества и благословенія.

Вспомнимъ еще нечестиваго Іуду Искаріота. Развѣ онъ не творилъ чудесъ (Матѳ. 10 гл. 1—9 ст.)? Развѣ Господь не сообщалъ чрезъ него своей благодати? Однако онъ былъ предатель Христа, воръ, діаволъ. Такъ объ этомъ говоритъ, по крайней мѣрѣ, евангелистъ Іоаннъ (12 гл. 5, 6 ст.). Христосъ же Спаситель охарактеризовалъ своего заблудшаго ученика словомъ „діаволъ". „Не двѣнадцать ли васъ избралъ Я, говорилъ Іисусъ Христосъ, но одинъ изъ васъ діаволъ" (Іоан. 6 гл. 70 ст.).

А первосвященникъ Каіафа? Вѣдь онъ искалъ смерти Христа, осудилъ и предалъ Его на мученія. Слѣдовательно, былъ по божескимъ и человѣческимъ законамъ недостоинъ священнаго сана. Однако Господь говорилъ черезъ него, подавалъ ему благодать пророчества. Мы, напримѣръ, знаемъ, что онъ предсказалъ смерть Христа не за свои грѣхи, а за грѣхи людей, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ св. Іоаннъ: „онъ предсказалъ, что Іисусъ умретъ за народъ, и не только за народъ, но чтобы и разсѣянныхъ чадъ Божіихъ собрать во едино" (Іоан. 11 гл. 51—52 ст.).

Возьмемъ еще Авимелеха. Онъ былъ тоже нечестивымъ, неоднократно прогнѣвлялъ Бога, впадалъ въ идолопоклонство. Несмотря на это, онъ все-таки удостоился Божественнаго откровенія! Ему свыше дано было знать, что Авраамъ—пророкъ (Быт. 20 гл. 7 ст.). Другими словами, и онъ, этотъ нечестивый, языческій царь, удостоился сверхъестественной Божественной благодати.

А царь Давидъ? Сколько онъ совѣршилъ преступленій? Сколько пролилъ человѣческой крови? Какъ часто впадалъ въ грѣхъ прелюбодѣянія? Какъ часто овладѣвалъ имъ духъ гордости, тщеславія? Какъ часто нарушалъ онъ заповѣди Творца? И однако, несмотря на все это, благодать Божія подавалась ему въ большей степени, чѣмъ какому-нибудь малому пророку изъ числа двѣнадцати. Онъ былъ великій пророкъ и великій сосудъ благодати Божіей.

Апостолъ Ѳома не вѣровалъ въ воскресеніе Христа, но благодати Божіей онъ не былъ лишенъ за это.

И такихъ мѣстъ и примѣровъ въ словѣ Божіемъ очень много. И эти примѣры всѣхъ и каждаго убѣждаютъ въ томъ, что благодать Божія нерѣдко подается грѣшнымъ, порочнымъ и, значитъ, недостойнымъ лицамъ.

А если такъ, а въ этомъ послѣ приведенныхъ примѣровъ сомнѣваться нельзя, то, значитъ, благодать Божія можетъ подаваться и чрезъ недостойныхъ православныхъ священниковъ, подобно тому, какъ св. муро переливается и проходитъ чрезъ исковерканные сосуды.

Косвенное подтвержденіе сдѣланнаго нами вывода мы встрѣчаемъ и въ посланіяхъ апостола Павла. Апостолъ Павелъ говоритъ, что власть и право пастырей Церкви низводить благодатную силу на вѣрующихъ исходятъ отъ Бога. „Увѣренность мы имѣемъ въ Богѣ чрезъ Христа, не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что отъ себя, но способность наша отъ Бога. Онъ далъ намъ способность быть служителями новаго завѣта (2 Кор. 3 гл. 4—6 ст.)“. „Сокровище сіе мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не намъ (2 Кор. 4 гл. 7 ст.)“. „Сила Господня въ немощахъ совершается (2 Кор. 12 гл. 9 ст.)“.

Если же премудрость Божія открывается не премудрымъ, а младенцамъ, если сила Господня въ немощахъ совершается, если благодать Божія и въ глиняныхъ сосудахъ проявляется, то ясно, какъ Божій день, что и чрезъ недостойныхъ пастырей можетъ подаваться Божественная благодать. Потому что такія выраженія св. апостола, какъ: „въ немощахъ совершается“, „глиняные сосуды“ могутъ быть приложимы только къ однимъ недостойнымъ пастырямъ, а отнюдь не къ чистымъ и святымъ.

Итакъ, православная Церковь утверждаетъ, что благодать Божія во всей своей силѣ можетъ проявляться и чрезъ недостойнаго пастыря.

Почему такъ?

Потому, отвѣтимъ мы, что въ извѣстныя минуты эта благодать можетъ подчинить себѣ душу пастыря, преобразовать его по духу Христову и, такимъ образомъ, сдѣлаетъ его способнымъ выступать въ качествѣ Христова служителя.

Вспомнимъ пророка Валаама. Онъ за деньги готовъ былъ продать язычнику свой пророческій даръ и проклясть вѣрный Богу народъ, т. е. Израиля. Но вотъ восшелъ онъ на гору, увидѣлъ раскинувшіеся предъ нимъ шатры Израиля и скинію Завѣта, стоявшую посреди стана, и Израиля, молящагося предъ ней, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чающихъ спасенія отъ Бога и отъ алтаря Его. И открылись уста его, и вмѣсто проклятія они изрекли благословеніе народу Божію.

Было бы ошибкой думать, что сила Божія только механически дѣйствовала черезъ Валаама, т. е. заставляла его говорить то, чего онъ на самомъ дѣлѣ не хотѣлъ говорить. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Причина его лежитъ гораздо глубже, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Валаамъ вмѣсто проклятія произнесъ благословеніе, намъ думается, вотъ почему:

Народъ, чающій спасенія отъ скиніи и распростертый ницъ передъ кивотомъ Завѣта, пробудилъ въ пророкѣ духъ служенія истинѣ и правдѣ, жалость къ народу и жажду спасенія его. И вотъ благодать, жившая въ Ваалмѣ, заговорила устами его, и онъ низвелъ на Израиля благословеніе Божіе и Божью благодать, хотя, можетъ быть, на другой же день онъ снова подошелъ бы къ Валаку съ предложеніемъ продать ему Божій даръ [1]).

То, что было съ Валаамомъ, то, внѣ всякаго сомнѣнія, случается и съ каждымъ недостойнымъ пастыремъ настоящаго времени.

Эту мысль православная Церковь выразила въ такомъ сказаніи:

Преподобный Маркъ Египетскій въ теченіи тридцати лѣтъ совсѣмъ безвыходно прожилъ въ своей келіи. Къ нему обыкновенно приходилъ поблизости жившій священникъ и приносилъ ему св. причащеніе. Діаволъ, видя такое крѣпкое терпѣніе великаго подвижника, задумалъ искусить его. И что-же онъ сдѣлалъ? Внушилъ одному бѣсноватому итти къ старцу, будто бы для молитвы. Одержимый злымъ духомъ, придя къ преподобному Марку, закричалъ: „твой пресвитеръ имѣетъ гнусные пороки, не позволяй ему болѣе входить къ тебѣ!“ Святый старецъ, посмотрѣвъ на него, сказаль ему: „сынъ! всѣ выбрасы-

[1]) „Передъ тайной“ Семенова. Москва. 1905 г. стр. 109.

вают нечистоту вонъ, а ты принесъ ее ко мнѣ". Въ св. Писаніи сказано: „не судите, да не судимы будете (Матѳ. 5 гл. 16 ст.). Впрочемъ, если священникъ дѣйствительно такой великій грѣшникъ, какъ ты говоришь, то Господь все таки спасетъ его, ибо сказано: молитесь другъ за друга, чтобы исцѣлиться" (Іак. 5 гл. 16 ст.). Послѣ этихъ словъ святой старецъ, сотворивъ молитву, изгналъ изъ человѣка бѣса и отпустилъ его здоровымъ. Когда по обыкновенію пришелъ священникъ, старецъ принялъ его съ радостью. И всеблагій Богъ, видя незлобіе старца, явилъ ему чудо: „ибо, когда священникъ приступилъ къ св. причащенію, я увидѣлъ, разсказывалъ самъ старецъ, что ангелъ Господень сошелъ съ неба и положилъ руку свою на пресвитера и пресвитеръ сдѣлался какъ бы огненнымъ столбомъ. Когда же я съ изумленіемъ смотрѣлъ на это видѣніе, услышалъ голосъ, говорящій мнѣ: „человѣкъ, что ты удивляешься сему, если и земной царь не позволяетъ своимъ вельможамъ предстать предъ собою нечистыми, а требуетъ отъ нихъ великолѣпія, то тѣмъ болѣе Божественная сила. Ужели она не очиститъ служителей св. таинствъ, предстоящихъ предъ небесной славой?" Такимъ образомъ, мужественный подвижникъ Маркъ Египетскій удостоился сего дара за то, что не осудилъ своего пресвитера и не замѣнилъ его другимъ, болѣе достойнымъ и благочестивымъ священникомъ.

Ну, хорошо, возражаютъ сектанты. Вы, вотъ, увѣрены, что пастырь въ минуты священнодѣйствія осѣняется благодатію Христовою, такъ сказать, „отрезвляется", т. е. проникается тягостнымъ и мучительнымъ сознаніемъ своего недостоинства, вслѣдствіе чего создается то покаянное настроеніе, которое призываетъ обыкновенно благодать Божію. А если пастырь до того низко палъ въ нравственномъ отношеніи, что не можетъ подняться изъ бездны своего паденія,—неужели, скажете, благодать дѣйствуетъ и черезъ такихъ падшихъ пастырей?

Несомнѣнно. Вѣдь священникъ дѣйствуетъ не самъ отъ себя. Онъ, прежде всего, представитель Христа. Такъ что чрезъ него, чрезъ священника, таинства совершаются высшею Божественною силою, властью Самого Христа Спасителя. А священникъ, слѣдовательно, является въ данномъ случаѣ только свидѣтелемъ, посредникомъ между небомъ и землею, между Богомъ и людьми.

Это мнѣніе не наше и не отдѣльныхъ, частныхъ лицъ, а ученіе всей православной Церкви. Наилучшее выраженіе оно нашло себѣ въ тѣхъ церковныхъ молитвахъ, которыя читаетъ пастырь предъ совершеніемъ „святая святыхъ".

Вотъ одна выдержка изъ одной такой молитвы:

„Къ Тебѣ бо прихожду, приклонь мою выю, и молю ти ся, да не отвратиши лица Твоего отъ мене, ниже отринеши мене отъ отрокъ Твоихъ, но сподоби принесеннымъ Тебѣ быти, мною грѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ Твоимъ, даромъ симъ: Ты бо еси приносяй и приносимый, и пріемляй и раздаваемый, Христе Боже нашъ"...

„Эта же мысль заключается и въ молитвѣ пастыря при пресуществленіи св. Даровъ:

„И сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чашѣ сей, честную кровь Христа Твоего".

Такимъ образомъ, фактическимъ совершителемъ святыхъ таинствъ является Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Священники же представляютъ собою не что иное, какъ посредниковъ между Богомъ и людьми, чрезъ каковыхъ и подается благодать Божія, благодать св. таинствъ. Св. Писаніе ясно говоритъ, что Божественная благодать подается чрезъ всѣхъ пастырей, какъ достойныхъ, такъ и недостойныхъ, и что священнодѣйствія ихъ спасительны для вѣрующихъ, потому что они проходятъ служеніе, Самимъ Богомъ установленное для низведенія на вѣрующихъ благодати Божіей, и еще потому, что Господь Своею благодатію „немощная врачуетъ и оскудѣвающая восполняетъ".

Кромѣ св. Писанія и св. Преданіе рѣшаетъ означенный вопросъ въ подобномъ же духѣ и направленіи. Такъ, еще съ первыхъ вѣковъ авторитетные представители христіанской Церкви утверждаютъ то же самое, что и мы защищаемъ теперь. Правда, сектанты отвергаютъ св. Преданіе, какъ источникъ св. вѣры, и потому весьма недовѣрчиво относятся къ твореніямъ св. Отцевъ и Учителей Церкви.

Но всѣ тѣ сектанты, которые рѣшаютъ взятый нами вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, какъ-то: духоборы, штундобаптисты, молокане, адвентисты, толстовцы и мн. др. называются раціоналистами, т. е. такими людьми, которые принимаютъ только то, что оправдывается разумомъ. Посему, чтобы

быть вполнѣ послѣдовательными и не оказаться въ противорѣчіи съ самимъ собою, сектанты должны дать тотъ или иной отвѣтъ на тѣ аргументы, которые были продиктованы человѣческимъ разумомъ.

Посмотримъ же, что скажутъ намъ сектанты по поводу простыхъ, безхитростныхъ, но въ то же время сильныхъ и мѣткихъ разсужденій христіанскихъ церковныхъ писателей, которые тоже интересовались даннымъ вопросомъ и вели по поводу его оживленную и интересную полемику со своими противниками.

Мысли св. Отцевъ и Учителей Церкви по настоящему вопросу таковы:

Св. Григорій Богословъ, человѣкъ великаго подвига, глубокой мысли и святой жизни, „совопросникамъ своего вѣка“ такъ отвѣчалъ на предложенный ему вопросъ:

„Разсуди такъ: у тебя два перстня: одинъ золотой, другой желѣзный, и на обоихъ вырѣзанъ одинъ и тотъ же царскій ликъ и обоими ты сдѣлалъ печати на воску. Чѣмъ одна печать отлична отъ другой? Ничѣмъ. Распознавай вещество печати на воску и, если ты мудрѣе всѣхъ, скажи, который оттискъ желѣзнаго и золотого перстня? Ибо хотя и вещество различно, въ начертаніи нѣтъ различія. Такъ и крестителемъ и исповѣдникомъ да будетъ у тебя всякій священникъ, потому что хотя бы одинъ превосходилъ другого по жизни, но сила крещенія (равно какъ и другихъ таинствъ) одинакова, и посему одинаково можетъ привести тебя къ совершенству всякій іерей, наставленный въ той же вѣрѣ“ [1]).

Такія же точно мысли по обсуждаемому нами вопросу высказываетъ и такой знаменитый церковный витія, какъ св. Іоаннъ Златоустъ.

Вотъ его слова:

„Божія благодать дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ. Богъ дѣйствовалъ и чрезъ Валаама, сквернаго человѣка; открывалъ будущее и Фараону и Навуходоносору: и Каіафа пророчествовалъ, самъ не зная, что говорилъ, и другіе нѣкоторые изгоняли бѣсовъ именемъ Христа, хотя сами не были Христовы;

---

[1]) Творенія св. Отецъ, т. 3-й, стр. 298—299.

потому что все это бываетъ не для совершающихъ, а для другихъ“ [1]).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Съ Каиномъ Богъ говорилъ ради Авеля, съ діаволомъ ради Іова, къ Фараону говорилъ ради Іосифа, къ Навуходоносору ради Даніила, и волхвы откровеніе получили“ [2]).

„Случается, что начальники бываютъ злые и невоздержные, а подчиненные добрые и воздержные; міряне живутъ благочестиво, а священники порочно; и если бы благодать всегда искала доступныхъ, то не было бы ни крещенія, ни совершенія Тѣла Христова. Но теперь Богъ дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ, и благодать крещенія нисколько не терпитъ вреда отъ дурной жизни священника. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь изъ предстоящихъ, наблюдая за жизнью священника, не соблазнялся касательно совершаемыхъ имъ таинствъ. Человѣкъ ничего не приноситъ въ нихъ отъ себя, но все есть дѣло силы Божіей. Она дѣйствуетъ на насъ въ таинствахъ“ [3]).

Еще сильнѣе и явственнѣе данная мысль св. Іоанна Златоуста выразилась въ такихъ его словахъ:

„Что тебѣ до того, что священникъ скверный и злой? Но если и добрый и благочестивый за тебя Бога молитъ, что пользы, если ты самъ злой? Также тебѣ не вредитъ и скверный, если ты самъ вѣренъ Богу и угодилъ Ему, ибо вся благодать отъ Бога; священникъ только уста отверзаетъ, говоритъ же все Богъ“ [4]).

„Развѣ ты не знаешь, пишетъ тотъ-же святый отецъ, что такое священникъ? Онъ—ангелъ Господа. Развѣ свое говоритъ онъ? Если ты его презираешь, то презираешь не его, а рукоположившаго его Бога. А откуда, скажешь, извѣстно, что Богъ рукоположилъ его? Но если ты не имѣешь убѣжденія въ этомъ, то суетна твоя надежда. Если Богъ ничего не совершаетъ чрезъ него, то ты ни крещенія не имѣешь, ни Таинъ не при-

---

[1]) Бесѣда на 14 посланіе св. ап. Павла. Бесѣда 8-я на посланіе къ Коринѳянамъ, глава 3.

[2]) Бесѣда на 14 посланіе св. ап. Павла. Бесѣда на 1-ю гл. посланія къ Коринѳянамъ, нравоученіе 3.

[3]) Бесѣда на посланіе св. ап. Павла къ Колоссаямъ. Бесѣда 8, гл. 3, стр. 601, изд. Кіевъ 1621 г.

[4]) Св. Злат. изъ пролога 4 февраля.

чащаешься, ни благословеній не получаешь, и слѣдовательно, ты—не христіанинъ“ [1]).

Что можно сказать противъ такихъ простыхъ, безхитростныхъ разсужденій нашихъ знаменитыхъ церковныхъ витій?— Рѣшительно ничего. Развѣ мыслимо идти противъ логики? Развѣ можно возставать противъ здраваго смысла? Развѣ можно идти въ разрѣзъ съ простыми, азбучными истинами?— Конечно, нельзя. И потому наши сектанты такъ упорно молчатъ въ отвѣтъ на святоотеческіе доводы и разсужденія. Не говорятъ ни за, ни противъ приведенныхъ данныхъ. Но это гробовое ихъ молчаніе самымъ краснорѣчивымъ образомъ говоритъ въ пользу несостоятельности сектантскаго лжеученія.

Такимъ образомъ, и св. Писаніе, и св. Преданіе, и здравый человѣческій разумъ одинаково убѣдительно говорятъ о томъ, что и чрезъ недостойныхъ пастырей подается людямъ Божественная благодать.

Приведемъ теперь и отъ себя нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ въ пользу доказываемаго нами положенія.

На судѣ никогда не смотрятъ на то, хорошей ли жизни судья или же плохой. Не смотрятъ потому, что всякій судья по данной ему власти можетъ судить, будь онъ хотя самой дурной, безнравственной жизни. Такъ, равнымъ образомъ, и всякій священникъ, не смотря на его личную жизнь, можетъ, по данной ему свыше благодати и силѣ, отпустить или осудить грѣшника. Значитъ, и на священника, какъ и на обыкновеннаго судью, мы не должны смотрѣть испытующимъ окомъ, т. е. разсуждая: можетъ или не можетъ онъ „вязать и рѣшить“ и подавать черезъ таинства спасительную благодать.

Еще примѣръ.

Золото никогда не потеряетъ своей цѣнности, какъ бы оно ни было покрыто грязью. И, значитъ, благодать, подаваемая въ таинствѣ рукоположенія, тоже никогда не можетъ утратить своей силы и значенія, какими бы пороками и беззаконіями не отяготилъ пастырь своей души, воспринявшей св. благодать.

Послѣдній примѣръ.

Земледѣлецъ сѣетъ зерно всегда грязною, заскорузлою рукою. Несмотря, однако, на это, нивы, при благословеніи Бо-

---

[1]) Твор. св. І. Злат. Изд. СПБ. Д. А. т. XI, кн. 2 стр. 769—770.

жіемъ, покрываются богатою жатвою. Такъ и пастырь. Онъ можетъ быть въ своей личной жизни огрубѣлымъ и плохимъ человѣкомъ, однако результаты его душепопеченія могутъ быть спасительны для другихъ, весьма блестящи и завидны. Разумѣется, при помощи Божіей.

Такихъ примѣровъ и сравнительныхъ поясненій при желаніи можно было бы найти сколько угодно. Но, думаемъ, и этихъ вполнѣ достаточно. И эти сравненія какъ нельзя лучше показываютъ неосновательность и несостоятельность сектантскихъ мнѣній по затронутому нами вопросу.

Теперь пойдемъ далѣе.

Мы того мнѣнія, что если бы и въ св. Писаніи и въ св. Преданіи ни одного слова не говорилось въ пользу установленнаго нами положенія, то и въ такомъ случаѣ невозможно было бы согласиться съ сектантами и допустить ими защищаемую мысль.

Почему такъ?

Да потому, что мы, благодаря этому, впали бы въ полнѣйшее противорѣчіе съ св. Писаніемъ Новаго Завѣта, а значитъ, и съ волею Христа Спасителя.

Постараемся объясниться.

Спаситель міра далъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ, а въ ихъ лицѣ, конечно, и всѣмъ пастырямъ Церкви, власть „вязать и рѣшить“ грѣхи. Онъ сказалъ: „и дамъ вамъ ключи царствія небеснаго и что свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ (Матѳ. 18 гл. 18 ст.)“. И въ другомъ мѣстѣ: „Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся (Іоан. 20 гл. 23 ст.)“.

Справедливо ли послѣ этого утверждать, что священникъ не можетъ прощать грѣховъ, потому дескать, что и самъ онъ грѣшенъ? Если Самъ Богъ далъ ему такую власть, то какъ люди могутъ оспаривать ее у священника?

Нѣтъ, мы не должны смотрѣть на то, достоинъ или не достоинъ пастырь:—не онъ, вѣдь, разрѣшаетъ, а чрезъ него Самъ Богъ дѣйствуетъ. Если же станемъ иначе смотрѣть на это,—напримѣръ, по сектантски,—то вовсе окажемся безъ покаянія. Не будетъ тѣхъ, кто долженъ „вязать и рѣшить“, потому что предъ судомъ Божьей правды всѣ мы грѣшны и недостойны.

Еще разъ повторяемъ: благодать Божія всегда подается вѣрующему человѣку. Даже независимо отъ того, достоинъ или не достоинъ пастырь, совершающій то или иное священнодѣйствіе. А если такъ, то значитъ, изъ уваженія къ священному сану должно почитать и недостойныхъ пастырей и пользоваться отъ нихъ благодатными священнодѣйствіями и таинствами. Здѣсь не можетъ быть никакого колебанія или сомнѣнія. Человѣкъ, конечно, немощенъ, а подающаяся чрезъ него благодать Божія всегда свята и чиста.

Христіанскій постъ

и

современная медицина.

Въ послѣднее время все чаще и чаще, все громче и настойчивѣе раздаются такія рѣчи и такія сужденія о христіанскомъ постѣ:

„Зачѣмъ постъ? Вѣдь не то оскверняетъ человѣка, что входитъ въ уста, а то, что выходитъ изъ устъ, такъ что постъ самъ по себѣ не имѣетъ никакой силы и никакого значенія. Кромѣ того, онъ чрезвычайно вреденъ для человѣческаго организма. Это всѣ видятъ, всѣ чувствуютъ. Въ послѣднее время даже наука путемъ многочисленныхъ данныхъ доказала, какъ 2×2=4, что постъ—анахронизмъ, что онъ—безсмысленное и вредное для человѣческаго здоровья установленіе".

Пособіемъ при составленіи настоящаго очерка послужили слѣдующія книги и статьи:

1) Д-ръ Зеландъ: „Счастье и здоровье". Москва 1895 г.

2) И. Мечниковъ: „Этюды о природѣ человѣка". М. 1905 г. и его же: „Этюды оптимизма" М. 1909 г.

3) Проф. Рихардъ Гертвигъ: „О причинѣ смерти". Русское Богатство Декабрь.

4) М Платенъ: „Новый способъ лѣченія". т. I. Пер. Каврайскаго Спб.

5) Левъ Эрато-Слуцкій: „Культъ жизни". Кіевъ 1912 г.

6) Суворинъ—Алексѣй Порошинъ: „Новый человѣкъ". Спб. 1913 г.

7) Проф. В. Ф. Чижъ: Психологія нашихъ праведниковъ". „Вопросы философіи и психологіи" 1906 г. Сентябрь—Ноябрь.

8) Д-ръ Пясковскій: „Христіанскій постъ съ медицинской точки зрѣнія". Москва.

9) Садиковъ: „Пища будущаго". Русское Богатство XII, 1912 г.

10) Д-ръ Ясиновскій: „Объ альбуминизмѣ". Кіевъ 1910 г.

11) Д-ръ А. Хейгъ: „Діета и пища".

12) Бекетовъ: „Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ" М. 1903 года.

13) Профессоръ Мункъ: „Питаніе массъ".

14) Д-ръ Ф. Гуро: „Что надо ѣсть?" Пер. Красильниковой Спб. 1911 г.

15) Г. Флотовъ: „Философія зернового питанія человѣка". М. 1914 г.

16) А. Эретъ: „Леченіе голодомъ и плодами". М. 1914 г.

17) Д-ръ Меллеръ: „Какъ сохранить и возвратить здоровье?" Пер. К. Александрова.

18) Д-ръ Бихеръ-Беннеръ: „Основы лѣченія питаніемъ".

Такъ говорятъ, такъ пишутъ, такъ думаютъ.

Теперь посмотримъ, насколько основательны подобнаго рода ссылки на науку, какъ на союзницу въ борьбѣ съ церковнымъ установленіемъ. Провѣримъ, дѣйствительно ли научныя силы враждебными глазами смотрятъ на христіанскій постъ и отрицаютъ всякое его достоинство и значеніе.

Это необходимо сдѣлать, потому что подобныя сужденія смущаютъ православныхъ христіанъ, подрываютъ у нихъ вѣру въ спасительность и разумность даннаго церковнаго установленія и тѣмъ ведутъ къ уничтоженію стараго добраго христіанскаго обычая.

Подойдемъ ближе къ вопросу.

Христіанскій постъ, какъ извѣстно, имѣетъ нѣсколько степеней. Церковь предлагаетъ въ нѣкоторые дни совсѣмъ воздерживаться отъ пищи и питья. Это, такъ называемый, абсолютный постъ.

Далѣе, Церковь разрѣшаетъ одно только сухояденіе, т. е. употребленіе хлѣба и овощей безъ варева и масла или же растительную пищу съ масломъ.

Наконецъ, Церковь дозволяетъ употреблять въ пищу и рыбу.

* * *

Особенно сильному критическому обстрѣлу со стороны „здравомыслящихъ людей“ и самозванныхъ служителей науки подвергся такъ называемый абсолютный постъ.

„Помилуйте, говорятъ обыкновенно противники христіанскаго поста, это Богъ знаетъ что! Это не постъ, а медленное и вѣрное самоубійство, ибо организмъ безъ толку истощается, силы безполезно уплываютъ, здоровье — такъ рѣдкое въ наши дни—таетъ не по днямъ, а по часамъ. И человѣкъ медленною стопою приближается къ могилѣ. Постъ въ смыслѣ только воздержанія—отъ мяса, рыбы или чего-нибудь другого—это еще куда ни шло. Это мы еще понимаемъ. Но сплошное голоданіе, длящееся иногда по цѣлымъ днямъ, а то недѣлямъ—это безуміе, это варварство, это ужасъ“.

Такъ долгое время говорили. По крайней мѣрѣ цѣлые вѣка и даже тысячелѣтія. И подъ вліяніемъ такихъ рѣчей и разсужденій довѣріе къ Церкви пало, вѣра въ цѣлесообразность и разумность рекомендуемыхъ ею для спасенія мѣръ

угасла. Всѣ стали глумиться надъ постомъ, почти всѣ ѣли скоромное. А кто еще, будучи вѣрнымъ сыномъ Православной Церкви, соблюдалъ посты, надъ тѣмъ смѣялись, того вышучивали, вовсе забывая главное правило нашего культурнаго вѣка—съ уваженіемъ относиться къ убѣжденіямъ рѣшительно всѣхъ людей, будь то родители, друзья, знакомые, враги или недоброжелатели.

Но такъ было. Теперь же, слава Богу, не то. Теперь рѣзко измѣнилось отношеніе докторовъ, ученыхъ, профессоровъ и просто образованныхъ людей къ абсолютному христіанскому посту. Теперь почти всѣ стали поговаривать о томъ, что и такой постъ имѣетъ благодѣтельное значеніе для человѣка, что и эта церковная мѣра въ высшей степени плодотворна и разумна, что и этотъ старинный, казалось, почти совсѣмъ отжившій обычай не только можетъ, но даже долженъ культивироваться въ нашей странѣ, въ наше время, и чѣмъ шире, тѣмъ лучше.

Въ виду того, что эта вѣковѣчная и для убѣжденныхъ христіанъ абсолютная истина и доселѣ звучитъ еще для нѣкоторыхъ парадоксально, то мы постараемся возможно долѣе остановиться на ней и возможно сильнѣе аргументировать ее, чтобы хотя немного разсѣять тотъ густой мракъ невѣжества, который долгое время окутывалъ ее.

* * *

Недавно въ „Contemporary Rewiew“ появилась статья извѣстнаго американскаго писателя, автора „Джунглей“ Уптона Синклера.

Синклеръ годами страдалъ отъ головныхъ болей, наклонности къ простудамъ и цѣлой дюжины иныхъ большихъ и малыхъ болѣзней, на которыя обречена наша плоть. Никакія средства не помогали. Наконецъ, по совѣту одной больной, выздоровѣвшей отъ поста, онъ сталъ изучать вопросъ о постѣ, читалъ все, что только попадалось ему подъ руку, и въ концѣ концовъ самъ рѣшился испытать его на себѣ.

Онъ такъ описываетъ свои ощущенія при этомъ.

„Я чувствовалъ сильный голодъ въ теченіе перваго дня, болѣзненный, алчный голодъ, который знаютъ всѣ, страдающіе дурнымъ пищевареніемъ. На слѣдующее утро голодъ чувствовался слабо, а далѣе, къ моему величайшему удивленію, ни-

какого голода — никакого интереса къ пищѣ, какъ будто я никогда и вкуса ея не зналъ!

Ранѣе этого поста, въ теченіе двухъ или трехъ недѣль, у меня болѣла голова ежедневно. Боль эта продолжалась въ первый день поста, потомъ исчезла и болѣе уже никогда не возвращалась. Я чувствовалъ себя очень слабымъ на второй день, а когда всталъ утромъ, испыталъ легкую дурноту. Я вышелъ въ садъ и пролежалъ на солнцѣ весь день читая. То же было и на третій день и на четвертый — большая физическая слабость, но зато большая ясность ума.

Послѣ пятаго дня я почувствовалъ себя сильнѣе, прогулялся и началъ кое-что писать. Ничто изъ ощущеній этого опыта не поразило меня болѣе, чѣмъ дѣятельность моего ума: я читалъ и писалъ болѣе, чѣмъ я могъ позволять себѣ это когда-либо въ послѣдніе годы.

Въ первые четыре дня я потерялъ 15 фунтовъ въ вѣсѣ, затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ восьми — только два фунта. Спалъ я въ теченіе поста хорошо. Къ серединѣ каждаго дня я чувствовалъ слабость, но массажъ и холодный душъ освѣжали меня.

Подъ конецъ я сталъ испытывать при ходьбѣ большую усталость въ ногахъ и, не желая ложиться въ постель, на двѣнадцатый день прекратилъ свой постъ сокомъ одного апельсина.

Въ теченіе двухъ дней я выпилъ сокъ двѣнадцати апельсиновъ и затѣмъ перешелъ на молочную діэту, рекомендуемую Макфодденомъ... Ткани пропитались влагой и послѣдовало необычайное возрожденіе организма. Я прибавился въ вѣсѣ на четыре съ половиной фунта въ одинъ день — на третій — а всего прибавился вѣсомъ—на двадцать два фунта въ 24 дня.

Общій результатъ былъ таковъ:

Я всегда былъ худощавъ и имѣлъ нездоровый цвѣтъ лица—въ немъ друзья видѣли выраженіе „духовности“. Теперь я сталъ круглъ и такъ розовъ и румянъ лицомъ, что надо мною, знавшіе меня ранѣе, смѣялись...

Синклеръ кончаетъ свою статью указаніемъ на лицъ, которыя страдали разнаго рода болѣзнями и съ успѣхомъ испытали на себѣ лѣченіе голодомъ, и заключаетъ: „Я смотрю на лѣченіе голодомъ, какъ на средство, данное самою природой, противъ всѣхъ болѣзней“.

По поводу этой статьи лондонская газета опросила рядъ врачей, которые тоже высказались въ пользу цѣлебнаго значенія абсолютнаго голоданія. Такъ, одинъ изъ докторовъ разсказалъ, что однажды къ нему пришелъ молодой испанецъ. Онъ жаловался на внутреннія боли, мучившія его еще съ дѣтства, и кожа его была очень темнаго цвѣта, такъ что это невольно бросалось въ глаза. Я посовѣтовалъ ему лѣчиться голодомъ. Черезъ нѣсколько недѣль я встрѣтилъ его и едва узналъ. Онъ былъ олицетвореніемъ здоровья. Онъ былъ бодръ и крѣпокъ. Глаза блестѣли, языкъ былъ чистъ и пульсъ нормальный. Но что самое удивительное, кожа его стала гораздо свѣтлѣе. Онъ постился 15 дней, и пилъ только дистилированную воду.

Докторъ разсказалъ еще извѣстный ему случай съ однимъ рабочимъ въ Канадѣ, который заболѣлъ опухолью, постился шесть недѣль, работая все время, и совершенно излѣчился.

Я, заключилъ докторъ, признаю голодъ весьма сильнымъ лѣчебнымъ средствомъ, чрезвычайно цѣннымъ во многихъ болѣзняхъ".

Американскій докторъ Дьюи сообщаетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда голодъ приводилъ къ излѣченію повидимому безнадежныхъ болѣзней. Правиломъ Дьюи было — начинать постъ для больного при первыхъ признакахъ плохого аппетита и давать ѣсть, лишь когда новое пробужденіе аппетита возвѣститъ о прекращеніи болѣзни. Постъ помогалъ противъ самыхъ различныхъ страданій. Вотъ случаи, бывшіе въ его практикѣ.

37-ми дневное голоданіе. Дѣвушка много лѣтъ страдала тяжелымъ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, а также всевозможными нервными недомоганіями и почти ежедневной головной болью. На 36 сутки поста она могла отправиться къ зубному врачу и безъ боязни дала вырвать зубъ. На 38-й день, потерявъ 20 фунтовъ въ вѣсѣ, съ появленіемъ аппетита она вновь стала принимать пищу и съ этой поры ее оставили всѣ недуги.

45-ти дневное голоданіе. Дѣвица К., 22 лѣтъ, тяжело болѣла нервами и меланхоліей. Всѣ врачи предписали ей укрѣпляющій столъ и покой. Въ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ ее заставляли ѣсть по пять разъ въ сутки; несмотря на это,

за десять недѣль состояніе ея духа не улучшилось, и она оттуда выписалась даже еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ поступила. Тогда она рѣшила испробовать лѣченіе голодомъ. Первые 10 дней поста она провела въ постели, на 11-й она могла полчаса погулять, на 24-й не ощущала усталости, она была въ состояніи довести свою прогулку до 8 англійскихъ миль (15 верстъ), а далѣе проводила на ногахъ цѣлые полдни, больше, чѣмъ когда была здоровой. День ото дня она чувствовала себя душевно свѣжѣе и веселѣе. Обманы чувствъ и головокруженія прекратились и казалось, что ее подняла волна новой жизни. На 45-й день появленіе сильнаго аппетита возвѣстило о концѣ лѣченія. За это время вѣсъ ея убылъ только на 20 фунтовъ. Годъ спустя она увѣдомила доктора Дьюи, что состояніе ея здоровья превосходно, вѣсъ тѣла ея увеличился на 24 фунта и что она болѣе не нуждается въ очкахъ, которыя носила 14 лѣтъ.

50-ти дневное голоданіе. 57-лѣтній мужчина получилъ водянку, такъ что не могъ ни лежать, ни ходить, могъ только въ креслѣ сидѣть. Такъ какъ врачи не могли помочь ему и смерть стояла за его спиною, то онъ разсудилъ, что ничего не потеряетъ, если предприметъ лѣченіе голодомъ по Дьюи, о которомъ онъ слышалъ. И въ этомъ случаѣ желаніе ѣсть исчезло черезъ сутки. Черезъ три дня онъ могъ подыматься по лѣстницѣ своего дома и слѣдующую ночь спалъ спокойно. На одиннадцатый день онъ вышелъ на прогулку. Черезъ три дня водянка исчезла и силы его постоянно прибывали. Лишь только на 50-й день появился вновь аппетитъ. Никогда до сихъ поръ онъ не чувствовалъ себя такимъ здоровымъ и такъ хорошо, какъ послѣ этого лѣченія. Вѣсъ тѣла упалъ съ 209 до 133 ф.

60-ти дневное голоданіе. Это самый удивительный случай, о которомъ сообщаетъ докторъ Дьюи. 65-лѣтній крѣпкій мужчина предпринялъ голоданіе въ виду страданій гортани и бронховъ. Недѣли проходили, а аппетитъ не возстановлялся. Даже казалось, что въ органахъ пищеваренія развилась какая-то болѣзнь. Докторъ Дьюи уже самъ сталъ опасаться за дурной исходъ опыта. По прошествіи 50 дней обнаружилась тошнота и рвота. Знакомые больного уже давно стали упрекать доктора Дьюи, и къ больному былъ приглашенъ другой

врачъ, „знаменитость“. Прописанныя имъ пища и лѣкарства, однако, извергались со рвотой, и каждый новый пріемъ пищи вызывалъ сильныя боли. Тогда голоданіе было предоставлено своему собственному теченію. Въ день послѣдней рвоты явился нормальный позывъ на ѣду, и это было шестидесятымъ днемъ голодовки. Полное выздоровленіе и юношеское чувство силъ явилось результатомъ лѣченія. Все время паціентъ сохранялъ ясное сознаніе и, будучи убѣжденъ въ дѣйствительности и безопасности голоданія, противостоялъ натиску со стороны своихъ знакомыхъ.

Докторъ Меллеръ, доводившій продолжительность поста нѣкоторыхъ своихъ паціентовъ до 60 дней, такъ описываетъ общее теченіе многодневнаго голоданія.

„Языкъ сильно обложенъ, дыханіе чрезвычайно зловонное, болѣзненные симптомы часто проявляются въ усиленной степени, при чемъ старыя, казалось совсѣмъ исчезнувшія, разстройства, обнаруживаются вновь. Болѣзненныя явленія принимаютъ критическій, временами кризисоподобный характеръ. Выдѣлительные органы усиленно работаютъ. Увеличивается выдѣленіе мокроты. Опорожненія кишечника становятся критическаго характера. Но прежде всего моча дѣлается очень густой и мутной и она часто сверхъ нормы содержитъ ураты (соединенія мочевой кислоты). Одновременно замѣчается перемѣна въ болѣзненномъ состояніи. Несмотря на голоданіе, силы часто прибываютъ, такъ что больные могутъ предпринимать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе продолжительныя прогулки. Состояніе возбужденія пропадаетъ. Мрачныя мысли оставляютъ. Возбужденное сердце успокаивается. Исчезаютъ въ теченіе немногихъ дней, точно по мановенію жезла, водяночныя опухоли, затрудненное дыханіе, сердечная тоска, а равно связанная съ этимъ безсонница, каковыя явленія вызываются сердечною слабостью и съуженіемъ круга кровообращенія, вслѣдствіе его загроможденія мочевой кислотой. Наблюдается улучшеніе цвѣта крови и появленіе сильнаго и здороваго аппетита. И при всемъ этомъ, всегда полная ясность и свѣжесть сознанія“.

У. Кукъ, авторъ книги: „Улучшеніе индивидуальное, соціальное и промышленное“, замѣчаетъ, что, какъ доказалъ флетчеризмъ, мы ѣдимъ въ полтора раза болѣе, чѣмъ слѣ-

дуетъ, и пережевываемъ пищу во много разъ хуже, чѣмъ нужно.

Въ каждомъ изъ насъ, пишетъ онъ, всегда есть запасъ питанія на 60—100 дней, въ теченіе которыхъ мы могли бы жить безъ ѣды, пока докторъ—природа дѣлаетъ въ организмѣ свои починки. Во время поста, который для крѣпкаго человѣка можетъ продолжаться шестьдесятъ дней, надо пить только теплую воду, такъ какъ при голодовкѣ тепло убываетъ вслѣдствіе недостатка пищевого топлива. Сила возрастаетъ къ концу поста. Одинъ учитель музыки, продолжавшій свои занятія все время, пѣлъ на сороковый день поста лучше, чѣмъ когда-либо раньше.

Безнадежная водянка была вылѣчена шестидесятидневнымъ постомъ и болѣвшій ею пекарь не прекращалъ работы во все время поста.

И у насъ, въ Россіи, производились подобнаго рода опыты абсолютнаго голоданія, которые тоже увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Нѣкто Н. Милишниковъ въ заключеніе книги Арнольда Эрета: „Лѣченіе голодомъ и плодами“ помѣстилъ описаніе своего опыта 40-дневнаго голоданія.

Его предупреждали, ему грозили, но „я, пишетъ онъ, легко противостоялъ всѣмъ уговорамъ со стороны моихъ знакомыхъ, какъ обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и особенно врачей, удивлявшихся моему безразсудству и убѣждавшихъ меня бросить свою опасную затѣю“.

Началъ онъ свое голоданіе 26 января 1914 года, въ 12 часовъ дня, и окончилъ его 7 марта, въ 8 часовъ вечера, пропостивъ, такимъ образомъ, 40 дней съ нѣсколькими часами.

Какія состоянія онъ переживалъ въ теченіе этого времени, какой образъ жизни велъ, какъ постепенно переходилъ на обычный столъ—обо всемъ этомъ мы умолчимъ. Отчасти потому, что это знакомо намъ, такъ какъ въ курсъ этихъ вопросовъ ввели насъ опыты д-ра Дьюи, д-ра Меллера, Синклера и др. А, главнымъ образомъ, потому, что тѣсныя рамки журнальной статьи не позволяютъ намъ разбрасываться и заниматься спеціальными вопросами.

Насъ интересуютъ выводы. Къ нимъ-то мы и обратимся.

Послѣ окончанія добровольной голодовки Н. Милишниковъ сдѣлалъ анализы мочи и крови и далъ себя осмотрѣть

врачу, чтобъ провѣрить свои заключенія данными науки. Анализы показали, что ни сахарной болѣзни, ни малокровія, ни другихъ ужасовъ, которые пророчили ему, онъ не нажилъ. Ни винограднаго сахара, ни желчи, ни крови въ выдѣленіяхъ не было обнаружено, сывороточный бѣлокъ оказался въ видѣ весьма незначительныхъ слѣдовъ (0,02 на 1000). Лишь въ отношеніи почекъ по увеличенному количеству гіалиновыхъ цилиндровъ и лейкоцитовъ можно было заключить, что онѣ понесли нѣкоторый ущербъ въ питаніи.

Съ перваго дня, заключаетъ Милишниковъ, я почувствовалъ себя значительно бодрѣе и затѣмъ съ каждымъ слѣдующимъ днемъ я видѣлъ, какъ мои силы безостановочно прибываютъ. Аппетитъ былъ необыкновенный, и я еле успѣвалъ удовлетворять его. Я увеличился въ чистомъ вѣсѣ за первые три дня питанія на 3 фунта, а за послѣдующіе 7 дней на 15 фунтовъ, всего за 10 дней на 18 фунтовъ и продолжаю итти тѣмъ же темпомъ и далѣе.

Анализы мочи и крови, сдѣланные черезъ 11 дней послѣ окончанія голоданія, показали полное возвращеніе организма къ нормѣ и, наконецъ, знакомые, видѣвшіе меня въ послѣдніе дни голоданія, теперь не узнаютъ меня. Въ настоящее время, когда я пишу эти строки (2 недѣли послѣ окончанія поста), всѣ органы моего тѣла функціонируютъ великолѣпно, я бодръ и веселъ, полонъ силъ и ощущенія радости жизни.

Такимъ образомъ, экспериментаторъ на самомъ себѣ провѣрилъ ту сравнительную легкость, съ которой организмъ переноситъ въ теченіе весьма продолжительнаго времени состояніе голоданія не только безъ всякаго ущерба для себя, но наоборотъ, съ огромной пользой въ смыслѣ послѣдующаго обновленія, возрастанія силъ и способностей и полнаго исцѣленія отъ постоянно его преслѣдовавшихъ недуговъ, какъ-то: головныя боли, насморки, простуды, несвареніе пищи, просто непонятная вялость, безпричинное дурное настроеніе духа и т. п.

Въ этомъ направленіи мы можемъ найти средство противъ общей все возрастающей болѣзненности, противъ раковъ и другихъ мучительнѣйшихъ болѣзней, происходящихъ отъ переѣданія и дѣйствія ядовитыхъ остатковъ плохо пережеванной пищи.

Но отчего это такъ? Отчего продолжительный суровый

постъ не только не убиваетъ жизнедѣятельности нашего организма, а, напротивъ, возбуждаетъ ее? Отчего всѣ почти болѣзни поддаются цѣлебному дѣйствію многодневнаго голоданія? Въ чемъ-тутъ кроется секретъ?

Тѣ, кто испытали на себѣ лѣченіе голодомъ, объясняютъ его чудеса такъ: чрезмѣрная пища накапливается въ организмѣ и подвергается броженію. Тѣло переполняется большимъ количествомъ ядовитыхъ веществъ, чѣмъ его очищающіе органы могутъ вынести наружу. Результатъ—засореніе этихъ органовъ и кровеносныхъ сосудовъ, что влечетъ за собою головныя и ревматическія боли, артеріосклерозъ, параличи, апоплексію, Брайтову болѣзнь, циррозы и т. д.

Какъ только начался постъ и явился первый голодъ, выдѣленія прекращаются и вся ассимиляціонная система, которая беретъ у тѣла столько энергіи—выходитъ изъ работы вонъ.

Тѣло тогда начинаетъ своего рода „чистку дома“. Языкъ дѣлается „обложеннымъ“, дыханіе напряженнымъ и это продолжается до тѣхъ поръ, пока вредныя частицы не будутъ вынесены вонъ—тогда языкъ очищается и голодъ вторично проявляетъ себя съ несомнѣнностью, не допускающей ошибки.

Покойный московскій докторъ Н. Я. Пясковскій [1]) нѣсколько иначе и чуточку полнѣе отвѣчаетъ на поставленный выше вопросъ.

Онъ говоритъ, что за періоды голоданія количество воды въ тѣлѣ скапливалось, т. е. увеличивалось противъ нормы. Ясно, что голодающій организмъ какъ бы удерживалъ въ своихъ органахъ и тканяхъ для какихъ то цѣлей воду. Затѣмъ въ дни кормленія, непосредственно вслѣдъ за голоданіемъ, количество выдѣляемой изъ организма воды значительно увеличивалось, а плотныя части пищи: бѣлки, жиры и углеводы (т. е. крахмалъ и сахаръ) жадно поглощались тканями организма для преобразованія въ вещество живыхъ тканей тѣла. Какую же роль играетъ задержанная въ организмѣ вода въ дни абсолютнаго голоданія? Она именно промываетъ, прополаскиваетъ всѣ ткани тѣла, она растворяетъ негодные продукты

---

[1]) Докторъ Пясковскій говоритъ въ данномъ случаѣ о птицахъ. Но мы думаемъ, что жизнь организма какъ у птицъ, такъ и у насъ, у людей, протекаетъ по однимъ и тѣмъ-же законамъ и путямъ.

обмѣна, представляющіе негодный и вредный балластъ для тѣла, а затѣмъ, въ періодъ принятія пищи, выноситъ съ собою вонъ изъ организма всѣ эти растворенные въ ней ядовитые продукты обмѣна веществъ. Послѣ такого прополаскиванія, послѣ такой промывки тканей тѣла, для вновь поступающей въ кровь пищи открываются болѣе легкіе пути всасыванія и усвоенія послѣдней клѣточками организма. Подобно тому, какъ человѣкъ, проголодавшись послѣ физическаго труда, ѣстъ съ большимъ аппетитомъ, такъ точно и каждый органъ, каждая ткань и клѣточка организма съ большей жадностью поглощаютъ и усваиваютъ ту пищу (бѣлки, жиры, углеводы и соли), которую имъ приноситъ кровь.

Напротивъ, при непрерывномъ обильномъ питаніи, организмъ не въ состояніи въ должной мѣрѣ освободиться отъ продуктовъ обмѣна веществъ тѣхъ ядовитыхъ залежей, которыя при обильномъ, непрерывномъ питаніи скапливаются въ тканяхъ организма, причиняя ему огромный вредъ.

Итакъ, вотъ какое великое значеніе для человѣческаго организма имѣетъ абсолютное голоданіе или строгій церковный постъ.

Въ послѣднее время выдвинута новая теорія происхожденія болѣзней, которая, если найдетъ всеобщее признаніе, поставитъ абсолютный постъ на небывалую высоту.

Сущность ея заключается въ слѣдующемъ.

При всѣхъ болѣзняхъ, безъ исключенія, организмъ стремится выдѣлить изъ себя слизь, а въ дальнѣйшей стадіи гной (разложившаяся кровь). Каждый скажетъ, что это присуще всѣмъ катарральнымъ явленіямъ, начиная съ невиннаго насморка, вплоть до воспаленія легкихъ и чахотки. То же и при падучей болѣзни (при припадкахъ—пѣна у рта, т. е. слизь). Гдѣ же это слизистое выдѣленіе не замѣтно, напримѣръ, при ушныхъ, глазныхъ, кожныхъ, желудочныхъ и сердечныхъ страданіяхъ, ревматизмѣ, подагрѣ и т. д., даже при всѣхъ душевныхъ болѣзняхъ, все же главной причиной зла является слизь. Она, не будучи выдѣлена изъ организма естественнымъ путемъ, черезъ органы выдѣленія, проникаетъ въ кровь. На томъ же мѣстѣ, гдѣ кровеносные сосуды суживаются вслѣдствіе охлажденія (простуды), она вызываетъ жаръ, воспаленіе, боль или лихорадку.

Если дадутъ больному какую нибудь „неслизистую“ пищу,

напримѣръ, фрукты, или только воду, или только лимонадъ, тогда вся пищеварительная энергія обрушивается на накопленныя съ дѣтства, много разъ затвердѣвавшія слизистыя массы, равно какъ и на всѣ отсюда возникающіе „болѣзненные зародыши". И каковъ же результатъ?—Съ несомнѣнной точностью, въ мочѣ и экскрементахъ обнаружится слизь. Она то и является общею, главною и основною причиною всѣхъ болѣзней [1]). Если болѣзнь находится уже въ болѣе развитой стадіи,—такъ что гдѣ-нибудь, въ самыхъ глубокихъ частяхъ организма, оказывается болѣзненный очагъ, т. е. разложившаяся клѣточная ткань,—то будетъ выдѣляться также и гной. Какъ только притокъ слизи путемъ „искусственнаго питанія" (мясо, молоко, мучныя блюда) прекратится, потокъ крови захватываетъ слизь и даже гной, находящіеся въ организмѣ, и выдѣляетъ ихъ наружу съ помощью мочи,—у сильно же зараженныхъ—даже черезъ всѣ имѣющіяся къ услугамъ отверстія и слизистую оболочку.

Если картофель, хлѣбную муку, рисъ или соотвѣтствующее имъ мясо долго кипятить, то получится студенистая слизь или клейстеръ, которыми пользуются переплетчикъ или столяръ. Это слизистое вещество скоро дѣлается кислымъ, переходитъ въ гніеніе, даетъ почву для развитія грибковъ, плѣсени и бациллъ. При пищевареніи, которое химически представляетъ собою ту же варку, сжиганіе,—эта слизь, этотъ клейстеръ станетъ также отдѣляться, такъ какъ кровь можетъ пользоваться только перевареннымъ, полученнымъ изъ крахмала виноградным сахаромъ. Какъ продуктъ, лишній для обмѣна веществъ, этотъ клейстеръ, или слизь, уже вначалѣ начинаетъ выдѣляться безъ остатка. Въ теченіе жизни, кишечникъ и желудокъ мало-по-малу такъ заклеиваются и покрываются слизью, что клейстеръ растительнаго и клей животнаго происхожденія переходятъ въ гніеніе, закупориваютъ кровеносные сосуды и, въ концѣ концовъ, застоявшаяся кровь начинаетъ разлагаться.

Средствомъ противъ этого являются фрукты и абсолютный постъ.

Если довольно густо сварить винную ягоду, финики или

---

[1]) Конечно, каждый здоровый организмъ долженъ содержать извѣстное количество слизи, напр. лимфа (жировое вещество слизистого характера кишечника и т. д.)

виноградъ, то получается тоже каша. Однако, она не переходитъ въ гніеніе, никогда не отдѣляетъ слизи, и ее никто не назоветъ этимъ именемъ, но слизью. Фруктовый сахаръ, этотъ важнѣйшій продуктъ для крови, по консистенціи клеекъ, однако, будучи высшей формой горючаго матеріала, онъ перерабатывается безъ остатка, безъ слизи. Этотъ сахаръ оставляетъ послѣ себя только слѣды целлюлозы, которая, не будучи клейкой, тотчасъ выдѣляется, не загнивая. Сгущенный сахаръ, въ виду его способности оказывать противодѣйствіе гніенію, даже спеціально примѣняется для сохраненія кушаній.

Каждый здоровый и больной человѣкъ вынужденъ удалять съ языка нехорошо пахнущую слизь, какъ скоро онъ начинаетъ ограничивать питаніе или поститься. То же самое происходитъ и на слизистой оболочкѣ желудка, точной копіей которой въ этомъ случаѣ является языкъ. Эта слизь показывается при первомъ испражненіи послѣ поста.

Ярымъ защитникомъ и проповѣдникомъ этой теоріи является Арнольдъ Эретъ, который на собственномъ опытѣ убѣдился въ ея цѣлесообразности и дѣйствительности [1]).

Итакъ, и съ точки зрѣнія новѣйшихъ теорій, абсолютный постъ является самымъ лучшимъ, самымъ цѣннымъ средствомъ для здоровья человѣка.

Можно было бы еще описать опыты доктора Зеланда, которые онъ производилъ съ большимъ успѣхомъ надъ собой, можно было бы еще изложить довольно интересныя воззрѣнія по данному вопросу врача Гвельпа, доктора Апраксина и многихъ другихъ. Но думаемъ, все это напрасно, потому что и приведенныя свидѣтельства многихъ докторовъ какъ нельзя лучше убѣждаютъ насъ въ томъ, что болѣе или менѣе продолжительное голоданіе, или, выражаясь церковнымъ языкомъ, абсолютный постъ не только не вредитъ человѣку, но еще пользу приноситъ ему; не только не истощаетъ его, но еще болѣе укрѣпляетъ его [2]); не только не служитъ источникомъ всевозможныхъ немощей, но еще самъ побѣждаетъ ихъ.

---

[1]) См. „Леченіе голодомъ и плодами“ М. 19 4 г. стр. 11—12.

[2]) Каждое животное при малѣйшемъ недомоганіи начинаетъ отказываться отъ пищи. И если домашнія животныя, давно утратившія свой тонкій инстинктъ къ правильному и естественному корму, съ наступленіемъ болѣзни начинаютъ поститься и вскорѣ выздоравливаютъ отъ сего, то неужели человѣкъ „потеряетъ силы“, если пропоститъ нѣсколько дней? Не думаемъ.

Пусть же послѣ этого смолкнутъ неразумные голоса тѣхъ, кто подрывалъ значеніе строгаго поста, кто высмѣивалъ его, и кто своими шутками и прибаутками убивалъ у другихъ желаніе слѣдовать благочестивымъ и спасительнымъ завѣтамъ православной Церкви.

Пусть противники абсолютнаго церковнаго поста и сами проникнутся сознаніемъ пользы его и впредь будутъ умнѣе, сдержаннѣе и тактичнѣе при рѣшеніи и обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся его, какъ древняго и притомъ Божественнаго установленія.

Теперь перейдемъ къ другому виду христіанскаго поста.

* * *

Такъ называемое сухояденіе, т. е. употребленіе въ пищу хлѣба и овощей безъ варева и масла, а также обыкновенная постная пища вооружаетъ противъ себя людей науки—физіологовъ, медиковъ и др.—главнымъ образомъ потому, что помимо мясного питанія, какъ говорятъ они, нѣтъ возможности удовлетворить потребностямъ организма въ питательныхъ веществахъ.

Мѣриломъ этой потребности служила такъ называемая формула мюнхенскаго физіолога Yoit'a, по которой человѣку необходимо въ сутки:

118 гр. бѣлка, 56 гр. жира и 500 углеводовъ (сахарныхъ веществъ).

Приблизительно такое количество питательныхъ веществъ и потребляется, по мнѣнію противниковъ христіанскаго поста, при существующемъ мясномъ питаніи.

Но изслѣдованія физіолога Г. Ф. Бунге, гигіениста М. Рубнера, химико-физика Б. Оствальда и мн. др. съ различныхъ точекъ зрѣнія опровергаютъ формулу Yoit'a. Этими изслѣдованіями установлена преувеличенность ея втрое, если не больше, противъ необходимаго при работѣ естественнаго количества питательныхъ веществъ.

Рубнеръ, напримѣръ, доказалъ, что бѣлка совершенно достаточно и ¼ требуемаго Yoit'омъ.

Въ этомъ убѣждаютъ насъ также и недавно производившіеся въ Іэльскомъ университетѣ (С.—А. С. Штаты) опыты профессора Читтендена.

Они настолько интересны и въ то же время важны, что мы ознакомимъ съ ними своихъ читателей.

Были образованы три совершенно различныхъ по составу группы: изъ 5 профессоровъ, 13 солдатъ и 8 атлетовъ—студентовъ, въ возрастѣ 24—27 лѣтъ. Въ пищѣ ихъ бѣлокъ уменьшался до возможнаго минимума. Опытъ продолжался около шести мѣсяцевъ. Потребленіе организмомъ бѣлковъ спустилось до 50 и даже до 34 гр. въ день, и при этомъ всѣ участники чувствовали себя необычайно хорошо, и у всѣхъ безъ исключенія значительно прибыло силы. Это измѣрялось динамометромъ, который показалъ въ группѣ солдатъ прибыль силы 50—120% и въ группѣ студентовъ—атлетовъ 16—89%. Число калорій [1]) въ ежедневной пищѣ было менѣе 2500.

Эти опыты подтвердили предположенія нѣкоторыхъ гигіенистовъ, что для нормальнаго питанія человѣка требуется бѣлка гораздо меньше признаваемой теперь обычной нормы; на уменьшеніе бѣлка въ пищѣ на цѣлую половину организмъ отвѣчаетъ „увеличеніемъ силы и выносливости въ поразительной степени“.

Отсюда выводъ приходится сдѣлать такой: бѣлокъ необходимъ для питанія человѣка, но количество его не должно быть велико, иначе онъ отвлекаетъ на себя энергію организма, утомляя и ослабляя его черезъ это. Какъ бы ни былъ важенъ бѣлокъ самъ по себѣ для питанія человѣка, но по количеству въ пищѣ онъ долженъ быть лишь „приправой“ ея, но ни какъ не главной ея частью.

Стало быть, при мясномъ питаніи вводится громадное

---

[1]) Питательность пищи и силы, даваемыя ею человѣку, научно опредѣляются калоріями, т. е. теплотой, которая возникаетъ въ крови, когда пищевые соки, поступающіе въ нее изъ пищеварительныхъ органовъ, встрѣчаются въ ней съ кислородомъ, приносимымъ кровью со стороны легкихъ, и происходитъ окисленіе этихъ соковъ, т. е. сгораніе. Одна калорія есть теплота нужная, чтобы нагрѣть 1 литръ воды до одного градуса Цельзія. Если, напримѣръ, сказать, что человѣку, имѣющему 4—5 п. вѣса, въ среднемъ надо 2500 калорій въ день, это будетъ значить, что ему нужно будетъ въ день такое количество такой пищи, калоріи которой могли бы нагрѣть 25 литровъ воды (около 1 ведра) до 100 Цельзія, т. е. до кипѣнія. Такъ какъ составъ и усвояемость пищевыхъ продуктовъ различны, то различно и количество калорій, даваемыхъ каждымъ изъ нихъ. Фунтъ телятины, напримѣръ, даетъ 6 лотовъ бѣлка и 560 калорій, а фунтъ ржаного хлѣба всего 2 лота бѣлка, но, благодаря обилію углеводовъ, въ итогѣ все же 800 калорій, т. е. въ полтора раза болѣе рабочей энергіи, чѣмъ даетъ фунтъ телятины.

количество излишнихъ бѣлковъ и организмъ затрачиваетъ чрезмѣрное количество работы на расщепленіе, перевариваніе, скисленіе, усвоеніе совершенно ненужныхъ ему излишнихъ веществъ. Ясно, что машина, вынужденная работать сверхъ установленной для нея нормы, долго протянуть своего существованія не можетъ.

Спеціалистъ по подобнымъ вопросамъ, нашъ знаменитый современникъ механикъ – изобрѣтатель Эдиссонъ и высказался въ этомъ смыслѣ.

Разсматривая человѣческій организмъ, какъ динамо—машину, Эдиссонъ приходитъ къ заключенію, что при существующемъ образѣ питанія, который по питательности раза въ три превосходитъ необходимую, человѣческая машина преждевременно изнашивается и люди не умираютъ, а кончаютъ, т. е. самоубійствомъ.

Современные представители медицины, детально изслѣдовавшіе вопросъ о „перекармливаніи“ организма, главнымъ образомъ бѣлками, какъ слѣдствіемъ мясного питанія пришли къ заключенію, что перекармливаніе влечетъ за собою цѣлую серію болѣзней отъ желудочныхъ и суставныхъ вплоть до нервныхъ и мозговыхъ, и само представляетъ собою болѣзнь, извѣстную подъ именемъ **Альбуминизма** [1]).

Болѣзни—эти суровые вѣстники смерти—всегда сопутствуютъ мясному питанію. И не удивительно: мясо содержитъ въ себѣ всевозможные яды, и кромѣ того содѣйствуетъ развитію и размноженію ядовъ въ организмѣ. Яды, содержащіеся въ мясѣ, суть слѣдующіе: птомаины (всевозможные трупные яды), затѣмъ, токсины (яды, развивающіе броженіе), леукомоины, креатинъ, креатининъ, лейцинъ, тирозинъ, мясо-молочная кислота, мочевая кислота, мочевина и прочіе отбросы.

Чрезвычайное вліяніе мясной пищи на кровь и заболѣванія человѣка весьма обстоятельно выяснены въ превосходномъ трудѣ лондонскаго врача—практика и талантливаго ученаго доктора Хейга о мочевой кислотѣ. Его замѣчательные выводы и наблюденія вошли теперь въ основу современнаго практическаго ученія о питаніи человѣка.

---

[1]) Доктора: Доккъ, Ламаннъ, Pauchet, Pascault, Зеленковъ, Карницкій и мног. друг.

Собственныя страданія заставили Хейга заняться изученіемъ этого вопроса.

— Я въ теченіе всей своей жизни, пишетъ онъ, страдалъ мигренью и, отчаявшись получить сколько-нибудь значительное облегченіе отъ лекарствъ, и уже заподозривъ было въ себѣ органическій недугъ, я съ осени 1882 года отказался отъ употребленія убоины и, взамѣнъ ея, началъ питаться молокомъ и рыбой, при чемъ, порціи послѣдней постепенно уменьшалъ, пока молоко и сыръ не сдѣлались моей единственной животной пищей, остающейся для меня единственной и по сіе время.

Передъ этимъ я перепробовалъ всевозможные способы питанія, именно—увеличивалъ порцію мяса, измѣнялъ количество и качество пріемовъ менѣе важныхъ пищевыхъ продуктовъ, къ которымъ относятся сахаръ, чай, кофе и табакъ, но... безъ ощутительныхъ результатовъ. Напротивъ, лишь только я пересталъ совсѣмъ ѣсть мясо, какъ тотчасъ же произошли замѣтныя перемѣны: припадки головной боли сдѣлались у меня рѣже и слабѣе; въ среднемъ—они стали появляться сначала разъ въ недѣлю, потомъ разъ въ 1, 2, 3, 6, 8 и наконецъ 12 мѣсяцевъ; впослѣдствіи же даже прошло 18 мѣсяцевъ, и со мною не случилось ни одного болѣе или менѣе серьезнаго припадка.

Съ тѣхъ поръ къ убойному питанію я никогда болѣе не возвращался и никогда не возвращусь, такъ какъ только такимъ способомъ я обезпечиваю себѣ жизнь, свободную отъ тѣхъ страданій, которыя меня предъ этимъ временемъ прямо парализовали, дѣлая неспособнымъ ни къ какой умственной и усидчивой работѣ. И нельзя сказать, чтобы головная боль проявлялась у меня при сидячемъ образѣ жизни. Изъ-за нея мнѣ временами приходилось прекращать даже охоту: она не позволяла мнѣ выносить звуки выстрѣловъ. И это—при жизни въ открытомъ полѣ, когда въ теченіе недѣли я въ руки не бралъ книги и, слѣдовательно, при условіяхъ, которыя были для здоровья гораздо благопріятнѣе, чѣмъ нынѣшнія, когда я тѣмъ не менѣе пользуюсь здоровьемъ.

Но стоитъ только мнѣ, позабывъ полученные уроки, и считая себя застрахованнымъ отъ припадка болѣзни, пообѣдать на одной недѣлѣ два или три раза у знакомыхъ и осо-

бенно, если я разрѣшу себѣ при этомъ мясо и вино, какъ уже могу быть увѣреннымъ, что черезъ 2—3 дня захвораю болѣе или менѣе сильной головной болью.

Эти опыты надъ самимъ собой привели доктора Хейга къ тому заключенію, что его головныя боли происходятъ главнымъ образомъ, если не исключительно, отъ отравленія неправильной и вредно дѣйствующей на организмъ пищей. Клиническое сходство симптомовъ мигрени и подагры, происходящей, какъ уже точно установлено, именно отъ избытка мочевой кислоты въ крови,—обратило вниманіе доктора Хейга на эту послѣднюю, и ею онъ занялся тщательно и съ рѣдкимъ талантомъ экспериментатора. Онъ продѣлалъ рядъ опытовъ, измѣрялъ мочу у своихъ больныхъ и у себя не только ежедневно, но даже ежечасно, анализировалъ ее, анализировалъ пищевыя вещества и выдѣленія послѣ ихъ пріема, самымъ разнообразнымъ образомъ мѣнялъ условія питанія и работы своего организма, принимая всевозможныя лѣкарства, и итогъ былъ для него таковъ: „мочевая кислота, поглощаемая нами съ пищей, главнымъ образомъ съ мясомъ,—отравляетъ нашу кровь, создавая длинный рядъ разнообразныхъ болѣзней и недуговъ: подагру и ревматизмы, мигрени и психозы, истерію и мозговую и половую неврастенію, сахарную и базедову болѣзнь, воспаленіе почекъ и печени, кожныя сыпи и экземы, неудержимыя кровотеченія женщинъ, преждевременную половую зрѣлость молодежи, преждевременное выпаденіе зубовъ и волосъ и пр.

Почему же мочевая кислота такъ вредно дѣйствуетъ на человѣческій организмъ и производитъ всевозможнаго рода болѣзни?

А вотъ почему. Она, во-первыхъ, нарушаетъ и стѣсняетъ кровообращеніе закупоркой волосныхъ сосудовъ, повышаетъ давленіе крови, раздражая нервную систему, и задерживаетъ общій обмѣнъ веществъ. Во-вторыхъ, она отлагается въ разныхъ мѣстахъ организма, разъѣдая ткани и вызывая разныя заболѣванія.

Мочевая кислота постоянно кочуетъ между кровью и плотными тканями тѣла, то осаждаясь на тканяхъ, то опять растворяясь въ крови. При пониженіи давленія въ крови и усиленіи ея кислотности, мочевая кислота выталкивается изъ крови на ткани, а съ повышеніемъ давленія и

увеличеніемъ щелочности крови, она опять переходитъ съ тканей въ кровь.

И это кочеваніе идетъ весь день, ибо давленіе и кислотность крови въ человѣкѣ мѣняется постоянно въ зависимости отъ его работы, усталости, случайной простуды, пищи и пр. И, сообразно съ этимъ, постоянно мѣняется и самочувствіе и настроеніе человѣка, въ крови котораго мочевая кислота находится въ избыткѣ.

Мочевая кислота распредѣляется въ крови неровно, скопляясь особенно въ сочлененіяхъ. Растворяясь въ крови, она образуетъ слизоподобныя, густыя соединенія, состоящія изъ множества мелкихъ шариковъ, которые превосходятъ иногда величиной бѣлые шарики крови. Эти густыя массы съ трудомъ передвигаются въ волосныхъ кровяныхъ каналахъ, закупоривая ихъ собою и прекращая такимъ образомъ кровообращеніе въ нихъ. Оно съ полной силой продолжаетъ совершаться уже въ болѣе крупныхъ артеріяхъ и венахъ. Легко представить себѣ то мученіе, которое слѣдуетъ отъ этого для организма. Конечности, руки, ноги, вся кожа холодѣютъ. Сѣть нервовъ, смываемая разъѣдающей ее смѣсью крови и мочевой кислоты, страдаетъ. Кровь, уже не проникая въ дальнюю периферію кровообращенія, перестаетъ уносить изъ нея остатки перегара веществъ, и они скопляются въ подкожныхъ слояхъ, раздражая нервы и кожу чисто механически. И т. д.

Кромѣ того, не надо упускать изъ виду еще того главнаго обстоятельства, что организмъ, вслѣдствіе постоянной борьбы съ внутреннимъ врагомъ, ослабляется и зачастую не въ силахъ бываетъ защищать себя отъ цѣлаго сомна опасныхъ внѣшнихъ враговъ. И въ этомъ ослабленіи особенно нѣкоторыхъ спеціальныхъ железъ—еще одна причина преждевременной старости.

Скажемъ объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Выработка защитныхъ средствъ организма выпадаетъ на долю, главнымъ образомъ, сосудистыхъ железъ (щитовидной и другихъ), а также нѣкоторыхъ придатковъ мозга, костнаго мозга и пр.

Слѣдствіемъ чрезмѣрной, слишкомъ упорной и продолжительной работы, затрачиваемой на истребленіе вредныхъ началъ, вводимыхъ въ организмъ съ мясомъ (прямо, косвенно),

является преждевременное обезсиленіе, перерожденіе и дегенерація этихъ органовъ. Это послѣднее обстоятельство ведетъ къ преждевременной старости всего организма со всѣми, сопутствующими процессу наступленія ея, психическими эффектами.

Лоранъ, компетентный изслѣдователь старости, опредѣляетъ старость, прямо какъ „болѣзненный процессъ, вызванный дегенераціей, какъ щитовидной, такъ и другихъ сосудистыхъ железъ".

Рихардъ Гертвигъ въ своей прекрасно составленной лекціи „о причинѣ смерти" говоритъ: „становятся клѣтки, лежащія въ основѣ функцій, недостаточно регулированными, вслѣдствіе временно чрезмѣрной и слишкомъ продолжительной работы; ихъ орудія, мускульныя и нервныя волоконца, опорныя субстанціи, секреторныя вещества приходятъ въ негодность, пока не дойдутъ до такой степени обветшалости, при какой должны исчезнуть и малѣйшіе слѣды жизни".

Отсюда видно, что мясная пища, вынуждая человѣческій организмъ работать сверхъ нормы, создавая вполнѣ благопріятную почву для развитія болѣзней, ослабляя защитные органы для борьбы съ ними,—тѣмъ самымъ энергично содѣйствуетъ скорѣйшему приближенію старости для тѣхъ, кто мясомъ питается.

Питаніемясомъ и еще одной своей стороной содѣйствуетъ преждевременному наступленію старости.

Это—обиліемъ того громаднаго количества кишечныхъ микробовъ, которые получаютъ богатый матеріалъ для своего развитія преимущественно въ массѣ ненужныхъ бѣлковъ, вводимыхъ обыкновенно мясомъ.

„Изъ всѣхъ современныхъ данныхъ, пишетъ профессоръ Мечниковъ, вытекаетъ, что источникомъ зла (преждевременной старости) служатъ микробы, кишащіе въ пищевыхъ остаткахъ".

„Несомнѣнно, продолжаетъ онъ, что пищевые микробы и яды могутъ распространяться въ организмѣ и вызывать въ немъ болѣе или менѣе серьезныя поврежденія. Отсюда естественный выводъ, что чѣмъ болѣе изобилуетъ кишечникъ микробами, тѣмъ болѣе становится онъ источникомъ зла, сокращающимъ жизнь".

Такимъ образомъ, въ заключеніе мы получили тѣ же итоги, какіе подведены въ диссертаціи доктора Колье: „Le vegetarianisme et la physiologie alimentaire".

1) Мясо—неполное пищевое средство. Оно заключаетъ въ себѣ бѣлокъ съ небольшимъ количествомъ жира и совсѣмъ не содержитъ углеводовъ.

2) Мясо—возбуждающее пищевое средство. Оно пріучаетъ человѣка къ излишнему питанію (переѣданію, перекармливанію) и, подобно алкоголю и другимъ возбуждающимъ средствамъ, вселяетъ въ немъ чувство невозможности обойтись безъ него.

3) Мясо—ядовитое пищевое средство. Оно содержитъ въ себѣ яды, которые образуются въ тѣлѣ животнаго, во-первыхъ, во время жизни и вскорѣ послѣ смерти его; во-вторыхъ, при перевариваніи мяса въ пищеварительномъ каналѣ, и въ третьихъ, какъ результатъ скораго и легкаго загниванія мяса въ кишечникѣ [1]).

Въ отношеніи къ мускулатурѣ и общей работоспособности мясо всего болѣе возбуждаетъ, но силъ и дѣйствительной энергіи оно даетъ мало, не надолго, послѣ чего разслабляетъ организмъ.

Чрезвычайно интересныя данныя о вліяніи мясного питанія на пониженіе человѣческой работоспособности получены путемъ наблюденія надъ японскими рикшами.

„У меня,—говоритъ одинъ профессоръ-изслѣдователь, — были два рикши, сильные молодые люди 22-хъ и 25-ти лѣтъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ они занимались этимъ ремесломъ. Я оставилъ имъ ихъ пищу, но все, что они ѣли, подвергалось измѣренію и, такимъ образомъ, обыкновенными способами опредѣлялись химическія составныя части ихъ пищи. На этихъ людей была возложена опредѣленная работа. Они должны были ежедневно, въ продолженіе трехъ недѣль, безостановочно бѣгомъ перевозить меня, человѣка, вѣсящаго 80 килогр., на разстояніи 40 километровъ. Такая работа, кажется довольно большой, однако, она меньше той, на которую нанимались эти люди. Моей цѣли она вполнѣ удовлетворяла, такъ какъ пробѣгъ въ 40 километровъ считается очень значительнымъ, но

[1]) Процессъ разложенія возникаетъ сперва не въ желудкѣ, а сейчасъ же послѣ убоя. Послѣднее доказалъ проф. докторъ С. Грахамъ.

протащить взрослаго человѣка всѣ эти 40 километровъ бѣгомъ въ солнечный августовскій день—это больше того, что обыкновенно требуется.

Итакъ, во время опыта, людямъ была сохранена ихъ прежняя пища, содержаніе которой вдвое меньше нормы, установленной Yoit'омъ, содержаніе же бѣлка колебалось между 60% и 80% требуемаго. За то углеводы вводились въ необыкновенно большихъ количествахъ, въ видѣ риса, картофеля, ячменя, каштановъ, корней лилій и другихъ употребительныхъ мѣстныхъ кушаній. Послѣ 14-ти дней я взвѣсилъ своихъ рикшей. Вѣсъ одного изъ нихъ остался безъ перемѣны, другой же прибавилъ полфунта. Послѣ этихъ 14-ти дней я предложилъ имъ, не хотятъ ли они получить мясо? Они были очень благодарны мнѣ, такъ какъ мясо для нихъ—роскошь. Тогда я замѣнилъ часть углеводовъ соотвѣтствующими количествами бѣлка, правда, не такими большими, какъ требуетъ Yoit, но все же изрядными. Рикши ѣли его съ удовольствіемъ, но черезъ три дня пришли ко мнѣ съ просьбой—отмѣнить мясо и выдать имъ его по окончаніи опыта, такъ какъ они чувствовали себя слишкомъ усталыми и не могли бѣгать такъ хорошо, какъ раньше. Тогда я вернулъ ихъ къ первоначальной пищѣ и давалъ ее до конца опыта. Результатъ получился прежній. Одинъ изъ рикшей сохранилъ прежній вѣсъ, разница была, можетъ быть, на 100 гр., у другого же я констатировалъ прибавку вѣса немного меньше полуфунта.

Я приведу примѣръ[1]) еще большей работоспособности при такой же пищѣ. Передамъ только то, что самъ видѣлъ. Дорогу изъ Токіо въ Никко,—мѣсто, расположенное въ горахъ, въ 100 километрахъ отъ Токіо, я совершилъ лѣтомъ въ экипажѣ, шесть разъ мѣняя лошадей. Изъ-за страшной жары мы ѣхали ночью, съ 6-ти часовъ вечера до 8-ми утра,—въ общемъ, 14 часовъ. Въ тотъ самый моментъ, когда мы выѣзжали изъ Токіо, увидѣлъ японца, сидящаго въ джинрикшѣ (носилкахъ) и спросилъ его, куда онъ ѣдетъ?—Онъ ѣхалъ также въ Никко. Везъ его только одинъ человѣкъ. Прибылъ онъ на полчаса позже насъ. Мы шесть разъ мѣняли лошадей, а этотъ японецъ $14^1/_2$ часовъ тащилъ взрослаго поселянина, вѣсомъ при-

[1]) Примѣръ взятъ изъ книги д-ра Бихеръ-Беннера: „Основа лѣченія питаніемъ“.

близительно въ 54 килограмма и пробѣжалъ 100 километровъ,— и это лишь при вегетаріанской пищѣ.

Какъ только рикши получали мясо, ихъ работоспособность падала" [1]).

* * *

Доселѣ мы говорили объ отрицательномъ значеніи мясного питанія, какъ основного начала скоромнаго стола.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о превосходствѣ постнаго питанія.

Такъ какъ превосходство постной пищи передъ скоромной лучше всего можетъ быть выяснено путемъ сравнительной оцѣнки, то мы приведемъ соотвѣтствующую параллель между мясной пищей и растительной.

Особенность мяса заключается въ томъ, что оно имѣетъ въ себѣ бѣлки и жиры, углеводовъ же въ немъ полный нуль. Эта пища не полная. Въ ней много бѣлковъ, но для правильнаго питанія, человѣку нужно немного бѣлковъ.

Особенность же растительной пищи состоитъ въ томъ, что она, напротивъ, очень богата углеводами, имѣя въ то же время и бѣлки и жиры. Растительные бѣлокъ и жиръ даютъ организму то же самое, что дается и бѣлкомъ мяса. Вотъ прекрасная иллюстрація: русскіе и китайцы питаются исключительно растительнымъ бѣлкомъ и это исключительно здоровыя и сильныя расы.

Мясная пища переваривается желудкомъ, растительная кишечникомъ.

Мясная пища лежитъ въ желудкѣ часа 3—$3^1/_2$ и тутъ же почти вся разсасывается. За это время желудокъ пустѣетъ и вновь является чувство голода. Мясоѣды, напримѣръ, должны ѣсть что нибудь каждые 3 —$4^1/_2$ часа.

Растительная пища остается въ желудкѣ недолго и уже черезъ часъ переходитъ въ кишечникъ, гдѣ медленно разсасывается въ теченіе 6—7 часовъ. Питательные соки она на-

---

[1]) Вспоминается мнѣ одна иностранная повѣсть „Четверо" („четыре бѣса"). Здѣсь дѣйствуютъ четыре гимнаста удивительной ловкости и силы мускуловъ. Оказывается: главное условіе ихъ силы было воздержаніе, крайняя умѣренность, постъ. Когда же они измѣнили закону воздержанія, посту, укрѣпляющему силы, гимнасты разбились.

чинаетъ давать въ полномъ объемѣ лишь черезъ часъ послѣ ѣды, и даетъ постепенно весьма продолжительное время, что для работы обыкновенно и требуется. Вегетаріанцы поэтому рѣже могутъ ѣсть и ровнѣе работать, не теряя долго силъ.

Мясо посылаетъ въ кишечникъ очень мало остатковъ. Послѣдніе не даютъ достаточнаго раздраженія кишечнику, остаются въ немъ подолгу, образуя завалы, запоры и вызывая гнилостное броженіе—обычныя страданія питающихся мясомъ.

Растительная пища возбуждаетъ кишечникъ энергично и все пищевареніе идетъ при этомъ вполнѣ нормально. Такой умный врачъ и знатокъ дѣтскаго организма, какъ покойный докторъ А. А. Руссовъ, постоянно остерегалъ матерей противъ чрезмѣрнаго кормленія мясомъ: „кишечникъ, говорилъ онъ, прямо отмираетъ у петербургскихъ дѣтей. Работа дается только желудку, да и то ее стараются всячески ослабить, кишечнику же прямо не на чемъ работать, и къ зрѣлому возрасту онъ старчески вялъ и дряхлъ. Безполезныя толстыя кишки заполняютъ всю брюшную полость, а рабочія тонкія кишки—уже дѣйствительно тонки и неразвиты“.

Вообще о растительной (т. е. постной) пищѣ докторъ Гуро пишетъ вотъ что:

„Зерновые хлѣба мало возбуждаютъ, понемногу отдаютъ свои калоріи по мѣрѣ надобности въ нихъ, и благопріятно вліяютъ на мускульную работу, давая возможность производить ее наиболѣе экономно... Зерновые хлѣба проявляютъ въ общемъ свойство идеальнаго продукта для работающихъ мускулами: мало обременяютъ желудокъ и отличаются при минимальныхъ затратахъ организма высокой питательностью“.

Ашаръ и Пассо показали, что пищевой режимъ, богатый углеводами, а таковымъ является исключительно постный, растительный столъ, облегчаетъ выведеніе изъ крови хлоридовъ, очищая ее.

Можетъ ли человѣкъ долгое время питаться растительной пищей?

Конечно, да! Иное было бы „біологической ошибкой“. Если для каждаго червяка готовъ столъ, почему же его нѣтъ для человѣка? Кромѣ того, уже научно доказано, что въ зелени содержится рѣшительно все, что необходимо для человѣческаго организма. Корова всю жизнь питается только тра-

вой, даетъ ежедневно 10 литровъ молока, тянетъ плугъ, и въ концѣ концовъ, съѣдается. Въ теченіе долгаго времени въ ней жиръ, бѣлокъ (молоко), мускулы, сила и теплота образуются отъ питанія травой (сѣно). Неужели же стоящій выше всѣхъ животныхъ человѣкъ такъ несовершенно созданъ, что органическая жизнь его не можетъ поддерживаться растительной пищей?

Быть этого не можетъ.

Итакъ, предъ судомъ современной медицинской науки христіанскій постъ не только не вреденъ, не опасенъ, не нежелателенъ, но онъ еще имѣетъ громадныя преимущества предъ скоромнымъ столомъ.

Мы увѣрены, что пройдетъ еще немного времени, и старые предразсудки касательно древняго церковнаго обычая разсѣются въ современномъ обществѣ какъ дымъ, и всѣ увидятъ, всѣ признаютъ громадную пользу христіанскаго поста во всѣхъ отношеніяхъ: и въ смыслѣ питанія, и въ смыслѣ здоровья, и въ смыслѣ развитія, укрѣпленія и просвѣтлѣнія нашего духа.

* * *

Остался послѣдній видъ поста, т. е. когда Церковь дозволяетъ употреблять въ пищу даже рыбу.

Это самый слабый постъ. Тѣмъ не менѣе и онъ всегда встрѣчалъ ожесточенную оппозицію со стороны защитниковъ мясного питанія. Возраженія обыкновенно дѣлались такія, что и противъ такъ называемаго сухоядѣнія, т. е. болѣе строгаго поста, именно: „помимо мясного питанія нѣтъ никакой возможности удовлетворить потребностямъ организма въ питательныхъ веществахъ“.

Такъ говорили, такъ думали, сему учили. Теперь же оказывается, что данное возраженіе предъ лицомъ современной медицинской науки не выдерживаетъ критики. Теперь многіе видные ученые, доктора, профессора говорятъ, что рыбный столъ не только вполнѣ замѣняетъ собою мясной, но даже превосходитъ его.

Чтобы лучше видѣть это, мы приведемъ сравнительную таблицу питательности рыбьяго и животнаго мяса.

Въ этихъ таблицахъ сопоставлены различные сорта рыбы и мяса теплокровныхъ, близкіе другъ къ другу по своему химическому составу въ отношеніи азотистыхъ веществъ.

РЫБА	% азотист. вещест.	% жира	% воды	МЯСО	% азотист. вещест.	% жира	% воды
Щука	14,81	0,65	33,89	Свинина	14,54	37,34	47,40
Лосось	15,01	6,42	74,36	Гусь	15,91	35,46	43,73
Окунь	18,11	0,44	30,06	Баранина	18,11	5,77	75,99
Сельдь соленый .	18,90	16,89	46,23	Курица	18,65	5,38	73,14
Карпъ	21,86	1,09	76,97	Корова жирная . .	19,86	7,70	70,96
Треска соленая . .	27,07	0,36	50,54	Быкъ тощій	20,61	1,50	76,61
Треска сушеная . .	81,64	0,74	16,16	Быкъ жирный . . .	21,39	5,19	72,25
Рѣчной угорь . . .	—	28,4	57,4				

Настоящія таблицы составлены по даннымъ, приведеннымъ профессоромъ Мункомъ въ его статьѣ: „Питаніе массъ“.

См. Л. Эрато-Слуцкій: „Культъ жизни“ Кіевъ 1912 г. стр. 58.

Выше мы говорили, что рыбный столъ имѣетъ преимущество предъ мяснымъ. Теперь скажемъ—въ какомъ отношеніи.

Во-первыхъ, питаніе рыбой не влечетъ за собой того безчисленнаго множества вредныхъ послѣдствій, которое влечетъ за собой питаніе мясомъ теплокровныхъ.

Во-вторыхъ, рыбное мясо, — мясо водянистое, не возбуждающее, не столь концетрированное въ отношеніи азотистыхъ веществъ и потому не располагаетъ, какъ мясо теплокровныхъ животныхъ, къ алкоголю и другимъ наркотическимъ средствамъ.

Въ-третьихъ, рыбье мясо легче, чѣмъ всякое другое, допускаетъ опредѣленіе свѣжести его. Несвѣжая рыба, какъ въ сыромъ, такъ и въ приготовленномъ видѣ, всякимъ легче распознается, чѣмъ несвѣжее мясо.

Въ-четвертыхъ, рыбьимъ мясомъ питаются сотни милліоновъ людей, не знающихъ другого мяса и являющихся образцомъ силы, выносливости и долголѣтія. Таковы: китайцы, японцы, тибетцы, индусы и милліоны прибрежныхъ жителей всего земного шара.

Въ-пятыхъ, рыбье мясо болѣе удобоваримо, чѣмъ всякое другое.

Питательность пищевыхъ продуктовъ всегда находится въ зависимости отъ степени ихъ удобоваримости. Чѣмъ быстрѣе растворяются пищевые продукты въ пищеварительныхъ сокахъ и превращаются въ составныя части крови, тѣмъ удобоваримѣе они.

Вотъ таблица, показывающая сравнительную удобоваримость рыбы и мяса:

Время, необходимое для перевариванія: [1])

рыбы	2 час. 15 минутъ.
птицы	4 часа.
баранины . . .	
телятины . . .	

Въ-шестыхъ, принимая во вниманіе обиліе фосфора въ рыбѣ и, съ другой стороны, научное положеніе, что „безъ фосфора нѣтъ мыслей“ (Молешотъ), станетъ яснымъ одно благодѣтельное свойство рыбнаго питанія. „Рыба, по утвержденію

[1]) Платенъ. Т. 3-й стр. 1443.

тибетской медицины жудъ-ши, содѣйствуетъ укрѣпленію памяти и улучшенію зрѣнія". Это вполнѣ возможно. Дѣло въ томъ, что память, какъ зрѣніе, слухъ и др. чувства, представляютъ собой одно изъ психо-физическихъ свойствъ организма. Какъ таковыя, эти свойства находятся въ зависимости отъ прилива крови къ мозгу и отъ ея качества. Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что отъ истощенія на почвѣ недоѣданія, слабѣетъ также зрѣніе и память. „Болѣе обильный приливъ крови, говоритъ Нордау, побуждаетъ организмъ къ болѣе энергичной дѣятельности и послѣдній можетъ доставить сознанію требуемый образъ памяти, въ то время, какъ при слабомъ приливѣ крови и менѣе живой дѣятельности онъ не можетъ дать его".

Вотъ сколько соображеній приводится теперь въ защиту рыбнаго стола.

Мы увѣрены, что пройдетъ еще немного времени и они станутъ достояніемъ всѣхъ доселѣ возставшихъ противъ христіанскаго поста. Въ концѣ концовъ всѣ признаютъ, что рыбная пища не только не малопитательна, не только не уступаетъ мясу, но еще имѣетъ многія преимущества предъ нимъ.

Теперь же пріятно отмѣтить, что и третій видъ поста многіе ученые, доктора, врачи и профессора взяли подъ свою защиту.

Возраженій противъ него болѣе нѣтъ. И потому древнехристіанскій обычай можетъ торжественно отпраздновать свою побѣду.

* * *

Въ заключеніе мы хотимъ подѣлиться со своими читателями тѣми мыслями по вопросу о значеніи и пользѣ христіанскаго поста, какія были высказаны извѣстнымъ профессоромъ психіатромъ В. Ф. Чижомъ на страницахъ серьезнаго и симпатичнаго журнала: „Вопросы философіи и психологіи" [1]).

Эти мысли мало новаго дадутъ послѣ всего вышесказаннаго. Но онѣ интересны и важны для насъ въ томъ отношеніи, что профессоръ—психіатръ на примѣрѣ нашихъ пра-

---

[1]) Эти мысли разсѣяны по огромной статьѣ „Психологія нашихъ праведниковъ" (см. 1906 г. сентябрь—ноябрь). Въ данномъ очеркѣ мы только группируемъ ихъ во едино, въ стройное цѣлое.

ведниковъ доказываетъ всю спасительность христіанскаго поста не только въ области плоти, но и въ области духа.

„Всѣ наши праведники, писалъ профессоръ Чижъ, были большіе постники, самый строгій постъ былъ обязателенъ для подвижниковъ. Уже преподобный Несторъ указалъ на большое значеніе поста, и завѣтъ этого праведника свято исполнялся всѣми истинными монахами.

Мы имѣемъ свѣдѣнія о крайнемъ, поразительномъ постничествѣ нашихъ преподобныхъ. Во всѣхъ житіяхъ описывается, насколько строго исполнялся завѣтъ преподобнаго Нестора. Подвижники съ большимъ рвеніемъ постничали, даже голодали. Преподобный Дмитрій Прилуцкій вкушалъ одну просфору съ теплой водой даже въ тѣ дни, когда уставомъ разрѣшалась рыба и вино. Кириллъ Бѣлозерскій, когда былъ послушникомъ, просилъ у своего наставника — старца дозволенія вкушать пищу черезъ два или три дня. Но опытный наставникъ не далъ ему дозволенія на это, а сказалъ, чтобы раздѣлялъ онъ трапезу вмѣстѣ съ братіями каждый день, только не ѣлъ бы до сытости. Но такой подвигъ не удовлетворилъ преподобнаго и онъ удалился въ уединеніе. Павелъ Обнорскій пять дней въ недѣлѣ пребывалъ совсѣмъ безъ пищи и только въ субботу и въ воскресенье вкушалъ немного пищи и воды.

Трудно себѣ представить, какія мученія голода претерпѣвали праведники въ тотъ періодъ своего искуса, когда они жили въ полномъ уединеніи, въ глухомъ лѣсу, вдали отъ деревень, а мы знаемъ что очень многіе по нѣсколько лѣтъ проживали въ полномъ уединеніи.

Можно вполнѣ повѣрить слѣдующему разсказу про преподобнаго Александра Свирскаго. Преподобный семь лѣтъ подвизался въ тѣсной хижинѣ въ шести верстахъ отъ Свири. Здѣсь нашелъ его бояринъ Завалишинъ и подумалъ, что онъ видитъ привидѣніе. По усердной просьбѣ Завалишина, преподобный открылъ ему свою жизнь подъ условіемъ молчанія. „Семь лѣтъ живу я здѣсь, не видя никого. Ни разу не вкушалъ я хлѣба и довольствовался травою, иногда же приходилось мнѣ ѣсть одну сырую землю. Сильно страдалъ и желудкомъ, по временамъ валялся по землѣ, не въ силахъ будучи поднять головы; я совершалъ пѣніе свое, лежа на землѣ“.

Не понятно, чѣмъ собственно питались наши праведники въ началѣ своего искуса; когда узнавали о пребываніи въ уединенномъ мѣстѣ подвижника, конечно, добрые и благочестивые люди снабжали ихъ скудною пищею; но сподвижники искали именно вполнѣ уединенныхъ мѣстъ, вдали отъ селеній и дорогъ; непремѣнно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже лѣтъ отшельникъ жилъ въ полномъ уединеніи. Чѣмъ питались эти энтузіасты въ этотъ періодъ ихъ жизни, намъ неизвѣстно; лѣтомъ и осенью они могли ѣсть ягоды, орѣхи, дикіе плоды, грибы, лебеду, но что они ѣли зимою и весною? Можетъ быть они ѣли рыбу, но несомнѣнно лишь въ скоромные дни; можетъ быть, они дѣлали запасы, но гдѣ они могли сохранить сушеные ягоды и грибы, — при неумѣломъ приготовленіи запасы портятся. Необходимо допустить, что весною и зимою подвижники вкушали очень мало. Вѣроятно, были дни, когда они ничего не ѣли. Вѣроятно они ѣли и землю, какъ преподобный Александръ Свирскій.

Нельзя не замѣтить, что подвижники доказали собственнымъ опытомъ, что для поддержанія жизни достаточно самаго незначительнаго количества пищи, что самый строгій постъ и даже голоданіе переносятся безъ особаго вреда, не лишаютъ здороваго человѣка ни физической, ни психической бодрости. Напримѣръ, преподобный Серафимъ Саровскій, по собственнымъ словамъ, питался травою снить,[1]) или снитка, и чувствовалъ себя бодрымъ.

Мы должны преклоняться предъ силою воли, выдержкой этихъ избранниковъ. Поститься и голодать вполнѣ добровольно —это подвигъ, на который способны весьма немногіе.

Строгій постъ нашихъ праведниковъ заслуживаетъ особаго уваженія или, по крайней мѣрѣ, удивленія, потому что постоянное голоданіе, а иначе мы не можемъ опредѣлить такой постъ,—особенно тяжело въ нашемъ суровомъ климатѣ, требующемъ сравнительно большого количества пищи, въ виду относительно большой потери тепла организмомъ въ холодномъ воздухѣ. Если наши праведники ѣли столько же, сколько индійскіе факиры и мусульманскіе дервиши, то под-

---

[1]) Снитъ (Stegopodium podagravia)—многолѣтнее травянистое растеніе изъ семейства зонтичныхъ. Молодые листья идутъ какъ овощь во щи.

вигъ нашихъ святыхъ былъ неизмѣримо труднѣе, именно вслѣдствіе нашего климата.

Значеніе поста и въ физіологическомъ и въ психологическомъ отношеніяхъ громадно.

Даже теперь вопросъ о питаніи не вполнѣ выясненъ [1]); въ виду сложности этого вопроса, органичусь лишь указаніемъ, что въ настоящее время невропатологи, на основаніи чисто эмпирическихъ данныхъ, совѣтуютъ не ѣсть темнаго мяса и вообще поменьше употреблять мяса (см. Raffray. Les dèsèquilibrés du système nerveux. 1903 г.) Я самъ видѣлъ хорошее дѣйствіе полнаго устраненія мяса изъ пищи эпилептиковъ; не только припадки становились рѣже, но уменьшались раздражительность и злобность больныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что какъ количество, такъ и качество пищи имѣютъ громадное вліяніе на дѣятельность головного мозга, а слѣдовательно, на всю психическую жизнь; спокойное настроеніе, слабость эффектовъ, незлобивость, смиреніе, терпѣливость, созерцательность—все это въ значительной степени зависитъ отъ количества и качества пищи. То спокойствіе духа, незлобивость, которыми отличались наши праведники, врядъ ли возможны безъ строгаго поста.

Едва ли можно отрицать, что строгій постъ имѣетъ громадное воспитательное значеніе, какъ постоянное упражненіе воли, какъ постоянная борьба между отдаленной цѣлью и самымъ постояннымъ, самымъ сильнымъ чувствованіемъ. Это непрерывная и тяжелая борьба—выше силъ обыкновенныхъ людей; только немногіе избранники выдерживали эту борьбу. Подвижники находили высшее наслажденіе въ этой борьбѣ, въ постоянной побѣдѣ надъ сильнымъ желаніемъ, потому что такія побѣды „высшее счастье для сильнаго человѣка".

Строгій постъ имѣетъ громадное воспитательное значеніе, какъ проба характера, какъ самоиспытаніе. Человѣкъ, умѣвшій бороться съ голодомъ, одержавшій побѣду въ этой тяжелой борьбѣ, имѣетъ право вѣрить въ себя, надѣяться на свои силы. Человѣкъ, выдержавшій борьбу съ голодомъ и тѣмъ доказавшій свою силу воли, свою воздержанность, можетъ уже съ вѣрой въ свои силы стремиться къ той цѣли, которую онъ себѣ избралъ.

---

[1]) Статья писалась профессоромъ въ 1905 году. Съ того времени вопросъ о питаніи значительно подвинулся впередъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что долговѣчность нашихъ подвижниковъ можетъ служить аргументомъ въ пользу безубойнаго питанія. Несомнѣнно, что подвижники съ момента поступленія въ монастырь не ѣли мясной пищи. Однако они пользовались цвѣтущимъ здоровьемъ и доживали до глубокой старости. Также несомнѣнно, что всѣ наши подвижники были крайне умѣренны и неприхотливы въ пищѣ. И однако, несмотря на это, они пользовались хорошимъ здоровьемъ и были долговѣчны.

То уваженіе, съ которымъ наши благочестивые предки относились къ строгимъ постникамъ, указываетъ, что они понимали и трудность и глубокое нравственное значеніе этого подвига.

Наконецъ, профессоръ Чижъ указываетъ еще на практическую сторону поста.

Онъ пишетъ:

Строгій постъ былъ необходимъ для подвижника, потому что давалъ ему ту независимость, къ которой онъ стремился. Только умѣя ограничивать себя въ пищѣ, подвижникъ могъ порвать связи съ окружающей средой, только строгій постникъ не нуждался въ обществѣ. Ему не нужны были дѣловыя сношенія съ людьми, и онъ могъ жить всецѣло духовной жизнью. Безъ поста едва ли возможно половое воздержаніе, а человѣкъ, нуждающійся въ средствахъ къ жизни, обязанный содержать семью, конечно, не можетъ быть независимымъ, не можетъ избавиться отъ вліяній окружающей среды. Только праведники могли достигнуть дѣйствительной независимости, потому что сумѣли ограничитъ свои потребности до минимума. Они дѣйствительно могли быть выше окружающей среды, потому что нуждались въ самомъ маломъ количествѣ пищи и вообще средствъ къ жизни. Всѣ другіе способы достигнуть полной независимости, какъ извѣстно, не ведутъ къ цѣли и только праведники, соблюдавшіе строгій постъ, сумѣли отдалить себя отъ міра, не нуждались въ людяхъ, были дѣйствительно и вполнѣ свободны.

Таковы мысли профессора В. Ф. Чижа о пользѣ и значеніи христіанскихъ постовъ.

Чижъ—крупный ученый, авторитетный мыслитель, выдающійся психіатръ, опытный профессоръ. Вотъ почему его мнѣнію и его взглядамъ мы удѣлили нѣсколько страницъ.

* * *

Пора подвести итогъ всему вышесказанному.

Христіанскій постъ всѣхъ трехъ видовъ въ теченіе многихъ вѣковъ подвергался самому безпощадному обстрѣлу со стороны представителей медицинскихъ наукъ. Надъ нимъ смѣялись, надъ нимъ издѣвались. Его считали причиной многихъ человѣческихъ немощей, какъ-то: малокровія, частыхъ и сильныхъ головныхъ болей, истощенія, преждевременной смерти и т. д. И всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что постъ—это отжившій обычай, анахронизмъ, съ которымъ надо поскорѣе расчитаться.

Такъ думали раньше. Теперь, слава Богу, говорятъ совсѣмъ иначе. Теперь свѣтила медицинской науки не только не осуждаютъ, не критикуютъ затронутаго нами церковнаго обычая, но сами выступили на защиту его, считая постъ учрежденіемъ въ высшей степени полезнымъ для человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ.

Слава Богу!

Жаль только, что наука пришла къ данному выводу послѣ всѣхъ, даже послѣ простыхъ и необразованныхъ крестьянъ, которые давнымъ давно, по опыту своей вѣры, знали и говорили о благотворномъ значеніи христіанскаго поста и для тѣла и для души.

Правъ ли Бебель

въ своихъ сужденіяхъ о христіанствѣ?

Просматривая исторію существующихъ и прежде существовавшихъ религій и сравнивая ихъ съ христіанствомъ, нельзя не сдѣлать того въ высшей степени отраднаго для каждаго христіанина замѣчанія, что ни одна религія, ни одно ученіе, ни одна система, какія только когда либо существовали въ мірѣ, не смотрѣли такъ высоко, такъ идеально на женщину, какъ христіанство. И ни одно міровоззрѣніе, ни религіозное, ни философское, не принесло женщинѣ столько пользы, столько блага, ни одно изъ нихъ не имѣло для нея, для женщины, такой великой цѣны, такого огромнаго значенія, какъ христіанская религія.

Христіанство возвысило, облагородило женщину и подняло ея значеніе въ глазахъ всего культурнаго міра. Христіанство порвало рабскія цѣпи, лежавшія на женщинѣ въ теченіе долгихъ вѣковъ и тысячелѣтій, поставило ее наравнѣ съ мужчиною и утвердило принципъ равноправности. Ее, забитую, загнанную, лишенную всякихъ правъ и привиллегій, христіанство взяло подъ свое покровительство, оружило заботливымъ вниманіемъ, согрѣло, обрадовало и не только открыло ей земные храмы и обѣщало въ награду за ея благочестіе и праведность нескончаемое блаженство, но оно не выпускаетъ ее изъ вниманія даже и въ самомъ ея безславіи, съ готовностью простирая всегда къ ней свои благодатныя попеченія, обѣщая ей материнскую любовь и отеческое попеченіе.

Въ этомъ всѣ увѣрены, всѣ убѣждены, всѣ, кто только постигъ духъ христіанскаго ученія, кто усвоилъ его направленіе, кто понялъ его задачи, кто выяснилъ для себя его тенденцію и цѣль.

Но люди, враждебно настроенные къ христіанству, люди, отрицательно относящіеся къ нему, считающіе его тормазомъ прогресса и культуры, орудіемъ закрѣпощенія и неволи, синонимомъ косности и застоя, такіе люди не только не признаютъ за христіанствомъ этой великой, неоцѣнимой заслуги, но они

еще клевещутъ на христіанство, обвиняя его въ презрительномъ взглядѣ на женщину, въ отрицаніи ея гражданскихъ правъ, въ униженіи ея человѣческаго достоинства и въ ненависти къ ней.

Посмотримъ, насколько справедливы упреки, насколько вѣски аргументы и насколько основательны обвиненія, возводимыя на христіанскую религію въ отношеніи къ женщинамъ.

Во главѣ современныхъ борцовъ за такъ называемую „эмансипацію“ женщинъ безспорно самое видное и главное мѣсто занимаетъ вождь и апостолъ германскихъ соціалъ-демократовъ—Августъ Бебель[1]). Вотъ его-то воззрѣнія, по затронутому нами вопросу, согласно основному методологическому правилу—разсматривать важнѣйшія явленія въ ихъ крупныхъ типовыхъ обнаруженіяхъ—мы и подвергнемъ критическому анализу.

Въ своей книгѣ „Женщина и соціализмъ“, въ переводѣ появившейся и на русскомъ книжномъ рынкѣ, Бебель прежде всего упрекаетъ христіанство въ томъ, что оно чрезвычайно низко и обидно смотритъ на женщину и относится къ ней чрезвычайно грубо.

„Христіанство, пишетъ Бебель, проповѣдываетъ презрѣніе къ женщинѣ, такъ какъ оно видитъ въ ней виновницу всякаго зла“ [2]). „Оно содержитъ то же презрѣніе къ женщинѣ, какъ и всѣ религіи Востока“ [3]).

„Христіанство проповѣдуетъ ненависть къ плоти. Но эта ненависть есть не что иное, какъ ненависть къ женщинѣ, которая представляется соблазнительницей мужчины“ [4]).

„Женщина, согласно христіанскому ученію, нечистая, соблазнительница, внесшая въ міръ грѣхъ и погубившая мужчинъ“ [5]). „Посему въ заповѣдяхъ она упоминается на ряду съ прислугой и домашними животными; мужчинѣ предлагается не пожелать ни жены ближняго, ни слуги его, ни скота его, ни осла его, ни всего, что принадлежитъ ближнему. Женщина, такимъ образомъ, объектъ, кусокъ собственности“ [6]).

---

[1]) Статья была напечатана въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1909 г.
[2]) Изд. „Буревѣстникъ“. Одесса. Перев. съ 34 нѣм. изд. ред. Поссе стр. 63
[3]) Ibid. 64 стр.
[4]) Ibid. 64 стр.
[5]) Ibid. 65 стр.
[6]) Стр. 64.

Вотъ первый пунктъ обвиненій Бебеля.

Но такъ ли все это? Вѣрно ли и справедливо ли говоритъ Бебель, что христіанство низко смотритъ на женщину и пренебрежительно относится къ ней?

— Нѣтъ. Христіанство никогда такъ низко не смотрѣло на женщину и никогда не третировало ее презрительно. Спаситель, Апостолы, ученики Господа и всѣ св. Отцы и Учители Церкви никогда не учили міръ тому, что женщина нечиста, что ее слѣдуетъ унижать, ставить въ одинъ разрядъ съ рабами, со скотомъ и т. п.

Напротивъ, христіанство всегда благосклонно смотрѣло на женщину и лучшіе его представители и даже Самъ Основатель его всегда оказывали женщинѣ знаки вниманія, доброжелательства.

Вспомнимъ, напр., какъ относился нашъ Спаситель къ самарянкѣ, къ женщинѣ совершенно чуждой, не принадлежавшей къ Его племени. Сколько участія, сколько темплоты высказалъ Онъ въ бесѣдѣ съ нею. Но эта полная участія бесѣда Христа съ самарянкою не единственное свидѣтельство любвеобильныхъ и высокихъ отношеній Его къ женщинѣ, не первое и не послѣднее свидѣтельство того человѣколюбиваго и заботливаго вниманія, съ какими Онъ обращался къ ней. Изъ священной Исторіи Новаго Завѣта намъ вполнѣ извѣстно, что многія благочестивыя жены, прозванныя потомствомъ „мироносицами“, были чуть ли не постоянными спутницами Спасителя и по ревности, по усердію были такими же учениками, какъ и св. апостолы. Имена нѣкоторыхъ ученицъ, прославившихся особенною, чрезвычайною любовію къ евангельскому ученію *и особенною любовью и вниманіемъ со стороны Спасителя*, занесены на страницы священной лѣтописи и увѣковѣчены въ памяти всего христіанскаго міра. Таковы, напр. Марѳа и Марія, сестры Лазаря, Марія Магдалина и Марія Клеопова и мн. др. Благочестивыя жены не оставляли Спасителя даже и на пути Его къ Голгоѳѣ. Евангельское повѣствованіе сохранило для насъ тѣ дышащія любовью слова Его, которыми Онъ подъ тяжестью креста утѣшалъ своихъ вѣрныхъ послѣдовательницъ, провожавшихъ Его на вольныя страданія.

Подобно Спасителю и св. апостолы никогда не пренебрегали услугами и вниманіемъ благочестивыхъ женъ. Съ рав-

ною любовью и готовностію проповѣдывали они имъ, какъ и мужьямъ, не дѣлая никакого между ними различія, предлагали спасительныя истины вѣры, и дѣлали ихъ сонаслѣдницами обѣтованнаго блаженства точно также, какъ и мужей [1]).

Святая Церковь, вѣрная завѣтамъ своего Божественнаго Основателя и славныхъ проповѣдниковъ Его Божественнаго ученія, осталась вѣрною этому примѣру на протяженіи всего своего историческаго существованія. И въ ученіи и на практикѣ она твердо и неуклонно держалась спасительнаго ученія Христова, открывшаго женѣ свободный путь въ Царствіе небесное наравнѣ съ мужемъ, и избавлявшаго ее отъ того рабскаго гнета, которымъ отягощалъ ее прежде мужъ.

Помимо этихъ историческихъ справокъ можно привести еще прямыя свидѣтельства изъ св. Писанія въ пользу—только не униженія или ненависти, не презрѣнія къ женщинѣ, а любви, чести и уваженія къ ней.

„Мужіе, любите своя жены, говоритъ ап. Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ, якоже и Христосъ возлюби Церковь... Тако должны суть мужіе любити своя жены, яко своя тѣлеса“ [2]).

И въ посланіи къ Колоссаямъ: „Мужіе, любите жены ваши, и не будьте къ нимъ суровы“ [3]).

„Мужіе такожде, пишетъ ап. Петръ, вкупѣ живуще со своими женами по разуму, яко немощнѣйшу сосуду женскому воздающе честь, яко и снаслѣдницы благодатныя жизни, воеже не прекращатися молитвамъ вашимъ [4]).

И св. отцы тоже учили сему самому. „Хочешь ли, говоритъ одинъ изъ древнихъ церковныхъ учителей, чтобы жена повиновалась тебѣ?—Заботься о ней, какъ Христосъ о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, хотя бы нужно было тысячекратно быть разсѣченнымъ, или потерпѣть чтобы то ни было, не отказывайся“ [5]).

Если бы христіанство дѣйствительно проповѣдывало вра-

---

[1]) Ап. Іоаннъ даже посланіе пишетъ одной госпожѣ и называетъ ее „возлюбленной“ госпожей. 2 посл. 1 ст. 1 гл.

[2]) Еф. 5 гл. 25 с. и 28 ст.

[3]) Кол. 3 гл. 19 ст.

[4]) 1 Петр. 3 гл. 7 ст.

[5]) Св. Іоаннъ Зл. рус. пер. СПБ. 1905 г. т. XI стр. 167—168. Ср. Блаж. Ѳеофилакта. Migne Patrolog. gr. t. CXXIV col. 1116 и мн. др.

ждебныя чувства по отношенію къ женщинѣ, то ни апостолы, ни отцы Церкви никогда бы и ничего подобнаго не говорили, потому что тогда они стали бы въ явное противорѣчіе съ тѣмъ ученіемъ, которое они проповѣдывали. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предписывать любить того, кого слѣдуетъ ненавидѣть и презирать.

Затѣмъ, что христіанство такими же глазами смотритъ на женщину, какъ на мужчину и также относится къ ней, можно видѣть изъ того, что въ христіанскомъ культѣ почитаніе святыхъ подвижницъ и мученицъ стоитъ на такой же высотѣ, какъ и почитаніе св. мужей. Уже одно это должно обличить Бебеля и говоритъ за то, что христіанство не враждебно настроено по отношенію къ женщинѣ.

Что именно это такъ — въ доказательство этого можно привести еще одно соображеніе, не лишенное своей силы и убѣдительности. Именно—въ исторіи распространенія христіанства женщина играетъ особенно видную роль. Ея стараніе обращать въ христіанскую вѣру необыкновенное. Ея усилія и энергія, потраченныя на это дѣло, изумительны. Ея успѣхи и плоды работы въ этомъ направленіи колоссальны. Достаточно вспомнить равноап. кн. Ольгу и кн. Елену, просвѣтительницу Грузіи Нину, Берту, королеву Гента и Гезелу, королеву Венгріи, введшихъ христіанство въ своихъ странахъ, Клотильду, побудившую своего супруга Хлодвига, короля франковъ, къ принятію христіанства, и многихъ, многихъ другихъ, чтобы убѣдиться въ выше сказанномъ. Что-жѣ, спрашивается, влекло женщину къ христіанству? Что вливало въ нее силу и бодрость къ апостольской дѣятельности? Неужели-же желаніе пріобрѣсти возможно болѣе такихъ лицъ, которыя ненавидѣли бы, презирали ее, считали нечистой, объектомъ, предметомъ собственности? Неужели желаніе принять ту вѣру, которая пренебрежительно относилась къ ней и третировала ее на каждомъ шагу? Конечно нѣтъ. Можно съ увѣренностью сказать, что женщина потому такъ горячо всегда стояла за христіанство, потому такъ неустанно проповѣдывала его и такъ увлекалась имъ, что оно высоко, идеально смотрѣло на нее, признавало ея человѣческія права и человѣческое достоинство и несло ей освобожденіе отъ рабскихъ путъ. Въ противномъ случаѣ женщина никогда бы не вступила въ лоно христіанской

вѣры и тѣмъ болѣе никогда бы не сдѣлалась такой ревностной и энергичной проповѣдницей, какой мы обыкновенно видимъ ее на всемъ протяженіи христіанской исторіи.

Итакъ, христіанство проповѣдуетъ разумную любовь къ женщинѣ, смотритъ на нее идеально, цѣнитъ ее чрезвычайно высоко, и далеко, слишкомъ далеко отъ того, что хочетъ навязать ему Бебель.

Пойдемъ дальше.

Бебель упрекаетъ христіанство еще въ томъ, что оно заковало женщину въ рабскія цѣпи мужчины, обострило неравноправіе того и другого пола, мужчинъ поставило властвовать, а женщину обязало рабски во всемъ имъ повиноваться.

„Христіанство приказываетъ женщинѣ быть послушной слугой мужа и клясться передъ алтаремъ въ повиновеніи мужу“ [1]).

„Петръ съ особеннымъ удареніемъ восклицаетъ: „Жены, повинуйтеся вашимъ мужьямъ“. Павелъ пишетъ къ Ефессянамъ: „Мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви“, и къ Коринфянамъ: мужъ есть образъ и слава Божія, а жена есть слава мужа“. Изъ этого слѣдуетъ, что всякій глупый мужъ имѣетъ право считать себя лучше, чѣмъ самая превосходная женщина“ [2]).

„Ѳома Аквинскій 1227—1274 г. говоритъ: „Женщина — быстро выростающее плевело; она—печальный человѣкъ, тѣло котораго только потому быстрѣе достигаетъ полнаго развитія, что оно меньшей цѣнности и что природа меньше съ нимъ занимается. Женщины родятся, чтобы вѣчно ихъ держали подъ игомъ своего господина и учителя, такъ какъ ихъ природа во всѣхъ отношеніяхъ дала мужчинѣ преимущество и предназначила его для господства“ [3]).

„Это подчиненное положеніе женщины въ такъ называемомъ христіанскомъ мірѣ постепенно улучшилось не благодаря христіанству, а благодаря западной культурѣ, пріобрѣтенной въ борьбѣ противъ христіанскаго міровоззрѣнія“ [4]).

---

[1]) Стр. 64.
[2]) Стр. 65.
[3]) Стр. 65—66.
[4]) Стр. 66.

Это второе обвиненіе Бебеля еще болѣе лживо и тенденціозно, чѣмъ первое. Оно полно самыхъ грубыхъ ошибокъ и свидѣтельствуетъ объ абсолютномъ непониманіи Бебелемъ не только духа, но и буквы христіанской религіи.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ „повиновеніе“ и „боязнь“, о которыхъ говоритъ ап. Павелъ, можно понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ толкуетъ ихъ Бебель, т. е. въ смыслѣ требованія рабской покорности изъ страха предъ внѣшней силой. Такое пониманіе, не имѣющее для себя никакихъ основаній въ текстѣ, стояло бы въ явномъ противорѣчіи съ наставленіемъ того-же апостола мужьямъ—любить своихъ женъ и не быть суровыми въ отношеніи къ нимъ [1]). Лучше всего и правильнѣе понимать слово „повиновеніе“ и „боязнь“ въ смыслѣ проявленій любви. Слово φοβεῖσθαι (т. е. опасаться), употребленное въ подлинникѣ, комментаторами понимается въ смыслѣ „оказыванія почтенія, уваженія, послушанія“ (ср. Марк. VI, 20; Рим. XIII, 7). Заслуживаетъ вниманія „удачная глосса“, чтеніе этого мѣста въ одной изъ славянскихъ рукописей Румянцевскаго музея (№ 1698): „жена да любитъ своего мужа“ [2]). Слѣдовательно, христіанскій бракъ, нормальный строй христіанской семьи постольку, поскольку изображенъ онъ въ посланіи ап. Павла къ Ефессеямъ V, 22—33—допускаетъ лишь *свободное* и *добровольное* подчиненіе жены мужу, являющееся выраженіемъ преданной и самоотверженной любви. Нравственныя основы этого подчиненія выясняются для насъ еще и изъ другихъ мѣстъ, говорящихъ о семейномъ главенствѣ мужа (1 Кор. XI, 3, 8—9; Кол. III. 18; 1 Тим. II, 12—14). Что же касается ссылки Бебеля на мнѣніе одного изъ авторитетнѣйшихъ западныхъ богослововъ—Ѳомы Аквината, ссылавшагося на 22 ст. въ подтвержденіе мысли о подчиненіи женъ мужьямъ, какъ господамъ, то ее слѣдуетъ признать въ высшей степени неудачной. Потому что она оказывается однимъ изъ неудачныхъ и несовершенныхъ толкованій означеннаго мыслителя. Подобное толкованіе можно было бы признать возможнымъ и правильнымъ только въ томъ случаѣ, если бы въ греческомъ текстѣ стояло бы не τῷ κυρίῳ,

---

[1]) Колос. 3, 19 ст.

[2]) Проф. Богдашевскій. Послан. ап. Павла къ Ефес. Исагогико-экзегетическ. изслѣдованіе, стр. 644. Кіевъ. 1904.

α τοῖς κυρίοις [1]). Подобное толкованіе схоластическаго богослова никогда не было принимаемо въ Православной Церкви.

Въ опроверженіе второго обвиненія Бебеля можно сказать еще больше. Именно:—христіанство не только никогда не проповѣдывало своимъ послѣдователямъ о рабствѣ женщины, но оно впервые изъ всѣхъ моральныхъ, религіозныхъ и философскихъ ученій провозгласило міру принципъ равноправія мужчины и женщины. Эта идея есть принадлежность исключительно христіанской религіи. Въ самомъ дѣлѣ, откуда эти идеи о достоинствѣ женщины, какъ не изъ христіанства? Вѣдь внѣ христіанства мы нигдѣ ничего подобнаго не видимъ. Не находимъ этого даже у людей, стоящихъ на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры и въ высоко развитыхъ религіяхъ.

Постараемся доказать свое положеніе. Апостолъ Павелъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ посланій: „во Христѣ нѣтъ ни мужескаго пола, ни женскаго". Какой же смыслъ заключенъ въ этой идеѣ? Какая тенденція звучитъ въ этомъ апостольскомъ принципѣ? Что эти слова означаютъ?

— Они означаютъ устраненіе въ христіанскомъ обществѣ того великаго различія, на которомъ покоилась соціальная жизнь древняго міра. Однимъ словомъ, здѣсь заключена идея равноправности обоихъ половъ, идея, понимаемая не въ томъ смыслѣ, что женщина должна жить и дѣйствовать такъ же, какъ и мужчина, потому что тогда это противорѣчило бы всей исторіи нашей культуры, а въ томъ, что оба пола должны одинаково участвовать во всѣхъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе общества. Само собою понятно, что такъ смотрѣть на это можно только съ религіозной точки зрѣнія. Предъ Богомъ люди не имѣютъ никакихъ особыхъ преимуществъ. Предъ нимъ всѣ равны — и мужчины и женщины. Если Сынъ Божій принялъ образъ мужчины, то Божія Матерь была женщина. Въ совершенномъ царствѣ Божіемъ не будутъ ни жениться, ни замужъ выходить.

Такимъ образомъ, по смыслу христіанскаго ученія женщина не раба, не тѣневая фигура, какою являлась и теперь,

---

[1]) Богдаш. цит. соч. 627 стр.

пожалуй, по прежнему, является на востокѣ. Нѣтъ. Она стоитъ въ первомъ ряду, какъ помощница и сотрудница мужа во всѣхъ дѣлахъ. Этотъ принципъ равноправія мужчины и женщины проведенъ былъ уже и въ первые вѣка христіанства. Въ христіанской общинѣ женщинѣ, какъ намъ извѣстно изъ церковной исторіи, поручали даже нѣкоторыя церковныя должности. Вдовы и діаконисссы составляли должностные классы, какъ постоянный институтъ. Въ области же современной монастырской жизни равное достоинство мужчины и женщины установлено даже законодательнымъ путемъ.

Если же принципъ равноправія мужчины и женщины не окончательно проведенъ въ современномъ обществѣ, то въ этомъ виновато не христіанство, а то общество, которое далеко стояло, и продолжаетъ далеко стоять отъ христіанскихъ началъ жизни.

Такимъ образомъ, и во второмъ случаѣ обвиненіе Бебеля носитъ на себѣ характеръ не столько критики, основательнаго разбора, справедливаго упрека, сколько лжи, клеветы.

Намъ остается разсмотрѣть еще одно обвиненіе, какое Бебель возводитъ на христіанство.

Бебель обвиняетъ христіанство еще въ слѣдующемъ: „Такъ какъ женщина, согласно христіанскому ученію, нечистая, соблазнительница, внесшая въ міръ грѣхъ и погубившая мужчинъ, то, поэтому, апостолы и отцы Церкви смотрѣли (будто бы) на бракъ, на совмѣстную съ женщиною жизнь, только какъ на необходимое зло, какъ нынѣ смотрятъ на проституцію. Тертулліанъ восклицалъ: „женщина, ты должна постоянно ходить въ печали и лохмотьяхъ, съ глазами, полными слезъ раскаянія, чтобы заставить забыть, что ты погубила родъ человѣческій. Женщина, ты—врата адовы!“ И далѣе: „должно выбрать безбрачіе, хотя бы человѣческій родъ погибъ“. Іеронимъ говоритъ: „Бракъ — всегда грѣхъ; все, что можно сдѣлать, это простить его и освятить, поэтому его и сдѣлали церковнымъ таинствомъ“. Оригенъ заявляетъ: „Бракъ — нѣчто нечистое и нечестивое, средство сладострастія“, и чтобы противостоять искушенію, онъ кастрировалъ себя. Августинъ учитъ: „безбрачные будутъ блестѣть на небѣ, какъ свѣтлые звѣзды, а ихъ родители (произведшіе ихъ) уподобятся темнымъ звѣздамъ“. Евсевій и и Іеронимъ оба согласны, что изреченіе Библіи: „плодитесь и

множитесь" не соотвѣтствуетъ болѣе времени и не касается христіанъ" [1]).

„Вотъ почему, будто бы, и Іисусъ, принадлежавшій къ сектѣ, налагавшей строгій аскетизмъ и самокастрацію, на вопросъ учениковъ, хорошо ли жениться, сказалъ имъ: „не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано: ибо есть скопцы, которые изъ чрева материнскаго родились такъ; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ".

Кастрація, такимъ образомъ,—угодный Богу поступокъ, и отказъ отъ любви и брака—хорошее дѣло. Ап. Павелъ, котораго еще болѣе, чѣмъ Христа, можно назвать основателемъ христіанства, Павелъ, который именно наложилъ на это ученіе печать интернаціональнаго характера, и который освободилъ его отъ ограниченнаго еврейскаго сектантства, пишетъ къ Коринѳянамъ: „А о чемъ вы писали ко мнѣ, то хорошо человѣку не касаться женщины. Но во избѣжаніе блуда, каждый имѣй свою жену, и каждая имѣй своего мужа... Бракъ—низкое состояніе, жениться хорошо, не жениться — лучше. Поступайте по духу и вы не будете исполнять вожделѣній плоти, ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти. Но тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями[2]).

„Въ томъ же духѣ проповѣдывали будто бы апостолы и отцы Церкви, въ томъ же духѣ вліяла Церковь въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, создавая монастыри, вводя безбрачіе священниковъ; и понынѣ она дѣйствуетъ въ томъ же духѣ [3]).

Что же сказать объ этомъ третьемъ и послѣднемъ обвиненіи, какое возводитъ Бебеля на христіанство?

То же, что и относительно первыхъ двухъ. Т. е. то, что оно неразумно, голословно, полно лжи и самой наглой клеветы. Бебель совершенно не понимаетъ христіанскаго ученія.

Христіанство никогда не смотрѣло на бракъ, на супружескія сношенія какъ на зло. Напротивъ, христіанство со сво-

---

[1]) Бебель стр. 65.
[2]) Бебель стр. 64.
[3]) Бебель стр. 65.

ими одухотворенными нравственными принципами дало новую, твердую основу брачному институту, влило живую, бодрящую струю въ деморализованную жизнь человѣчества.

Въ этомъ легко убѣдиться, если припомнить, въ какомъ состояніи находились брачныя отношенія у языческихъ народовъ, особенно предъ пришествіемъ въ міръ Спасителя. Тогда языческій міръ представлялъ картину крайней распущенности нравовъ. Нравственные устои брака были расшатаны. Бракъ былъ низведенъ на степень служенія низкимъ, чувственнымъ вожделѣніямъ. „Апоѳеозъ плоти“ и чувственныхъ наслажденій составляли характерную особенность языческаго религіознаго культа. Брачное право было слишкомъ принижено, проникнуто грубо-чувственными, земными, эгоистическими интересами и побужденіями.

Христіанство все это осудило. Въ то же время оно привило къ сему еще особое, нравственно-религіозное содержаніе, укрѣпило спеціально-христіанскіе устои, которые и сдѣлали христіанскій бракъ учрежденіемъ непоколебимымъ, святымъ. Оно привнесло въ него, въ брачный институтъ, сверхъестественный элементъ, оказавшій глубокое вліяніе на правовую регламентацію брака.

„Апостолы смотрѣли на бракъ, и на брачныя отношенія супруговъ, какъ на проституцію, какъ на необходимое зло“, говоритъ Бебель.

Но это неправда. Это полнѣйшее непониманіе христіанскаго ученія. Въ книгѣ „Постановленій апостольскихъ“ читаемъ: „бракъ почтенъ и честенъ, и рожденіе дѣтей чисто; ибо въ добромъ нѣтъ ничего худого“ (кн. VI § 28 рус. пер. стр. 206—207). И въ другомъ мѣстѣ этой-же книги: „Законное совокупленіе мужа съ женою бываетъ по мысли Божіей, потому что Творецъ въ началѣ сотворилъ мужчину и женщину, благословилъ ихъ и сказалъ: „плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю“. Итакъ, если различіе половъ состоялось по волѣ Божіей для рожденія потомковъ, то слѣдуетъ, что и совокупленіе мужа съ женою согласно съ Его мыслію; Законнаго соединенія не охуждаемъ (кн. VI. § 27 рус. пер. стр. 205).

Въ 5 правилѣ св. Апостоловъ читаемъ: „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ да не изгонитъ жены своея подъ ви-

домъ благоговѣнія. Аще же изгонитъ, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго".

Итакъ, апостолы весьма одобрительно смотрѣли на брачный институтъ и вовсе не охуждали брачныхъ сожительствъ.

Бебель ссылается въ подтвержденіе своего положенія на ап. Павла. Но апостолъ Павелъ вовсе не говорилъ такихъ словъ, какія цитируетъ Бебель: „Бракъ — низкое состояніе". Такой фразы совсѣмъ нельзя встрѣтить на протяженіи всѣхъ его 14 посланій. Потому что апостолъ, подобно другимъ, чуждъ былъ гностически-манихейской вражды къ плоти и не полагалъ запрета на удовлетвореніе естественныхъ потребностей тѣлесной природы человѣка, научая все творить во славу Божію [1]). Къ числу этихъ потребностей онъ относилъ и ту, которая составляла физическую основу брака. Что это такъ, легко можно видѣть изъ его наставленія супругамъ: „не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ", [2]) и изъ замѣчанія о возможности спасенія для жены „черезъ чадородіе" [3]). Вообще, ап. Павелъ былъ далекъ отъ мысли бросить тѣнь осужденія на „нескверное" супружеское ложе. „Честна женитва во всѣхъ, и ложе нескверно" [4])—вотъ подлинныя его слова, наилучшимъ образомъ опровергающія Бебеля.

Ссылка Бебеля на Самого основателя христіанства тоже ложна. Спаситель никогда отрицательно не смотрѣлъ на бракъ, о чемъ прекрасно говорятъ слѣдующія Его слова, помѣщенныя въ той же главѣ [5]), какую цитируетъ и Бебель: „нѣсте ли чли, яко сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть; и рече: сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь: и прилѣпится къ женѣ своей и будетъ оба въ едину плоть. Якоже ктому нѣста два, но плоть едина: еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ" [6]). Этими словами Спаситель не только не отрицаетъ бракъ, но установляетъ его, придаетъ

---

[1]) 1 Коринѳ. X, 31.
[2]) 1 Коринѳ. VII, 5.
[3]) 1 Тимоѳ. II, 15.
[4]) Евр. XIII. 4.
[5]) Матѳ. XIX.
[6]) Мѳ. 19. 4, 5, 6 ст.

ему высшую, Божественную санкцію и говоритъ о немъ, какъ о явленіи вполнѣ нормальномъ, Богомъ установленномъ и освященномъ. Что Спаситель не осуждалъ брака, не смотрѣлъ на него какъ на необходимое зло, какъ на распущенность, видно еще изъ Его посѣщенія брачнаго пира въ Канѣ Галилейской. Можно съ безусловною достовѣрностью сказать, что если бы Спаситель смотрѣлъ на брачныя сношенія какъ на распущенность, а на самый бракъ какъ на зло, то Онъ никогда бы и ни подъ какимъ видомъ не пошелъ въ домъ брачнаго пира. Потому что тогда Онъ Своимъ присутствіемъ, Своимъ претвореніемъ воды въ вино санкціонировалъ бы это непотребство. Но этого мы ни въ коемъ случаѣ не только не можемъ сказать, но даже подумать.

„Отцы Церкви смотрятъ на бракъ какъ на зло, какъ на проституцію“, говоритъ еще Бебель.

Но этого нельзя сказать. Возьмемъ для образца хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ. Напр. св. Іоаннъ Златоустъ въ 12 бесѣдѣ на посланіе къ Колоссаямъ говоритъ слѣдующее: „Знаю, что многіе стыдятся того, о чемъ я говорю (а онъ выше говорилъ о брачномъ соединеніи), причиною тому неумѣренность и невоздержанность. Это дѣло унижено оттого, что браки совершаются у насъ такимъ образомъ, (т. е. съ играми, плясками и пьянствомъ) оттого, что ихъ портятъ, между тѣмъ какъ бракъ честенъ и ложе нескверно. Что за стыдъ—дѣло честное? Зачѣмъ краснѣть отъ того, что чисто? Это свойственно только еретикамъ, да тѣмъ, которые приводятъ (на брачный пиръ) распутныхъ женщинъ. Поэтому-то мнѣ и хочется очистить бракъ, возвести его на ту степень благородства, какая ему свойственна, и этимъ заградитъ уста еретиковъ. Осрамленъ даръ Божій, корень нашего бытія... стыдишься его (т. е. законнаго соединенія) и осуждаешь такимъ образомъ Бога, Который такъ устроилъ“ [1]).

Такъ высоко, свято и идеально смотрѣлъ на бракъ не одинъ Златоустъ. Такъ смотрѣли всѣ отцы. Напр., Отцы Гангрскаго собора, заботливо охраняя святость и достоинство супружескаго союза, запрещали расторгать его „подъ видомъ

---

[1]) Перев. СПБ. Дух. Ак. т. XI. кн. I стр. 465—466.

благочестія“ и 1-мъ своимъ правиломъ они подвергли анаѳемѣ тѣхъ, кто, по внушенію ложнаго аскетизма, гнушаясь бракомъ, утверждали, что не можетъ спастись жена, не чуждающаяся тѣлесной близости со своимъ мужемъ.

Такимъ образомъ, св. Отцы не только сами не смотрѣли унизительно на бракъ, но даже подвергали анаѳемѣ тѣхъ, кто гнушался бракомъ, т. е. тѣхъ, которые унижали его.

Не смотрѣли на бракъ, какъ на зло, и тѣ Отцы, которые цитированы Бебелемъ.

О бл. Іеронимѣ Бебель говоритъ, что ему будто бы принадлежатъ слѣдующія слова: „Бракъ— всегда грѣхъ“. Но подобной фразы нельзя найти ни въ одномъ изъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ онъ трактуетъ или упоминаетъ о бракѣ. Не даромъ Бебель и цитаты не поставилъ. Напротивъ, въ твореніяхъ Іеронима мы часто находимъ такія мѣста, которыя прямо говорятъ въ пользу брака. „Не осуждаю я, пишетъ онъ въ письмѣ къ Паммахію, ни вторыхъ, ни третьихъ, ни даже, если можно такъ сказать, осьмыхъ браковъ“ [1]). Грѣхъ всегда строго осуждался бл. Іеронимомъ и если онъ не осуждаетъ брака, то, значитъ, онъ не смотрѣлъ на него, какъ на зло и сказать, что „бракъ—зло“, онъ, слѣдовательно, не могъ.

Блаженный Августинъ тоже не осуждалъ брака и не смотрѣлъ на него какъ на непотребство или зло вообще. „Бракъ есть благо“, говорилъ онъ [2]). „Я никакихъ браковъ (т. е. законныхъ) не смѣю осуждать [3]), писалъ онъ. Больше того, онъ отмѣчалъ присутствіе благодати, спеціально брачной, во взаимномъ и Церковью освященномъ сожительствѣ, которая какъ бы пріобщаетъ маленькую Церковь христіанской одухотворенной семьи къ общему тѣлу церкви Христовой и дѣлаетъ христіанскихъ супруговъ и ихъ дѣтей, „удами Христа“ [4]). Могъ ли онъ послѣ этого осуждать бракъ, низводить его въ одинъ разрядъ съ проституціей? Разумѣется, нѣтъ.

---

[1]) Письмо № 46. Рус. пер. т. 2-й. стр. 27.

[2]) De bono conjugali c. 23. § 29. Migne t. VI. c. 393.

[3]) De bono viduitatis c. 12. § 15. M. t. VI. c. 439.

[4]) De bono viduitatis c. 47. § 21. M. t. VI. c. 444: de nupt. et. conc. 1, 3 § 3. M. t. X. c. 415. de continentia 1. § 1. M. t. VI. c. 349.

Подобныхъ взглядовъ на брачную благодать держались и др. отцы Церкви, напр. Амвросій Медіоланскій [1]) и Климентъ Александрійскій [2]). Меѳодій же Патарскій былъ такого возвышеннаго взгляда на бракъ, что проводилъ сравненіе христіанскаго брака съ Боговоплощеніемъ Христа [3]).

Такимъ образомъ, почти всѣ св. Отцы [4]), изъ которыхъ только нѣкоторые поименованы нами, идеально, высоко смотрѣли на бракъ и никогда, никогда не осуждали его, не смотрѣли на него, какъ на непотребство и зло.

Бебель ссылался еще на Тертулліана и въ его уста вкладываетъ слова, совершенно инкриминирующія женщину. Правда, Тертулліанъ говорилъ то, что привелъ Бебель, но этихъ словъ не слѣдуетъ принимать въ расчетъ при рѣшеніи вопроса объ отношеніи христіанства къ женщинѣ. Не слѣдуетъ — потому, что они относятся ко времени увлеченія Тертелліана монтанизмомъ, слѣдовательно, къ тому періоду, когда онъ не былъ чистымъ христіаниномъ, и на его слова ни въ комъ случаѣ ссылаться не подобаетъ.

Что же касается Оригена, то онъ оскопился вовсе не потому, почему думаетъ Бебель. Истинная причина самокастраціи— это желаніе избѣжать скверныхъ подозрѣній со стороны, по поводу его частыхъ бесѣдъ съ женщинами [5]).

Кстати, о скопцахъ и о скопчествѣ вообще.

Бебель говоритъ, что по христіанскому ученію кастрація— угодный Богу поступокъ, и что будто бы Самъ Христосъ принадлежалъ къ этой изувѣрной сектѣ и проповѣдывалъ оскопленіе для полученія Царства Небеснаго.

Посмотримъ, насколько это основательно и справедливо.

Спаситель говорилъ своимъ ученикамъ:

„Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано;

„Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ;

---

[1]) О вдовицахъ гл. 13. § 79 рус. пер. стр. 104.

[2]) Клим. Алекс. Педагогъ. 3, 11 рус. переводъ 305 с.

[3]) Пиръ 10 дѣв. рѣчь 3, гл. 3. рус. пер. стр. 27.

[4]) Сводъ святоотеческихъ мнѣній по вопросу о бракѣ см. у проф. Л. Писарева: „Бракъ и дѣвство при свѣтѣ древне-христіанской святоотеческой письменности". Казань. 1904 г.

[5]) Самъ Оригенъ впослѣдствіи призналъ свой поступокъ дѣломъ ошибочнаго ревнованія своей юности. См. Homil. 15. in v. 12. c. 19. Matthaei et contra Celsum Lib. 7. Евсевій. Н. Е. 6, 8. Епифаній-haer. 64, 3.

„И есть скопцы, которые оскоплены отъ людей;
„И есть скопцы, которые сдѣлали себя скопцами для Царства Небеснаго.
„Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ!“
(Матѳ. 19 гл. 11—12 ст.).

Возраженіе Бебеля основано, повидимому, на предпослѣднемъ стихѣ: „и есть скопцы, которые сдѣлали себя скопцами для Царства Небеснаго“.

Что же это за скопцы?

Евреи временъ Христа Спасителя различали три вида скопцовъ: 1) „серисъ хамма“—„солнечный скопецъ:“ это были люди, отъ рожденія страдавшіе полнымъ и непоправимымъ мужскимъ безсиліемъ. 2) „Серисъ адамъ“—„скопецъ отъ (руки) людей“. Таковы были несчастные еврейскіе плѣнники сирійскихъ, ассирійскихъ и египетскихъ владыкъ. 3) „Серисъ биди шамаимъ“—„скопецъ волею небесъ“, т. е. скопецъ по несчастью. Что это за „скопцы по несчастью“—говоритъ Талмудъ. „Рабби Іосе сказалъ: былъ случай съ однимъ израильтяниномъ изъ Кефаръ-Менори. Онъ взошелъ на вершину камня и, поскользнувшись, упалъ, причемъ раздавились его ядра“... Сюда входятъ не только случаи механическаго поврежденія, какъ при паденіи на острый камень, но и случаи выбаливанія органовъ, напр. ракъ соотвѣтственныхъ частей. Словомъ, все, что свершается по „волѣ Божіей“, а не „отъ чрева матери“ и не „отъ человѣкъ“.

Къ такому заключенію приводятъ насъ и данныя чисто филологическаго свойства.

Самыя главныя слова спорнаго текста таковы: „διὰ τὴν Βασιλείαν τῶν οὐρανῶν“. Они то и невѣрно переведены на русскій языкъ. Предлогу διὰ было придано значеніе *цѣли*. Между тѣмъ греческій предлогъ διὰ, когда онъ употребляется съ винительнымъ падежемъ, какъ въ данномъ случаѣ, (διὰ τὴν Βασιλείαν), указываетъ не *цѣль*, а *обстоятельство причины*.

Въ общеупотребительномъ „Греко-русскомъ словарѣ“ проф. Вейсмана читаемъ: „διὰ, предлогъ, съ винительнымъ падежемъ, означаетъ причину: *черезъ, вслѣдствіе, по причинѣ, отъ*.

Въ такомъ значеніи употребляется онъ и въ другихъ мѣстахъ евангелія отъ Матѳея.

По „невѣрію вашему“=„διὰ τὴν ἀπιστίαν ὑμῶν“ 17 гл. 20 ст.

„По причинѣ умноженія беззаконія (διὰ το πληθυιθῆναί τὴν ἀυομιαν) во многихъ охладѣетъ любовь“. 24 гл. 12 ст.

При такомъ значеніи предлога διά, спорныя слова должны быть такъ переданы:

„И суть скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами... *вслѣдствіе* (*по причинѣ, отъ*)... Царства Небеснаго.

Термины *Царство Небесное* и *Царство Божіе* имѣютъ безусловно одинаковый смыслъ [1]), такъ какъ на языкѣ того времени постоянно говорили *Небо* вмѣсто *Богъ*, точно также, какъ употребляли и другія выраженія, чтобы избѣжать произнесенія Святого Имени. Напр. „я согрѣшилъ на Небо и предъ тобою“ (Лук. 15 гл. 18 ст.). Книжники обычно клялись „Небомъ“, говорили „Небесное Имя“ вмѣсто Божіе Имя“, „небесный страхъ“ вмѣсто „страхъ Божій“. Такимъ образомъ, въ выраженіи „Царство Небесное“ разумѣется не сфера, въ которой пребываетъ Богъ, не Престолъ Божій, а „Сидящій на немъ“. (Матѳ. 23 гл. 22 ст.).

Такъ говоритъ извѣстный проф. С. Трубецкой, авторъ капитальнаго изслѣдованія „ученіе о Логосѣ“, знатокъ еврейской литературы той именно эпохи, когда Іисусъ Христосъ произнесъ не поддающіяся нашей угадкѣ слова о скопчествѣ: „διὰ τὴν Βασιλείαν τῶν Οὐρανῶν“.

Если же выраженіе „*Царство Небесное*“ употреблялось взамѣнъ „*Царство Божіе*“ (чтобы не произносить Священнаго Имени), и самое слово „царство“ имѣетъ значеніе не пространственное, а—*волевое*, властительное, то и текстъ: „и суть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами... *по причинѣ, по обстоятельствамъ, отъ*... Царства Небеснаго“ прочтется такъ:

„И суть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами „*отъ воли Божіей*“, или „по причинѣ воли Божіей“, или „по обстоятельствамъ воли Божіей“, „по Божьей волѣ“.

Что же касается словъ: „могій вмѣстити—да вмѣститъ“-

---

[1]) Подробно см. у проф. Трубецкого: „Ученіе о Логосѣ“ т. 4-й. Собр. соч. М. 1906 г. стр. 403.

то они относятся не къ скопчеству, а къ рѣчи Христа Спасителя о разводѣ. Иначе, какъ это „вмѣщать", напр. „скопчество отъ чрева матери", или кто *захотѣлъ бы* „отъ людей" быть оскопленнымъ? („вмѣщать" указываетъ на идеалъ, на возможное и даже должное „хотѣніе").

Ясно, что „могій вмѣстити—да вмѣститъ" вовсе не относится къ исчисленію видовъ скопчества, каковое исчисленіе и описаніе сдѣлано все въ изъявительномъ наклоненіи, безъ малѣйшаго сообщенія ему *волевого, желательнаго* оттѣнка, а относится къ словамъ о разводѣ, гдѣ прямо выражено Спасителемъ желаніе („нельзя разводиться иначе, какъ по винѣ прелюбодѣянія"). На смущеніе учениковъ, что при такой новой и трудной обязанности мужа къ женѣ, лучше избѣгать брака, Христосъ сказалъ: „могій вмѣстити—да вмѣститъ". Т. е. „Моя воля, чтобы по иной причинѣ не разводились; и кто ее можетъ исполнить—да исполнитъ" [1]).

Такъ вотъ какъ надо объяснять соблазнительныя для скопцевъ и для Бебеля слова Христа Спасителя. Только это объясненіе наиболѣе правильное, точное, соотвѣтствующее и духу и буквѣ евангельскаго ученія.

Если же, подобно Бебелю, видѣть въ этихъ словахъ одобреніе Спасителемъ кастраціи, то удивительно и непонятно, какъ это книжники и фарисеи, ревнители старины, поклонники чадородія и лучшіе представители чадолюбиваго Израиля, не подняли невообразимой бури вслѣдствіе провозглашенія оскопленія главнымъ условіемъ дкя достиженія Царства Небеснаго, да еще Тѣмъ, Кто называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, „пришедшимъ исполнить волю Отца", „исполнить законъ, а не нарушить его".

Если бы что-нибудь подобное сказалъ Христосъ, то фарисеи ни въ какомъ случаѣ не преминули бы „уловить Его на словахъ". Когда же они промолчали, то ясное дѣло, что Христосъ училъ о скопчествѣ не въ духѣ Бебеля и нашихъ современныхъ изувѣровъ-сектантовъ.

---

[1]) Данное объясненіе принадлежитъ перу нашего извѣстнаго публициста В. В. Розанова, который впервые указалъ русскому обществу на „роковую филологическую ошибку". См. „Апокалипсическая секта". Спб. 1914 г. стр. 116–133.

Нельзя, наконецъ, согласиться и съ тѣмъ положеніемъ Бебеля, будто христіанство унижаетъ бракъ своимъ предпочтеніемъ дѣвства браку. Нѣтъ, этимъ путемъ оно только различаетъ естественныя и благодатныя дарованія христіанъ.

Кто только внимательно ознакомился съ святоотеческой литературой, тотъ видитъ, что и дѣвство и бракъ, въ міровоззрѣніи отцевъ, одинаково мыслятся, какъ средства врачеванія невоздержности. Но самый характеръ врачеваній въ томъ и другомъ случаѣ различный. Брачникъ, ведя борьбу съ вожделѣніями плоти, все же живетъ среди искушеній. Въ порывѣ нравственно-религіознаго подъема силъ и энергіи онъ только постепенно, медленно дѣйствующею благодатною силою, какъ бы вливаетъ въ свой нравственно-духовный и физическій организмъ тѣ живительныя силы, которыя дѣйствуютъ на него и на всю его жизнь одухотворяющимъ нравственно-преобразующимъ образомъ. Дѣвственникъ же наоборотъ: онъ сразу порываетъ всѣ свои счеты съ міромъ вожделѣній; покорный высшему призванію, онъ прямо и непосредственно становится внѣ условій жизни „дольнаго міра“, жертвуетъ даже радостями брака, приноситъ въ жертву Богу свое физическое цѣломудріе, чтобы тѣмъ самымъ безпрепятственнѣе и вѣрнѣе идти по пути своего нравственно-религіознаго усовершенствованія. Дѣвство, такимъ образомъ, по мысли отцевъ, это—какъ бы хирургическій способъ врачеванія человѣка отъ всѣхъ приражеій плотской жизни падшаго человѣчества. Бракъ же есть тоже „врачеваніе невоздержности“, но другимъ, такъ сказать, терапевтическимъ способомъ“ [1]).

Проф. Писаревъ даже нѣсколько полнѣе и обстоятельнѣе раскрываетъ мысль о тожествѣ съ нравственой точки зрѣнія брака и дѣвства. „По своей идеѣ, говоритъ онъ, христіанскій бракъ совершенно сходится съ дѣвствомъ: христіанство ставитъ своимъ идеаломъ возвращеніе человѣчества къ единству брачно-дѣвственнаго состоянія, которое было удѣломъ первобытно-райскаго состоянія человѣчества... Въ Дѣвѣ Маріи гармонически объединилось и дѣвство и материнство, какъ въ плотскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Она своей „матеро-

---

[1]) Прав. Собес. 1904 г.—февр. 196 и 200 стр.

дѣвственностью", какъ поется въ церковной пѣсни, возвратила весь человѣческій міръ къ идеалу первобытнаго—райскаго состоянія, когда и бракъ и дѣвство составляли полноту одного, общаго состоянія брачнодѣвственнаго" [1]).

Такъ возвышенно и вмѣстѣ съ тѣмъ величаво просто рѣшается на почвѣ „историческаго" христіанства вопросъ объ отношеніи христіанской религіи къ женщинѣ и браку. Но вожди современнаго намъ соціалъ-демократическаго движенія, не понимая высокихъ христіанскихъ требованій и историческаго прогресса христіанства, затемняютъ и путаютъ высокія христіанскія идеалы и клевещутъ на христіанскую религію до удивленія, до возмущенія.

[1]) Душепол. Чтеніе 1905 г. стр. 185—186. Пр. Соб. 1904, февр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе

1. Оскудѣніе вѣры . . . . . 1— 34
2. Воскресеніе Христово, какъ торжество вѣры, правды, смысла жизни, прогресса и безсмертія . . . . . 35— 61
3. Сомнѣнія въ Божествѣ І. Христа . . . . . 62— 92
4. Бѣсы и бѣсноватые . . . . . 93—128
5. Погребеніе или сожженіе? . . . . . 129—158
6. Тайна чудотворной силы св. иконъ . . . . . 159—183
7. Библія и наука по вопросу о происхожденіи міра и человѣка . . . . . 184—258
8. Дѣйствуетъ ли благодать Божія черезъ недостойныхъ пастырей? . . . . . 259—276
9. Христіанскій постъ и современная медицина . . . 277—311
10. Правъ ли Бебель въ своихъ сужденіяхъ о христіанствѣ? . . . . . 312—334

ЦЕНТРАЛЬНОГО
МУЗЕЯ

Библиотека ООН
Академии Наук СССР